

ВВЕДЕНИЕ

Что такое радиوشпионаж

На протяжении всей истории человечества различные государства яростно соперничали между собой. В борьбе за лидерство часто побеждал тот, кто заранее узнавал о намерениях конкурентов. И для этого издревле существовало проверенное средство – шпионаж.

Со вступлением человечества в эру электроники к традиционным шпионским методам добавились средства электронного шпионажа. К ним стали относить все комплексные технические приспособления для добывания секретной информации, главные компоненты которых основаны на принципах электроники. В условиях научно-технического прогресса «электронная чума», как нередко называют электронный шпионаж, поразила все страны мира. При этом основное место в нем по праву занял радиوشпионаж.

Методы радиوشпионажа включают в себя целенаправленные действия по перехвату сигналов, которыми обмениваются между собой люди или технические средства при помощи проводной и эфирной связи (радио, телеграф, телефон). Конечной целью такого перехвата является выяснение параметров этих систем связи (их местоположение, мощность и т.д.), а также информации, передаваемой по ним. Не оставляет без внимания радиوشпионаж и характеристики разнообразных радиотехнических устройств, например радиолокационных установок ПВО. Полученные данные могут быть затем использованы для подавления боеспособности войск ПВО при ведении боевых действий.

Но просто получить в свое распоряжение текст сообщения зачастую оказывается совершенно недостаточно для того, чтобы ознакомиться с его содержанием. Еще в незапамятные времена люди научились прятать смысл своих посланий с помощью шифрования. При этом само существование зашифрованного сообщения, как правило, не скрывалось: ведь чтобы его прочитать, необходимо было знать способ расшифрования. Поэтому к группе методов радиوشпионажа относится умение не только перехватывать (т. е. документировать и воспроизводить по возможности без искажений), но и дешифровать сообщения, то есть обходить защиту в виде шифров. Разновидностью радиوشпионажа считается и традиционный, агентурный шпионаж, если он ставит своей целью получение сведений, имеющих прямое отношение к ведению радиوشпионажа.

А так ли необходим радиوشпионаж современному государству? Ведь не одно тысячелетие люди прекрасно обходились без него, довольствуясь обычным, агентурным шпионажем, в котором первую скрипку играло не хитроумное бездушное устройство, а человек.

Да, обходились. Однако XX век убедительнейшим образом продемонстрировал, что информация, добытая с помощью методов радиوشпионажа, особенно в такие критические моменты истории, как мировые «горячие» и «холодные» войны, играла решающую роль. Высказывания выдающихся военных стратегов и политиков свидетельствуют о том, что данные радиوشпионажа всегда являлись

для них наиболее ценной частью стратегических и тактических сведений о противнике.

Бурное развитие технологии сделало роль радиوشпионажа в последние десятилетия XX века еще более весомой. Не случайно именно в этот период атрибутом великой державы вместе с наличием ядерного оружия и реализацией глобальных космических программ стали достижения в области радиوشпионажа.

Не умаляя значения оптических средств воздушного и космического шпионажа, следует отметить, что они имеют дело только со свершившимися событиями. С помощью фотосъемки можно лишь зафиксировать уже имеющееся в наличии или начатое размещение объектов военного и стратегического значения на земной поверхности. Радиوشпионаж же дает сведения, которые зачастую существуют пока в виде нереализованных планов. Тем самым он помогает не только регистрировать свершившееся, но и влиять на будущее.

Радиوشпионаж является не только более богатой информацией, но и более надежным видом шпионажа. Он может вестись непрерывно в любое время года и суток, в любую погоду и при этом быть практически недостижимым для противника. Конечно, можно попытаться создать ложные сети связи, по которым циркулирует искаженная информация. Однако при больших масштабах радиоигра будет неизбежно раскрыта.

Радиوشпионаж в состоянии охватывать большие расстояния и пространства, пределы которых определяются только особенностями распространения электромагнитных волн. Именно они в наше время являются основными переносчиками человеческих сообщений. Однако ограничить распространение радиосигналов только теми лицами, для передачи которым они предназначены, либо технически невозможно, либо нереально из-за непомерных расходов на изготовление необходимой аппаратуры.

И наконец, радиوشпионаж ведется скрытно. Часто трудно установить не только масштабы, но и сам факт имевшего место радиوشпионского проникновения. Если то или иное государство все-таки обнаруживает, что стало объектом радиوشпионажа, скандала, как в случае поимки шпиона, обычно не возникает. Радиوشпионаж чаще всего осуществляется без непосредственного контакта с объектом. Даже самые громкие дела о «чистом» радиوشпионаже, без примеси агентурного шпионажа, обходятся без полицейских облав и угроз упрятать подозрительных лиц за решетку. Действительно, трудно запугать или наказать целые страны, а то и группы государств-союзников за неблагородное занятие — подслушивание со своих суверенных территорий! Ведь нити управления крупномасштабной деятельностью в области радиوشпионажа всегда ведут в высокие сферы политики.

На первый взгляд может показаться, что радиوشпионаж является дешевым. Достаточно посадить рядового за приемник для перехвата зашифрованных сообщений, а офицера — за письменный стол для их дешифрования, и такой дуэт уже будет представлять собой зародыш полноценного подразделения радиوشпионажа. Однако способность добиваться максимально возможной отдачи от радиوشпионажа всегда была привилегией громадных организаций и богатых государств с развитой технологией. Бедные страны не могут себе позволить обзавестись дорогостоящими устройствами перехвата, а также содержать огромную армию квалифицированных специалистов.

У методов радиوشпионажа имеются, конечно, изъяны. Во-первых, причастные к его тайнам нередко преувеличивают свою информированность. Во-вторых, источник ценной информации можно очень просто потерять, достаточно противнику изменить способы зашифрования своих сообщений. А в-третьих, радиوشпионаж представляет собой пассивный метод сбора шпионских данных: если сети связи противника не приведены в действие, то любые, даже самые хитроумные технические средства слежения за ними совершенно бесполезны. Но недостатки радиوشпионажа несколько не умаляют его несомненных достоинств — глобальности, непрерывности, оперативности, надежности и скрытности.

О чем эта книга

Эта книга посвящена истории радиوشпионажа. Под шпионажем понимается всякая деятельность, осуществляемая гражданскими и военными ведомствами зарубежных стран с целью получения доступа к конфиденциальным данным, которые ее обладатель стремится сохранить в тайне. Деятельность же российских или советских спецслужб с аналогичными целями принято и прежде, и теперь называть разведывательной. При этом употребление слов, однокоренных с существительными «разведка» и «шпионаж», остается на совести у авторов цитируемых документов и высказываний. То же касается и названий зарубежных шпионских ведомств, в которых слово «разведывательный» стало неотъемлемой частью.

Основное внимание в книге уделено деятельности Агентства национальной безопасности (АНБ) Соединенных Штатов Америки, Центра правительственной связи (ЦПС) Англии и Комитета государственной безопасности Союза Советских Социалистических Республик как крупнейших правительственных организаций, занимавшихся добытием секретной информации из каналов связи. В меньшей степени оказалась затронутой в книге радио-шпионская сеть других стран.

За рамками работы осталась чисто техническая сторона радиوشпионажа — применявшиеся дешифровальные методы, средства вычислительной техники и т. п. Она скупо освещена в первоисточниках, которые использовались при написании этой книги, да и вряд ли интересна большинству читателей. Поэтому предметом рассмотрения в первую очередь стали действия, взаимоотношения и мотивы поведения людей, имеющих отношение к сфере радиوشпионажа. Ведь люди всегда остаются людьми. Они ходят, спят, едят и делают еще многое другое, в том числе и за пределами строго охраняемых территорий, на которых расположены радиوشпионские ведомства. Бесследно для окружающих это происходить не может. Компьютеры же и аппаратура перехвата молчат о своих достоинствах и недостатках, они не могут сбежать к противнику по идейным соображениям или из страха быть разоблаченными в неблагоприятных поступках.

История радиوشпионажа преподносится в книге в контексте мировой истории и предполагает знание ее читателем. Поэтому все события, выходящие за рамки летописи радиوشпионажа, получают расширенное толкование только в том случае, если это совершенно необходимо для уяснения его истории.

«Кто знает секреты, тот о них не говорит, кто о них говорит, тот их не знает», — гласит восточная мудрость. Результаты научных исследований, ведущихся в целях создания средств радиوشпионажа, технология их

изготовления, направление и статьи ассигнований на ведение радиошпионажа, объемы действительных расходов на него вместе с содержанием конкретных радиошпионских методов сбора секретной информации держатся в глубокой тайне. Но время от времени в печати, на радио и телевидении на поверхность всплывают факты, указывающие на то, что творится за ширмой респектабельности и завесой слов о высокой ответственности спецслужб радиошпионажа перед обществом. Книги, радиопрограммы и телепередачи, основанные на таких фактах, создаются обычно, как привыкли выражаться эксперты в области шпионажа, «методом мозаики», или, говоря проще, «с миру по нитке». Поэтому внимательного читателя не должно смущать обилие источников, использованных при написании этой книги, и количество собранного в ней фактического материала. Это многочисленные печатные труды, вышедшие на Западе и у нас в последние четыре десятилетия XX века. Не обойденной вниманием оказалась зарубежная и отечественная периодическая печать. В то же время ни одна строка этой книги не содержит даже крупницы сведений, полученных от сотрудников радиошпионских спецслужб частным образом, минуя средства массовой информации, или на основании собственного опыта.

Кто есть кто в радиошпионаже

Эта книга содержит четыре раздела, расположенные в алфавитном порядке их названий.

Первый раздел посвящен американскому радиошпионажу, зародившемуся еще в конце первой мировой войны, но окончательно организационно оформившемуся только в 1952 году — с рождением АНБ.

Во втором разделе прослеживается история радиошпионских спецслужб Англии. Ключевой в ней является борьба за получение доступа к секретной информации из каналов связи Германии во время второй мировой войны.

В «Докладе КГБ СССР об итогах оперативно-служебной деятельности в 1989 году» подчеркивалось важное значение, придаваемое этим ведомством «добыванию документальных секретных материалов руководящих органов капиталистических государств и их военнополитических блоков путем перехвата и дешифрования корреспонденции, проходящей по различным системам связи». Это положение доклада хорошо иллюстрируют и оценки зарубежных специалистов, в соответствии с которыми Советский Союз не только не уступал зарубежным странам в сфере радиошпионажа, но в некоторых областях и превосходил их. В третьем разделе собраны материалы о двух ведомствах советского государства, которые занимались деятельностью, связанной с радио-разведкой, — о военной разведке, до начала 40-х годов находившейся в ведении 4-го управления Генштаба Красной Армии, а затем перешедшей под контроль созданного на его базе Главного разведывательного управления (ГРУ), и об органах государственной безопасности, в разное время скрывавшихся за аббревиатурами ВЧК (1917–1922 гг.), ГПУ (1922–1923 гг.), ОГПУ (1923–1934 гг.), НКВД (1934–1941 гг.), НКГБ (1941–1946 гг.), МГБ (1946–1953 гг.), МВД (1953–1954 гг.) и КГБ (1954–1991 гг.).

В последний раздел попала занимательная, хотя и довольно краткая информация о событиях из истории спецслужб радиошпионажа еще 9 государств — Австрии, Германии, Израиля, Италии, Канады, Польши, Франции, Швеции и Японии.

Терминологический арсенал радиوشпионажа

У каждого рода занятий есть свой лексикон, позволяющий облегчить и упростить профессиональное общение. Словарь специалиста в области радиوشпионажа весьма непрост, поэтому предварительное знакомство с его терминами значительно облегчит читателю понимание изложенного на страницах этой книги.

Открытый текст — это информация, подлежащая засекречиванию перед передачей в виде сообщения по каналам связи. Открытый текст может быть прочитан без какой-либо предварительной обработки.

Радиوشпионаж имеет дело с перехваченными сообщениями, для засекречивания которых было применено шифрование. При шифровании содержание сообщения делается непонятным для посторонних с помощью различных методов преобразования открытого текста, называемых шифрами.

Шифры могут быть ручными или машинными, в зависимости от того, как — вручную или автоматически — осуществляется процесс шифрования. Устройство для автоматического шифрования сообщений носит название шифратора. Если шифратор поступает в свободную продажу наравне с бытовой электронной аппаратурой — телевизорами, стиральными машинами и видеомаягнитофонами, то его именуют коммерческим шифратором.

Существуют две основные разновидности шифров — перестановка и замена. При перестановке знаки открытого текста перемешиваются, нарушается нормальный порядок их следования. В случае замены знаки открытого текста замещаются другими знаками, цифрами или символами.

Системы замены значительно более распространены, чем системы перестановок. Они основываются на идее шифралфавита — перечня эквивалентов, используемых для преобразования открытого текста в шифрованный,

которое называется шифрованием или зашифрованием. Когда для зашифрования используется всего один шифр-алфавит, система называется одноалфавитной. Но когда применяются два или большее число шифралфавитов, система становится многоалфавитной.

Совокупность правил, полностью определяющих процесс зашифрования/расшифрования сообщений — подготовка открытого текста к шифрованию, собственно действия по выполнению преобразования открытого текста в шифрованный и обратно, способ передачи шифрованных сообщений адресату, — образует шифрсистему.

Среди методов шифрования заменой различают коды и шифры. Код состоит из тысяч слов, фраз, слогов и соответствующих им кодовых слов, которые заменяют эти элементы открытого текста. В шифрах же основной единицей преобразуемого текста является знак, иногда пара знаков.

Кодовые слова могут подлежать перестановке и замене так же, как и любая другая группа знаков. Это преобразование кодированного текста называется пере-шифровкой.

Во многих шифрах используется ключ. Он задает порядок следования знаков в шифралфавите, или способ их перемешивания в перестановке, или начальную установку состояния шифрмашины перед началом процесса зашифрования сообщения. Ключи являются частью шифрсистемы и определяют различные ее элементы.

То, что получается в результате шифрования открытого текста, носит название шифртекста. Окончательно подготовленное для отправки сообщение называется криптограммой. Криптограмма больше подчеркивает сам факт передачи и является аналогом слова «телеграмма», в то время как шифртекст указывает на результат зашифрования.

Расшифрование (дешифрование) обозначает процесс проведения обратных преобразований шифрованного текста сообщения для получения соответствующего ему открытого. Это может сделать как законный адресат сообщения, так и постороннее лицо. В первом случае про шифрованное сообщение говорят, что оно подвергается расшифрованию, а во втором речь ведут о его дешифровании.

Под криптоанализом шифрсистемы понимается ее аналитическое исследование, имеющее целью выработку формальных правил для получения доступа к содержанию зашифрованных сообщений без полного знания об этой шифрсистеме и о ее ключах. Специалиста в области криптоанализа принято именовать криптоаналитиком.

Успешное криптоаналитическое исследование шифр-системы называют ее вскрытием. А про шифрпереписку с использованием вскрытой шифрсистемы говорят, что ее можно читать.

Шифр, плохо поддающийся вскрытию, называется стойким. Следует помнить о том, что никакой шифр не является абсолютно стойким. Стойкость шифрующих алгоритмов определяется временем, которое требуется для их дешифрования. Хорошими считаются шифры, требующие годы, чтобы их вскрыть. За это время либо засекреченная с помощью шифра информация потеряет свою актуальность, либо стоимость дешифрования превысит стоимость самой информации.

Криптоанализ можно условно разделить на теоретический, когда правила анализа шифрсистемы на предмет ее вскрытия основываются на научном знании и формулируются исходя из того, что известно криптоаналитику об этой шифрсистеме, и прикладной, когда шифрсистема вместе с ключами к ней попросту воруются.

Криптография — это наука, охватывающая как составление шифров, так и криптоанализ. Термин «криптография» в широком смысле относится и к обеспечению безопасности передачи информации в каналах связи, и к извлечению из них этой информации в шпионских целях.

Обстоятельный рассказ об истории радиوشпионажа не может обойтись без упоминания методов шифрования, с которыми были иногда напрямую, а чаще косвенно связаны те или иные ее события. Желательно, чтобы читатель перед прочтением книги уже имел о них некоторое представление.

Желательно, но отнюдь не обязательно. Да и, кроме того, если начать изложение истории радиوشпионажа с длинных подробных рассуждений (а одним-двумя предложениями тут никак не обойтись) о том, как происходит

зашифрование секретной информации, то слишком велик риск смертельно утомить читателя, не имеющего серьезной математической подготовки. Поэтому описание методов шифрования в книгу не попало. Желающие углубить свои знания в области криптографии с целью лучше понять историю радиошпионажа могут обратиться к серьезным научным работам. Остальные наверняка сделают это позже благодаря интересу к криптоанализу, вызванному знакомством с историей радиошпионажа.

Девиз — занимательность!

Воспринимать приведенные в книге факты следует с большой осторожностью. Скудость серьезной, заслуживающей доверия литературы по истории радиошпионажа не дает возможности достоверно выяснить, как все происходило на самом деле, хотя бы путем сравнения информации об одном и том же событии из разных источников. Это и понятно: ведь радиошпионаж представляет собой тщательно скрывааемый от посторонних глаз и ушей род человеческой деятельности. Поэтому рассказ о наиболее солидных спецслужбах радиошпионажа надо рассматривать не более как попытку показать их деятельность.

До середины 80-х годов большая часть информации о функционировании как зарубежных ведомств радиошпионажа, так и собственных учреждений, занимавшихся радиоразведкой, была в Советском Союзе строго дозирована. Средства массовой информации пытались утвердить в обыденном сознании представление о методах защиты информации с помощью шифров как разновидности профессионального заболевания шпионов — шифромании, то есть стремлении все и вся зашифровывать. Достаточно вспомнить фрагмент одного сатирического монолога, который исполнялся в начале 90-х годов с эстрадных подмостков. В нем чудаковатый доктор имел привычку придумывать шифры для названий болезней. ИМ означало у него инфаркт миокарда, ЯБ — язвенную болезнь и т. д. Это пристрастие заставляло больных подозревать в докторе бывшего разведчика.

Уровень знаний о методах засекречивания информации, которые в России можно было почерпнуть в основном из популярных шпионских романов, лучше всего характеризует опыт одной американской фирмы, вздумавшей в начале 90-х годов организовать у нас продажу спец-техники для борьбы с промышленным шпионажем. По свидетельству ее работников, даже тех российских бизнесменов, которые осознавали необходимость оснащения своих офисов телефонными шифраторами, приходилось долго убеждать покупать шифрующие устройства парами для установки на обоих концах защищаемой от подслушивания телефонной линии. Клиентам из России было невдомек, что иначе купленная аппаратура будет просто ненужным хламом.

Повышению значимости криптографии в сознании широких масс отнюдь не способствовало и то, что вместе с верованиями племен тропической зоны Азии и Океании ее элементарные понятия составили основу так называемого метода кодирования. Этот метод был изобретен в начале 70-х годов для лечения алкоголизма и получил широкую известность 20 годами позже. Его автор считал себя и своих учеников способными генерировать биоэнергетическое поле, которое служило средой для распространения посылаемого ими кодированного сообщения, содержавшего запрет на

употребление спиртного. Такой запрет должен был действовать на уровне подсознания больного алкоголизмом и не мог быть нарушен, поскольку, будучи закодирован, не воспринимался его сознанием как запрет.

От целенаправленного формирования у обывателя пренебрежительного отношения к криптографической защите информации и использования ее теории шарлатанами для осовременивания практикуемых ими древних знахарских приемов недалеко было и до вывода о ненужности радиошпионажа и всего, что с ним связано. После такой «промывки мозгов» люди с готовностью верили в то, что все люди – братья и что не надо ничего скрывать от кого бы то ни было. Или что теперь президенты и премьер-министры следят за событиями по выпускам телевизионных новостей или узнают о них из срочных телеграфных сообщений, не испытывая необходимости дожидаться, пока расшифруют посольские донесения. Или, как это случилось в Иране, что сам Аллах – их лучший шпион. Началось все с того, что в 1981 году Саудовская Аравия купила в США невероятно дорогие самолеты системы АВАКС, оснащенные самой современной по тем временам радиошпионской аппаратурой. В Иране эту сделку официально осудили, но с каким-то завистливым подтекстом. Ах, мол, такие деньги! Ах, такая великолепная техника! А вскоре в одной из тегеранских газет появился пропагандистский опус следующего содержания: «Два мужественных исламских бойца преодолевают минированную местность, каждую секунду ожидая взрыва, но не страшась гибели. Внезапно откуда-то появляется корова, вихрем обгоняет самоотверженных воинов и взрывается на mine, которая лежала точно на их пути. Откуда могла взяться в этой пустынной местности корова? Ясно, что ее послал сам Аллах. Нам не нужны дорогостоящие хитроумные приборы, чтобы обнаруживать опасность. Аллах – наш АВАКС».

В отличие от России, в США сложилось более реалистичное представление о роли криптографии. На страницах американской прессы с давних пор стали традиционными занимательные головоломки, для своей разгадки требовавшие умения читать зашифрованные фразы. А установка в 1993 году в США памятника Неизвестному агенту в виде обычного медного листа, на который были нанесены в зашифрованном виде имена более тысячи знаменитых шпионов мира, имела своей целью не только увековечение памяти «солдат невидимого фронта». Этот памятник, по замыслу его создателей, должен был подчеркнуть, как важно для государства умение беречь свои секреты.

Познакомить россиян с историей радиошпионажа и выработать у них адекватное отношение к роли, которую в XX веке он стал играть в жизни любого государства, должна эта книга. Сделать это было непросто. Множество версий, которыми обросли реальные события, ставили авторов перед выбором – излагать каждую из них или предпочесть наиболее достоверную. Избрав девизом занимательность изложения, мы в каждом конкретном случае поступали по-разному.

Большую помощь в отборе, толковании и расположении материала нам оказали Г.В.Балакин, В.Н.Карпов и Р.Ф.Григорьев. И если бы не бесконечное терпение близких, которые долгое время вынуждены были мириться с нашей увлеченностью и кропотливой работой над книгой, наш труд никогда не был бы завершен.

Чтение ее поможет вдумчивому читателю прояснить картины событий прошлого или хотя бы вызовет сомнения в правильности и полноте его представлений о них.

Итак, разрешите представить: всемирная история радиошпионажа!

АМЕРИКАНЦЫ

Щелкни кобылу в нос — она махнет хвостом.

К.Прутков. «Сочинения»

ПРЕЛЮДИЯ

Рождение

4 ноября 1952 г. в 12.01 на свет появилось новое федеральное агентство Соединенных Штатов Америки. В отличие от других агентств, его рождение произошло в полной тишине. Свидетельство о рождении, то бишь директива, адресованная государственному секретарю и министру обороны, была подписана президентом США Г. Труменом. Она содержала распоряжение о создании учреждения, название которого чаще всего переводится на русский язык как Агентство национальной безопасности (АНБ), хотя иногда его называют и Национальным агентством безопасности (НАБ), и Управлением национальной безопасности (УНБ).

Имя для новоявленного агентства намеренно выбиралось так, чтобы по нему было невозможно составить близкое к истине суждение о его роли и месте в сфере обеспечения национальной безопасности Соединенных Штатов. Что же касается семистраничной директивы президента, то она с момента своего написания стала одним из наиболее секретных документов США. Лишь в 1957 году в справочник «Правительственные учреждения Соединенных Штатов Америки» впервые было включено краткое описание АНБ в очень расплывчатых формулировках. С тех пор это описание приобрело стереотипную форму из трех предложений.

В первых двух сообщалось о создании Агентства и его статусе: «Агентство национальной безопасности было создано согласно директиве президента в 1952 году. Оно входит в состав министерства обороны, и его деятельность направляется и контролируется министерством обороны». Третье предложение являлось образцом того, как, сказав что-то, можно не сказать ничего: «Агентство национальной безопасности осуществляет в высшей степени специализированные технические и координационные функции, связанные с национальной безопасностью».

И все-таки описание АНБ в той форме, которую оно приняло в 1957 году, было правильным, хотя и крайне неполным. Так, «технические» функции АНБ состояли в перехвате потока переписки и криптоанализе перехваченных

шифрсообщений всех государств, независимо от того, дружелюбно или враждебно они были настроены по отношению к Соединенным Штатам. «Координационные» функции включали в себя в основном обеспечение безопасности связи, то есть организацию, контроль и объединение усилий всех подразделений американской шифрслужбы с тем, чтобы достичь максимальной эффективности в применении шифрсистем, использовавшихся во всех трех видах вооруженных сил и в любых государственных учреждениях США, которым могла понадобиться секретная связь.

Что читают джентльмены

Закономерен вопрос: а что же было в США до появления на свет монстра радиошпионажа в лице АНБ? Немало, если учесть, что военно-морские силы США начали проявлять интерес к радиошпионажу с 1899 года, то есть с момента оснащения радиопередатчиком своего первого военного корабля. Правда, до вступления Соединенных Штатов в первую мировую войну этот интерес так и остался на любительском уровне.

АНБ ведет свое происхождение от нескольких спецслужб США, до начала 50-х годов XX в. профессионально занимавшихся вопросами, связанными с радиошпионажем. Естественно, что история возникновения АНБ сложна и пестрит названиями уже давно не существующих в Америке организаций и учреждений. Поэтому имеет смысл остановиться на ней по возможности кратко, чтобы не перегружать изложение ненужными деталями.

В 20-е годы дешифровальная работа в американских вооруженных силах была сконцентрирована в так называемом «Черном кабинете», организованном Гербертом Ярдли в 1917 году. «Черный кабинет», действовавший секретно в Нью-Йорке, финансировался военным министерством и государственным департаментом США.

Чтобы получить примерное представление о масштабах работы «Черного кабинета», достаточно привести единственный пример. За время существования «Черного кабинета» с 1917 по 1929 год им было дешифровано более 10 тыс. шифртелеграмм из переписки таких государств, как Аргентина, Бразилия, Ватикан, Германия, Китай, Коста-Рика, Куба, Либерия, Мексика, Никарагуа, Панама, Перу, Сальвадор и Советский Союз. Впечатляющие достижения!

Самым крупным успехом «Черного кабинета» было вскрытие японских дипломатических кодов. В 1921 году в ходе переговоров на Вашингтонской конференции по разоружению Соединенные Штаты стремились добиться согласия японцев на соотношение тоннажа американского и японского флотов десять к шести. Между тем японцы прибыли на эту конференцию с заранее объявленным намерением отстаивать соотношение десять к семи. В дипломатических переговорах, как и на любом торге, огромным преимуществом является осведомленность в том, на какие уступки готов идти партнер. Дешифрование «Черным Кабинетом» переписки японских дипломатов в Вашингтоне с Токио предоставило правительству США информацию, что в случае нажима со стороны американцев Япония готова была пойти на желательное соотношение. Необходимое давление было вскоре оказано без риска сорвать конференцию.

В 1929 году внешнеполитическое ведомство США возглавил Стимсон. Когда ему на стол попала одна из дешифрованных «Черным кабинетом» телеграмм, он

произнес историческую фразу: «Джентльмены не читают не, реписку друг друга» – и приказал «перекрыть кислород» американскому радиошпионажу – не выделять больше денег на функционирование «Черного кабинета».

Стимсон позднее пытался оправдать свое опрометчивое решение той атмосферой миролюбия, которая якобы царила тогда в мировом сообществе. После кровопролитной четырехлетней войны, мол, все хотели мира. Не было врагов, а были, с одной стороны, американский джентльмен Стимсон, а с другой – джентльмены из прочих стран, присланные в США в качестве послов или иных полномочных представителей. Фраза Стимсона стала крылатой, хотя иногда криптоаналитики забывали ее истинный смысл, состоящий в том, что джентльменам неприлично читать только переписку других джентльменов, а отнюдь не чужую переписку вообще.

Оставшийся не у дел Яртли ударился в беллетристику и написал два приключенческих романа – «Красное солнце Японии» и «Белокурой графиня». Кинокомпания «Метро Голдвин Мейер» сочла, что персонажи романов Яртли – прелестная светловолосая шпионка-графиня и герой, не просто красавец, но и еще к тому же способный криптоаналитик – очень подходят для создания кинотриллера. Для сценариста трудность заключалась в том, что главное действующее лицо вынуждено было проявлять свои незаурядные качества в такой скучной работе, как вскрытие шифров. В «Метро Голдвин Мейер» с успехом вышли из этого тяжелого положения, изменив сюжет «Белокурой графини», и упрямый кабинетный ученый в трудное для его страны военное время отправился сражаться в окопах за океаном. Фильм получил название «Рандеву». Американская газета «Нью-Йорк тайме» охарактеризовала его как «живую и занимательную мелодраму».

Денег, полученных Яртли за использование сюжетов его книг в кино, хватило ненадолго. В 1938 году оставшегося без средств бывшего главного криптоаналитика США нанял Чан Кайши. В Китае Яртли занимался дешифрованием криптограмм японской армии, оккупировавшей эту страну.

Из Китая в 1940 году Яртли отправился в Канаду, где организовал частное дешифровальное бюро. Оттуда он был выслан под давлением Стимсона, хотя канадцы очень неохотно расстались с ним. До своей смерти в 1958 году Яртли проработал административным служащим в продовольственном управлении США. За год до кончины Яртли вышла его книга «Обучение игре в покер».

Ручеек превращается в поток

После того как «Черный кабинет» прекратил свое существование, министерство обороны США решило консолидировать и усилить свою деятельность по ведению радиошпионажа. С этой целью в 1930 году в американской армии была создана своя собственная Армейская дешифровальная служба (АДС), на работу в которую кроме ее начальника были приняты три младших криптоаналитика и два клерка.

По мере усиления напряженности в американо-японских отношениях к концу 30-х годов от АДС требовалось добывать из японских линий связи все больше шпионской информации, которую еще в начале десятилетия в целях обеспечения безопасности и для облегчения ссылок глава военно-морского шпионажа США окрестил «Магией».

Надо сказать, что японцы отнюдь не пренебрегали криптографией. В 1934 году ВМС Японии закупили партию немецких коммерческих шифраторов. В том же году их стали использовать и в министерстве иностранных дел Японии, где на основе этого шифратора была создана самая секретная японская шифрсистема. Кроме нее в Стране восходящего солнца существовало и много других шифрсистем. Военное министерство, военно-морское министерство и МИД Японии для межведомственной переписки применяли код с перешифровкой. При этом каждое министерство обладало своим набором шифров. Например, в одном только японском МИД имелось целых четыре шифрсистемы, использовавшихся в зависимости от грифа секретности передаваемых сообщений. Помимо них там были задействованы и другие вспомогательные шифрсистемы.

Ручеек «Магии», зародившийся в начале 30-х, после 1940 года стал потоком, откуда американские военные черпали важные данные относительно военных и политических планов Японии. Заслуга в этом принадлежала не только японцам, широко оснастившим своих военных и дипломатов ненадежными шифрами, но и американцу генерал-майору Джозефу Моборну, назначенному в октябре 1937 года начальником войск связи министерства обороны США.

Моборн заинтересовался криптоанализом давно. В 1914 году, будучи юным старшим лейтенантом, он вскрыл английский военный шифр и написал 19-страничную брошюру, в которой описал примененную им технику вскрытия. Это была первая публикация по криптоанализу, допущенная к печати правительством США.

Став начальником войск связи, Моборн немедленно отдал приказ об усилении дешифровальной работы. Он реорганизовал АДС в независимый орган, непосредственно подчинявшийся лично ему, расширил сферу ее деятельности, увеличил бюджет и персонал, создал филиалы, явился инициатором заочных криптоаналитических курсов, модернизировал и усилил средства перехвата.

Моборн вышел в отставку в сентябре 1941 года. К этому времени АДС стала эффективной и сильной организацией. В ней работали около 200 офицеров, рядовых и гражданских лиц в Вашингтоне и еще полторы сотни — на станциях перехвата. У службы была своя школа, в которой обучались криптографии офицеры и резервисты. В состав службы входили также радиошпионская рота, обслуживавшая станции перехвата, и четыре подразделения в столице — административное, криптоаналитическое, шифровальное и стеганографическое [1] .

Тайна комнаты № 1649

Еще в 20-е годы в комнате под № 1649 здания министерства ВМС США в Вашингтоне криптоаналитики вели работы по вскрытию простейших дипломатических и военно-морских шифров Японии. Среди личного состава дешифровальной службы ВМС, получившей наименование ОР-20-G, уже тогда было около 50 офицеров, владевших японским языком после обучения на трехгодичных языковых курсах. Поэтому требование усилить работу против Японии отнюдь не застало их врасплох.

В официальной структуре ВМС наименование ОР-20-G обозначало секцию «G» 20-го отдела штаба военно-морских сил. 20-й отдел занимался организацией военно-морской связи, а его секция «G» называлась секцией «обеспечения

безопасности связи». Таким названием маскировалась криптоаналитическая направленность деятельности секции «G».

Первоочередной задачей как ОР-20-G, так и АДС было получение доступа к криптограммам других государств. А в мирной Америке это было не так-то легко сделать.

В 1912 году многие страны, в том числе и США, подписали так называемый «Акт о радиокommunikациях».

В соответствии с ним «ни один человек, работающий на передающей сообщения станции или знакомый с ее работой, не может раскрыть содержание сообщений, передаваемых этой станцией, кому бы то ни было, за исключением лиц, которым сообщение адресовано, или персоналу станции, которая служит передаточным звеном на пути к адресату или суду и другим компетентным государственным учреждениям».

В истории американского радиошпионажа между двумя мировыми войнами отмечен случай, когда военные криптоаналитики получили перехват официально, по решению «компетентного государственного учреждения», конгресса США. В 1924 году открыла свое представительство в Нью-Йорке советская торговая миссия Амторг. Она действовала в тот период, когда у СССР не существовало дипломатических отношений с США, и поэтому фактически выполняла функции и торгового представительства, и посольства. В американском конгрессе считали, что по совместительству Амторг осуществлял и руководство разведывательной работой СССР в США. Переписка Амторга с Москвой, конечно же, зашифровывалась, и применявшаяся шифрсистема надежно скрывала от посторонних содержание этой переписки. В конце 20-х годов было решено добыть документальное подтверждение подозрениям конгресса с помощью радиошпионажа. В 1930 году Фиш, председатель комитета, занимавшегося расследованием коммунистической деятельности в США при американском конгрессе, под предлогом получения более полной информации об этой деятельности изъял из архива около трех тысяч шифртелеграмм Амторга. Дешифровальщики ВМС США, которым он их передал, сообщили, что шифр, использовавшийся Амторгом, весьма сложный и для его вскрытия их собственных знаний недостаточно. Тогда Фиш отдал шифртелеграммы в военное министерство. Через два года он жаловался на заседании конгресса: «Ни один специалист за период от 6 до 12 месяцев не смог прочитать ни слова из этих криптограмм, хотя они заверили меня, что вскрыют этот шифр».

Кроме «Акта о радиокommunikациях» в США с 1934 года действовал еще раздел закона о федеральных средствах связи, который запрещал подслушивание телефонных разговоров и перехват переписки между иностранными государствами и их дипломатическими представительствами в Америке. Генерал Крейг, начальник штаба сухопутных войск США с 1937 по 1939 год, требовал от своих подчиненных неукоснительного выполнения этого закона, что сильно затрудняло организацию перехвата японских дипломатических телеграмм, поступавших в Соединенные Штаты или покидавших их территорию. Но острая необходимость обеспечения безопасности страны перед лицом растущей японской угрозы изменила отношение к этой проблеме. К тому же в 1939 году Крейга сменил Маршалл, который считал закон о федеральных средствах связи простым юридическим казусом. В результате дешифровальные службы США начали быстро развивать свою программу организации перехвата дипломатической переписки других стран.

Чрезвычайная секретность, с которой эта программа воплощалась в жизнь, помогла американским дешифровальным службам избежать разоблачения.

Главным объектом перехвата стала радиопереписка, так как телеграфные компании США, прекрасно осведомленные о юридических ограничениях, как правило, отказывались предоставлять иностранные телеграммы американским дешифровальщикам. Вследствие этого подавляющее большинство перехваченных сообщений составляли радиogramмы. Остальные представляли собой телеграфные послания и их фотокопии, которые были присланы из некоторых компаний, давших свое согласие на сотрудничество. Однако, несмотря на трудности, американская служба перехвата работала очень эффективно и «теряла» сравнительно мало сообщений. Например, из более 200 японских радиogramм, посланных из Вашингтона в Токио и из Токио в Вашингтон во время американо-японских переговоров в 1941 году, не были перехвачены только 4. Вскоре поток криптограмм захлестнул OP-20-G и АДС: небольшой штат дешифровальщиков не мог справиться с таким обилием перехвата. Имелись два пути преодоления возникших трудностей.

Первый путь – сократить дублирование работы. Первоначально обе дешифровальные службы работали над чтением всех японских дипломатических шифртелеграмм. Но примерно за год до нападения японцев на американскую военно-морскую базу на острове Перл-Харбор было решено, что зашифрованные послания, приходившие в Вашингтон из столицы Японии по нечетным дням месяца, будут читаться военно-морскими дешифровальщиками, по четным – армейскими. Каждая служба получала все криптограммы от своих станций перехвата, а затем сортировала их, оставляя себе положенную часть.

Второй путь – сосредоточить усилия на важнейших направлениях. Но как определить, какие шифртелеграммы являлись важнейшими, пока они не были прочитаны? Очень просто. Все сообщения не могли быть зашифрованы с помощью одной системы, так как очень большой объем переписки дал бы возможность вражеским криптоаналитикам быстро вскрыть такую шифрсистему. Поэтому в большинстве стран (Япония не была исключением из этого правила) одновременно использовалось несколько шифрсистем. Наиболее стойкие из них применялись для зашифрования самых важных сообщений. Американские дешифровальщики делили все японские шифрсистемы на четыре вида в соответствии с трудностью их вскрытия. Перехваченные шифрсообщения читались в порядке принадлежности к одному из этих четырех видов.

«Оранжевые», «красные», «пурпурные»

До 1938 года наиболее секретные дипломатические сообщения Японии шифровались с помощью системы, которая у криптоаналитиков США получила название «оранжевой»: так в официальных документах, военных планах и в личной переписке высокопоставленных офицеров условно именовалась Япония. По мере появления более совершенных шифрсистем, которые использовались для засекречивания самых важных посланий японского МИД, им присваивались условные наименования цветов все более густых оттенков: сначала пришла очередь красного, а затем – пурпурного.

Успехи работы над «красной» и другими менее стойкими шифрсистемами позволили американцам изучить наиболее часто употреблявшиеся выражения и стиль японской дипломатической переписки. Они могли заранее предположить, какие слова будут использованы при составлении сообщений. Начальные и конечные фразы телеграмм, такие как «имею честь сообщить Вашему

превосходительству» или «на Вашу телеграмму», являлись главными зацепками. Газетные статьи давали дополнительную информацию о возможном содержании перехваченных японских криптограмм.

Министерство иностранных дел Японии часто посылало один и тот же текст телеграфом в несколько своих посольств, не все из которых имели «пурпурную» машину. Японский шифровальщик мог по оплошности зашифрованную на «пурпурной» машине телеграмму отослать в посольство, еще не оснащенное этим шифроборудовани-ем. Естественно, что из посольства следовал запрос на повторную передачу шифртелеграммы. Спohватившись, шифровальщик исправлял допущенную ошибку. Он снова посылал ту же телеграмму, зашифровав ее с помощью шифрсистемы старого образца, имевшейся в распоряжении этого посольства и уже вскрытой американцами. Наличие одновременно и открытого, и соответствующего ему шифрованного текста значительно облегчало американским криптоаналитикам работу над вскрытием «пурпурного» шифра.

В результате к августу 1940 года специалисты из АДС полностью реконструировали «пурпурную» шифрмашину и изготовили несколько ее копий. Первую они оставили у себя, вторую отправили коллегам из ВМС, третью переправили англичанам, а четвертую использовали в качестве резервной. Сложилась парадоксальная ситуация: американцы стали читать наиболее важную шифрпере-писку японцев значительно быстрее и легче, чем некоторые их менее секретные шифрсообщения. Они также очень быстро научились вскрывать двухступенчатые шифрсистемы, в которых «пурпурная» машина выступала как средство перешифровки предварительно закодированных сообщений.

Головокружение от успехов

Специальное соглашение между начальниками шпионских служб сухопутных войск и флота США определило круг лиц, которым должна была доставляться информация «Магии». Десять человек, перечисленные в списке ее адресатов, составляли элиту американского государственного аппарата того времени: президент, государственный секретарь, военный министр, военно-морской министр, начальник штаба сухопутных войск, начальник штаба ВМС, начальники оперативно-плановых управлений штабов сухопутных войск и ВМС. Практически же с содержанием дешифрованных японских телеграмм знакомились и многие другие лица – начальники управлений связи штаба сухопутных войск и ВМС, в чьем ведении находились военные дешифровальные службы, сами дешифровальщики и переводчики из этих служб, а также посторонние, не включенные в список адресатов и не участвовавшие в получении информации. Курьер, доставлявший высокопоставленным чиновникам дешифрованные телеграммы, конечно же, не мог стоять все время за их спиной, пока они знакомились с открытыми текстами шифртелеграмм. В госдепартаменте портфель с телеграммами «Магии» вообще оставлялся на ночь. Результаты недостаточного соблюдения мер безопасности не заставили себя долго ждать.

Сначала в госдепартаменте был утерян меморандум с информацией, полученной из «Магии». Затем в корзине для мусора военного адъютанта президента случайно нашли другой «магический» меморандум. В Бостоне агенты ФБР

задержали человека, пытавшегося продать криптоаналитическую информацию, которая имела отношение к «Магии».

Непоправимое чуть не случилось весной 1941 года. Осима, японский посол в Германии, 3 мая передал в Токио сообщение о том, что госдепартамент США владеет ключом к японской шифрсистеме. Его сотрудники дешифруют телеграммы из Токио послу Номура в Вашингтоне относительно донесений в Токио посла Осима из Берлина. Информация была получена Осима из министерства иностранных дел Германии, а туда ее телеграфировал советник германского посольства в Вашингтоне.

На последовавший из Токио запрос Номура ответил: несмотря на то что «самые строгие меры предосторожности предприняты всеми держателями шифров, США вскрыли некоторые наши шифры, хотя точно и неизвестно, какие именно». Смена шифров казалась неизбежной.

Однако самолюбие не позволило японцам признаться в уязвимости самых стойких шифров: они не поверили слухам об их вскрытии американцами. Шифрсистемы не были заменены. И если японцев эти события мало чему научили, то американцы, чуть не лишившись ценнейшего источника информации, приняли действенные меры по ограничению круга людей, имевших право знакомиться с дешифрованной перепиской японцев, и по контролю за ее перемещением среди высших лиц госаппарата США.

Но головную боль у американских военных криптоаналитиков вызывало не только пренебрежительное отношение руководства страны к сохранению тайны вокруг ценнейшего источника информации. Им приходилось еще и скрупулезно следить за своевременностью доведения содержания той или иной шифртелеграммы до сведения заинтересованного лица. Руководители дешифровальных служб всегда опасались возникновения такой ситуации, когда, предположим, начальник штаба сухопутных войск захотел бы обсудить сведения, полученные из «магического» источника, с начальником штаба ВМС, к которому они еще не поступили.

Не самурайское это дело — пыль с шифраторов вытирать

В то время как японское министерство иностранных дел прибегало к самым жестким мерам предосторожности, а американские криптоаналитики, изнуряя себя работой до нервных срывов, вскрывали «пурпурную» шифрсистему, в посольстве Японии в США сложилась презабавная ситуация: один из американских граждан спокойно сметал тряпкой пыль со столов, на которых стояли самые сложные машины, составлявшие предмет этой молчаливой борьбы. В конце 30-х годов, явно в ущерб собственной безопасности, японское посольство в Вашингтоне наняло на работу престарелого негра по имени Роберт, в обязанности которого входила уборка пыли со столов и сверхсекретной аппаратуры связи в шифркомнате. Посольские шифровальщики до некоторой степени все же учитывали правила безопасности и не разрешали уборщику одному находиться в комнате. Но японцы, видимо, серьезно не задумывались о возможности шпионажа со стороны Роберта. А американцы и не собирались внедрять в японское посольство своего агента. Ведь разоблачение шпиона означало бы неизбежную смену шифров, которые хоть и с трудом, но поддавались вскрытию.

Однако было бы неверно полагать, что Соединенные Штаты полностью пренебрегали возможностями прикладного криптоанализа, опасаясь свести на нет свои успехи в чтении иностранной шифрпереписки, достигнутые за счет теоретических исследований. Например, в Лиссабоне у японского атташе удалось изъять дубликаты телеграмм, для зашифрования которых использовался элементарный код. Эти дубликаты извлекли из корзины для мусора. Поскольку за операцией в Лиссабоне не последовало снижения уровня радиообмена с использованием этого кода, американцы решили, что пропажа документов осталась незамеченной.

К осени 1941 года потребность в «магических» телеграммах стала еще более остро ощущаться на самом высшем уровне руководства страной. Они превратились в жизненно важный фактор формирования государственной политики. Высшие должностные лица обсуждали эти телеграммы на своих совещаниях и принимали по ним меры. Так, решение создать командование вооруженными силами США на Дальнем Востоке возникло непосредственно под влиянием дешифрованных в начале 1941 года телеграмм, в которых Германия побуждала Японию напасть на английские колониальные владения в Азии, надеясь таким образом втянуть в войну США.

В час дня начнется война

Сразу после полуночи 7 декабря 1941 г. чуткое ухо радиостанции ВМС США на острове Бейнбридж, что неподалеку от американского города Сиэтл, уловило сигналы в эфире. По дипломатической линии радиосвязи Токио — Вашингтон передавалось сообщение. Нго передача заняла 9 минут, и адресовано оно было японскому посольству.

На радиостанции текст перехваченного сообщения набили на перфоленту, набрали номер телетайпно-телеграфной станции в Вашингтоне и, когда связь была установлена, запустили подготовленную перфоленту в механический считыватель, пропустивший ее через себя со скоростью 60 слов в минуту. Затем это сообщение появилось на буквопечатающем аппарате в комнате № 1649 здания министерства ВМС.

Буквопечатающий аппарат стоял у стола дежурного офицера OP-20-G, младшего лейтенанта Фрэнсиса Бразерхуда. На этом аппарате обычно воспроизводились и затем размножались тексты приходивших сообщений. По особым отметкам на перехваченной криптограмме (они ставились для сведения японских шифровальщиков) дежурный сразу определил, что сообщение было зашифровано с помощью самой секретной и стойкой «пурпурной» системы.

За полтора года до описываемых событий АДС успешно завершила работу по вскрытию «пурпурного» шифра, построив несколько «пурпурных» машин. Одна такая машина стояла в комнате № 1649 здания военно-морского министерства. К ней и отправился дежурный с перехваченным японским сообщением.

Бразерхуд установил на машине вскрытый американцами ключ, который японцы использовали для зашифрования своих сообщений, посылавшихся ими в эфир в этот роковой день 7 декабря, и набрал на ее клавиатуре текст перехваченной на острове Бейнбридж криптограммы. Электрические импульсы побежали по проводам, проделывая в обратном порядке сложный процесс зашифрования. Вскоре перед дежурным офицером лежал открытый текст криптограммы на японском языке. В подсекции перевода секции «G», условно

именовавшейся OP-20-GZ, в этот поздний час никого не было. Поэтому, поставив на сообщении штамп особой срочности, Бразерхуд лично вручил его представителю АДС – ее переводчики дежурили круглые сутки. Было ровно 5 утра по вашигтонскому времени.

В АДС перевели с японского: «Послу следует вручить наш ответ правительству США (если возможно – государственному секретарю) в 01.00 7 декабря по вашему времени». Упомянувшийся в этом сообщении «ответ» передавался японцами из Токио в Вашингтон в течение предыдущих 18 с половиной часов, и Бразерхуд только что закончил его дешифрование на «пурпурной» машине. «Ответ» был на английском языке, и его последнее предложение гласило: «Японское правительство должно с сожалением уведомить американское правительство, что, ввиду позиции, занятой последним, правительство Японии не может не считать, что никакой возможности достигнуть соглашения путем продолжения переговоров не имеется».

В 7.30 утра на работу прибыл специалист в области японского языка капитан-лейтенант Элвин Крамер, возглавлявший OP-20-GZ и отправлявший заинтересованным адресатам в США дешифрованные сообщения. Увидев, что получено самое важное – окончание длинной японской дипломатической ноты, и отредактировав ее текст, он приказал отпечатать еще 14 экземпляров, 2 из которых подшивались в дело, а остальные рассылались.

В 9.30 утра Крамер выехал в Белый дом с последней частью японской ноты к адмиралу Старку, главнокомандующему ВМС, и министру ВМС Ноксу. У Нокса на 10.00 этого воскресного утра была назначена встреча в здании госдепартамента с государственным секретарем Хэллом и военным министром Стимсоном. Они должны были обсудить критический характер американо-японских переговоров, которые, как им стало известно из привезенной Крамером дешифрованной японской ноты, зашли в тупик. Но ни Старку с Ноксом, ни Хэллу со Стимсоном пока не было известно, когда японцы заявят об этом официально.

Знание момента, когда японская сторона собиралась объявить о прекращении переговоров, было чрезвычайно важно: 3 ноября АДС дешифровала сообщение из Токио, которое предписывало японским дипломатическим и консульским представительствам в Вашингтоне, Гонконге, Гонолулу, Лондоне, Маниле и Сингапуре приступить к уничтожению шифров. При прекращении переговоров в обычных условиях кодовые книги сжигать было необязательно. Дипломаты могли отправиться домой и забрать свои шифры вместе с личными вещами. При этом консульские отношения, как правило, не прерывались, консулы оставались на своих местах вместе с пожитками и шифрами. При наличии же приказа об уничтожении шифров посольствами и консульствами отказ от переговоров мог означать только одно – начало войны в самое ближайшее время.

Кстати, приказ об уничтожении шифров после нападения на Перл-Харбор был успешно выполнен японцами везде, за исключением консульства в Гонолулу. Там американские полицейские из охраны японского консульства заметили дым, выходивший из-под дверей, и почувствовали запах горящих бумаг. Испугавшись пожара, они ворвались в помещение консульства и застали его сотрудника за уничтожением документов в ванне. Полисмены конфисковали

подшивку телеграмм и пять мешков разорванных на клочки документов. Эти трофеи в тот же день были переданы по назначению.

Крамер вернулся на свое рабочее место в 10.20. Пока он отсутствовал, был получен перевод короткого сообщения о времени вручения ноты — в час дня, в воскресенье. Через десять минут Крамер был снова в пути.

На вершине бдительности и совершенства

За час до того, как сонные шифровальщики в японском посольстве расшифровали перехваченную американцами полуночную шифртелеграмму из Токио, а японские самолеты с ревом стали подниматься со взлетных палуб авианосцев для нанесения удара по американским войскам, Крамер мчался по пустынным улицам Вашингтона, прижимая к себе портфель с важнейшей информацией о намерениях японцев, которая могла существенным образом повлиять на весь ход второй мировой войны. А в это время его сограждане безмятежно нежились в постелях, не думая о войне, надеясь, что она минует их. Американские дешифровальные службы в тот день национального унижения достигли таких вершин бдительности и совершенства, какие оказались не по плечу ни одному из шпионских ведомств США.

Но почему же тогда не был предотвращен позор Перл-Харбора, где Соединенные Штаты из-за внезапности нападения теряли своих солдат и офицеров со скоростью тридцать жизней в минуту? Дело в том, что, хотя было перехвачено и прочтено множество шифртелеграмм, проливавших свет на интерес японцев к передвижениям боевых кораблей США в районе Перл-Харбора, все они изучались и оценивались компетентными лицами наравне с большим количеством других японских сообщений о движении американских кораблей во всех портах и по Панамскому каналу. И кроме того, японцы никогда не посылали сообщения, в котором говорилось бы что-нибудь похожее на «атакуем Перл-Харбор».

Как же развивались события после того, как телеграмма о вручении японской дипломатической ноты попала на стол начальнику штаба сухопутных войск США Маршаллу?

Приблизительно в 11.30 Маршалл прибыл в здание военного министерства. На его столе лежала подшивка телеграмм «Магии». Самой верхней среди них была японская дипломатическая нота, а под ней находилась телеграмма о времени вручения этой ноты. Маршалл начал внимательно изучать содержание ноты, перечитывать некоторые ее части по нескольку раз. Когда он дошел до последней «магической» телеграммы, она поразила его так же, как и Крамера. Маршалл тут же оценил истинное ее значение и составил текст предупреждения для регионального командования американскими вооруженными силами: «Сегодня в час дня по восточному стандартному времени японцы вручают нам что-то похожее на ультиматум. Им также приказано немедленно уничтожить все шифрмашин. Нам точно не известно, что нас ожидает в ближайшее время, но мы должны быть в состоянии готовности». А в это время в 600 километрах к северу от Гавайских островов первая волна японских самолетов с ревом взлетала с палуб авианосцев.

На столе Маршалла стоял телефонный аппарат, но он не очень доверял телефонной связи и больше полагался на медленный, но более надежный способ шифрования письменных сообщений. Зашифрование потребовало 3 минуты, на передачу ушло 8, а через 20 минут сообщение Маршалла попало в руки адресатов. Первая волна японских самолетов в этот момент была уже в 60 километрах от цели.

Клерки японского посольства в Вашингтоне, приступившие к работе около 10 утра, начали расшифровывать сначала длинные шифрсообщения, так как опыт подсказывал им, что они были самыми важными. Только к 11.30 японский шифровальщик к своему ужасу обнаружил приказ вручить еще до конца нерасшифрованную ноту в час дня. Чтобы полностью расшифровать текст ноты и перепечатать его набело на машинке, понадобилось еще полтора часа. К этому времени усилиями японской авиации Перл-Харбор успел превратиться в ад для американских военнослужащих. Надежды японских военных сократить до минимума время предупреждения американской стороны о начале военных действий осуществились в буквальном смысле уже в дыму нападения. Впоследствии вероломное нападение Японии на США без объявления войны было одним из основных обвинений, предъявленных японским военным преступникам.

Причин разгрома Перл-Харбора много, их расследованием занимались в разное время 8 официальных комис-

сии, в том числе и комиссия конгресса США, «труды» которой составили 45 томов. Их оценка случившегося была не совсем объективной: среди причин поражения не фигурировала стратегия военных кругов до вступления США во вторую мировую войну, когда они стремились направить японскую агрессию против Советского Союза. Но никто никогда даже и не пытался возложить ответственность за происшедшее на АДС или ОР-20-G. Комиссия американского конгресса, расследовавшая обстоятельства нападения на Перл-Харбор, справедливо решила, что эти службы «заслуживают наивысшей похвалы», и выразила их сотрудникам благодарность.

Австралия могла спать спокойно

Вскоре после нападения Японии на США ее военные планы в основном были выполнены. Она не собиралась вторгаться в пределы Соединенных Штатов, а скорее стремилась создать кольцо неприступных оборонительных укреплений вокруг захваченных территорий. Однако высшее японское командование, ослепленное достигнутыми успехами и страстно жаждавшее новых, решило продолжать наступление. Потери японских ВМС, которые по предварительным подсчетам должны были составить четверть личного состава и боевой техники, оказались ничтожно малыми. Сил для нового наступления оставалось более чем достаточно. Кроме того, японские военные стратеги утверждали, что защита захваченных территорий будет обеспечена лучше, если периметр обороны будет больше.

Поэтому японцы приступили к выполнению двух честолюбивых планов. Один из них предусматривал наступление десантных войск в южном направлении для создания угрозы Австралии. Второй был нацелен на Мидуэй, крошечный атолл в центре Тихого океана, который, как часовой, стоял на пути к Гавайским островам. Этот план состоял из двух частей. Первая включала захват атолла, имевшего стратегическое значение. Целью второй, более важной части было завлечь в ловушку и уничтожить оставшийся после разгрома Тихоокеанский флот США, который, несомненно, попытался бы защитить атолл Мидуэй.

Но Подразделение технического шпионажа (ГТГШ) США, размещенное в длинном, узком подвальном помещении административного здания на территории военно-морской базы на Перл-Харборе, сыграло роковую для Японии роль. Оно обслуживало Тихоокеанский флот. К началу войны ПТШ состояло из 30 офицеров и рядовых. В их задачу входило вскрытие японской военно-морской шифрсистемы, сокращенно именовавшейся ЯВ-25А. Это название было присвоено ей в ОР-20-Г. ЯВ-25А представляла собой неалфавитный код с перешифровкой. Разработкой этой самой распространенной и наиболее интенсивно использовавшейся в то время шифрсистемы японских ВМС уже одновременно занимались ОР-20-Г и группа английских криптоаналитиков в Сингапуре.

Тем временем японцы, не подозревавшие об этой бурной деятельности, начали проявлять смутное беспокойство по поводу слишком большого срока действия кода ЯВ-25А. Его новое издание, получившее название ЯВ-25В, планировалось ввести 1 апреля 1942 г. Однако трудности доставки кодовых книг кораблям, находившимся в движении, вынудили отложить замену кода до 1 мая.

Благодаря этой отсрочке к 17 апреля из перехваченной американцами военно-морской шифрпереписки Японии остались непрочитанными лишь отдельные части. Большие участки полученного открытого текста давали возможность понять суть японских планов наступления в направлении Австралии. Своевременно принятые командующим Тихоокеанским флотом США Нимитцем меры сорвали эти планы. Но остановка японцев на южном направлении не изменила их намерения достичь победы в войне против Америки.

Наступило 1 мая, а смены кода ЯВ-25А так и не произошло: в силу тех же причин, что и раньше, японцы вновь отложили ее на месяц — до 1 июня. По-видимому, они полагали, что их шифры не вскрыты и замена не обязательна. Если бы замена произошла 1 мая, как планировалось, то она лишила бы американских криптографов возможности читать японскую шифрпереписку по крайней мере на несколько недель, которым суждено было стать решающими.

Сражение выигрывают криптографы

20 мая 1942 г. главнокомандующий японским объединенным флотом адмирал Ямамото издал и разослал своим подчиненным оперативный приказ с подробным изложением тактических приемов, которые необходимо использовать при нападении на атолл Мидуэй. Приказ перехватили американские посты подслушивания. Длина криптограммы указывала на ее важность. Более недели американские дешифровальщики бились над десятой частью ее текста, никак не поддававшейся прочтению. Именно она содержала самую важную информацию — дату, время начала и место проведения военных операций. О них американские дешифровальщики могли только догадываться, опираясь в своих предположениях на косвенные данные.

Из-за гипотетического характера полученной информации беспокойство высшего военного руководства страны все возрастало: от точности

дешифрования приказа Ямамото зависели как будущий ход военной кампании на Тихом океане, так и само существование американского флота. Поэтому проверка догадок, касающихся самой важной части приказа Ямамото, была поручена другим шпионским службам ВМС США, а основное внимание дешифровальщиков ПТШ было обращено на прочтение остальных 9/10 зашифрованного текста этого приказа.

Начальник ПТШ капитан Джозеф Рошфор решил хитростью заставить японцев подтвердить или опровергнуть правильность догадок криптографов. Рошфор составил донесение, в котором гарнизон Мидуэя сообщал, что его установка по опреснению воды якобы вышла из строя. Донесение было передано открытым текстом. Два дня спустя среди вороха перехваченных японских сообщений появилось одно, в котором говорилось, что АФ испытывает нехватку пресной воды. Таким образом было раскрыто кодовое слово, применявшееся японцами для обозначения атолла Мидуэй. Оказавшаяся в распоряжении американцев информация о планировавшемся нападении на Мидуэй подтвердилась. Оставалось только выяснить, когда это произойдет.

27 мая 1942 г. штаб главнокомандующего Тихоокеанским флотом США Нимитца выдвинул предположение, что операция начнется 3 июня. Аргументация в пользу этой даты была убедительной, но она не была подтверждена криптоаналитиками. И вот — очередной успех ПТШ: поддался вскрытию шифр, с помощью которого были засекречены даты и время в тексте приказа Ямамото. Предположения Нимитца оказались верными. Последовавшая смена японского кода в июне 1942 года не повлияла на ход событий у атолла Мидуэй, поскольку все планы были уже составлены и японская военная операция начала разворачиваться. Впоследствии в своих воспоминаниях Нимитц писал: «Мидуэй был в основном победой радиошпионажа. Пытаясь нанести удар внезапно, японцы сами попали под внезапный удар». Маршалл был более конкретен: «Благодаря криптоанализу мы могли сконцентрировать наши ограниченные силы для отражения нападения японских военно-морских сил на Мидуэй, в противном случае мы были бы за тысячи и тысячи километров от нужного места».

«Броня» шифра против «кислоты» криптоанализа

Надо сказать, что японцы нередко облегчали работу американских дешифровальщиков своим беспечным отношением к безопасности связи. Вспомним хотя бы историю со сменой шифров весной 1942 года. Не была доведена до конца и попытка ВМС Японии найти для своих кодовых книг растворяющуюся в морской воде типографскую краску, чтобы при выбрасывании их за борт или потоплении судна печатный текст исчезал. Когда научно-техническая лаборатория сообщила, что она не может изготовить краску, которая полностью растворялась бы при попадании в морскую воду, но была бы стойкой против дождя, морских брызг и испарений, от этой разумной идеи отказались. А зря.

Ночью 29 января 1943 г. японская подводная лодка с грузом имела несчастье всплыть вблизи новозеландского противолодочного корабля «Киви». Заметив лодку, капитан «Киви» дал команду «полный вперед» для ее тарана, хотя та была в полтора раза больше «Киви» и обладала значительно большей огневой мощью. После четырех таранов лодка обратилась в бегство и через несколько

часов, потеряв управление, села на мель на северо-западном выступе острова Гуадалканал. Среди прочего груза японская подводная лодка везла двести кодовых книг. Экипаж закопал часть из них на побережье, занятом противником. Когда об этом стало известно японскому штабу, был отдан приказ бомбардировкой с воздуха и торпедированием с подводных лодок попытаться уничтожить эти документы. Однако американцы подоспели раньше и захватили кодовые книги, в числе которых были как действующие, так и резервные. А через несколько месяцев японцы поплатились за эту неудачу жизнью своего командующего флотом.

Весной этого памятного в истории радиوشпионажа года адмирал Ямамото решил совершить инспекционную поездку по военно-морским базам Японии в северной части Соломоновых островов. 59-летний Ямамото был выдающейся фигурой в японских ВМС. Именно он задумал удар по Перл-Харбору и хвастал, что будет диктовать условия мира американцам в Белом доме. Американские спецслужбы характеризовали его как исключительно способного, энергичного и сообразительного человека и считали, что любой его преемник был бы ниже Ямамото и по личным, и по деловым качествам. Смерть командующего, являвшегося самым одаренным стратегом противника, несомненно деморализовала бы его подчиненных, которые в силу японской традиции чтили своих командиров гораздо больше, чем американцы.

Обычно японские базы заранее предупреждались о визите командующего, чтобы там могли как следует подготовиться к инспекции. Поэтому 13 апреля 1943 г. маршрут поездки Ямамото, намеченной на 18 апреля, был передан частям и соединениям, которые тот намеревался посетить. Слишком большое разнообразие адресов, а также необходимость обеспечить безопасность главы ВМС Японии побудили японского связиста выбрать действовавшее издание кода ЯВ-25, наиболее распространенного и стойкого, чтобы закрыть эту информацию «броней» шифра.

К несчастью для японцев, «броневое покрытие» их линий связи оказалось «растворено» едкой «кислотой» американского криптоанализа. Усилиями военных криптоаналитиков, использовавших документы, добытые с японской подводной лодки, удалось прочитать шифрте-леграмму, содержащую данные о маршруте Ямамото.

Смертный приговор Ямамото был вынесен Нимитцем 17 апреля, запечатан и доставлен по назначению будущим палачам японского главнокомандующего — летчикам-истребителям ВВС США. Выгоды от успешной операции по устранению Ямамото перевесили опасения вызвать у японцев подозрения, что их шифры вскрыты, и лишиться возможности получать шпионскую информацию из японских каналов связи в будущем. 18 апреля приговор был приведен в исполнение. В воздушном пространстве над островом Бугенвиль в Тихом океане самолет с Ямамото на борту сбили американцы.

Как и предполагал Нимитц, смерть Ямамото потрясла всю страну. С большой pompой его обуглившееся тело было предано земле в одном из токийских парков. Смерть героя, который пользовался огромной популярностью, привела в уныние японских солдат, моряков и гражданское население.

Представители вооруженных сил США, следуя совету Нимитца, решительно отрицали, что им известны какие-либо подробности случившегося. Ходили слухи, что либо произошла банальная авиакатастрофа, либо Ямамото в порыве

отчаяния сделал себе харакири. Однако правда о происшедшем просачивалась во все более и более широкие круги американской общественности.

Опасность грозила изнутри

Третий из четырех параграфов, напечатанных на всех обложках секретных сводок «Магии», неизменно гласил: «Нельзя предпринимать никаких действий на основании сообщенной здесь информации, несмотря на временную выгоду, если такие действия могут привести к тому, что противник узнает о существовании источника».

Еще 7 июня 1942 г., когда битва у атолла Мидуэй была в полном разгаре, американская газета «Чикаго трибюн» поместила на своих страницах статью, в которой прямо говорилось о наличии в руках военно-морского министерства США информации об оперативных планах японского командования. Более того, в газетной статье подробно описывался состав и характеристики японских морских соединений, участвовавших в этой битве. В ходе последовавшего разбирательства ВМС США отказались от предъявления газете обвинения в разглашении государственной тайны только потому, что не хотели привлекать внимания японцев. Надежды оправдались: японцы так и не признались себе, что их шифрованные сообщения читались противником.

Не заметили японцы и выступления в конгрессе члена палаты представителей от штата Пенсильвания Холланда. Тот начал с критики «Чикаго трибюн» за злоупотребление свободой прессы. «Американские парни будут продолжать умирать из-за услуги, которая была оказана врагам этой газетой», — сказал Холланд. А затем пояснил для непонятливых, в чем именно состояла услуга: «Чикаго трибюн», мол, проболталась о том, что «каким-то образом ВМС США добыли секретный военно-морской код Японии».

Осенью 1944 года в котле американской национальной политики создалась взрывоопасная ситуация. Республиканская партия готовилась выставить кандидатуру Дьюи на пост президента. Одним из главных аргументов республиканцев в предвыборной кампании было обвинение правительства США в том, что его непростительная инертность позволила японцам осуществить успешное нападение на Перл-Харбор. Делались даже намеки на то, что президент Рузвельт, учитывая сильные настроения в американском обществе в пользу изоляционизма, умышленно вызвал нападение, чтобы втянуть Америку в войну. Для подтверждения обвинений распространялись сведения, что американцы вскрыли японские шифры еще до Перл-Харбора. Из этого республиканцы делали вывод, что дешифрованные криптограммы Японии предупреждали Рузвельта о грядущем нападении, но тот с преступной небрежностью ничего не предпринял, чтобы дать японцам достойный отпор. По мере того как предвыборная кампания набирала ход, в речах американских политиков разного ранга стали появляться прозрачные намеки на «Магию».

Обеспокоенный сложившейся ситуацией, начальник штаба сухопутных войск США Маршалл написал Дьюи письмо на трех страницах, указав в нем на чрезвычайную опасность разглашения «магической» информации. Во втором абзаце этого письма говорилось: «То, что я должен сообщить Вам ниже, представляет собой такой большой секрет, что я считаю себя обязанным попросить Вас либо принять письмо с условием, что Вы никому не сообщите его содержание и вернете его, либо прекратите дальнейшее чтение».

При чтении третьего абзаца в поле зрения Дьюи попало слово «криптография». Он тут же прекратил чтение, вернул письмо доставившему

его офицеру АДС Кларку и сказал, что «не может давать неблагоприятных обязательств».

Обсудив отказ Дьюи, Маршалл и Кларк решили попытать счастья еще раз. Они частично переделали письмо и позвонили кандидату в президенты. Тот согласился прочитать письмо только в присутствии своего советника. Дьюи хотел иметь подтверждение факта прочтения письма в случае, если что-то произошло бы с Маршаллом. По этой же причине он настаивал, чтобы письмо оставили ему на хранение.

Второе письмо оказалось более убедительным. В нем Маршалл изложил поистине трагические последствия, которые могли бы иметь место, если бы из политических дебатов противник догадался о важнейших источниках информации американцев. Дьюи тщательно взвесил аргументы Маршалла, к которому был лично расположен как к справедливому и уважаемому человеку. С одной стороны, на карту была поставлена карьера, руководство могущественной страной, с другой – вероятность гибели сотен американцев. После двух дней размышлений кандидат в президенты решил не упоминать в своих публичных выступлениях о вскрытии японских шифров.

Дьюи потерпел на выборах полное поражение. После этого он и Маршалл долго обменивались любезностями в византийском стиле. Маршалл направил Дьюи подборку копий телеграмм «Магии», чтобы тот мог воочию убедиться, как содержащаяся в них информация помогала проведению операций на Тихом океане. Дьюи, в свою очередь, сообщил Маршаллу, что слышал, будто в конгрессе пройдут дебаты по поводу Перл-Харбора, и предложил свои услуги с целью помешать их проведению. Маршалл ответил, что он уже однажды поставил Дьюи в затруднительное положение своими просьбами, повлиявшими на ход избирательной кампании. Дьюи отреагировал заявлением, что это делалось ради достижения победы в войне. Так перестала существовать самая серьезная угроза безопасности «Магии», которая, как это ни парадоксально звучит, исходила не от японцев, а изнутри, от собственных политиков.

Во время второй мировой войны США следовало беречь свои секреты не только от противников, но и от СССР. Как выяснилось в дальнейшем, для этого были весьма веские причины.

В ноябре 1944 года Донован, начальник Управления стратегических служб (УСС) США, основной шпионской организации страны в годы второй мировой войны, купил у финнов 1,5 тыс. слегка обгоревших страниц шифровальных блокнотов НКГБ. Они были захвачены на поле боя еще во время советско-финской войны 1939-1940 годов. Чтобы не сорвать планируемую операцию по выявлению советских агентов в США, которая в значительной мере основывалась на использовании приобретенных шифр-блокнотов, Донован не стал рисковать и не сообщил о своей покупке руководству страны, в том числе государственному секретарю Эдварду Стеттиниусу. За него это весьма предусмотрительно сделали другие заинтересованные в таком повороте дела лица в УСС. Возмущенный фактом участия США в тайной торговле имуществом страны, на помощь которой правительство Рузвельта возлагало такие большие надежды в войне против Японии, Стеттиниус убедил президента США, что негоже из-за сиюминутной выгоды ставить под удар отношения с союзниками. Доновану приказали вернуть шифрблокноты законному владельцу, что он и сделал к величайшему своему сожалению. Донован, конечно, скрыл истинные мотивы, которыми руководствовался, идя на сделку с финнами. Вместо этого он сказал, что, будучи честным союзником, просто был вынужден заплатить требуемую сумму, когда узнал, что шифры продаются. Донован лицемерно добавил, что его сотрудники не изучали попавшие к ним в руки материалы, а

потому не могли судить об их ценности, но действовали исходя из предположения, что материалы представляли большой интерес для советской стороны. Подгоревшие тетради были переданы лично советскому послу в США А.А.Громыко.

В мае 1945 года НКГБ заменил шифры. Но копии старых шифрблокнотов, которые Донован, естественно, сделал себе «на память», использовались американскими и английскими криптоаналитиками еще в течение почти двух десятилетий для дешифрования перехваченных до мая 1945 года шифрсообщений агентуры НКГБ. Но если бы покупку шифрблокнотов у финнов в 1944 году удалось скрыть, их ценность для радиошпионажа США и Англии была бы значительно выше.

Известно, что советская разведка оказалась полностью в курсе успехов американцев в чтении японской военной и дипломатической переписки в феврале 1945 года, когда сумела, наконец, восстановить потерянный контакт со своим давним агентом Рупертом, американским военнослужащим, завербованным НКВД еще в 1939 году. Тот долгое время не мог выйти на связь, поскольку благодаря хорошему знанию восточных языков был переведен в АДС и на несколько месяцев отправлен служить на острова Тихого океана.

При встрече Руперт сообщил связнику, что с некоторых пор американские криптоаналитики стали уделять особое внимание шифртелеграммам японского посла в СССР, который часто встречался с Молотовым и добивался от Москвы заключения договора о ненападении. Читая его шифрпереписку, США хотели убедиться, что Советский Союз вел себя честно по отношению к союзникам и не думал затевать никаких закулисных маневров за их спиной.

Кроме того, Руперт проинформировал советскую разведку о том, что АДС бросила большие силы на чтение шифрпереписки между советскими учреждениями в США и Москвой за 1941–1942 годы. Американским криптоаналитикам удалось процентов на 70 дешифровать одну телеграмму, направленную в Москву Амторгом. В результате у них появилась надежда со временем прочесть большую часть дипломатической шифрпереписки между Москвой и Вашингтоном, Москвой и Нью-Йорком. Руперт вспомнил дату амторговской шифртелеграммы, которую американцы смогли прочесть, и сообщил по памяти ее примерный открытый текст. Позднее советские криптографы, благодаря переданным Рупертом сведениям, установили, что эту шифртелеграмму можно было дешифровать только потому, что при зашифровании были допущены грубейшие ошибки.

Радиошпионаж — вне закона

В первые послевоенные годы в американских войсках радиошпионажем занимались соответствующие управления связи всех трех видов вооруженных сил. Чтобы исправить такое положение и обеспечить американскому радиошпионажу преимущества централизованного руководства, в 1949 году министерство обороны США создало Управление безопасности связи вооруженных сил (УБВС). Оно приняло на себя функции стратегического радиошпионажа и обязанности по координации деятельности криптографических управлений трех видов вооруженных сил. За ними УБВС оставило те функции, которые могли быть наилучшим образом выполнены только вблизи места военных действий (т. е. ведение тактического радиошпионажа), а также обязанности по обеспечению безопасности связи на низших уровнях.

Законодательная основа деятельности УБВС была заложена еще за год до его создания. В 1948 году специальной директивой объединенного совета, куда вошли представители госдепартамента, вооруженных сил и спецслужб, действия шпионских органов США, связанные с добыванием информации из каналов связи других стран, освобождались из-под контроля всех законов и рекомендаций государственной власти, если в них не были прямо указаны подразделения, занимавшиеся такого рода деятельностью.

Как же происходил тогда отбор зарубежных каналов связи для перехвата? Собиралась группа представителей американских спецслужб, госдепартамента и шпионских подразделений сухопутных войск, ВВС и ВМС США. Раз в месяц эта группа получала карту мира, на которой были отмечены возможные цели для перехвата. Заинтересованные ведомства США обязаны были оценить указанные на карте цели цифрами от 1 до 5. Однако при такой системе задачи перехвата ставились слишком широко. Отсутствовал также механизм выделения конкретных каналов связи для достижения поставленных целей.

Эти недостатки сказались в начале 50-х годов во время войны в Корее, когда не были выделены каналы связи Кореи для перехвата и ценная информация пропала. В результате последовала цепь реорганизаций служб радиошпионажа США, в ходе которой и было создано АНБ. Однако в первое десятилетие существования АНБ центральное место в системе шпионских спецслужб США продолжало занимать ЦРУ.

ФИАСКО

Не все стриги, что растет.
К.Прутков. «Сочинения»

«Без разрешения Верховного Командования вход воспрещен!»

27 сентября 1947 г. президент США Г.Трумен подписал закон «О национальной безопасности», в соответствии с которым было образовано Центральное разведывательное управление. Помимо руководства своим ведомством директор ЦРУ координировал работу всех подразделений и служб разведывательного сообщества страны, выступал в качестве первого советника президента по вопросам шпионажа и обеспечивал верховную власть страны информацией об иностранных государствах.

В состав ЦРУ входило четыре управления (директората). Самое крупное управление — оперативное — занималось проведением шпионских операций и тайных подрывных акций за рубежом. Информационно-аналитическое анализировало, готовило и представляло информацию, собираемую всеми членами разведывательного сообщества США. Научно-техническое управление проводило исследования и разработки в области разведки техническими средствами, поддерживало связь с предприятиями военно-промышленного комплекса, выполняющими заказы по созданию новой шпионской техники. Наконец, административное управление объединяло — помимо общих, «рутинных» функций снабжения, финансов, медицины — функции безопасности, связи и обучения.

Естественно, что такое могучее шпионское ведомство просто не могло обойти своим вниманием радиошпионаж.

Начало одной из первых крупных радиошпионских операций ЦРУ было положено в 1953 году. Именно тогда в его вашингтонскую штаб-квартиру поступило сообщение, что в Берлине, на территории Германской Демократической Республики, под землей действует крупная телефонная подстанция, через которую осуществляется значительная часть телефонной связи ее государственных органов. Интерес американцев к Берлину был не случаен. Столица ГДР являлась вторым по значению узлом связи в Восточной Европе. Это означало, что, когда, к примеру, советский военный комендант в Бухаресте или Варшаве связывался с Москвой, вызов шел обязательно через Берлин.

В конце 1954 года с благословения шефа ЦРУ А. Даллеса сотрудники аппарата этого ведомства в Берлине приступили к необычной для себя работе – строительству подземного тоннеля. Никто еще не брался за подобное дело, однако американцы видели в строительстве тоннеля единственный способ подобраться к восточноберлинской телефонной станции. Некоторым опытом рытья вертикальных тоннелей располагали английские спецслужбы. Поэтому именно им американцы доверили разработку методики вертикальной проходки без нарушения поверхностного слоя почвы. Не обошлось без помощи англичан и при установке в тоннеле аппаратуры подслушивания.

Работа велась с использованием самой современной строительной техники и длилась около четырех месяцев. В Западном Берлине, рядом с границей, американские ВВС спешно смонтировали новую радиолокационную станцию (РЛС). Вокруг станции для отвода глаз было возведено много других зданий, окруженных забором со сторожевыми вышками. Оттуда и началось рытье тоннеля. Из большого и просторного подвала РЛС мощные буровые машины с глубины 7 метров начали прокладывать тоннель под асфальтированным шоссе, которое соединяло Западный Берлин со столицей ГДР. Из тоннеля было извлечено огромное количество глинистой почвы, которую сначала сваливали в подвалах радарной станции, а затем тайно вывозили в огромных контейнерах. Надписи на контейнерах были вполне невинными, чтобы ввести в заблуждение особо любопытных. Работа шла «по-стахановски», все 24 часа в сутки.

С американской основательностью было построено солидное сооружение. Тоннель имел диаметр около двух метров и состоял из смыкающихся друг с другом бетонных колец, изнутри выложенных мешками с песком. Воздух здесь кондиционировался, а насосы удаляли просачивавшуюся грунтовую воду. Щиты с контактами были подведены к усилительным устройствам. В общей сложности было установлено 400 усилителей – по одному на каждый канал связи – и столько же подслушивающих и фиксирующих устройств для записи телефонных разговоров. На противоположном конце были поставлены два стальных люка и через них протянуты линии проводов. Провода подогнали к восточногерманским кабелям и подключили так, что связь через подстанцию не прерывалась ни на секунду. Вскоре наступил торжественный день, когда 400 магнитофонов одновременно вступили в действие.

Почти на протяжении целого года американские власти пользовались этим тоннелем для подслушивания переговоров между Москвой и Берлином. Записи телефонных разговоров шли в Лондон, где группа русских эмигрантов всегда была готова немедленно приняться за их перевод. Телеграфные перехваты, требовавшие дешифровки, отправлялись в Нюрнберг. Там работала еще одна специальная группа, состоявшая из пяти криптоаналитиков. В Вашингтоне большое число сотрудников ЦРУ в течение нескольких месяцев занимались анализом и систематизацией перехваченной в тоннеле информации для передачи соответствующим правительственным органам. Однако оценки ее качества очень разнятся. В одних утверждается, что тоннель спас немало жизней американских агентов, которые благодаря поступившим данным смогли изменить методы и планы своей работы. В других говорится о том, что тоннель поставлял материал, содержащий очень мало перворазрядной информации. И действительно, большая часть добытых сведений имела, мягко выражаясь, сомнительную ценность. Так, например, была перехвачена информация о том, что советская сторона планировала задержание американского военного коменданта Западного Берлина генерала Дэшера во время посещения им Лейпцигской ярмарки. Американцев ничуть не смутила неправдоподобность этой информации, и они долго искали причину для отмены поездки Дэшера на ярмарку без компрометации источника информации. Вопрос разрешился сам собой, когда Дэшер неожиданно заболел воспалением легких.

Совершенно ясно, что ради поддержания престижа можно задним числом сколько угодно твердить о «замечательной по своей смелости и изобретательности операции», которая дала возможность ЦРУ целый год «держать руку на советском пульсе», чтобы своевременно предупредить правительство США о готовящемся нападении СССР. Но даже апологеты ЦРУ вынуждены были признать, что в конечном итоге стоимость шпионского тоннеля значительно превысила ценность полученной через него информации.

Естественно, возникает вопрос: если американцы в течение года подслушивали огромное количество телефонных разговоров по 400 линиям, как же могло случиться, что все они были источником второсортной информации? А разоблачение шпионской операции ЦРУ—действительно ли оно произошло так, как было официально сообщено мировой общественности? Американская версия происшедшего 22 апреля 1956 г. звучала следующим образом.

Апрельская ночь. Четверо специально обученных военнослужащих США сели, как всегда, к аппаратам, подключенным к линиям правительственной и военной связи ГДР. Пребывание в хорошо оборудованном бункере стало для них совершенно обычным делом. Они чувствовали себя так, как будто заступили на службу в своей собственной части. Тревога, не оставлявшая их в первые недели дежурства в бункере, давно прошла. Техника работала отлично, операторы могли расслабиться и даже пошутить. Самая популярная среди них острота касалась слов, которые бы сказали русские, если бы узнали, что их тайные телефонные разговоры прослушиваются. Но на этот раз шутка застряла в горле у остряков. Дело в том, что советские связисты проводили очередной технический осмотр телефонной подстанции. Один из солдат наткнулся на провода неизвестного назначения, а затем на стальную дверь с грозной надписью на русском языке: «Без разрешения Верховного Командования вход воспрещен!» После некоторого колебания связисты проникли в глубь звукоизолированного тоннеля. Там они никого не увидели. В первый же момент после прикосновения к какому-то проводу автоматическое устройство подало сигнал тревоги персоналу американской радарной станции, служившей прикрытием для шпионского тоннеля. Однако в тоннеле продолжал гореть свет, работал кондиционер, были включены все устройства, водяные насосы гудели как ни в чем не бывало, а один из установленных внутри полевых телефонов непрерывно звонил.

С советской стороны последовал энергичный протест. Тоннель как доказательство американской шпионской деятельности посетили тысячи экскурсантов. И хотя США хранили гробовое молчание, ни у кого в мире не было сомнений по поводу того, чьих это рук дело. Было ясно, что, если бы экскурсант прошел по тоннелю дальше, он вскоре оказался бы в Западном Берлине, в здании с американским радарным оборудованием на крыше. Приглашение на экскурсию по тоннелю было послано и американскому военному коменданту Западного Берлина Дэшеру, который в ответ заявил, что впервые слышит обо всем этом, и наотрез отказался приехать. Только через 14 лет после обнаружения тоннеля его истинная история стала известна полностью, благодаря сыну состоятельного голландского еврея, семейство которого во время немецкой оккупации бежало из Голландии в Англию, где сменило свою неблагозвучную фамилию Бехар на Блейк, болеет привычную для английского уха.

Конец операции «Золото»

22 октября 1966 г. перед одной из городских больниц Лондона царило оживление. Наступил час посещений больных. На больничной стоянке машин не хватало места. В это время, когда на улицах то и дело возникали пробки, никому не бросилось в глаза, что перед зданием, находившимся около больницы и прямо напротив тюрьмы, у красной кирпичной стены остановилась машина. Из нее вышел мужчина с букетом хризантем в руках. В больницы часто приходят люди с цветами, поэтому никто не обратил на него внимания. К тому же моросил дождь. Через два часа все изменилось. Завыли сирены, стали прибывать все новые и новые полицейские машины. Внутри тюремного двора шел обыск: из камеры исчез заключенный Джордж Блейк, бывший офицер шпионской спецслужбы Англии, в 1961 году осужденный за разведывательную деятельность в пользу Советского Союза на самый длительный срок тюремного заключения в истории английского судопроизводства.

В 1952 году, посчитав советскую политику более справедливой, а государственное устройство — более гуманным, этот ас английского шпионажа добровольно предложил свои услуги советской разведке. Долгие годы он работал на СССР не корысти ради, а исключительно из идейных соображений. Однако информация, содержащаяся в документах, которые прихватил с собой перебежавший на Запад сотрудник польской шпионской спецслужбы Михаил Голениевский, помогла англичанам «вычислить» Блейка.

В соответствии с приговором Блейку предстояло отбыть в тюрьме не менее двух третей положенного ему судом срока, что означало выход из заключения на свободу в лучшем случае в возрасте 66 лет. Отсидев четыре года и потеряв надежду дожидаться содействия МГБ в вызволении его из тюрьмы, Блейк решил сам организовать побег. Он нашел сообщника из заключенных — ирландца по имени Шон Берк, который был готов на все, лишь бы насолить английским властям. Берк должен был в скором времени выйти из тюрьмы. Блейк успел согласовать с ним план своего предстоявшего побега только в общих чертах. Детали они смогли обговорить уже после освобождения Берка из тюрьмы, напрямую поддерживая связь друг с другом с помощью портативных радиостанций. Засечь их переговоры могла только передвижная радиопеленгаторная станция, специально выдвинутая в район тюрьмы. Однако радиошпионаж Англии был нацелен исключительно на перехват сообщений, адресат которых находился за пределами страны, а маломощные передатчики с 10-километровым радиусом действия его мало интересовали.

План побега был продуман до мелочей. Даже номер телефона, по которому Блейк должен был позвонить, успешно выбравшись за пределы тюрьмы, и который был записан на клочке бумаги, помещенном в условленном месте, его сообщник зашифровал. А ключ к шифру Блейк должен был узнать только в машине, поджидавшей его около тюрьмы в назначенный для побега час.

Четыре года спустя в уютной квартире в Москве сотрудники газеты «Известия» вели разговор с Блейком, который за свои заслуги перед СССР был награжден двумя высшими орденами. В ходе беседы Блейк «вспомнил» и о событиях, происшедших более полутора десятков лет назад, — об операции «Золото». В декабре 1953 года в

Лондон приехали высокопоставленные чины из ЦРУ для обсуждения со своими английскими коллегами совместных планов по проведению важной акции. Речь шла о шпионском тоннеле на территории ГДР. В переговорах от англичан принимал участие и Блейк как заместитель начальника отдела, занимавшегося техническими операциями и их обеспечением.

По результатам переговоров двух шпионских служб был составлен протокол, который Блейк на досуге внимательно изучил. После этого он запросил экстренную встречу со своим советским связным, учитывая важность и срочность дела. Принять такое решение было нелегко, так как все встречи со связником были рискованны даже тогда, когда имелось время на их подготовку. Все же встреча Блейка со связным состоялась.

Таким образом, когда американцы еще корпели над проектом своей радарной станции, еще задолго до того, как они вывезли из подвала первый контейнер с грунтом, в Москве уже знали обо всем. И вот теперь, в 1970 году, Блейк, улыбаясь, рассказывал советским журналистам, какую «чрезвычайно ценную» информацию получали американцы, пока советской контрразведкой не был назначен день разоблачения этой радиошпионской акции ЦРУ — 22 апреля 1956 г. Так закончилась операция «Золото», которая поначалу вселяла в ее организаторов весьма радужные надежды и которой суждено было стать одним из самых крупных провалов ЦРУ в области радиошпионажа. Ее разоблачение было выполнено так умело, что даже специальная комиссия ЦРУ, созданная для расследования обстоятельств, пришла к единодушному заключению о случайности обнаружения радиошпионского тоннеля советской стороной. Тем более что большая часть разговоров, подслушанных американцами в ходе операции «Золото», действительно содержала достоверную информацию.

Достоверную, но малоценную, поскольку советская сторона, своевременно предупрежденная Блейком, свои наиболее важные переговоры переключала на другие каналы связи, проложенные в обход берлинской телефонной станции. А через нее шла информация, которой жертвовали ради того, чтобы отвести подозрения от такого ценного агента, каким был Блейк.

О том, что специальная комиссия ЦРУ ошиблась, американцы узнали позже, а пока опьяненное миражем успеха ЦРУ заложило фундамент еще одного, не менее громкого своего фиаско.

Вскоре после окончания второй мировой войны командующий ВВС США генерал Арнольд направил военному министру ряд докладов, в которых суммировал приобретенный боевой опыт. Касаясь вопросов шпионажа, он писал, что прежние взгляды на разведку не соответствовали требованиям времени. Всестороннее, детальное и постоянное знание гражданской и военной деятельности на территории реального или потенциального противника является крайне необходимым для правильного планирования мероприятий как во время войны, так и в мирное время. Потому в системе ВВС следовало иметь свою компетентную и активную авиационную разведку, которая взаимодействовала бы с общегосударственной.

Доклады возымели свое действие. Самолеты ВВС США начали совершать шпионские полеты вдоль советских границ, а в 50-х годах и проникать в воздушное пространство СССР. Для этих целей использовались модифицированные модели B-36 и RB-47, которые могли нести на борту большое количество сложного фото- и радиоэлектронного оборудования. Однако эти самолеты имели невысокий потолок полета и были уязвимы для ракет и истребителей ПВО.

Было испробовано и другое средство – воздушные шары, снабженные шпионской техникой. Запущенные с американских военно-воздушных баз в Скандинавии, Западной Германии и Турции, они подхватывались воздушными потоками и проносились над территорией СССР в сторону Японии. Однако и этот шпионский метод не оправдал возлагавшихся на него надежд. Сбив несколько шаров, советские власти заявили решительный протест, получивший широкий общественный резонанс.

Пришлось снова возвращаться к самолетам. Но дело затрудняла все та же серьезная проблема – потолок полета. Разработка программ, связанных с проникновением в воздушное пространство СССР, курировалась лично директором ЦРУ Алленом Даллесом. «Нам очень нужна была точная разведывательная информация, – писал в своей книге «Бремя мира» президент США Эйзенхауэр, – и в такой ситуации, как считал Аллен Даллес, необходимо было создать новый сверхвысотный самолет для шпионажа с воздуха. В ноябре 1954 года Аллен Даллес и другие советники пришли ко мне, чтобы получить санкцию на продолжение программы по производству 30 сверхвысотных самолетов общей стоимостью 35 млн. долларов. Многие конструкторские работы были уже близки к завершению. Я одобрил это предприятие.»

Большая часть работы по проектированию и разработке нового самолета проводилась на авиационной базе Райт-Петтерсон в штате Огайо. Одноместный самолет У-2, разработанный американской компанией «Локхид», был принципиально нового типа. Конструктивные особенности самолета (хорошая обтекаемость при длине фюзеляжа в 15 метров и размахе крыльев около 30 метров) позволяли ему летать гораздо выше пределов досягаемости всех известных ракет и перехватчиков и иметь большую дальность полета, так как на этой высоте значительно уменьшалось потребление горючего, ввиду незначительного сопротивления воздуха. Кроме того, поверхность самолета была покрыта специальной эмалью, которая затрудняла его обнаружение с помощью радаров.

У-2 был оснащен сверхчувствительным оборудованием для фотографирования поверхности земли, а также для приема и записи различного рода радиосигналов. Но, чтобы подниматься на недостижимую для других самолетов

высоту с пилотом и различным фото- и радиоэлектронным оборудованием на борту да к тому же с запасом горючего, необходимого для более чем 9-часового непрерывного полета, самолет должен был быть исключительно легким. Надо было чем-то жертвовать. Пожертвовали прочностью. В результате самолет стал слишком хрупким и требовал очень высокой квалификации пилота.

В августе 1955 года У-2 прошел первые летные испытания, удовлетворив необходимым требованиям и даже превзойдя некоторые из них. В кругу профессиональных шпионов Даллес не уставал подчеркивать, что «этот самолет сможет собирать информацию быстрее, точнее и надежнее, чем любой агент на земле».

С завершением работ по созданию самолетов У-2 ЦРУ приступило к вербовке летчиков, которым предстояло выполнять шпионские полеты. Среди кандидатур был и старший лейтенант ВВС США Гарри Фрэнсис Пауэрс.

Группа, в которую попал Пауэрс и где собрались пилоты экстра-класса, имевшие большое количество летных часов на одноместных одномоторных самолетах, официально именовалась второй эскадрилей службы погоды, а неофициально – отрядом 10-10. Размещалась она на американо-турецкой базе Инжерлик близ города Аден. По мнению экспертов ЦРУ, эта база обладала рядом преимуществ. Во-первых, в географическом отношении она представляла собой отличную стартовую точку для перелетов. Во-вторых, расположенная на юге Турции, вблизи Средиземного моря, она находилась достаточно далеко от СССР, чтобы быть недосягаемой для его радиолокационных станций, и вместе с тем достаточно близко, чтобы проводить полеты без большой затраты горючего. В-третьих, на ней уже располагалась небольшая американская авиачасть.

Отряд 10-10 был сформирован как обычная эскадрилья. Во главе стояли командир (военнослужащий ВВС) и начальник штаба (представитель ЦРУ). Все, от начальника аэродромной команды до последнего техника, были специально отобраны и являлись высококвалифицированными специалистами в своей области.

В сентябре 1956 года пилоты группы приступили к первым шпионским полетам. Так как У-2 был слишком приметным самолетом, НАСА опубликовала официальное сообщение об использовании самолета нового типа – «Локхид У-2» – для исследования воздушных течений и метеоусловий. Вскоре в американской прессе можно было прочесть еще одно вводившее в заблуждение сообщение: «Самолет У-2 будет применен для измерения радиоактивности высших слоев атмосферы, а также для метеорологических наблюдений и исследований инфракрасного излучения... Пилоты и наземный обслуживающий персонал – сотрудники американских гражданских фирм».

1957 год принес существенные перемены, явившиеся неожиданностью для США. 27 августа Советский Союз объявил об успешном запуске первой межконтинентальной баллистической ракеты. А 4 октября на околоземную орбиту был выведен первый искусственный спутник Земли. Это потрясло весь мир и серьезно обеспокоило американские правящие круги. Полеты У-2 приобретали в планах Вашингтона еще более важное значение и вместе с тем становились все более рискованными. ЦРУ принимало меры к расширению сети баз для самолетов У-2 и к активизации самих полетов. К этому времени кроме турецкой базы появились базы в Висбадене (Западная Германия) и

неподалеку от Йокогамы (Япония). В связи с участвовавшими полетами все больше сведений стало просачиваться в прессу, что не на шутку тревожило пилотов и командование.

14 июля 1957 г. западногерманский журнал сообщил о задержании китайскими истребителями над своей территорией самолета типа У-2, а канадский – о том, что пилот этого самолета, китаец, служащий американских ВВС, взорвал свой самолет в воздухе. Пекин заявил протест по поводу инцидента, но на него в США обратили мало внимания. Для отвода глаз ВВС США сообщили, что потерпел катастрофу американский бомбардировщик, который использовался вооруженными силами Тайваня.

24 сентября 1959 г. недалеко от Токио на японском планерном аэродроме в разгар рабочего дня совершил вынужденную посадку еще один У-2. Спортсмены-планеристы, подбежав к самолету, увидели вооруженного пистолетом пилота, который отказался открыть крышу кабины. Самолет возвращался из шпионского полета над Сибирью. Четверть часа спустя прибыли вертолет и автомашина с ревущей сиреной, в которых сидели гражданские лица. Угрожая оружием, они отогнали от самолета японцев.

Разумеется, в Советском Союзе знали о полетах У-2. И не только из зарубежной прессы. Возвращавшиеся на свой аэродром пилоты У-2, как им было положено по инструкции, докладывали о проведенном полете. Сообщали они и о том, что их засекли с земли, о чем свидетельствовали приборы на борту их самолетов. А однажды один из пилотов рассказал, что почувствовал взрыв ракеты где-то в трех километрах под собой. Радарная сеть СССР фиксировала большинство воздушных шпионских операций США с применением У-2. По свидетельству Пауэрса, представители ЦРУ были всерьез обеспокоены тем, что официальный орган советских ВВС газета «Советская авиация» опубликовала серию статей об У-2 – «зловещем орудии шпионажа». В этих статьях утверждалось, в частности, что его вылеты совершались из Висбадена.

«Мы отдавали себе отчет, что любая попытка проникновения не останется безнаказанной, – вспоминал Пауэрс в своей книге «Операция «Перелет». – На такой высоте мы не очень боялись, что нас собьют МИГи, но опасались ракет класса «земля – воздух» несмотря на то, что в нас пытались вселить уверенность, что из-за высокой скорости ракеты и чрезвычайной разряженности атмосферы практически невозможно правильно скорректировать ее полет».

Для защиты от ракет «воздух – воздух», выпускаемых с истребителя-перехватчика, на У-2 появилась аппаратура радиопротиводействия, создающая помехи РЛС самолета противника. Учитывая появившуюся возможность уничтожения самолета, кресло пилота У-2 сделали катапультируемым. Было предусмотрено и аварийно-спасательное снаряжение, состоявшее из надувного резинового плотика, одежды, небольшого запаса воды и продовольствия, компаса, сигнальных ракет, спичек, химикатов для разжигания костра из сырого дерева, а также медицинского индивидуального пакета первой помощи. Одежда состояла из плотного зимнего охотничьего костюма, вид которого, как потом вспоминал Пауэрс, оставлял мало надежд на то, что пилоту удастся смешаться с толпой, не вызвав подозрений. В комплект входил и шелковый плакат с обращением на 14 языках, в котором указывалось: «Я американец и не говорю на вашем языке. Мне нужны пища, кров и помощь. Я не причиню вам вреда. У меня нет преступных намерений в отношении вашего народа. За помощь вы получите вознаграждение». Кроме этого пилоту давались более 7 тыс. советских рублей, золотые монеты, кольца и наручные

часы. Считалось, что, даже не владея русским языком, пилот сможет договориться на понятном всем народам мира языке золота.

Перед каждым вылетом на самолете устанавливался и сразу же после его возвращения снимался блок подрыва, который срабатывал с задержкой в 70 секунд после включения. Предполагалось, что за это время пилот успеет катапультироваться или покинуть самолет каким-либо другим способом. Однако пилоты У-2 опасались, как бы ЦРУ не подстроило все так, что в случае использования подрывного устройства оно сработает мгновенно, уничтожив и пилота.

Появилась еще одна новая деталь в снаряжении пилота У-2 – серебряный доллар с ушком. Его можно было носить как брелок, на шее или цепочке с ключами. Внутри доллара находилась не совсем обычная булавка, служившая футляром для тонкой иглы с бороздками, в которых содержалось вещество коричневого цвета. Летчикам объяснили, что это яд типа кураре. При уколе смерть наступала мгновенно.

Перелет

На апрель 1960 года были запланированы два полета-вторжения в воздушное пространство СССР. В первый полет Пауэрса назначили дублером.

Он состоялся 9 апреля на небольшое расстояние и прошел гладко, поэтому у Пауэрса появилась надежда, что и второй, который совершит он, тоже будет удачным. Правда, этот полет мало походил на все предыдущие. Это был настоящий перелет. Впервые предстояло пересечь всю территорию СССР, пролетев над Душанбе, Аральским морем, Челябинском, Свердловском, Архангельском, Кольским полуостровом, Кандалакшей, Мурманском, а затем взять курс на базу Бодо в Норвегии. Расчетная продолжительность полета равнялась девяти часам. Вылет должен был произойти с базы в Пешеваре (Пакистан), куда заранее были доставлены более 20 человек для обслуживания вылета. В целях сохранения секретности самолет доставили в Пешевар в ночь накануне операции.

По графику вылет назначался на среду, но полет несколько раз откладывался. В воскресенье, 1 мая, Пауэрса разбудили на рассвете. Предстояло лететь. В 5.20 утра он поднялся в кабину самолета. Старт планировался на 6.00, но приказ о вылете задерживался – ждали разрешения Белого дома. «Такое, – утверждает Пауэрс, – было впервые. Обычно санкции президента получались заранее. Мне предстояло лететь без радиосвязи с землей, поэтому в воздухе можно было надеяться только на секстант. Однако, поскольку все расчеты делались исходя из времени вылета в 6 утра, секстант становился бесполезным. Я был уверен, что полет отменят, и уже мечтал сбросить пропитанную потом одежду, как вдруг в 6.20 поступил сигнал: взлет разрешен. Я сразу же запустил двигатель и взлетел».

Погодные условия были плохие. Облачность поднялась до самых гор, однако для шпионажа это не имело значения, так как горный район не представлял особого интереса. После полутора часов лета появился первый просвет в облаках. Самолет находился к юго-востоку от Аральского моря. Высота полета была максимально возможной. Отклонившись немного вправо от курса, Пауэрс скорректировал его и тут увидел нечто встревожившее его. Значительно ниже под собой он заметил след одномоторного реактивного

самолета, который на сверхзвуковой скорости летел параллельно курсу У-2. Слово — Пауэрсу: «Как ни странно, но, еще не достигнув границы, я чувствовал, что меня уже ждут... Облачность снова стала сплошной и только через три часа полета начала редеть. Приблизительно в полусотне миль к югу от Челябинска облака рассеялись. В корпусе машины заработала фотокамера, начали действовать устройства записи радиосигналов с земли на магнитную ленту. Я снова лег на курс, облака остались позади, я немного успокоился. В этот момент автопилот неправильно сработал, и самолет начал задирать нос. Я отключил автопилот и несколько минут управлял самолетом вручную. Затем снова включил автопилот, и ситуация повторилась. Пришлось отключить автопилот окончательно. Возникла очень неприятная ситуация. Все зависело от моего решения: либо лететь обратно, либо продолжать полет. Всего лишь час назад я бы не задумался — вернуться и все. Но теперь я уже углубился в воздушное пространство СССР на тысячу триста миль, прошел полосу облачности, а видимость впереди казалась отличной. Я решил продолжать полет... Заметив большое водохранилище, нанес его на карту. Затем увидел целый комплекс сооружений, гражданских или военных, и зафиксировал его с пометкой «крупный объект», чтобы обратить на него внимание во время послеполетного доклада... У Свердловска надо было взять курс на северо-запад. Я повернул и пошел по новой линии маршрута над юго-западной окраиной города. Полет продолжался уже почти четыре часа. Заметив аэродром, не отмеченный на карте, я зафиксировал и его. Мой курс должен был пролетать прямо над ним. Мне нужно было записать время, высоту, скорость, температуру выхлопных газов и показания приборов о работе двигателя. Я как раз делал записи, когда внезапно раздался глухой удар, самолет резко рвануло вперед, и чудовищная оранжевая вспышка озарила кабину и небо. Самолет тотчас начал падать, и я почувствовал, что вот-вот отвалятся крылья и хвост. Возможно, прямое попадание и не достигло самолета, но ударная волна и осколки повредили его... Машина вошла в необычный штопор в перевернутом виде: нос — вверх, к небу, хвост — вниз, к земле. Я включил аварийную систему подачи кислорода. Несколько раньше (однако в тот момент я ничего не почувствовал) мой высотный костюм раздулся: произошла разгерметизация кабины. Костюм стеснял движения, а сила тяжести толкала меня вперед, к носу, вырывая из сиденья. Дотянулся до выключателей блока подрыва, снял предохранительные щетки, но медлил, 70 секунд — это не так уж много... Открыл крышу кабины и отстегнул пояс. Меня тут же до половины тела припечатало к приборной доске, а вторая половина уже висела снаружи. Это произошло настолько быстро, что я телом сбил зеркало заднего обзора, и оно исчезло в воздухе. Это было последним, что я видел, так как лицевой щиток сразу же покрылся инеем. Что-то еще удерживало меня привязанным к самолету. Вдруг вспомнил: трубки подачи кислорода. Забыл их отсоединить. Самолет продолжал вращаться. Судорожно двигая ногами и извиваясь всем телом, я, должно быть, оборвал их, потому что внезапно оказался свободным — тело мое падало, парило совершенно легко. Ощущение было приятным и радостным. Именно так мне казалось в тот момент. По всей вероятности, я находился в состоянии шока».

Парашют открылся сразу. Оставшийся без пилота У-2 спланировал и совершил посадку. Самолет опустился на вспаханное поле, прополз некоторое расстояние на брюхе, после чего его корпус снизу лопнул. Многие мелкие части, вырванные взрывом ракеты из фюзеляжа и крыльев У-2, также вслед за ним упали на землю. Высоко расположенные на корпусе самолета детали при приземлении не пострадали.

После обнаружения пропажи У-2 в ЦРУ и госдепартаменте начались лихорадочные совещания. Была принята версия, что самолет разбился, пилот погиб и никаких доказательств шпионажа нет. Но вот 5 мая СССР сообщил о сбитом над своей территорией военном самолете США. Реакция официального Вашингтона была мгновенной. В тот же день представитель госдепартамента США на официальной пресс-конференции заявил, что американский самолет

типа У-2, проводивший вблизи советско-турецкой границы метеорологические исследования в высоких слоях атмосферы, в результате нарушения кислородного снабжения пилота сбился с пути. Далее в заявлении говорилось, что пилот потерял сознание, а самолет, управляемый автоматической системой, залетел в воздушное пространство СССР. Машина, по уверению госдепартамента, принадлежала не ВВС США, а НАСА. Версия тут же была подтверждена НАСА, объявившем о пропаже своего самолета. Были опубликованы «точные» данные о полете У-2 над турецкой территорией, о специальном его оборудовании для взятия проб воздуха и для сбора информации о радиационных излучениях. В остальном НАСА повторило положения из ранее сделанного заявления госдепартамента.

Через два дня в Москве состоялось заседание Верховного Совета СССР, на котором было сделано официальное заявление о том, что пилот сбитого самолета жив, находится в Москве и что имеются неопровержимые доказательства шпионского характера его полета. Припертый к стене фактами и доказательствами, госдепартамент США изменил тактику и выступил с новым заявлением, в котором признал, что У-2 был направлен в пределы Советского Союза в целях сбора военных шпионских данных, оговорив, однако, что власти в Вашингтоне разрешения на такой полет не давали. В преддверии новых президентских выборов это заявление было весьма опрометчивым. Перед Эйзенхауэром встала сложная дилемма. Если признать, что полет был осуществлен без его ведома, серьезно подрывался авторитет президента США и его администрации. Если допустить, что президент санкционировал полет самолета-шпиона, предстоявшие через несколько дней советско-американские переговоры на высшем уровне наверняка сорвались бы. Аллен Даллес предложил президенту уйти в отставку, чтобы была возможность переложить всю ответственность на него. Эйзенхауэр отверг это предложение и в своем выступлении 11 мая признал, что полеты американских самолетов над территорией СССР проводились с его ведома и одобрения и что он, в соответствии с американским законом 1947 года о национальной безопасности, ввел в действие директивы, на основании которых была разработана и реализована программа широкого наблюдения с воздуха путем проникновения шпионских самолетов США в воздушное пространство СССР.

17 августа 1960 г. в Москве началось судебное заседание, в ходе которого Пауэрс признался, что его полет служил исключительно шпионским целям. Результаты экспертизы остатков фотооборудования и радиоаппаратуры, а также отснятых фотоплёнок и сделанных магнитных записей подтвердили это. На третий день процесса американский пилот был приговорен к десяти годам лишения свободы с отбыванием первых трех лет в тюрьме.

Через полтора года, 10 февраля 1962 г., в Берлине его передали американцам в обмен на советского разведчика Абея. А 2 августа 1977 г. в американской печати появилось сообщение о том, что Френсис Гарри Пауэрс, бывший пилот ЦРУ, который в 1960 году совершил шпионский полет над территорией Советского Союза, погиб в вертолетной катастрофе близ Лос-Анджелеса.

Пеньковский

3 мая 1963 г. в Москве открылся судебный процесс над полковником ГРУ Олегом Владимировичем Пеньковским. Через неделю суд вынес ему приговор: Пеньковского признали виновным в измене Родине и приговорили к расстрелу, он был лишен воинского звания, всех орденов и медалей, его личная

собственность подлежала конфискации. Газеты «Правда» и «Известия» сообщили о том, что один морально разложившийся алкоголик, военный офицер, предал свое Отечество, став шпионом ЦРУ.

«Опекуны» Пеньковского из ЦРУ, напротив, одарили своего подопечного посмертным признанием. По их мнению, Пеньковский в самые плодотворные годы жизни внес весомый вклад в урегулирование мировых кризисов, связанных с возможностью применения ядерного оружия.

Несмотря на заокеанское признание особой миротворческой роли Пеньковского, даже в период перестройки никто в СССР не поспешил публично поблагодарить его за спасение от угрозы ядерной войны. Даже наоборот. В 1990 году КГБ обнародовал перечень самых важных материалов, переданных Пеньковским в ЦРУ. Из этого перечня явствовало, что Пеньковский сыграл в снижении остроты противостояния двух супердержав в начале 60-х годов незначительную роль.

В ответ на просьбу ЦРУ собрать и зафиксировать любую информацию по советским линиям связи, криптоанализу, криптографии и кадровым методам в этой сфере Пеньковский составил описание особенностей систем правительственной связи СССР в начале 60-х годов. Тогда таких систем было две. Одна называлась ВЧ и соединяла подземным кабелем кабинеты в Кремле со всеми городами страны, в которых находились ответственные партийные работники. Другая именовалась «кремлевкой». Это была исключительно московская телефонная сеть связи, охватывавшая все правительственные офисы столицы. Разновидностью «кремлевки» являлась «вертушка», которая напрямую связывала высших государственных чиновников с Кремлем. По «вертушке» соединяли сразу же, как только на одном ее конце абонент поднимал трубку. Соединиться с «кремлевкой» по городскому номеру было невозможно. Распределением телефонов, подключавшихся к системам правительственной связи, ведал Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, руководящий орган единственной в СССР политической партии. Кроме того, Пеньковский передал американцам правила организации связи и коды Турции в 1955-1956 годах.

СССР и США разошлись не только в оценке важности информации, поставлявшейся Пеньковским на Запад. Не удалось также получить вразумительный ответ на вопрос о том, как КГБ разоблачил Пеньковского. Вызвано это было тем, что и во время, и непосредственно после окончания «холодной войны» споры относительно скрытых фактов и побудительных мотивов в деятельности спецслужб и их агентов составляли суть непрекращавшейся тайной борьбы между КГБ и его западными оппонентами. Обе стороны традиционно стремились трактовать факты истории в благоприятном для себя свете.

В 1990 году официальный представитель КГБ выступил с заявлением. Из него следовало, что на след предателя вывел Чарльз Чисхолм, который прибыл в Москву в июне 1960 года на должность второго секретаря английского посольства. К тому времени КГБ было известно, что он и его жена являются матерями шпионами. Наружное наблюдение за миссис Чисхолм и привело к Пеньковскому.

Согласно другой версии, советская радиоразведка перехватила и дешифровала послание, направленное в американское посольство в Москве, в котором фамилия Пеньковского особо была подчеркнута в связи с

необходимостью немедленной выдачи ему визы для поездки на ярмарку в Сиэтл весной 1962 года.

Возможно также, что разоблачил Пеньковского советский агент в АНБ Джек Данлеп. Дело в том, что за пределами ЦРУ к отчетам Пеньковского были допущены очень немногие. Помимо директора АНБ к ним имели отношение еще примерно 20 сотрудников этого агентства. После обыска в доме Данлепа было найдено несколько не самых секретных документов, приписываемых «надежному советскому источнику». Их автором являлся Пеньковский. И хотя эти документы вряд ли могли привести к установлению его личности, они, вероятно, послужили для КГБ сигналом, что в советские военные круги проник предатель.

Еще одна версия основывалась на предположении, что Пеньковского выдал другой советский агент – подполковник Уильям Валлен, руководивший шифровальным отделом в Комитете начальников штабов министерства обороны США. Он тоже имел доступ к материалам, получаемым от Пеньковского, и мог значительно сократить время, которое требовалось КГБ, чтобы выделить Пеньковского в качестве главного подозреваемого.

Наконец, возможным источником разоблачения Пеньковского был назван еще один агент КГБ – Роберт Ли Джонсон, американский сержант, служивший в центре фельдъегерской связи в аэропорту Орли, недалеко от Парижа. Поскольку информация Пеньковского передавалась старшему военному командному составу США в Западной Европе, вполне вероятно, что она могла попасть в руки Джонсона. И в этом случае Пеньковский не назывался прямо, но упоминался как старший советский офицер, что побудило КГБ бросить все силы на его поиски. Проникновение Джонсона в хранилище секретных отправок центра фельдъегерской связи совпало по времени со слежкой за миссис Чисхолм в Москве.

Первая кровь

В начале 60-х годов США потеряли возможность безнаказанно использовать самолеты для полетов над Советским Союзом в шпионских целях – их стали часто сбивать. Поэтому было решено заняться шпионажем из космоса.

Задача первых спутников-радиошпионов, которые появились через пару лет после спутников для фотосъемки и стали известны под названием «Феррет», состояла в том, чтобы, находясь на высоте около 800 километров над чужой территорией, улавливать и записывать сигналы радиосредств и радиолокационных станций (РЛС), а потом передавать их для анализа наземным станциям собственной страны. Эти сведения давали обстоятельное представление о возможностях систем ПВО. Процедура сбора информации с помощью спутников-радиошпионов состояла в том, чтобы преднамеренно активизировать системы обороны какой-нибудь страны и тщательно наблюдать за последующей работой этих систем. Чаще всего с этой целью в район расположения РЛС направлялись самолет или группа самолетов.

19 января 1964 г. с базы ВВС США в Калифорнии был запущен спутник. О цели запуска ничего не было объявлено. Однако со временем стало известно, что спутник был выведен на орбиту, аналогичную орбитам спутников «Феррет». 28 января – через 9 дней после запуска спутника – реактивный самолет американских ВВС Т-39 проник в воздушное пространство ГДР. После того как

самолет углубился в воздушное пространство страны примерно на 100 километров, он был сбит советским истребителем. Погибли все три члена экипажа, что вызвало серьезную дипломатическую конфронтацию между США и СССР. США назвали этот инцидент «бездумным и непростительным уничтожением самолета, ошибочно перелетевшего демаркационную линию между ГДР и ФРГ». Советское посольство в Вашингтоне, однако, отказалось принять эту американскую ноту протеста, заявив, что у него были все основания считать, что этот полет не был ошибкой. На основании информации, опубликованной обеими сторонами, можно было довольно точно проследить путь, который проделал Т-39 после проникновения в воздушное пространство ГДР, и установить, что он начался в 13.55 по Гринвичу и закончился уничтожением семь минут спустя. Где находился в этот период времени подозрительный спутник?

Он быстро приближался к высокой точке на западе, если смотреть из района проникновения, и летел на север.

По достижении этой точки в небе спутник имел бы оптимальную позицию для приема радиолокационных сигналов, направлявшихся с востока в сторону самолета-нарушителя. Но этого не случилось, поскольку на оптимальную позицию спутник выходил приблизительно в 14.05, а Т-39 был сбит примерно на две с половиной минуты раньше. Полет спутника был настолько быстрым, что в этот момент ему еще предстояло пересечь Пиренеи и он только входил в зону, где можно было перехватывать нужные радиолокационные сигналы. Поэтому могло создаться впечатление, что если эти два события связаны, то самолет-нарушитель должен был залететь в ГДР чуть позже и все произошло по чистой случайности.

Соединенные Штаты решили, что Советский Союз ничего не знал о роли спутника. Придя к такому выводу, они сохранили за собой возможность еще раз использовать его. И вот 10 марта появилось сенсационное сообщение о том, что еще один самолет ВВС США, на этот раз реактивный двухмоторный самолет-шпион РБ-66, вторгся в воздушное пространство ГДР всего в полусотне миль к северу от места предыдущего вторжения и почти в то же самое время, но только был сбит еще быстрее. Три члена экипажа благополучно спустились на парашютах на землю.

Шли годы, и эти два инцидента, происшедшие с небольшим интервалом во времени, могли показаться случайными. Ничего подобного не было ранее, и ничего похожего не повторялось долгие годы позже. Мода на «навигационные ошибки» и «поломки приборов» прошла. Так было, во всяком случае, до роковой ночи с 31 августа на 1 сентября 1983 г., когда «Боинг-747» южнокорейской авиакомпании «Кориан эйрлайнз» (КАЛ) на значительное расстояние отклонился от своего курса и был сбит в советском воздушном пространстве в районе сосредоточения значительных военных сил. Но об этом мы расскажем чуть позже.

Монтевидео

Одной из основных обязанностей ЦРУ с момента создания АНБ стало оказание ему содействия во вскрытии иностранных шифров. С этой целью зарубежным резидентурам ЦРУ придавались особые группы специалистов АНБ, с помощью сложной аппаратуры осуществлявшие поиск радиочастот, на которых

иностранные посольства поддерживали связь со своими столицами. Перехваченные шифрованные радиопеши, записанные на магнитную пленку, переправлялись в Агентство для дешифрования.

Однако помощь АНБ со стороны ЦРУ отнюдь не ограничивалась предоставлением «крыш» своих резидентур для размещения под ними средств перехвата. В составе оперативного управления ЦРУ, занимавшегося тайным сбором шпионской информации по всему миру, функционировал так называемый отдел «Д». Он координировал усилия в области ведения радиошпионажа в рамках ЦРУ. В задачи отдела «Д» входило обеспечение квалифицированной помощи по планированию и проведению операций, направленных на вербовку шифровальщиков или негласную установку технических приспособлений, которые позволяли дешифровать перехватываемые шифр-сообщения. Отдел «Д» числился среди наиболее засекреченных отделов оперативного управления ЦРУ.

Вот что рассказал в своем дневнике об одной из операций отдела «Д» ее непосредственный участник, бывший сотрудник ЦРУ Филипп Эйджи:

«25 февраля 1966 г., Монтевидео. Моя небольшая техническая операция, направленная на раскрытие кодов посольства Объединенной Арабской Республики (ОАР), начинает занимать у меня основное рабочее время. Два технических специалиста из отдела «Д» — Дональд Шредер и Элвин Бенефилд находились здесь более недели, разрабатывая планы технической операции, а мне пришлось водить их из магазина в магазин, чтобы купить различные виды специального клея, маскировочные ленты и прочие редкие вещи. В конце прошлого года один из них приезжал сюда на короткое время, и по его просьбе я посылал инспектора электрокомпании, нашего агента, в египетское посольство, чтобы произвести там осмотр комнат и служебных помещений. В результате этого визита теперь нет никаких сомнений относительно местонахождения шифровальной комнаты — она находится как раз над кабинетом Френка Стюарта, директора уругвайского отделения Агентства международного развития.

Некоторое время назад Стюарт получил от своего руководства в Вашингтоне указание оказывать всяческое содействие работникам резидентуры в Монтевидео, хотя он, очевидно, точно не знает, что в данном случае предпринимается. Он просто обеспокоен тем, чтобы какой-нибудь тяжелый инструмент не рухнул на его стол с потолка сквозь звуконепроницаемую обивку его служебного кабинета. Я попросил у него ключи от служебных помещений и договорился, чтобы он отправил куда-нибудь сторожа на тот вечер, когда мы через несколько дней придем туда для установки наших устройств.

Устройство состоит из двух специальных контактных микрофонов (улавливающих непосредственные вибрации, а не вибрации воздуха, как это свойственно обычным микрофонам), соединенных с миниатюрными радиопередатчиками, питаемыми батарейками. Техники прикрепят устройства к потолку как можно ближе к тому месту, где находится стол шифровальщика египетского посольства. Из моего посольского кабинета и из кабинета отделения Агентства международного развития мы будем записывать сигналы колебаний, которые зафиксируют контактные микрофоны и которые затем передадут радиопередатчики.

Посольство ОАР пользуется изготовленной в Швейцарии портативной шифровальной машиной, которая напоминает комбинацию из пишущей машинки и арифмометра. В машине имеется множество дисков, которые специально устанавливаются каждые два-три месяца. Для того чтобы зашифровать секретное донесение, шифровальщик печатает на этой машине донесение открытым текстом по группам из пяти букв. Каждый раз, отпечатав пять букв, он нажимает на рычажок, который приводит в движение диски. Когда диски останавливаются, появившиеся перепутанные буквы и представляют собой зашифрованную группу из пяти букв. Когда таким образом будет отпечатан весь текст, полученный набор букв явится зашифрованным донесением, которое передадут в Каир коммерческим телеграфом.

АНБ оказалось не в состоянии «расколоть» эту систему шифрования математически, однако располагает эффективным способом дешифровки: с помощью чувствительных приборов удастся зафиксировать вибрацию шифровальной машины в моменты, когда вращающиеся диски шелкают при остановках. Запись вибрации обрабатывается на электронных машинах, которые показывают положение дисков при зашифровании текста. Найденное положение дисков вводится в идентичную машину, затем в нее закладывается перехваченный на телеграфе текст, и машина выдает дешифрованный текст шифрованного донесения. Хотя швейцарская фирма при продаже таких машин подчеркивает необходимость использования их только в специально оборудованных звуконепроницаемых помещениях со столами, покрытыми пористой резиной, мы надеемся, что в данном конкретном случае шифровальщик окажется неосторожным и не будет соблюдать эти указания. Если нам удастся выяснить положение дисков во время печатания на этой машине здесь, в Монтевидео, то АНБ получит возможность читать зашифрованную переписку не только посольства ОАР в Монтевидео, но и ряда других египетских посольств, в том числе в Лондоне и Москве, что и побудило штаб-квартиру ускорить эту операцию. Если этот прием окажется успешным, мы будем записывать вибрацию машины каждый раз после смены в ней положения дисков. Зная содержание секретной переписки ОАР, политики в Вашингтоне будут в состоянии предвидеть вероятные дипломатические и военные шаги ОАР, а также точно знать реакцию ОАР на ту или иную инициативу США.

Через день-два все техническое оснащение у наших специалистов будет готово. Мы будем действовать в соответствии со следующим планом: около 9 часов вечера мы поедем на автомашине вверх по Парагвайской улице и войдем в помещение уругвайского отделения Агентства международного развития через парадную дверь, которую откроем ключами, переданными нам Стюартом. Осмотревшись, я поставлю машину поблизости на случай необходимости срочно покинуть здание и этот район вообще. Пока техники будут устанавливать устройство, я вернусь в свой кабинет в нашем посольстве и буду наблюдать из окна за входами в египетское посольство и в помещение агентства. Связь между нами будет поддерживаться с помощью портативных раций. Риск в этой операции небольшой, а результаты должны быть значительными.

1 марта 1966 г., Монтевидео. Установка технических средств под полом шифровальной комнаты египетского посольства со стороны потолка из нижнего помещения заняла почти всю ночь. Нельзя было допустить, чтобы аппаратура рухнула на стол Стюарта. Поэтому техники не пожалели времени и сделали все надежно. Мы уже производим записи вибраций шифровальной машины, а

проверив их на нашем узле связи, техники выразили уверенность, что аппаратура будет функционировать нормально. Мы отправили записи дипломатической почтой в штаб-квартиру для передачи их в АНБ и скоро узнаем результаты. Микрофоны отличаются исключительной чувствительностью и фиксируют любые вибрации в этом 12-этажном здании: скрип структурных деталей дома, шум спускаемой воды в туалете, движение лифта.

12 марта 1966 г., Монтевидео. Штаб-квартира сообщила, что с помощью наших записей АНБ способно определить положение дисков в шифровальной машине египетского посольства. Мы оставим все приборы на месте, а когда египтяне изменят положение дисков, я проведу в своем кабинете несколько записей вибрации во время работы египетского шифровальщика и отправлю их дипломатической почтой в штаб-квартиру.

Наконец я освободился от этих двух друзей из отдела «Д». Один уезжает в Африку для проведения аналогичной операции против недавно открытой миссии коммунистического Китая, а другой отправляется в Мехико, где он уже в течение некоторого времени готовит операцию с целью раскрыть систему кодирования, используемую французами...»

«Проект Дженнифер»

22 октября 1970 г. ли имя военно-морского атташе СССР в США пришло анонимное письмо:

«В марте 1968 года в Тихом океане затонула советская подводная лодка. ЦРУ использует для поиска этой лодки минно-тральный корабль, который вышел из Гонолулу 17 октября и в начале ноября будет в точке: широта — 40° северная, долгота — 180° восточная.

Доброжелатель».

По долгу службы военно-морской атташе знал об этой трагедии. Но ему было известно также и то, что сведения о ней были строго засекречены. Ни одна советская газета не сообщила о чрезвычайном происшествии ни в 68-м году, ни позже. Даже родственникам погибших подводников выдали свидетельства о смерти, в которых просто значилось: «Признать умершим». А тут тайна гибели лодки вдруг извлекается на свет, и выуживает ее из глубин океана не кто-нибудь, а ЦРУ.

В тот же день в Москву ушла срочная телеграмма посла СССР в США. Она вызвала в советской столице изрядный переполох. Главнокомандующий Военно-Морским Флотом поставил на ноги весь свой штаб. Десятки людей срочно приступили к подготовке справок и таблиц для докладов главкома министру обороны и правительству.

Выслушав главкома ВМФ, министр обороны СССР приказал немедленно проверить данные о деятельности ЦРУ в указанном «доброжелателем» районе. Проверка показала, что действительно с 12 по 18 ноября в точке с приведенными в анонимке координатами американская самоходная буровая установка произвела стыковку и опускание труб на глубину 5 километров. В отличие от обычных буровых работ, о которых всегда сообщается заранее, действия корабля тщательно маскировались. Полученные сведения дали основание предположить, что американцами затевается какая-то возня вокруг затонувшей более двух лет назад советской подводной лодки. Причем американцы обнаружили возможность поживиться ценной добычей раньше, чем в СССР осознали сам факт потери лодки. А произошло это при следующих обстоятельствах.

12 марта 1968 г. подводная лодка типа К-129 с бортовым номером 574 (ПЛ-574), вышедшая 25 февраля с базы на Дальнем Востоке, не ответила на контрольную радиограмму, переданную ей штабом Тихоокеанского военного флота для проверки связи. Это еще не давало оснований предположить трагический исход плавания — мало ли какие причины помешали командиру ПЛ-574 выйти на связь. Однако, когда 10 дней спустя не поступило донесение о занятии района боевого дежурства, в северо-западную часть Тихого океана вышла эскадра поисково-спасательных сил флота. За ее маневрами с самого начала пристально следили американцы. И вот почему.

Глухой ночью в конце февраля 1968 года американский шпионский спутник зафиксировал яркую вспышку на поверхности Тихого океана в нескольких сотнях километров к северо-западу от острова Гуам. Проанализировав данные о движении судов в этом районе, аналитики ВМС США и ЦРУ пришли к выводу, что там произошла авария — взрыв на борту иностранной субмарины, находившейся в надводном положении. Через несколько недель эта гипотеза подтвердилась. Советские корабли развернули крупную поисковую операцию в районе, примерно соответствовавшем месту происшествия. А перехват радиообмена между поисковыми самолетами и кораблями окончательно убедил руководство ЦРУ в том, что США стали обладателями секрета стратегической важности — точными координатами гибели советской подводной лодки. По американским данным, речь шла о дизель-электрической лодке, вооруженной ядерными торпедами и баллистическими ракетами.

После того как спасательные действия советского ВМФ пошли на убыль, а затем и вовсе прекратились, ВМС США выслали в предполагаемый район гибели советской подлодки свой ультрасовременный и сверхсекретный поисковый корабль, который на исходе второго месяца поисков засек и тщательно сфотографировал затонувшую советскую подводную лодку.

Проблема подъема на поверхность советской субмарины обсуждалась на высшем уровне командования ВМС США. Она, к великой досаде американцев, не сводилась к чисто техническим аспектам. Как отреагирует на это советская сторона? Что ни говори, а акция была чисто пиратской: без ведома страны, потерявшей судно, более того — втайне от нее завладеть ее достоянием. Однако факт гибели подлодки в СССР замолчали, мер к подъему никаких не приняли. В ВМС США все-таки решили рискнуть, заручившись дополнительно поддержкой ЦРУ в силу секретности и важности операции.

К этому времени на счету ЦРУ было немало удачно проведенных операций, придававших большой вес его директору Хелмсу и заставлявших правительство США внимательно прислушиваться к голосу этой спецслужбы. Высшие должностные лица в США остались чрезвычайно довольны объемом и качеством информации, добытой Пеньковским. Он выполнял задания ЦРУ с такой самоотдачей и так ретиво, что на одной из конспиративных встреч ему даже пришлось напомнить своим скуповатым кураторам из ЦРУ о необходимости справедливой оплаты шпионских услуг: «Я хочу получать за работу. Мне не нужно подачек. Я же не сказал вам — вот одна ракета, вот другая, это шифр, это что-то еще. Я отдал вам все». А правду о провале операции ЦРУ со шпионским тоннелем в Берлине американской общественности еще предстояло узнать. Тем не менее даже директору всесильного ведомства, находившегося в ту пору в самом расцвете своего могущества и влияния, идея завладеть советской подводной лодкой показалась просто дикой. Один из его заместителей вспоминает, что, когда он представил свои предложения

по этому вопросу Хелмсу, тот чуть не выбросил его из окна, а потом объявил сумасшедшим. Немного поостыв, Хелмс заявил, что идею надо обсудить сначала с президентом, и только заручившись его согласием, приступать к реализации. Президент США Никсон не устоял перед искушением и личным обаянием директора ЦРУ, подкрепленным авторитетом возглавляемого им учреждения, и дал «добро» на операцию.

Чем же так заинтересовала ВМС США и ЦРУ отнюдь не новая подводная лодка? В первую очередь – ее шифровальным отсеком. На рубеже 60 – 70-х годов ЦРУ задалось целью проникнуть в святая святых Советских Вооруженных Сил – организацию шифрованной связи. Говоря на жаргоне радиошпионажа, собиралось «расколоть» шифры радиообмена, в частности направление «берег – подлодка». Завладеть советской подводной лодкой – значит скорее решить эту весьма непростую задачу. Возникла идея: поднять лодку со дна океана, достать ее шифры и прочитать весь накопленный к тому времени шифр-перехват.

«Ну и что? – возразит читатель. – Подводная-то лодка когда еще затонула. Пусть пережевывают устаревший перехват, не так уж и страшно. Ведь шифры, небось, меняются каждый год».

Но американцы – народ практичный, зря деньгами не швыряются. Суть идеи состояла в том, чтобы, определив основные принципы разработки шифров конца 60-х годов и сопоставив их с данными перехвата 70-х, отыскать при помощи ЭВМ направления создания новых шифров. Прочитать шифрперехват «берег – подлодка» 60-х годов немаловажно, но главное – попытаться дешифровать текущий обмен шифрсообщениями.

Для прикрытия операции ЦРУ решило использовать одного из самых эксцентричных американских миллионеров – Говарда Хьюза. Кстати, Хьюз проявлял интерес к добыче со дна океана полезных ископаемых. В связи с этим строительство им специального корабля для подводных изысканий вряд ли вызвало бы нежелательный интерес.

Хьюз с энтузиазмом взялся за осуществление проекта. Он был так польщен предложением, что даже согласился на относительно небольшое вознаграждение за свои труды.

Пока шло строительство и испытание нового пиратского корабля, ЦРУ, используя свои многочисленные каналы, активно занималось дезинформацией. Примечательно, что эта широкомасштабная дезинформация дала толчок развитию целого комплекса направлений науки и предпринимательства, связанных с добычей полезных ископаемых с морского дна.

В 1972 году корабль, нареченный «Гломар эксплорер», был спущен на воду и ушел в первое плавание. Чтобы замаскировать истинное назначение корабля и отвлечь внимание общественности, склонной подвергать сомнению любую официальную версию, его экипаж некоторое время действительно занимался поиском полезных ископаемых в океане.

20 июня 1974 г. «Гломар эксплорер» с баржей на буксире вышел в море для осуществления операции по подъему со дна океана советской подводной лодки ПЛ-574. Операция получила условное наименование «Проект Дженнифер». Экипаж набрали в основном из бывших военных моряков, которые были знакомы с устройством подводных лодок и умели держать язык за зубами. К удивлению моряков, перед отплытием с ними провели серию занятий, в ходе которых разъяснили методы измерения радиации и конструкцию дизельных подводных

лодок. Их недоумение еще больше усилилось, когда началось обучение азам русского языка и переводу с русского на английский надписей типа: «Рубка шифровальщика» и «Осторожно, радиационная опасность!» Растерянность переросла в испуг, когда в заключение юрист объяснил экипажу корабля содержание Женевской конвенции о военнопленных и юридически правильные действия команды корабля при взятии его на abordаж военным судном иностранной державы. Моряков кое-как удалось успокоить, рассказав, что им предстоит заниматься обезвреживанием затонувшей советской подводной лодки, ядерные ракеты на борту которой были развернуты прямо на Западное побережье США и в любой момент могли стереть с лица земли Сан-Франциско и Лос-Анджелес. Экипаж пиратского корабля дал подписку о неразглашении тайны и стал готовиться к выходу в океан.

К середине июля «Гломар эксплорер» находился уже в точке гибели подводной лодки. Подъем начался. Однако в ходе операции случилось непредвиденное: корпус субмарины разломился по линии трещины в кормовой части центрального отсека. Предполагая, что главная цель – захват второго командирского отсека, в котором находились радиорубка и шифрпост, – достигнута, «Гломар эксплорер» направился с добычей в Гонолулу.

При исследовании поднятой со дна части ПЛ-574 выяснилось, что шифрдокументы в ней отсутствуют. Причина оказалась совершенно неожиданной. Дело в том, что командир ПЛ-574, капитан 1-го ранга Владимир Иванович Кобзарь, был человеком высокого роста, а поскольку каюты на подводных лодках спланированы на людей среднего роста, то Кобзарю приходилось спать на диванчике, скрючившись и поджав ноги. В конце концов он не выдержал и во время большого ремонта договорился с инженерами, чтобы корпусники за соответствующее вознаграждение перенесли шифрпост в ракетный отсек на ее корме и за счет этого расширили командирскую каюту.

Самодеятельность советских ремонтников поставила ЦРУ перед необходимостью поднять и кормовую часть ПЛ-574. Новый директор ЦРУ Уильям Колби обратился к президенту США за разрешением продолжить работу над «Проектом Дженифер». Мотив оставался прежним. Колби считал, что по причине своей заинтересованности в деле разрядки международной напряженности Советский Союз не станет превращать дело о подводной лодке в предмет разногласий. Но тут в операцию опять вмешался его величество случай.

Гангстерская банда Лос-Анджелеса получила наводку: в офисе миллиардера Говарда Хьюза, в его сейфе, есть документы, обладание которыми сулит большие деньги. В одну из темных июльских ночей 1975 года бандитами была начата операция по проникновению в офис. Но корыстолюбивый наводчик снабдил этими же данными и соперничавшую группировку. У открытого сейфа вспыхнула яростная схватка, которую прервало появление полиции. К месту событий вместе с полицейскими подоспели и репортеры. Пользуясь своим численным превосходством, они в прямом и переносном смысле смели все – и охрану, и документы. Тайное стало явным во всех сокровенных подробностях.

После разразившегося скандала со сцены сошли все вдохновители «Проекта Дженифер». Президент Никсон, потерпев неудачу в связи с уотергейтским делом, был вынужден уйти в отставку, директора ЦРУ Колби освободили от занимаемой должности, а миллиардер Хьюз неожиданно умер от элементарного гриппа. Лишь «Гломар эксплорер» еще раз напомнил о себе, ограбив некую американскую фирму, купившую у властей штата Калифорния право на поднятие со дна моря затонувшего испанского галеона с грузом золотых слитков. Пока фирма не спеша вела подготовительные работы, «Гломар эксплорер» своим гигантским ковшом зачерпнул однажды ночью галеон вместе со всем его

содержимым и скрылся. А ЦРУ припугнуло обиженную фирму, чтобы та и не думала подавать иск в суд.

Из окна туалета в Варшаве

Неудача с «Проектом Дженнифер» несколько не охладила пыл ЦРУ, охота за советскими шифрами продолжалась. Однако теперь местом ее ЦРУ избрало столицу СССР.

В один из майских выходных дней 1980 года в Москве бесследно исчезли 33-летний сотрудник 8-го главного управления КГБ Виктор Шеймов с женой Ольгой и малолетней дочерью Еленой. В КГБ решили, что исчезновение целой семьи могло быть только трагическим итогом уголовного преступления. На самом же деле Шеймовы сбежали из Москвы в Вашингтон, о чем стало известно лишь десять лет спустя.

В день побега Шеймов с женой, посвященной во все его планы, и дочерью Еленой вышли из дому так, будто решили поехать на дачу. Однако вместо поездки за город семья Шеймовых направилась в центр Москвы, где в одном из сквериков супруги сменили яркие спортивные костюмы на неприметное будничное платье, а маленькую Елену одели мальчиком. На поезде доехали до Ужгорода. В привокзальном садике их встретил разбитной поляк, для которого мелкая контрабанда была лишь прикрытием серьезной работы на ЦРУ. За несколько пачек сигарет, порнографический журнал, пару долларов и прочую мелочь советские пограничники пропустили беглецов. На чехословацкой стороне проблем с пограничниками вообще не было. Ну а дальше — воскресная Вена, перелет в Нью-Йорк, двухмоторный самолет до Вашингтона...

Шеймов начал искать пути ухода на Запад еще за год до своего фантастического побега из Москвы, потрясенный «глупостью, нелогичностью и аморальностью» советской системы, о чем он поведал в вышедшей в 1993 году в США книге под названием «Башня секретов». Надежды на успешный побег у Шеймова, казалось, не было никакой. Как человек, имевший доступ к секретам организации шифрованной связи в КГБ, майор Шеймов находился под пристальным наблюдением. О том, чтобы отправиться за границу вместе с семьей, не могло быть и речи. Поэтому для начала Шеймов решил напрямую связаться с американцами, сказав им, кто он и почему представляет ценность для ЦРУ. Но в Москве у него ничего не получилось, и поэтому первоначальный контакт состоялся в Варшаве. Там в одном из кинотеатров Виктор оставил в зале неотлучно сопровождавшего его сотрудника резидентуры КГБ в Польше и под предлогом неважного самочувствия побегал в туалет. Выбравшись из туалета через окно, Шеймов на такси приехал в американское посольство. Он успел переговорить с резидентом ЦРУ, назначить встречу в Москве, обговорить систему контактов и вернуться в кинотеатр до окончания сеанса. Коллега Виктора ничего подозрительного в его поведении не заметил.

Возвратившись в Москву, Шеймов стал действовать прямо и незатейливо. Время от времени незаметно покидая свою квартиру, он отправлялся на встречи со связными, назначенные на многолюдных улицах столицы. Американцы удивлялись такому выбору места встречи, но неизменно уступали

своему ценному агенту со словами: «Ну что ж, в конце концов это вы рискуете собственной шеей».

Условием передачи в распоряжение ЦРУ известных ему секретов шифрованной связи Шеймов поставил вывоз своей семьи в США и предоставление американского гражданства. Об оплате американцами шпионских услуг Шеймова в «Башне секретов» не сказано ничего. Однако понятно, что одного права гордо именовать себя полноправным гражданином страны для благополучия семьи недостаточно, даже если эта страна – богатая Америка.

А вот какую характеристику своему бывшему подчиненному спустя десять лет после его побега на Запад дал в газетном интервью начальник 8-го главного управления КГБ СССР Н.Н.Андреев: «В публикациях о Шеймове отмечалось, что он оказал большую услугу американскому радиоспионажу, имел доступ к самым важным секретам КГБ и даже участвовал в составлении сводок для ЦК. Но здесь не все соответствует действительности. Нужно отделить зерна от плевел. Во-первых, ни один рядовой сотрудник не владеет полностью нашей информацией. А Шеймов был именно рядовым сотрудником, допущенным к весьма ограниченному кругу служебных секретов. Некоторое время он занимался обслуживанием шифровальной техники, а затем был переведен в подразделение, ведущее строительно-монтажные работы в совзагран-учреждениях. Кстати, сразу после его исчезновения мы позаботились о безопасности тех точек, где бывал Шеймов. Просчет в другом: мы не сумели разглядеть истинное лицо этого человека. Врал он и нам, и новым своим хозяевам: например, Шеймов не мог привлекаться к составлению сводок для ЦК уже по той простой причине, что в сферу деятельности нашей службы подготовка таких документов не входит. И все же, на мой взгляд, предательство В.Шеймова бросило определенную тень на сотрудников «восьмерки». А эти люди, поверьте мне, хоть и молоды, но честные и бескорыстные. До Шеймова иностранные разведки тоже пытались соблазнить, переманить на свою сторону наших шифровальщиков. Но в последнее время такие попытки участились. Так, наши шифровальщики в США, вернувшись из городского магазина, обнаружили в кармане конверты, в которых были приглашение к предательству и аванс за согласие – бриллиант».

Тайны рейса 007

Самолет «Боинг-747» авиакомпании КАЛ, следовавший рейсом 007 из Нью-Йорка в Сеул, начал свой полет 1 сентября 1983 г. в 4.05 по Гринвичу. В 11.30 он завершил первую часть маршрута, коснувшись посадочной полосы в Анкоридже, на Аляске. Он должен был вылететь отсюда в Сеул почти через час, поэтому пассажирам предложили размяться в здании аэропорта, где они смешались с теми, кто летел из Лос-Анджелеса в Сеул рейсом 015 той же южнокорейской авиакомпании.

Экипаж рейса 007 в Анкоридже полностью сменился. Механики проверили на «боинге» радио и 2 компаса. В одном из них обнаружили неполадки, но исправлять не стали, оставили до Сеула, поскольку второй работал нормально, а кроме компасов на самолете были 4 полностью исправные независимые навигационные системы. Авиалайнеру было еще далеко до предельного срока службы, и только 3 недели назад он прошел полное техническое обслуживание и проверку. Командование на борту «боин-га» принял Чун Бун Сун, полковник резерва ВВС, один из лучших южнокорейских летчиков.

Чун Бун Сун заметно выделялся даже среди пилотов КАЛ. В качестве летчика ВВС он был известен как агрессивный тип, готовый идти на риск и не способный на компромиссы. Он считался асом и принимал участие во множестве военных парадов. Это был не просто сорвиголова: он налетал более 10 тыс. часов и настолько хорошо разбирался в электронике, что заслужил кличку «Человек-компьютер». На линии Анкоридж – Сеул он работал уже 5 лет. Второй пилот, подполковник резерва ВВС Сон Дон Вин, также был классным летчиком.

Пассажиров на рейсе 007 было мало. Обычно их число достигало 350, а на этот раз набралось всего 240. Экипаж же был, наоборот, необычно большим. Во время других полетов он с обслуживающим персоналом не превышал 18 человек. В этот раз их было 29.

Но все это выглядит малозначимым по сравнению с тем, что происходило при заправке самолета горючим. Сохранившиеся документы показали: в самолет залили почти на 5 тонн больше горючего, чем полагалось по расчетам компьютера при данном грузе, скорости, ветре, температуре и с нужным аварийным запасом, что и было отпечатано его принтером в плане полета. Пилоты никогда не вносят в него поправок. Но на этот раз командир корабля Чун перечеркнул заявку ЭВМ. Увеличивать без надобности вес самолета топливом – грубая ошибка, и это явно противоречило репутации Чуна.

Чун должен был поднять свой «боинг» в воздух в 12.20 и отправиться по маршруту Ромео-20. В действительности самолет взлетел на 40 минут позже. До этого времени экипаж был занят программированием инерционной навигационной системы (ИНС).

ИНС представляет собой чудо современной электроники. Она состоит из трех компьютеров, причем, даже если два из них выйдут из строя, система сохраняет работоспособность и ведет лайнер с замечательной точностью (допустимое отклонение не превышает 1 мили на 5 тыс. миль пути). Чтобы избежать человеческой ошибки при программировании, программа вставляется в компьютеры готовой, записанной на кассетах, которые специально упакованы вместе с планом полета. Но после этого обязательна процедура проверки, когда бортинженер «проигрывает» кассету на своем компьютере, а первый и второй пилоты следят за соответствием данных плану полета на двух своих. Все это было сделано.

Пилоты считают ИНС практически безошибочной. Но и кроме нее на «боинге» были другие средства навигации, в частности радиоаппаратура для слежения за наземными радиомаяками. Вдобавок, экипаж мог воспользоваться маяком в пункте Бетел к юго-западу от Анкориджа.

007 начал отклоняться от курса немедленно после взлета. Диспетчерский пункт аэропорта Анкориджа отметил, что на полпути к цели 007 был уже в 6 милях к северу от курса. Но это экипаж не смутило – времени для поправки было много. Через 50 минут после взлета 007 радиовал, что он прошел Бетел. Но, как показывают записи с военного радара США в Кинг-Сэлмоне, самолет в действительности прошел на дюжину миль севернее.

Этот момент являлся критическим в нескольких отношениях. Хотя самолет менял курс еще несколько раз, направление, которое он взял у Бетела, вело его в глубь советской территории, в район, который на навигационной карте

Чуна был обведен жирной синей линией с надписью: «Внимание! Самолет приближается к зоне, где он может быть обстрелян без предупреждения». Самолет никаким образом не мог оказаться у Бетела, если бы экипаж вел его по маршруту Ромео-20. ИНС вывела бы его к контрольному пункту. То же самое сделал бы автопилот, нацеленный на радиомаяк Бетела. Если бы и ИНС, и автопилот не работали, проход над этой точкой обязывал капитана проверить навигационные инструменты.

Более того, обычный магнитный компас в пилотской кабине (независимый от остальных систем) показал бы отклонение от маршрута и с продолжением полета показывал бы его все более явно. Думать, что 007 случайно сбился с курса у Бетела, — означает поверить, что командир и экипаж виновны в сверхъестественном разгильдяйстве и невнимании. Поэтому возможные объяснения случившемуся строго ограничены.

Либо и ИНС, и автопилот вышли из строя, а команда не заметила желтой вспышки на панели приборов, сигнализировавшей об этом. К тому же экипаж должен был не обращать внимания на компас и радар, показывавшие совсем другую линию побережья Аляски, чем та, через которую они должны были пролетать.

Либо ложная программа полета умышленно была заложена в ИНС самолета в Анкоридже с целью полета над советской территорией, что нельзя было сделать без ведома экипажа, особенно учитывая тот факт, что они дали ложные сведения о своем проходе над Бетелом.

007, все более отклонявшийся от маршрута Ромео-20, был на нем не один. В 13.14 следом за ним из Анкориджа вылетел рейс 015. И здесь происходили необычные вещи. Если бы 007 летел по маршруту, то 015 нагонял бы его. Следующий после Бетела контрольный пункт 015 прошел с опережением графика около 9 минут. Опытный американский пилот Роберт Эллардайс посчитал, что скорость его была гораздо выше принятой. 007, с другой стороны, замедлил движение, и, таким образом, получилось, что значительную часть пути оба самолета шли близко один от другого параллельными курсами.

Это важное обстоятельство, и вот почему. В то время как 007 все дальше отклонялся от маршрута, он уходил из зоны действия радиостанции аэропорта в Анкоридже, но постоянно оставался в пределах работы приемопередатчика лайнера 015 и, таким образом, мог использовать его как промежуточный пункт связи. Это, кстати, привело к еще одной несообразности. Данные о скорости ветра, которые 007 передавал через 015 в Анкоридж, резко отличались от данных самого 015. А по данным, передаваемым о положении 007, он следовал лишь в нескольких минутах лета впереди.

007 должен был пройти следующий контрольный пункт над морем в 14.30 и сообщить об этом в Анкоридж. Этого сделано не было и через 4 минуты после положенного времени, что является поводом для объявления тревоги. Анкоридж попытался найти 007 через радиостанции Алеутских островов, но в это время 015 сообщил, что 007 благополучно прошел контрольный пункт. Анкоридж передал Чуну, что на следующем контрольном пункте между Алеутскими и Командорскими островами он должен сам сообщить о своем местонахождении. Этого сделано не было. Вместо этого сообщение вновь поступило через авиалайнер 015. Странно, но и тогда диспетчеры не подняли тревоги. К этому времени 007 был уже в 150 милях к северу от места, нахождение над которым подтвердил диспетчерам через 015. Радары 007 (их

2) должны были показывать пилотам очертания Камчатки, располагавшейся всего в 110 милях. К этому же времени на экранах радаров должен был обозначиться и шпионский самолет США PC-135.

Появление PC-135 могло бы насторожить экипаж 007, если причиной изменения его курса была экономия горючего, как можно предположить. В этом случае они должны были избегать посторонних глаз. Другое дело, если воздушное свидание «боинга» с PC было заранее запланировано. И именно так могли объяснить это себе специалисты ПВО, следившие за маневрами самолетов на экранах своих радаров. Оба они стремительно приближались к побережью Камчатки. Встреча 007 и PC-135 произошла к северу от Командорских островов. Чтобы это случилось, 007 еще раз резко изменил курс, и нет никаких сомнений, что пилот сделал это абсолютно сознательно.

Пассажиры в салоне понятия не имели, какой опасности они подвергались. Некоторые смотрели по внутренней видеосети фильм, остальные спали.

Сигнал лайнера 007 появился на радарх советских сил ПВО в 15.51 и в 16.01 совместился с сигналом американского самолета PC-135. Они оставались рядом до 16.11, после чего один повернул к Аляске, а другой продолжал двигаться к Камчатке. Следившие за полетом на экранах радаров в этот момент не могли решить, какой из двух самолетов продолжал полет в направлении к границе. В 16.30 007 пересек побережье Камчатки.

Судя по всему, Советский Союз поднял свои перехватчики в воздух в 16.32 — спустя 2 минуты после проникновения в его воздушное пространство над Камчаткой — и прервал перехват в 17.08, когда воздушное пространство над Камчаткой освободилось от нарушителя.

Существуют разные объяснения, почему не удалось осуществить перехват «боинга» над Камчаткой: одни считают, что советские Войска противовоздушной обороны не были готовы, другие — что виноваты электронные помехи, которые, несомненно, чинили американцы советским радарам и средствам связи.

Так или иначе, пробыв в советском воздушном пространстве над Камчаткой около 38 минут, «боинг» уходил в сторону Охотского моря, к Сахалину. Было очевидно, что теперь ПВО СССР были настороже. Действительно, когда авиалайнер приблизился к Сахалину, в воздух были подняты советские перехватчики, и авиалайнер летел с внушительным эскортом. Причем сопровождающие предпринимали неоднократные попытки связаться с ним на международной аварийной частоте. Истребители, висевшие у него на хвосте, знали, что у них всего лишь 10 минут, чтобы посадить его или, если это не удастся, — сбить. И если придется прибегнуть к роковому решению, то это должно быть сделано в последний момент, чтобы не дать нарушителю уйти. Это были минуты наивысшего напряжения.

Советский летчик позднее рассказывал об этих мгновениях в интервью по телевидению: «Он летел практически над нашей базой. Я подошел к самолету и показал ему свои бортовые огни. Естественно, они должны были увидеть их. Потом я послал 4 очереди трассерами перед носом «боинга». Они видны за много километров, и, конечно, они должны были увидеть их. Я также покачал крыльями. Они должны были увидеть огни и освещенные крылья».

В это время Чун предпринял маневр, только усиливший подозрения советской стороны. Бросив самолет вниз с одновременным увеличением скорости, он сразу же после этого начал резко набирать высоту. Перехватчик среагировал немедленно. В 18.26.20 он доложил: «Ракеты пущены», а через 2 секунды: «Цель поражена». Все было кончено. Авиалайнер упал в воду в районе острова Моннерон.

Четыре с половиной гипотезы

Поскольку сложно дать окончательный ответ на вопрос, как 007 отклонился от курса, приходится рассматривать все возможные объяснения. Выдвигались четыре гипотезы:

- 007 сбился с курса случайно;
- пилоты намеренно изменили курс, чтобы сэкономить горючее;
- советские подразделения ПВО намеренно сбили самолет с курса с помощью электронных помех его навигационному оборудованию;
- это был шпионский полет.

Итак, случайность? Существует несколько вариантов гипотезы случайных ошибок в использовании навигационных систем в ходе рейса 007. Практически заслуживает рассмотрения только одна, согласно которой ИНС вообще не использовалась пилотами, а самолет вел автопилот с установленным в момент взлета курсом в 246° , который впоследствии экипаж забыл переключить. Возможность такой ошибки ничтожно мала. Против этого говорят и другие таинственные обстоятельства: необъяснимая заправка лишнего горючего, странные перемены в скорости у 007 и 015, а также игнорирование сигналов советских перехватчиков.

Экономия горючего? Эта гипотеза заключается в том, что пилоты умышленно сократили маршрут, чтобы сэкономить горючее. Ее корни лежат в практике авиакомпаний КАЛ использовать более дешевые, чем у основных конкурентов, тарифы, и репутации ее пилотов как воздушных ковбоев, не слишком педантичных в правилах международных воздушных перевозок. В действительности эта гипотеза не выдерживает критики. Если бы авиакомпания и делала что-либо подобное, то не на этом маршруте – по причине особенно большого риска. И наконец, зачем при этом направлять лишние 5 тонн горючего?

Электронное вмешательство? Эта гипотеза предполагает использование нашими силами ПВО электронного луча, способного перенастроить ИНС самолета так, чтобы она «думала», что авиалайнер находится на верном курсе, когда тот сошел с него. Таким образом, предполагается существование /СССР некой машины, которая может на расстоянии в тысячи километров убрать из мощных компьютеров заложенные в них программы и заменить их совершенно другими данными, да так, чтобы этого никто не заметил. Современная наука отвергает эту возможность, и кроме того, опять возникают вопросы: почему экипаж игнорировал показания компаса, сигналы радиомаяков и предупреждения советских перехватчиков?

Шпионский полет? Остается предположение, что 007 выполнял шпионскую миссию, причем здесь возможны 2 варианта. Первый: 007 вел шпионаж сам, снабженный специальными камерами и датчиками. Второй: он выполнял пассивную роль, лишь «включая» советскую радарную сеть, сведения о которой регистрировались средствами американского радиозапроса. Первый сценарий выглядит менее вероятным по сравнению со вторым. Американские самолеты-шпионы часто провоцировали приграничные радиозапросные средства вдоль побережья Камчатки и Сахалина. Но они заинтересованы в более глубоком шпионаже.

В этом инциденте, несомненно, заключался и определенный политический расчет. Именно в это время администрация Рейгана изыскивала доказательства «нарушения» СССР договора о противоракетной обороне. 007 мог, по мнению шпионских служб США, отыскать их. Для такого рода глубокого проникновения использование гражданского авиалайнера давало большие преимущества, так как, если бы его обнаружили, посадка по приказу на чужом аэродроме ничем ему не грозила. (Вполне возможно, что капитан Чун нарушил данную ему инструкцию следовать на посадку в ситуации, подобной сложившейся. Сказался его характер авантюриста.)

Почему именно КАЛ и ее рейс 007 были выбраны для этой миссии? Нужны подходящие пилоты — и именно такие были на борту. Нужны были на непредвиденный случай резервные члены экипажа. И они были. Было бы удобно, чтобы еще один самолет шел рядом и служил передающим постом. Это мешало бы наземным диспетчерам заподозрить неладное. И, как мы знаем, 015 шел рядом. В критических обстоятельствах самолет должен был маневрировать и резко увеличивать скорость. 007 взлетел с недогрузом, с меньшим числом пассажиров и с лишним топливом — все это отвечало задаче.

Конечно, можно отвергнуть любую из предложенных гипотез, и только читателю решать, какая из них выглядит для него наиболее убедительной. Но выбор приходится делать только из этих четырех. То, что сегодня известно о случившемся, делает заключение о шпионской миссии 007 наиболее убедительным.

Есть еще одна гипотеза, заслуживающая внимания и показывающая, что в тайне рейса 007 последняя точка еще не поставлена. Японский военный обозреватель Акио Ямакава заявил на пресс-конференции, организованной обществом по выяснению правды об инциденте с южно-корейским пассажирским самолетом КАЛ-007, что с самого начала он обратил внимание, что на пленке с записями переговоров в воздухе, переданной представителями японских сил самообороны, американскими военными отчетливо зафиксировано, что самолет-шпион США PC-135 находился рядом с южнокорейским самолетом по крайней мере за 8 минут до того, как полет последнего был пресечен. Однако президент Рейган в своем первом заявлении утверждал, что PC-135 находился вблизи самолета-нарушителя только в самом начале полета, а за час до трагедии вернулся на свою базу в Анкоридж. Позже пленка была расшифрована, а текст представлен в ООН и опубликован в печати, но многие важные фрагменты переговоров почему-то исчезли. Пилот PC-135 должен был понимать, что таким курсом южнокорейский самолет идет на верную гибель, но не предупредил его об этом.

Еще удивительнее то, что, хотя в 18.26.20 пилот советских ВВС доложил об уничтожении самолета-нарушителя, через 39 секунд с 007 на токийскую

станцию спокойно доложили: «Токийская станция. Говорит рейс 007 южно-корейской авиакомпания».

Заинтригованный противоречиями, умолчаниями и многочисленными несоответствиями в утверждениях заинтересованных сторон, бывший французский моряк и летчик Мишель Брэн выдвинул версию, что советским перехватчиком в 18.26 был сбит не корейский авиалайнер. Брэн провел поистине титаническую работу по изучению опубликованных документов и планов полета, проведя поиски на месте катастрофы и опросив очевидцев. История могла бы показаться поистине фантастической, если бы Брэн не заручился многочисленными гарантиями и не привлек внимание видных общественных деятелей, таких, как, например, сенаторы Кеннеди и Нанн, которые даже направили в свое время запросы по этому поводу госсекретарю США. Брэн, прослушивая обнародованные США и Японией записи советских переговоров в этом секторе, обнаружил, что, в то время как 007 продолжал свой путь, не соответствовавший плану полета, в этой зоне произошло несколько воздушных боев и что по крайней мере три самолета были сбиты. Таким образом пассажирский самолет оказался в орбите массивной провокационной миссии с политическими или разведывательными целями.

По данным Брэна, РС-135 был вблизи 007, когда тот шел над Сахалином (что совпадает и с заявлением Ямака-вы), а лента, переданная с купюрами японскому парламенту по истечении 22 месяцев, содержала 2 записи связи между 007, 015 и 050, состоявшиеся через 17 и 44 минуты соответственно после предполагаемого момента трагедии! Кроме того, Брэн отметил, что обломки «Боинга-747» были найдены через 8-9 дней после его падения у побережья острова Хоккайдо, к северу от острова Хонсю, примерно в 200 милях от острова Моннерон. Морские течения в этом районе идут с юга на север, и поэтому не могло быть обломков к югу от Сахалина. Это подтвердил в беседе с Брэном японский вице-адмирал Коному, который именно по этой причине не верил в то, что 007 мог упасть вблизи Сахалина.

Что за обломки в таком случае были собраны русскими, американцами и японцами у острова Моннерон? По мнению Брэна и японской береговой охраны, они остались от «несоветских» самолетов, о чем свидетельствовали состав некоторых из них (из титана, как у СР-71) и надписи на английском языке. Следовательно, было сбито несколько целей, а не одна. Однако Советский Союз признал, что им был сбит один самолет, и японские рыбаки видели, как он упал в море в указанное время. И именно здесь Брэн высказывает совершенно неожиданную версию. По его мнению, это был РС-135.

Этого же мнения придерживается капитан 3-го ранга в отставке Н.Федосеев, участвовавший 1 сентября 1983 г. в выполнении задания по вылавливанию обломков самолета в районе острова Моннерон. Весной 1991 года японский корреспондент Акиро Като, родственники которого погибли в этом рейсе, нашел Федосеева в Риге и попросил рассказать все, что тот видел и знал. Вот что он услышал: «Плавало многое: обшивка самолета, много детской, мужской и женской одежды, обуви, документов. Погода была отличная: солнце, штиль. Все предметы плавали в радиусе одной-полтора миль. Человеческих тел я не видел. Скажу главное, что волновало господина Като и меня. На поверхности воды не было не только трупов и частей тел, но и следов крови. Я говорил господину Като, что даже при чистке мелкой рыбы в воде образуется большое пятно крови. Течения в том районе почти нет. Не было и сведений от сухопутных пограничников о том, что к берегу прибило какие-либо трупы. Ветер был, как мы говорим, прижимной, то есть к берегу Сахалина. А когда Акиро Като сказал мне, что и водолазы, обследовавшие

самолет на морском дне, не обнаружили трупов людей, мне стало ясно, что «боинг» был без пассажиров или почти без пассажиров».

Так что же тогда случилось с южнокорейским «боинг-гом»? По мнению Брэна, он был сбит позже в неразберихе, создавшейся в результате воздушного боя и путаницы с военными самолетами над Сахалином. То есть произошла ошибка, аналогичная той, что стоила жизни пассажирам иранского азробуса, сбитого американским крейсером над Персидским заливом. Ну а в дальнейшем было сделано все, чтобы «прикрыть» эту ошибку.

Отдавая должное вкладу, который внесло ЦРУ в развитие радиошпионажа, следует отметить, что во второй половине 80-х годов значение главного шпионского ведомства США в этой сфере заметно поубавилось на фоне роста влияния и активности его «младшего брата» – Агентства национальной безопасности. Поэтому весь дальнейший рассказ об американском радиошпионаже связан с АНБ.

АНАТОМИЯ

У человека для того поставлена голова вверх, чтобы он не ходил вверх ногами.

К.Прутков. «Сочинения»

Соломоново решение

Комплекс зданий, в котором помещалась штаб-квартира АНБ, располагался на полпути между Балтимором и Вашингтоном в местечке под названием Форт-Мид. К комплексу примыкала территория площадью в тысячу гектаров. К началу 80-х годов на этой территории проживало 3,5 тыс. человек, и еще в 15 раз больше ежедневно приезжало для выполнения служебных обязанностей. Здесь действовала своя транспортная служба, имелись свои полицейские, можно было постричься, записаться в библиотеку, зайти к доктору, функционировала даже своя телестудия. Налицо были все атрибуты маленького американского городка, но, правда, с одним существенным отличием: прежде чем сесть в кресло к парикмахеру или раздеться в кабинете у доктора, следовало пройти многомесячную проверку, заполнить десятки анкет, провериться на «детекторе лжи», подписать множество бумаг с обязательствами нище, никогда и ни при каких обстоятельствах не разглашать сведений, касающихся АНБ.

Место расположения АНБ было выбрано не случайно, поскольку служащие этого государственного учреждения являлись не обычными клерками. Это были «сливки» деловых и научных сообществ США. Многие из них переманили с высших должностей в промышленности или с престижных академических постов. Не без оснований считалось, что даже 10-процентная потеря служащих Агентства в случае увольнения или войны стала бы катастрофой для страны. Поэтому, когда встал вопрос о выборе места для строительства единого комплекса зданий АНБ, возник целый клубок проблем, заставивший немало поразмыслить создателей Агентства.

Сосредоточение до той поры разбросанных дешифровальных служб США в одном месте приводило к повышению их уязвимости при нападении со стороны противника. Это минус. Но расположение в непосредственной близости от зданий государственного департамента и аппарата президента повышало оперативность доставки туда шпионской информации, добываемой АНБ. Это плюс. В то же время было совершенно очевидно, что свой ядерный удар противник в первую очередь направит против высших эшелонов власти США и выведет из строя заодно и АНБ. Еще минус. Однако удаление АНБ от правительственных учреждений и вообще от больших городов создавало проблему с рабочей силой. После долгих размышлений было принято соломонино решение: расположить Агентство не рядом со столицей, но и не так уж далеко от нее.

Короче говоря, добро пожаловать в Форт-Мид! Найти это радиошпионское гнездо несложно. Выезжая из Вашингтона по автостраде к Балтимору, на 53-м километре шоссе надо свернуть направо, сразу за дорожным указателем с надписью «АНБ» и предупреждением о том, что «съезд с трассы к Форт-Миду исключительно для сотрудников».

«Белый слон»

Основной «продукцией» АНБ являлись информационные материалы для руководства страны и шпионских ведомств США. Над получением этих материалов работало сразу несколько его служб и подразделений. Поэтому для обеспечения эффективного функционирования Агентства в целом жизненно важно было обеспечить хорошее взаимодействие его составных частей.

Организацию пересылки документов в пределах АНБ можно сравнить с системой кровообращения человека. Подобно тому как кровеносные сосуды пронизывают человеческое тело, пути доставки информации пролегали через все части сложного организма Агентства. Доставка документа из одного конца комплекса зданий в другой занимала не более 14 минут. Использование пневмопочты снижало это время до 90 секунд. В распоряжении работавших в АНБ была внутренняя телефонная связь, защищенная от подслушивания посторонними лицами.

Среди возможностей, предоставлявшихся в АНБ его сотрудникам, не последнее место занимали услуги «печатного двора» — одного из самых совершенных и мощных среди находившихся когда-либо в распоряжении правительства США. Достаточно сказать, что только одна печатная машина этой типографии обладала производительностью в миллион страниц в год. Неудивительно, что при таких громадных возможностях большую проблему для АНБ представляли хранение и уничтожение устаревших документов на бумажных носителях.

Архив АНБ содержал миллионы километров бумажной ленты с перехватом. Для ее хранения было построено специальное хранилище, где поддерживались постоянная температура и влажность. Данные за 1980 год свидетельствовали, что АНБ засекречивало в среднем от 50 до 100 млн. документов в год. В них секретной информации содержалось больше, чем в документах американских вооруженных сил, ЦРУ, государственного департамента и всех других

правительственных агентств и ведомств США, вместе взятых. В среднем уничтожению подлежало около 40 тонн секретных бумаг в день.

Пытаясь найти какой-то выход из создавшегося положения, в АНБ пробовали превращать эту ненужную бумагу в измельченную массу. Далее эта масса упаковывалась в пластиковые пакеты, которые отправлялись на картонную фабрику. Расположена она была на значительном удалении от Форт-Мида, что создавало трудности с транспортировкой. Вдобавок не вся макулатура, производство которой с таким грандиозным размахом наладило АНБ, оказалась пригодной для переработки ее в картон. Поэтому было создано дополнительное хранилище площадью в 2 тыс. кв. метров для хранения бумаги, подлежавшей не «пережевыванию», а сжиганию.

Захлебываясь в бумажном «море», Агентство обратилось с заказом к корпорации, занимавшейся изготовлением технических средств для уничтожения мусора. В 1972 году эта корпорация продемонстрировала ответственному сотруднику из АНБ приспособление под условным названием «Белый слон» – машину размером с трехэтажный дом и стоимостью более миллиона долларов, которая должна была сжигать мусор со скоростью 6 тонн в час при температуре примерно 2000° по Цельсию. Так же, как в американском парке аттракционов «Диснейленд», где накопившийся мусор перемещался с помощью транспортера к мусоросжигателю, в АНБ планировалось применить пневмотрубопровод, по которому мусор должен был двигаться упакованным в пластиковые мешки. Но помешала одна «маленькая» неприятность: «Белый слон» отказывался работать как положено. Вместо того чтобы превращаться в газ и жидкость, которые по пневмотрубам должны были отводиться от машины, мусор время от времени вдруг становился твердой асфальтоподобной массой, которую надо было разбивать на части отбойным молотком, чтобы вытащить из утробы «Белого слона». Когда АНБ, наконец, сумело аннулировать контракт, машина в общей сложности проработала более 7 недель, и АНБ выплатило 70 тыс. из положенного по контракту миллиона долларов. Немало.

Фашист

В годы президентства Д.Эйзенхауэра АНБ руководили исключительно кадровые военные. Но при Д.Кеннеди, а затем при Л.Джонсоне наметился некоторый отход от этого правила. Для налаживания эффективной работы Агентства после потрясений, пережитых им в начале 60-х годов, потребовались руководители с более широким взглядом на жизнь и хорошей научной подготовкой, чего военное образование не давало. В 1963 году на пост директора АНБ был назначен доктор наук Юджин Фу-бини.

Сенат США без особых хлопот и осложнений утвердил это назначение. Правда, на заседании сенатской комиссии по делам вооруженных сил 27 июня 1963 г. подробные расспросы Фубини о его политической деятельности в Италии до эмиграции в США в 1939 году выявили такие подробности биографии, которые явно выделяли его в ряду других директоров АНБ. Ученый муж простодушно сообщил сенаторам, что никогда не был связан с коммунистами, потому что являлся членом фашистской организации. Это, однако, отнюдь не помешало ему в годы второй мировой войны, будучи научным консультантом армии и флота США в Европе, давать ценные советы, как лучше громить своих бывших

единомышленников на суше и на море. После войны Фубини поступил в лабораторию авиационных приборов и работал там над секретными электронными системами.

Фубини отличился на своем высоком посту в АНБ прежде всего тем, что составил длинный перечень фактов разглашения государственных секретов США в печати и на телевидении. Заметное место в этом перечне заняли публичные выступления американского министра обороны и его заместителя, которые являлись непосредственными начальниками Фубини.

«Пат Электронное Ухо»

К середине 60-х годов АНБ представляло собой, по образному выражению его тогдашнего директора генерал-лейтенанта Маршалла Сильвестра Картера, известного в шпионских кругах как Пат Картер, «всеми забытое приемное дитя». Сменялись директор за директором, а АНБ все так же направляло поток дешифрованных криптограмм аналитикам из ЦРУ. И хотя руководство АНБ досконально разбиралось в проблемах организации перехвата и дешифрования перехваченных шифрсообщений, Агентство продолжало отставать от ЦРУ и госдепартамента в анализе и определении значимости полученной информации. На различных заседаниях и совещаниях шпионского сообщества США директора АНБ чувствовали себя не очень уютно, так как не обладали полной информацией о политической обстановке в мире. Показательна в этом отношении история одной операции АНБ, провалившейся именно из-за ошибки в интерпретации добытых шпионских данных. Успешное чтение шифрпереписки, циркулировавшей в конце октября 1956 года между Лондоном, Парижем и Тель-Авивом, показало, что Англия, Франция и Израиль собирались напасть на Египет. Однако в Агентстве сочли это известие настолько абсурдным, что ему не дали хода, полагая, что речь шла о ловкой махинации, имевшей целью внести раздор в отношения США с этими странами. Последующие события на Ближнем Востоке продемонстрировали всю ошибочность сделанных выводов.

Сотрудники ЦРУ время от времени получали моральное удовлетворение от появления в периодической печати статей о деятельности и достижениях своего учреждения. АНБ находилось в полном забвении. Когда в 1965 году его директором стал Маршалл Картер, всего несколько официальных лиц в Вашингтоне были осведомлены о существовании АНБ. Даже в Советском Союзе, казалось, знали об АНБ больше. В газете «Советская Россия» появилась статья, в которой ее автор назвал Картера «Пат Электронное Ухо». В статье писалось об умении Картера вершить свои темные дела по принципу «чем лучше разведчик, тем меньше о нем слышно». И вот Картер решил положить конец такому положению АНБ, даже если для этого ему пришлось бы пойти наперекор своим представлениям о секретной деятельности.

В послужном списке Картера были престижная военная академия, в которой он овладевал инженерным искусством, а также должность командира зенитных подразделений во время второй мировой войны. В мирные годы Картер исполнял обязанности специального помощника государственного секретаря, а затем заместителя директора ЦРУ [2] .

Придя на пост директора АНБ и немного освоившись на новом месте, Картер начал зазывать ответственных чиновников из американской администрации к себе в гости в Форт-Мид, надеясь таким образом поднять роль Агентства. Усилия не пропали даром, и в 1968 году АНБ посетил вице-президент США

Хэмфри (в 1981 г. это же сделал и находившийся тогда на посту вице-президента Джордж Буш). Хэмфри произнес там речь. Суть ее сводилась к тому, что сотрудники АНБ заняты нелегким, очень полезным трудом, хотя и без надежды на высокое признание со стороны широкой общественности. По словам вице-президента, руководство страны знало об их труде и высоко его ценило. Американские криптоаналитики, сидевшие в зале, жмурились от удовольствия, слушая Хэмфри.

Следует отметить и такую деталь: Картер намеренно не приглашал высших чинов из министерства обороны США посетить АНБ. Дело в том, что формально АНБ являлось ведомством, самостоятельно функционировавшим в рамках министерства обороны. Картер решил сделать упор на слове «самостоятельно», а не на принадлежности АНБ к министерству обороны. Позже он признался, что, будучи в течение четырех лет директором АНБ, отчаянно боролся с военными за сохранение самостоятельности своего Агентства, пытаясь сбросить хотя бы то, что досталось ему в наследство от предыдущих директоров в плане осуществления самостоятельной политической линии.

В основе трений между АНБ и министерством обороны лежало естественное желание Агентства установить свой собственный контроль над бюджетом. К 1969 году в АНБ на различных должностях работало 95 тыс. человек — в 5 раз больше, чем в ЦРУ. Бюджет АНБ объединял в себе все, что касалось расходов на радиопромоны: от наушников для операторов на станциях перехвата в Марокко до суперсовременных ЭВМ в подвалах штаб-квартиры в Форт-Миде. К началу 70-х годов в силу понесенных больших расходов на войну во Вьетнаме были приняты меры по сокращению расходов на содержание правительственных учреждений (это касалось и АНБ). Поэтому для АНБ было жизненно важно, чтобы контроль над бюджетом осуществлялся в самом Агентстве. Тем самым АНБ могло бы самостоятельно определять, где производить необходимые сокращения. По одну сторону баррикад в борьбе за контроль над бюджетом оказались гражданские служащие, которые возглавляли АНБ и резонно утверждали, что они лучше знают его нужды. По другую — военные, которые руководили перехватом.

После себя Картер оставил новый герб Агентства. Первоначально он выглядел так: по верхней кромке круга бежала надпись «АГЕНТСТВО НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ», по нижней — «МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ», а в центре эмблемы помещался орел с распростертыми крыльями, у которого из-под хвоста вылетало большое количество стрел и молний. Картер добился, чтобы вместо слов «МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ» на гербе АНБ было написано «СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ», да еще подправил немного изображение орла. Теперь могучая птица уже не размахивала угрожающе крыльями, а прижимала их к телу, что символизировало защитный, а не наступательный характер секретной деятельности. Агентство все-таки безопасности, а не чего-нибудь! Были убраны также и стрелы с молниями сомнительного происхождения.

«Голубые» шпионы

Для Бобби Рея Инмена, предшественника Картера на посту директора АНБ, камнем преткновения были не только статус Агентства и контроль над его бюджетом, но и гомосексуализм подчиненных. Поскольку АНБ функционировало

в рамках министерства обороны, там действовал официальный запрет на службу гомосексуалистов, введенный в армии еще во время второй мировой войны. Он основывался на действовавшем в США законе об уголовном преследовании содомитов и на убеждении, что гомосексуализм являлся разновидностью психического заболевания.

В начале 60-х годов два криптоаналитика АНБ сбежали в СССР. Многие их коллеги предполагали, что они были не только предателями, но и гомосексуалистами. Последовали репрессии, и десятки работников, подозревавшихся в склонности к гомосексуализму, были Инменом уволены. В дальнейшем даже намек на сексуальную эксцентричность в поведении потенциального сотрудника АНБ было достаточно, чтобы ему отказали в приеме на работу. Если это выяснялось после поступления на службу, его под разными предлогами вынуждали уволиться из АНБ.

Так было до 1980 года, когда один из переводчиков, гомосексуалист, которому грозило увольнение, прибегнул к помощи известного в США борца за права гомосексуалистов. Перед АНБ явственно замаячил публичный скандал. Его удалось замять, дав лингвисту подписать один хитро составленный документ. В нем этот служащий обязывался сообщить о своих склонностях в области половой жизни, отличавшихся от общепринятых, родственникам, а о всех попытках шантажировать его на этой почве незамедлительно докладывать своему руководству.

К концу XX века мало кто продолжал придерживаться мнения, что гомосексуалистов надо содержать исключительно в «психушках». Однако запрет на их службу в армии и в ведомствах, ответственных за обеспечение безопасности страны, продолжал действовать, поскольку, как было заявлено представителем Пентагона в 1982 году, присутствие гомосексуалистов и лесбиянок «в значительной степени затрудняет поддержание дисциплины, морали и порядка». И это было не просто угрозой: между 1980 и 1990 годами почти 17 тыс. человек были уволены из рядов вооруженных сил США из-за гомосексуальной ориентации в поведении. Из всех союзников США по Организации Североатлантического договора (НАТО) аналогичной политики по отношению к «голубым» придерживалась только Англия. К началу 90-х годов обеспечение безопасности в секретных государственных ведомствах и возможность шантажа со стороны спецслужб противника перестали фигурировать в качестве причин для отказа гомосексуалистам в приеме на работу. Несмотря на это, в американском шпионском сообществе продолжало господствовать мнение, что гомосексуалисты — это не те люди, которым можно доверять в таком деликатном деле, как шпионаж.

На пять лет впереди планеты всей

«Какой я, к черту, криптограф!» — сказал однажды Маршалл Картер. И действительно, директор АНБ — это просто бюрократ высокого ранга: его дело — формирование бюджета и определение общего стратегического направления деятельности Агентства. Управление каждодневными делами всегда находилось в руках заместителя.

Итак, на самом верху служебной пирамиды АНБ стоят директор и его заместитель. Что касается организационной структуры АНБ на более низком уровне этой пирамиды, то она была одним из наиболее строго охраняемых

секретов. В соответствии с законом, принятым американским конгрессом в 1959 году, ничто не могло являться основанием для требования раскрыть организационное строение или принципы функционирования АНБ, имена, должности, зарплату или количество его сотрудников. То есть фактически у АНБ было право отрицать свое собственное существование.

Тем не менее известно, что в 80-е годы АНБ состояло из 10 подразделений: 4 были непосредственно связаны с добыванием информации из каналов связи, 5 являлись вспомогательными, 1 отвечало за учебный процесс и подготовку кадров. Ниже дается краткая характеристика некоторых из них.

«Производство» – подразделение, специализировавшееся на перехвате и вскрытии шифрсистем других стран. Оно являлось самым крупным в АНБ. Первоначально «производство» делилось на несколько частей, которые занимались: советскими шифрсистемами высокой стойкости и методами их вскрытия; советскими шифрами средней и слабой стойкости; шифрсистемами социалистических стран Азии; шифрсистемами всех остальных стран (включая США). Специальные отделения «производства» отвечали за перехват и машинную обработку информации. В начале 60-х годов после бегства двух криптоаналитиков АНБ в СССР «производство» было реорганизовано. В нем образовались так называемые группы, которые именовались с помощью букв английского алфавита: «А» (СССР и его союзники), «В» (социалистические страны Азии), «G» (страны третьего мира, а также сообщения, посылаемые в США или из США), «С» (машинная обработка) и «W» (перехват).

«Безопасность связи» – подразделение АНБ для защиты информации в линиях связи США. Все шифрсистемы, разработанные им, передавались в «производство» для анализа. Однако наличие шифратора еще не означало отсутствие утечки информации в каналах связи, на которых он был установлен и мог быть использован. Так случилось с засекречиванием переговоров между американскими летчиками в ходе боевых операций во Вьетнаме. Пилоту во время боя, когда дорога каждая минута, некогда было ждать, пока медлительный шифратор «разжует» и «выплюнет» в зашифрованном виде сообщение, адресованное другому пилоту. Поэтому летчики просто отключали шифратор и вели переговоры в открытую.

«Служба исследований и инженерии» – подразделение, занимавшееся разработкой технических средств перехвата сообщений из каналов связи и аппаратуры их последующей обработки.

«Служба телекоммуникации и вычислительной техники» – подразделение АНБ, игравшее особую роль. Значение АНБ в развитии вычислительной техники было огромным, ведь, по оценкам экспертов, в своем техническом оснащении Агентство всегда опережало приблизительно на 5 лет уровень самой современной технологии на Западе. За примерами далеко ходить не надо.

В декабре 1952 года для целей дешифрования в АНБ был использован первый в мире компьютер с памятью на магнитном барабане «Атлас». Но американские криптоаналитики оказались ненасытными в том, что касалось вычислительной мощности их машин, и в 1957 году было положено начало новому проекту под названием «Молния»: правительство выделило 25 млрд, долларов на создание ЭВМ, которая по объему оборудования должна была превосходить существовавшие тогда машины в тысячу раз. В 1958 году АНБ одобрило предложенную фирмой Ай-Би-Эм экспериментальную ЭВМ «Стретч» и в 1962 году

получило первый из 7 экземпляров компьютера. В целом ЭВМ «Стретч» оказалась настолько удачной, что она использовалась в АНБ вплоть до 1976 года.

В 80-е годы в распоряжении АНБ находился самый большой и совершенный парк ЭВМ в мире. Кстати, известный разработчик супер-ЭВМ Сеймур Крей тоже начинал свою карьеру в 50-е годы в АНБ, проектируя машины для решения на них дешифровальных задач. В 1976 году группа «С» «производства» была ликвидирована, а ее функции переданы «службе телекоммуникации и вычислительной техники».

В 1981 году АНБ создало в своем составе специальное подразделение – «центр оценки безопасности компьютерной техники». В его задачу входила оценка «железа» и программного обеспечения частных фирм с точки зрения уязвимости для проникновения. Хотя фирмы-изготовители ЭВМ предоставляли свои изделия для такой оценки добровольно, отказаться это сделать значило бы для этих фирм сказать «прощай» выгодным правительственным контрактам.

На байдарках и каноэ

«Административная служба» – подразделение АНБ, которое занималось набором сотрудников на работу. Особый интерес для нее представляли инженеры (особенно в области электроники), математики (особенно со степенями), лингвисты и переводчики (особенно со славянских и азиатских языков). Потенциальному сотруднику АНБ вручался рекламный буклет, в котором не было и намека на то, что АНБ – шпионская организация. Об Агентстве в нем говорилось как о государственном учреждении, занимавшемся созданием систем для защиты информации в каналах связи.

Далее кандидату на должность в АНБ предлагалась серия тестов для выявления у него способностей к различного рода профессиям, представлявшим интерес для АНБ. В качестве примера такого теста можно привести следующий.

Представьте себе антрополога, сидящего на высокой скале. Перед ним открывается вид на населенные различными племенами острова. Между островами снуют каноэ с посыльными. Кроме того, острова обмениваются сигналами с помощью костров. После текста со сведениями типа «Каноэ А движется к острову 3, затем к острову 7, а каноэ В в это время движется от острова 12 к острову 1; в этот момент с острова 6 острову 1 подается дымовой сигнал...» следуют вопросы: какой из островов наиболее важен в этом обмене сообщениями? Какой из островов управляет обменом сообщениями? И так далее в том же духе.

В другой задаче говорилось о служащих некой компании, размещенных в нескольких комнатах здания, которые соединены ненадежными переговорными устройствами. Давалась вводная информация: «Из-за неисправностей в системе связи между комнатами чтобы из комнаты А связаться с комнатой Е, нужно связаться с комнатой С, но из С с Е можно связаться только через D». Далее еще полстраницы такого же текста, а в конце вопросы: что делать, если в А никого нет, а нужно из комнаты Y связаться с комнатой N? И тд. и т.п.

После серии тестов шли различные формальности — заполнение всевозможных анкет, формуляров, прохождение медкомиссии, проверка с помощью полиграфа (детектора лжи). Стандартным при такой проверке был вопрос о том, вступал ли поступающий или поступающая на работу в АНБ по достижении совершеннолетия в связь с лицами своего же пола. Проверялось наличие информации об этом человеке во всех агентствах и учреждениях США, занимавшихся расследованием противозаконной деятельности. Эти проверки часто длились больше года. Полученные в результате данные обобщались и анализировались «административной службой». Если кандидат на зачисление в сотрудники АНБ прошел проверки успешно, он подвергался новой серии тестов для более точного определения подходящего поля деятельности. Эта серия тестов могла включать в себя определение последней цифры в данной последовательности чисел с помощью нахождения в ней закономерностей или заполнение пустых мест, помеченных звездочками, в арифметическом выражении с известным ответом.

Кроме этого, в подчинении у «административной службы» находилась «служба безопасности АНБ».

В брюках из шерсти ламы

Национальная криптографическая школа (НКШ) была организована в Агентстве в 1965 году с целью подготовки квалифицированных кадров для его нужд. В НКШ имелось несколько курсов подготовки — от 8-недельного по основам криптографии, в ходе которого слушатели узнавали в деталях о месте и роли АНБ в шпионском сообществе США, до 7-недельного по криптографии для руководящего состава. Подготовка руководства на 7-недельных курсах включала, кроме всего прочего, и проведение «маневров» путем моделирования политической и военной ситуации, в которой должны были проявить свои способности слушатели-руководители.

Самый высокий уровень подготовленности давал 18-недельный семинар для криптоаналитиков высшего класса. За этот срок от 12 слушателей требовалось изучить в общей сложности 60 книг, посетить большое количество лекций и семинаров, выполнить более 400 практических заданий. Для окончивших эти курсы открывались широкие перспективы должностного роста. Кроме того, они вступали в элитарное общество криптографов в рамках АНБ.

Одним из атрибутов членов этого общества являлись белые брюки из шерсти ламы. Символом общества стали четыре остро заточенных карандаша — первое в мире приспособление для вскрытия шифров. Помещены они были в пустую жестяную банку из-под мармелада. Девиз общества гласил: «Только тот, кто вскрыет банку, отведаст мармелада». В процессе учебы на 18-недельных курсах будущие члены общества должны были, в частности, вскрыть шифр выдуманного государства Зендия и прочитать шифрпереписку его мифического премьер-министра Сальво Салацио.

Судить о размахе организации учебного процесса в АНБ позволяет далекий, но показательный в этом отношении 1979 год. Тогда около 19 тыс. человек прошли подготовку на 500 различных курсах НКШ. Из них 13,5 тыс. являлись гражданскими служащими АНБ, 2,5 тыс. — военными чинами АНБ, а остальные — сотрудниками других правительственных агентств и ведомств.

В АНБ существовал также ряд неформальных объединений по интересам, которые носили название ассоциаций. Например, одна из таких ассоциаций занималась составлением словарей для языков народов, не имевших письменности, другая — переводом с голоса при помощи технических средств, третья — совершенствованием языка для общения с шимпанзе.

ПРОНИКНОВЕНИЕ

Чужой нос другим соблазн.
К. Прутков. «Сочинения»

Задача номер один

Соблюдение режима секретности всегда являлось одной из первостепенных задач АНБ. Тайный характер деятельности Агентства нашел свое выражение в запрете съемок или даже зарисовок с натуры его зданий, в наблюдении с помощью всевидящих телекамер за его территорией, охраняемой по периметру патрулями со сторожевыми волкодавами, в наличии двух типов телефонной связи — отдельно для секретных разговоров и отдельно для несекретных. Вывешенные повсюду плакаты призывали постоянно быть начеку и не болтать лишнего. Для наглядной агитации использовались даже подушки сидений в кафетерии на территории штаб-квартиры АНБ, напоминавшие слишком благодушным, разомлевшим после трапезы сотрудникам, что в отличие от них враг не позволяет себе расслабляться.

На передовой линии борьбы с проникновением нежелательных лиц в святилище АНБ находились сотрудники охраны, одна часть которых проверяла пропуска, дававшие право входа на территорию и в отдельные помещения штаб-квартиры, а другая несла патрульную службу. Те, кто не был занят на пропускных пунктах и не участвовал в патрулировании, должны были по тревоге прибывать на объекты АНБ из специальных барачков, расположенных поблизости. Охрана контролировала передвижение людей внутри зданий штаб-квартиры АНБ и по территории, на которой она располагалась, с помощью сложной системы пропусков. Их насчитывалось 12 типов, отличавшихся цветом и разметкой. Дополнительно на пропусках могли навешиваться различные бирки. Для идентификации с помощью считывателей-автоматов пропуска дополнительно подвергались перфорации.

Осуществлялся строгий контроль за перемещением не только людей, но и бумаг. Чтобы ограничить доступ к ним лицам, не имевшим на это право, документы АНБ снабжались целым набором кодовых обозначений. Они свидетельствовали о степени секретности документов и об источнике информации, которая в них содержалась. Например, кроме слов «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО» на документе могло стоять кодовое слово «ГАММА». Это говорило о том, что в нем цитируется сообщение, перехваченное из каналов связи СССР. Другие пятибуквенные кодовые слова могли еще более детализировать информацию о документе. К примеру, кодовое слово «ГУППИ», имевшее хождение в 70-е годы, означало, что данный документ содержит перехват радиотелефонных разговоров самых высокопоставленных руководителей советского государства — партийного лидера Брежнева, премьер-министра Косыгина и спикера парламента Подгорного, которые они вели из своих

автомашин. Менее приоритетный перехват обозначался кодовым словом «СИГМА» и касался координат расположения советских подводных лодок при несении ими боевого дежурства.

Одни кодовые слова менялись регулярно из соображений безопасности. Другие переставали использоваться с исчезновением источника информации, который ими обозначался. (Например, прекратил Брежнев сокрушаться по поводу здоровья по радиотелефону, и кодовое слово «ГУППИ» исчезло со страниц документов АНБ.) Наконец, третьи могли быть скомпрометированы. Последнее произошло с кодовым словом «ДИНАР», когда в газете «Нью-Йорк тайме мэгэзин» появилась статья о помощнике президента Джонсона по национальной безопасности Банди. Статья сопровождалась большой фотографией Джонсона и Банди, на которой Банди держал в руках совершенно секретный документ с отчетливой надписью «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО ДИНАР».

Но основная угроза безопасности АНБ исходила изнутри. Любой человек, от палестинского террориста до советского посла, мог попасть в приемную АНБ и, расположившись со всеми удобствами на плюшевом диване, послушать разговоры по внутренним телефонам, которые вели из приемной поставщики оборудования для Агентства и криптоаналитики, приезжавшие из других стран для обмена опытом со своими американскими коллегами.

Хотя должности и имена служащих АНБ по вполне понятным причинам всегда скрывались от противника, получить такую информацию было совсем несложно. В течение почти 30 лет для служебного пользования публиковалось специальное периодическое издание «Ньюс-леттер» с этой информацией. Правда, имелось распоряжение, в соответствии с которым следовало уничтожать выпуски «Ньюслеттер» после их прочтения. Ну и что? У невыполнившего это требование всегда в запасе было оправдание, что еще, мол, не прочел, потому и не уничтожил. Кроме того, для высшего руководящего состава АНБ была организована отдельная автомобильная стоянка. Иностранному шпиону достаточно было переписать номера автомашин на ней, чтобы потом легко узнать имена владельцев.

Непоследовательность в обеспечении режима секретности в АНБ имела и другие аспекты. Например, при выходе за пределы территории Агентства ручную кладь любого сотрудника могли обыскать охранники на предмет наличия в ней секретных документов. На ее обыск разрешения владельца не требовалось. Однако обыскивать одежду запрещалось, если не было явных признаков, что в ней что-то спрятано.

При приеме на работу в АНБ широкое применение нашел полиграф. Но и у него были свои ограничения: проверку на полиграфе можно было устроить только человеку, который на нее добровольно согласился. Поскольку военные состояли на службе в АНБ по приказу, то требовать от них прохождения через «детектор лжи» считалось нарушением прав. Логично, но зря. Ведь в одном только 1978 году из 68 военных, пожелавших получить статус гражданских служащих АНБ, каждый четвертый оказался неподходящей кандидатурой, и почти в 90 процентах случаев это доказала проверка на полиграфе.

Еще одним оборонительным рубежом на пути проникновения агентов иностранных держав в АНБ являлась его «служба безопасности». Ею традиционно руководили бывшие сотрудники Федерального бюро расследований – созданного в 1908 году ведомства министерства юстиции США, на которое

была возложена ответственность за обеспечение государственной безопасности. На содержании у «службы безопасности» АНБ неизменно находилась группа информаторов, которые большую часть времени подслушивали и подглядывали, а остальное время строчили свои донесения. Для контроля за поведением сотрудников, вызывающих подозрения, «служба безопасности» могла устанавливать подслушивающие устройства. В частности, прослушивались разговоры служащей АНБ, которая использовала номер в отеле Нью-Йорка для свиданий с сотрудником посольства одной «недружественной» Америке страны. В течение двух дней было установлено, что эту пару ничего, кроме секса, не связывает. Подслушивание прекратили, хотя и очень неохотно.

В 60-е годы после целого ряда провалов руководство «службы безопасности» АНБ было заменено, но методы ее работы остались прежними. Например, в середине 70-х годов сотрудники этой службы нередко посещали близлежащие рестораны и другие увеселительные заведения, выясняя, говорят ли сотрудники АНБ на служебные темы в свободное от работы время.

Скрепки не той формы

Уже через два года после создания АНБ стало ясно, что даже самые строгие меры безопасности не в состоянии уберечь Агентство от предательства его собственных сотрудников: в АНБ был разоблачен шпион, работавший на Голландию. Им оказался некий Джозеф Сидней Петерсен, который еще во время войны познакомился с сотрудником голландской криптографической службы, а с 1948 года начал регулярно поставлять ему сведения, касавшиеся чтения американцами голландской дипломатической шифрпереписки. Быстро удалось найти документы, с которыми он в оригинале знакомил своего голландского коллегу. Дело в том, что после ознакомления с ними голландец заменял американские круглые скрепки на голландские квадратные.

Следствие так и не установило причины, по которым Петерсен крал совершенно секретные доклады, где говорилось об успехах американцев в раскрытии шифрсистем Голландии. Вероятнее всего, им руководило желание помочь защитить линии связи этой страны от радиوشпионажа других государств. Голландское посольство в Вашингтоне признало, что получало от Петерсена секретную информацию, но исходило при этом из предположения, что он действует с ведома своих начальников.

Сообщение об аресте Петерсена появилось 9 октября 1954 г. в газете «Нью-Йорк тайме». Вместо того чтобы решить вопрос в административном порядке внутри самого АНБ, было решено передать дело Петерсена в суд. В результате оно получило широкое освещение в американской печати.

Обвинение посоветовало Петерсену признать себя виновным, чтобы избежать свидетельских показаний, которые потребовались бы в суде. Петерсен, испытывавший угрызения совести и готовый свести к минимуму нанесенный им США ущерб, согласился, надеясь к тому же на смягчение приговора. Судья при рассмотрении дела заявил, что «сущность этого преступления не в том, какие документы обвиняемый унес, а в том, что он унес их из АНБ», и ошарашил Петерсена 7-летним сроком тюремного заключения.

В 1958 году Петерсен был выпущен на поруки, отсидев 4 года. Опасаясь, что его могла завербовать советская разведка, «служба безопасности» АНБ установила в доме Петерсена подслушивающие устройства. Через несколько

месяцев, убедившись в лояльности своего бывшего сотрудника, его оставили в покое.

Самоубийство с третьей попытки

Сержант Джек Данлеп пробыл посыльным в АНБ недолго, меньше, чем Джон Кеннеди на посту президента США. Но вред, который он нанес Агентству, по оценке официальных лиц в Пентагоне, в 30-40 раз превысил ущерб от любого другого предательства в его истории.

Во время войны в Корее Данлеп был награжден орденом «Пурпурное сердце» и медалью «Бронзовая звезда» за воинскую доблесть и преданность долгу. В 1958 году он стал шофером генерал-майора Гаррисона Ковердэйла, начальника секретариата АНБ, получив редкую возможность выезжать за пределы Форт-Мида, не проходя досмотр. Зная это, несколько сотрудников АНБ воспользовались его услугами, чтобы вывезти с работы домой служебные пишущие машинки и кабинетную мебель. Это еще больше расширило связи Данлепа в штаб-квартире АНБ. Позже, когда Данлепа перевели на должность курьера, его обязанностью стала доставка секретных документов в различные подразделения АНБ.

Весной или в начале лета 1960 года Данлеп пришел в советское посольство в Вашингтоне и предложил продать документы АНБ. Среди них были различные наставления и руководства по ремонту и эксплуатации самых секретных шифровальных машин США, а также их подробные описания.

Мотивы, толкнувшие Данлепа на предательство, никогда официально объявлены не были. Но плата установлена точно: 60 тыс. долларов. Он истратил их на покупку моторной яхты, глиссера с воздушным винтом, голубого «ягуара», двух «кадиллаков», на многочисленные выпивки на дорогих курортах и в яхт-клубах по всему американскому побережью от Нью-Джерси до Флориды.

Первая крупная покупка Данлепа относится к середине 1960 года, когда он приобрел моторную яхту. Любовница Данлепа знала только, что он регулярно посещал какого-то «бухгалтера» и возвращался после этих посещений с большими пачками банкнот. Данлеп рассказывал знакомым различные истории, объясняющие происхождение своего богатства. Для одних он был владельцем земли, в которой обнаружили минерал, необходимый для производства косметики. Для других – богатым наследником. Третьих уверял, что его отец (в действительности – смотритель мостов) имел огромную плантацию в штате Луизиана.

Хотя Данлеп ездил на работу в «ягуаре» или одном из «кадиллаков» и регулярно отпрашивался с работы для участия в гонках на своем глиссере, резкое повышение его жизненного уровня никаких подозрений в АНБ не вызвало. По иронии судьбы именно из амбулатории АНБ была направлена карета «скорой помощи», чтобы доставить Данлепа в госпиталь в Форт-Миде, когда он повредил спину во время парусной регаты, по той причине, что в местном госпитале ему дали бы успокоительный препарат, под воздействием которого сотрудник АНБ мог непроизвольно разгласить секретные сведения. Но никому ни разу не пришло в голову поинтересоваться, на какие средства Данлеп позволял себе посещать дорогой яхт-клуб.

Долгое время считалось, что первые подозрения в отношении Данлепа возникли у его соотечественников только в 1963 году, когда сержант решил стать гражданским служащим, боясь, что по окончании срока службы его переведут из АНБ в другое место. При проверке на полиграфе он признался в мелком воровстве и нечестности. Дальнейшее расследование показало несоответствие его доходов и расходов. 14 июня 1963 г., чувствуя, что кольцо вокруг него сжимается, Данлеп пытался покончить с собой с помощью снотворного, но неудачно. 20 июля он повторил свою попытку уже с помощью револьвера. Вмешательство приятелей спасло его вновь. Наконец, 23 июля третья попытка увенчалась успехом. Он подсоединил кусок резинового шланга к выхлопной трубе своей машины, второй конец просунул в щель правого переднего окна, завел мотор и отравился отработанными газами. Три дня спустя его, как и четырьмя месяцами позже президента Кеннеди, со всеми воинскими почестями похоронили на Арлингтонском национальном кладбище. Может быть, ничего наружу так и не вышло бы, если бы вдова Данлепа через месяц после похорон не принесла из дома целую пачку секретных документов, обнаруженных среди личных вещей мужа.

Однако скорее всего Данлепа выдал американский агент в ГРУ Дмитрий Федорович Поляков, вступивший в контакт с сотрудниками ФБР в 1961 году во время своей второй поездки в США. Первую Поляков совершил в начале 50-х, получив назначение в советскую миссию при Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке, где он долго руководил советскими агентами в Америке, не имевшими дипломатического прикрытия. В их числе был и сержант Джек Данлеп.

Ливиец из подмосковной «психушки»

Не менее трагично сложилась и судьба другого сотрудника АНБ — американца ливийского происхождения Виктора Норриса Гамильтона. Он изменил свое прежнее имя Хиндали после приезда в Соединенные Штаты вместе с женой-американкой, которую встретил в Ливии.

Выпускник Американского университета в Бейруте 1940 года, Гамильтон работал в США посыльным и швейцаром, так как ему не удалось устроиться на работу по специальности — преподавателем. Отставной американский полковник завербовал Гамильтона на службу в АНБ, где последний приступил к выполнению своих служебных обязанностей 13 июня 1957 г. в группе «G» «производства», которая среди прочих стран и регионов занималась Ближним Востоком, Северной Африкой, Грецией и Турцией. Работавшие здесь, как позднее рассказывал Гамильтон, записывали на пленку и дешифровали криптограммы военного характера из перечисленных стран, а также шифрсообщения, которые поступали в эти страны из их дипломатических представительств во всех частях света. Для этой цели АНБ имело специальную станцию перехвата на Кипре. Например, на столе Гамильтона в 1958 году побывал полный текст секретной переписки, которую Каир вел с посольством ОАР в Москве во время поездки правительственной делегации этой страны в Советский Союз.

В 1959 году Гамильтона признали психически больным, но, учитывая его ценность как специалиста, на работе оставили. Через 4 месяца его

руководство заявило, что он находится на грани параноидально-шизофренического припадка и поэтому не может продолжать работу в АНБ. На самом деле в это время Гамильтон пытался установить связь со своими родственниками в Сирии, что вызвало сильное неудовольствие его руководства и отчасти послужило причиной последовавших обвинений в психических отклонениях. Но только отчасти, о чем свидетельствуют дальнейшие события.

В июне 1963 года в советское посольство в Праге пришел человек, назвавшийся бывшим сотрудником АНБ Виктором Гамильтоном, и попросил политического убежища. О том, что Гамильтону было уделено самое серьезное внимание, свидетельствуют два события: 14 июля с ним побеседовали заинтересованные лица в Москве, а уже на следующий день в ЦК КПСС ушли оперативно подготовленные предложения по наилучшему использованию перебежчика в пропагандистских целях.

Одно из них было реализовано 23 июля, в тот самый день, когда покончил с собой Данлеп. В своем вечернем выпуске газета «Известия» поместила письмо Гамильтона, в котором он поведал о секретах американского радиоспионажа: «АНБ вскрывает шифры ближневосточных стран, что является прямым результатом криптоанализа. Вместе с тем АНБ получает и оригиналы их шифров из каких-то секретных источников. Это означает, что кто-то ворует для американцев шифры. Особо следует подчеркнуть: американские власти пользуются тем, что штаб-квартира ООН находится на территории США. Зашифрованные инструкции Греции, Иордании, Ливана, ОАР и Турции своим представительствам в ООН попадают в руки госдепартамента еще до того, как доходят до своих истинных адресатов». По утверждению Гамильтона, представитель США в ООН Генри Лодж даже прислал в АНБ собственноручно подписанное письмо, в котором выразил благодарность за полученную информацию. Свое обращение в «Известия» Гамильтон закончил словами: «Я хочу, чтобы все люди на Земле обрели наконец тот покой и душевное равновесие, которое я обрел здесь, в России».

Вскоре в КГБ были предприняты первые шаги по натурализации Гамильтона. Ему дали новое имя, а также псевдоним «Кир». Естественно, предполагалось, что американцы будут днем и ночью разыскивать пропавшего сотрудника АНБ (предположение полностью подтвердилось), чтобы определить степень нанесенного США ущерба. Поэтому были приняты меры по защите Гамильтона, не ущемлявшие его прав. Однако на выбор постоянного местопребывания Гамильтона в СССР повлияли совсем другие причины.

С самого начала личного знакомства с Гамильтоном сотрудники КГБ заметили у него отклонения от нормального поведения, неадекватную реакцию на складывавшиеся обстоятельства. Их подопечный из АНБ сначала «запел» о тотальной слежке за ним американских спецслужб, которые затем сменил в его рассказах «всемогущий КГБ». Свидетельства чекистов через 30 лет подтвердила жена Гамильтона, которая припомнила в телевизионном интервью, что после поступления на работу в АНБ супруг частенько перед отходом ко сну пугал ее рассказами о подозрительных странностях, творившихся в стенах этого сверхсекретного агентства. Что конкретно успел поведать ей на сон грядущий муж, «леди Гамильтон» не сообщила. Однако из письма самого Гамильтона, опубликованного в «Известиях», стало известно, что слежку за собой он обнаружил еще в США сразу после увольнения из АНБ: по его словам, сотрудники ФБР следовали за ним по пятам, не давали ему устроиться на другую работу, даже дворником.

В результате политическое убежище в СССР Гамильтону было предоставлено, но довольно своеобразное: около 30 лет он провел в советских психиатрических клиниках и только в июне 1992 года попал, наконец, в сферу внимания российских средств массовой информации. Гамильтон наотрез отказался поверить столичным тележурналистам, отыскиавшим его в одной из подмосковных «психушек», где он пробыл последние 20 лет, что его жена и дочери живы и разыскивают пропавшего папочку. Гамильтон твердил, что всех его близких посадили в США на электрический стул в отместку за его предательство. Приехавший вместе с телерепортерами Эдвард Артис, гражданин США, который занимался розыском американских военнопленных, привез Гамильтону письма от жены и дочерей. Когда он попытался вручить их лично, в ответ Гамильтон, как заведенный, начал повторять по-английски: «Сгинь! Убирайся ко всем чертям!»

Наркотики в обмен на спутник

В марте 1973 года американцами была создана одна из самых сложных спутниковых станций перехвата под кодовым, названием «Риолит». С ее помощью оказалось возможным осуществлять из космоса перехват передач в диапазоне ВЧ и СВЧ. Это имело огромную ценность для получения доступа к телеметрической информации, которую в СССР не зашифровывали, так как полагали, что мощность этих сигналов очень мала и они могли быть приняты только в непосредственной близости от места запуска ракеты, передававшей эту информацию. Однако почти сразу после окончания проектирования спутника «Риолит» советская сторона начала шифровать свои телеметрические сигналы. Причиной этому наверняка послужило то, что все данные о спутнике «Риолит» стали известны советской разведке. А узнали американцы об этом прискорбно для них факте предположительно так.

6 января 1977 г. при попытке забросить пакет на территорию советского посольства в Мехико был задержан некий Эндрю Ли, 25 лет, осужденный ранее за торговлю наркотиками. При обыске у него нашли микрофильмы секретных документов калифорнийской компании TRV, которая разрабатывала спутник «Риолит». Эти документы содержали информацию о разработке другого спутника связи для нужд ЦРУ, которое с его помощью собиралось улавливать сигналы своих агентов, проникавших в запретные зоны СССР. Считалось, что запеленговать такие сигналы советская радиоразведка не сможет. Эти документы передавал Ли его друг Кристофер Бойс, работавший в TRV. Бойс имел доступ в экранированную комнату, в которой были установлены шифраторы для связи со штаб-квартирой ЦРУ и службами управления шпионскими спутниками АНБ. По словам Бойса, режим обеспечения секретности в TRV пребывал в столь зачаточном состоянии, что он и его коллеги по работе нередко устраивали вечеринки в экранированной комнате и напивались до чертиков, пряча бутылки с ромом за стойками с шиф-раппаратурой. В обмен на секретные документы два друга, по их признанию, получали наркотики. В числе переданных ими советской разведке документов они называли и руководства по спутникам «Риолит». Американское правосудие на основании фактов, выявленных в ходе предварительного следствия по делу Бойса и Ли, пришло к выводу, что работой на советскую разведку они занимались в общей сложности 2 года. За это Бойс получил 40 лет тюрьмы, а Ли – пожизненное заключение.

Кто вы, мистер Лонг?

В жаркий летний день 1 августа 1985 г. Виталий Сергеевич Юрченко вышел из здания посольства СССР в Риме. Обратно в посольство он не вернулся. Три дня итальянская полиция искала Юрченко по всему Риму, после чего доложила, что никаких следов преступления против советского гражданина не обнаружено. Случайно встретившимся ему при последнем выходе из посольства сотрудникам Юрченко сказал, что идет в магазин купить подарки – одному, что направляется в ватиканский музей – другому. В обоих случаях он отказался от машины и от компании.

Боевой офицер-подводник, затем сотрудник военной контрразведки, а ныне полковник КГБ, Юрченко считался одним из самых информированных людей в советской разведке. С 1975 по 1980 год он занимал должность офицера безопасности в посольстве СССР в США, а затем дорос до заместителя начальника «американского» отдела внешней разведки КГБ.

Объяснения случившемуся возникали сами собой. Первое предположение: Юрченко был давним агентом ЦРУ, завербованным в конце 70-х годов, когда работал в посольстве СССР в США. Основаниями для такого предположения послужили два факта. Именно Юрченко передал в ФБР переброшенную через посольский забор пачку секретных документов, на основании которых был осужден бывший сотрудник одной из спецслужб США, пытавшийся вступить в контакт с советской разведкой. А когда Юрченко в 1980 году возвращался в Москву из Вашингтона, то провожать его в аэропорт приехал представитель ФБР с букетом цветов.

Предположение второе: Юрченко «переродился» за время работы в Москве и, поступив на работу в «американский» отдел, только искал случая, чтобы перейти на сторону противника. Однако все аттестации у Юрченко были отличными. Он не был падок на деньги, не употреблял спиртного из-за болезни желудка, не страдал излишним честолюбием. За несколько дней до отъезда из Москвы в Рим Юрченко снял со своего счета в банке большую часть накоплений, чтобы расплатиться за строительные работы на садовом участке. Лишь тихий голос, вялость движений, молчаливость и размытая мимика лица выдавали натуру скрытную и способную на непредсказуемые действия. Но таким и положено быть контрразведчику!

В КГБ над причинами исчезновения Юрченко ломали голову до 2 ноября 1985 г. В этот воскресный день Юрченко обедал с сотрудниками ЦРУ в одном из вашингтонских ресторанов. Выйдя в туалет, Юрченко позвонил в советское посольство и попросил оставить ворота посольского жилого комплекса открытыми по крайней мере в течение ближайших двух часов. Затем он вернулся на место, немного поболтал со своими спутниками, вновь вышел в туалет, а через полчаса уже находился среди своих соотечественников. Поступок Юрченко убедил сотрудников вашингтонской резидентуры КГБ в том, что он попал к американцам против воли. В истории советской разведки не было случая, чтобы предатель сам возвратился на Родину. Значит, на такое способен только честный человек. Из Москвы поступила поздравительная телеграмма председателя КГБ Крючкова, в которой он отметил мужество Юрченко и поздравил вашингтонскую резидентуру с крупным успехом. Юрченко дал серию интервью, в которых повторял одну и ту же версию о своем насильственном похищении в Ватикане и использовании психотропных препаратов для получения у него информации. В Москве в торжественной обстановке Крючков вручил Юрченко награду – знак «Почетный чекист».

Помимо официальной советской существует немало и других версий того, как и почему Юрченко оказался в США. По одной из них его действия были сугубо добровольными. Глубокие личные проблемы толкнули его сначала в США, а затем заставили вернуться в СССР. Например, мнительный Юрченко мог подумать, что у него рак желудка и что жить ему осталось всего несколько лет. Решив круто изменить свою жизнь, Юрченко перешел к американцам, которые, обследовав перебежчика, сообщили ему, что никакого рака нет и в помине. Поняв, что без связей и без положения в обществе он никто, Юрченко возвратился обратно. А потом выдумал удобную ложь, которая была подхвачена советской пропагандой и его начальством, желавшим избежать наказания за проступок подчиненного.

По другой версии, это была хитроумная операция КГБ. Юрченко лишь имитировал побег на Запад, чтобы выдать американцам несколько «залежалых» агентов, на которых можно было бы свалить вину за провалы американского шпионажа в первой половине 80-х годов. Тем самым он отвлек внимание ЦРУ и ФБР от настоящих причин этих провалов.

Но каковы бы ни были истинные мотивы поступка Юрченко, американцы оказались в шоке от его решения вернуться в СССР. Последовала серия публикаций, в которых подробно рассказывалось о разоблаченных им агентах советской разведки в США. История поимки одного из них с помощью сведений, предположительно полученных от Юрченко, изложена Рональдом Кесслером, считающимся информированным летописцем шпионажа. Вкратце она такова.

На первом же допросе Юрченко рассказал сотрудникам ЦРУ, что один из бывших служащих АНБ после увольнения переметнулся на содержание советской разведки. Назвать его имя Юрченко не смог, но зато вспомнил кличку — Мистер Лонг. Как сказал Юрченко, Мистер Лонг доказал свою ценность в качестве агента тем, что передал КГБ перечень советских коммуникаций, которые больше всего интересовали АНБ с точки зрения ведущихся по ним переговоров.

О Мистере Лонге Юрченко припомнил следующее. Он позвонил, а потом лично явился в советское посольство в Вашингтоне где-то между 1977 и 1979 годами. Точно вспомнить, кто ответил на его звонок по телефону, Юрченко не смог. Придя в посольство, Мистер Лонг так разволновался, что ему потребовалось несколько минут, чтобы обрести дар речи. По описанию Юрченко, он был женат, 35 — 38 лет от роду, бородат и рыжеволос. Чтобы точнее передать оттенок волос Мистера Лонга, Юрченко указал допрашивавшим его сотрудникам ФБР сначала на стоявшую в комнате мебель из тика, а потом, немного подумав, на абажур настольной лампы мучного цвета. Когда речь зашла о плате за сведения, которыми он собирался снабжать советскую разведку, Мистер Лонг сказал что-то про «гоулд бульон». Юрченко решил, что тот имел в виду куриный суп, но затем до него дошло, что Мистер Лонг в качестве расчетной единицы предлагал использовать золотой слиток. После того как Мистер Лонг уже на первой встрече предъявил свое свидетельство об окончании курсов НКШ, Юрченко стало ясно, что он представлял для КГБ ценный источник секретных сведений об АНБ. Не такой, чтобы рассчитывать с ним золотыми слитками, но американских долларов на Мистера Лонга по ходатайству Юрченко в КГБ не пожалели.

С помощью бритвы Мистера Лонга срочно лишили бороды. Потом его переодели, и, запихнув в микроавтобус, вместе с работниками посольства отвезли в местечко под названием Маунт-Альто, где находились жилые дома советского

дипкорпуса. Там новоявленного агента КГБ сначала накормили, а потом отвезли к месту парковки его автомобиля. Следующая встреча с Мистером Лонгом должна была состояться в Вене.

23 августа, через три дня после того как Юрченко рассказал сотрудникам ФБР о Мистере Лонге, ими была разыскана кассета с записью его разговора с посольством СССР в Вашингтоне по телефону. За это время выяснилось, что советский жилой комплекс в Маунт-Альто открылся только в 1979 году, а единственный случай, когда неизвестный человек покинул его территорию, произошел 15 января 1980 г. Это и позволило установить точную дату звонка Мистера Лонга в советское посольство. Прослушивание магнитофонной записи показало, что именно Юрченко ответил на телефонный звонок и пригласил Мистера Лонга зайти. Позвонивший озадаченно спросил: «Мне просто нажать звонок и меня впустят?» – «Нет, идите прямо через ворота». – «А меня пропустят?» – «Конечно, нет вопросов».

Хотя сотрудники ФБР и фотографировали всех людей, выходивших из здания советского посольства, фиксировать таким образом входящих было невозможно. Поэтому ФБР просто сперва снимало на пленку всех прохожих на улице, где располагалось посольство СССР, а потом сравнивало их с фотографиями лиц, покидавших его. Поскольку Мистер Лонг ушел из советского посольства тайно, второй раз сфотографировать его не удалось. Станным образом куда-то запропастилось и первое фото Мистера Лонга, сделанное ФБР, когда он шел по улице к зданию посольства. Из списка подозреваемых были сразу исключены несколько сотен тысяч лысых, неженатых, чрезмерно молодых или слишком старых служащих АНБ. Осталось 900 потенциальных агентов КГБ. Последовательное прослушивание кассеты с записью голоса Мистера Лонга заслуживавшими доверия сотрудниками АНБ позволило 15 октября 1985 г. выявить, кто скрывался под этим именем.

Больше недели понадобилось ФБР, чтобы разыскать Рональда Пелтона после того, как было выяснено, что именно он звонил в советское посольство 15 января 1980 г. Слежка за Пелтоном не смогла установить ничего, что можно было бы инкриминировать ему в суде. А одного факта звонка в советское посольство было недостаточно, чтобы судить Пелтона по обвинению в шпионаже. Что же касается Юрченко, то он к тому времени уже не мог быть вызван в суд для дачи свидетельских показаний против Пелтона, поскольку вернулся к своим.

Тогда в ФБР решили попробовать другой подход и допросить Пелтона напрямую, поскольку наблюдение за ним не выявило никаких отклонений в поведении. Несколько дней подряд сотрудники ФБР репетировали предстоявший допрос, поручив роль обвиняемого одному из своих лучших коллег по работе. Репетиция прошла успешно: под тяжестью собранных против Пелтона улик тот довольно быстро «сломался». Теперь пришла пора испытать эти улики непосредственно на Пелтоне. На случай, если бы Пелтон попытался бежать, ФБР усилило наблюдение за дипломатическими представительствами СССР в США, а также дополнительно взяло под контроль корреспондентские пункты газет «Известия», «Правда» и представительства советской авиакомпании Аэрофлот.

С самого начала допроса сотрудники ФБР продемонстрировали Пелтону, что знали о нем все. Его биография не была богата событиями. После окончания школы в родном городишке Бентон-Харбор в штате Мичиган Пелтон, обладая

необходимыми способностями для поступления в колледж, из-за отсутствия средств был вынужден пойти на службу в ВВС. В 1964 году он оставил военную службу, успев изучить русский язык и поработать в военных шпионских подразделениях США. В 1965 году он был принят на работу в АНБ, где прослужил до июля 1979 года.

Потом Пелтону дали прослушать запись его разговора по телефону пятилетней давности, когда он звонил в советское посольство в Вашингтоне, показали фотографии Юрченко и Анатолия Славнова, офицера КГБ, с которым Пелтон контактировал в Вене, дали понять, что знают характер сведений, переданных им КГБ. Пелтон попался на удочку, клюнув на проявленную сотрудниками ФБР осведомленность и на их туманные намеки на снисхождение к его проступкам в случае чистосердечного признания. Уязвимым местом Пелтона оказалось и его пристрастие к наркотикам.

Пелтон рассказал, как в 1979 году его финансовое положение резко ухудшилось. Затяжное строительство собственного дома потерпело крах после того, как купленные стройматериалы были разворованы, а страховка оказалась слишком мала, чтобы компенсировать понесенные убытки. Зарплата чуть более 2 тыс. долларов в месяц едва хватало, чтобы содержать семью, проживавшую в лачуге. Боясь наказания, Пелтон ничего не сказал своему начальнику в АНБ об испытываемых им финансовых затруднениях.

Пелтон признался, что передавал секретные сведения советской разведке. Каждую последнюю субботу месяца он отправлялся в пиццерию. Если в 8 часов вечера ему туда звонили и произносили условную фразу: «У нас для вас кое-что есть», Пелтон должен был лететь в Вену для очередной встречи со своим связником. На проезд ему выделялись 2 тыс. долларов, которые Пелтон должен был забрать из контейнера в другой пиццерии. Первая поездка состоялась в октябре 1980 года, когда ему пришлось по 8 часов в день 4 дня подряд рассказывать про АНБ Славнову. Свое последнее путешествие в Вену Пелтон совершил в апреле 1985 года, так и не встретившись с сотрудником КГБ. Когда он вернулся обратно, от него потребовали снова отправиться в Вену, однако у Пелтона кончился бензин по дороге в пиццерию, где он должен был ждать условного звонка. Всего от КГБ Пелтон успел получить около 35 тыс. долларов плюс расходы. Он подтвердил показания Юрченко, касавшиеся содержания секретных данных, которые передавал советской разведке.

Если разоблачение Мистера Лонга было примером качественной и эффективной работы ФБР, то изобличение его на суде впечатляло еще больше. В 1980 году американский конгресс принял закон, который определял процедуру слушания дел, связанных со шпионажем. Чтобы исключить возможность шантажа со стороны обвиняемых, которые с помощью угроз раскрыть известные им секретные сведения могли добиваться вынесения более мягких приговоров, судьям и юристам разрешено было знакомиться с секретными данными вне зала суда. Но для АНБ, которое десятилетиями отрицало собственное существование, этого было недостаточно. Ведь теперь на судебном процессе над Пелтоном от АНБ требовалось совершить невозможное – публично признать, что оно занималось перехватом чужих сообщений. Под нажимом министерства юстиции США Агентство все же дало согласие на участие двух своих сотрудников в одном из судебных заседаний с целью дать оценку ущербу, который Пелтон нанес АНБ.

В июне 1986 года суд решил, что признания Пелтона соответствуют действительности, и, несмотря на чистосердечное раскаяние обвиняемого и помощь, оказанную им в ходе следствия, приговорил его к пожизненному тюремному заключению. Теоретически после 10 лет отсидки Пелтон мог быть помилован, однако, как свидетельствует статистика, средний срок пребывания в американской тюрьме для пожизненно приговоренного составляет 30 лет.

Но самым крупным скандалом в истории американского и мирового радиошпионажа суждено было стать не делу Петерсена, Данлепа, Гамильтона-Хиндали, Бойса или Пелтона, а бегству за «железный занавес» двух криптоаналитиков из АНБ Уильяма Мартина и Бернона Митчелла.

СКАНДАЛ

Если на клетке слона прочтешь «буйвол», не верь глазам своим.
К. Прутков. «Сочинения»

1960-й

Начало 60-х годов можно охарактеризовать как период, в который противостояние двух сверхдержав — СССР и США — достигло наибольшей остроты. Обе страны оказались вовлеченными в конфликт. Борьба велась средствами из пропагандистского и шпионского арсеналов, но грозила легко перерасти в вооруженное столкновение с применением ядерного оружия. Год 1960-й очень показателен в этом отношении.

5 мая этого года советский лидер Н.Хрущев объявил о том, что в воздушном пространстве над СССР сбит военный шпионский самолет У-2 США. США признали этот факт, и президент Д.Эйзенхауэр заявил, что полеты такого рода проводились с его ведома и одобрения и что они были и останутся элементом «рассчитанной политики» США. Американское правительство подтвердило это в ноте советскому правительству от 12 мая.

Еще свежи были воспоминания о скандале вокруг американского шпионского тоннеля из Западного Берлина в Восточный, а США уже на полных парах приступили к осуществлению крупномасштабной программы взятия Советского Союза в блокадное кольцо из стационарных и передвижных станций перехвата для слежения за его территорией. Естественно, что СССР не желал оставаться в долгу перед своим главным противником в «холодной войне».

На проходившем в конце мая 1960 года заседании Совета Безопасности представитель США в ООН Лодж заявил, что Советский Союз имеет на своем содержании «сотни шпионов и других подрывных элементов» по всему миру. В качестве доказательства он продемонстрировал вырезанную из дерева увеличенную копию большой государственной печати США, которую подарили американскому народу от имени советского и которая висела на стене кабинета американского посла в Москве, а потом вдруг обнаружилось, что внутри сувенира покоится оригинальное подслушивающее устройство. По словам Лоджа, это устройство было одним из более ста ему подобных, найденных в дипломатических представительствах США в странах — союзниках СССР.

Подводя итоги сказанному, можно утверждать, что в 1960 году США и СССР вели непрекращающуюся тайную войну друг против друга с целью завладеть секретами противной стороны. Причем ни одна из сверхдержав не брезговала никакими средствами в достижении главной цели в этой войне – проникновении в спецслужбы противника.

Случилось!

Большинство по-настоящему крупных событий сначала не воспринимаются во всей своей значимости. Часто первое упоминание о них появляется в виде небольшой заметки на одной из последних страниц газеты или краткого информационного сообщения без комментариев в выпуске телевизионных новостей.

Когда в понедельник 1 августа 1960 г. министерство обороны США официально объявило о том, что два сотрудника АНБ по неизвестной причине не вернулись на работу из отпуска, информация об этом не попала на первые страницы утренних газет. В сообщении говорилось, что Берн он Фергюсон Митчелл, 31 года, и Уильям Гамильтон Мартин, 29 лет, занимали незначительные должности в АНБ. Одновременно представитель ФБР заявил, что, хотя в отдел розыска пропавших был сделан запрос, его ведомство не ведет никакого официального расследования, так как нарушения федерального закона отмечено не было.

Несмотря на кажущуюся невинность официальных заявлений представителей министерства обороны и ФБР, репортеры газет почувствовали запах «жареного». В штаб-квартире АНБ в ответ на телефонные звонки давались ни к чему не обязывающие ответы, а за дополнительной информацией советовали обратиться в министерство обороны. Попытки получить ее по указанному из Форт-Миды адресу дали аналогичный результат: ответом были фразы типа: «Нам нечего больше добавить» и «В заявлении для прессы содержится вся необходимая информация».

К концу «черного понедельника» история попала уже на первые страницы вечерней прессы. К этому времени газетчики выяснили, что Мартин и Митчелл пропали еще 24 июня, когда они, как считалось до недавнего времени, отправились навестить своих родителей. Отправиться-то они отправились, но до пункта назначения так и не добрались. АНБ это стало известно несколько ранее, чем прессе, так как в положенное время (между 11 и 18 июля) Мартин и Митчелл не вернулись, чтобы приступить к исполнению своих служебных обязанностей.

5 августа последовало еще одно официальное заявление из министерства обороны, в котором было сказано буквально следующее: «Предполагается, что существует вероятность того, что два сотрудника АНБ уехали за "железный занавес"». Неуклюжесть формулировки отражала смятение, царившее в АНБ и министерстве обороны по поводу происшедшего.

А месяц спустя, 6 сентября, живые и невредимые Мартин и Митчелл появились на пресс-конференции в Москве.

Митчелл

Бернон Фергюсон Митчелл родился 11 марта 1929 г. в Сан-Франциско. Детские годы, когда в основном формируется личность, Бернон (имя должно было, как он считал, произноситься с ударением на последний слог) провел в маленьком городке, насчитывавшем около 30 тыс. жителей. Туда его семья переехала вскоре после окончания второй мировой войны. Трудно представить себе другой городок, который более ярко символизировал бы пресловутый американский образ жизни. В праздники по всему городу гордо развевались американские флаги, а национальный гимн распевался перед всеми спортивными матчами на стадионе и во время любых, даже самых незначительных школьных церемоний.

Семья Митчеллов была типично американской, с укоренившимися традициями и пристрастиями. Его близкие поведали трогательную историю о том, что, когда Бернон он был еще маленьким мальчиком с чудесными локонами, он заболел свинкой. Мама, сидевшая у его постели, листала вместе с ним книгу, в которой Бернон любил рассматривать картинки. Когда они добрались до последней страницы, Бернон посмотрел на ее номер и удивленно спросил: «Мама, а что, больше, чем это число, чисел не бывает?» На что мама рассудительно ответила: «Если ты поправишься и перестанешь отрезать себе ножницами локоны, я покажу тебе книжки, в которых есть страницы с номерами еще большими, чем этот».

Хотя Митчелл и все с ним связанное были предметом скрупулезного исследования со стороны многочисленных комиссий и ведомств, выяснявших причины его загадочного бегства, мало что известно о нем с высокой степенью достоверности. Одни знакомые характеризовали его как блестящего математика, увлекавшегося игрой на пианино, шахматами и подводным плаванием. Другие говорили о нем как о мальчике с весьма средними способностями, без особых склонностей к занятиям спортом, но весьма забавном в компаниях и на вечеринках. Одноклассники помнят его тихим, углубленным в себя, застенчивым и равнодушным к окружающим. Среди главных качеств Митчелла отмечались наивность и чрезвычайная бережливость. Приятели прозвали его «профессором» за склонность поучать окружающих, особенно пожилых людей и детей.

В средней школе Бернон увлекся естественными науками. Например, одно время он занимался наполнением надувных шаров водородом, чтобы потом взрывать их, изготовил устройство, по свидетельству очевидцев, «подобно фейерверку рассыпающее искровые разряды и одновременно создающее помехи для приема радиопередач в округе». Некоторое время он пытался сконструировать приспособление, которое вызывало бы заболевание неврастенией у кошек и кошек.

Из более серьезных увлечений Бернона можно упомянуть интерес к биографии Галилея. Ему быстро наскучил Галилей как человек, но еще долго Бернон находил удовольствие в том, чтобы заново доказывать теоремы,

принадлежавшие физику и астроному Галилею. «Ты знаешь, Галилей оказался прав относительно усеченной пирамиды», – восхищенно сказал он однажды своей матери.

Когда Бернону приходилось заниматься спортом, то он предпочитал те виды, в которых выигрыш мог быть достигнут благодаря индивидуальным способностям соревнующихся, а не сраженным действиям команды. К ним относились подводное плавание и горный альпинизм. Митчелл избегал спортивных состязаний, в которых достижения спортсменов оценивались субъективно. Индифферентный по отношению к общественной жизни школы, он тем не менее принимал участие в философских дебатах, в которых отличался агрессивностью ведения спора. Другой разновидностью общественной деятельности Вернона стал организованный им клуб любителей покера. Эта карточная игра нравилась ему из-за возможности поупражняться в подсчете математической вероятности того или иного расклада карт. Часто перед тем, как сесть играть в покер, Бернон ненадолго присаживался за пианино или ставил занимательный научный опыт вроде получения озона в домашних условиях.

Позднее Митчелл увлекся культуризмом и неоднократно подчеркивал, что гордится своими атлетическими достижениями. Среди фотографий, найденных в его квартире, была одна, явно говорившая о склонности Бернона к нарциссизму и эксцентричности. На ней Бернон сидел на стуле совершенно обнаженным. С годами юноша все больше углублялся в себя, становился просто одержимым совершенствованием своего тела и умственных способностей.

После окончания средней школы он поступил в колледж, но не в престижный, как хотел сначала, а расположенный ближе к дому и менее известный. Оценками он не блистал, и поэтому перед ним явственно маячил призыв на действительную военную службу. Бернон мог официально обратиться с прошением об отсрочке призыва, и скорее всего его просьба была бы удовлетворена. Но, вероятно, он не очень стремился продолжать обучение в колледже и поэтому прошение не подал.

В 22 года юношу призвали в ВМС США. После прохождения курса основ военной подготовки Бернон приехал на побывку домой. Он гордо поведал близким, что служит на военно-морской базе недалеко от Йокогамы в Японии и выполняет там «секретную работу». Это была станция перехвата в Камиси на Японских островах.

Мартин

Уильям Гамильтон Мартин родился 27 мая 1931 г. в крохотном южном американском городке. Когда ему было 15 лет, его семья переехала с юга США на север, в другой городок, население которого не превышало 10 тыс. человек. Переезд был связан с тем, что отец Уильяма занял административный пост в одной из промышленных фирм в этом городке.

Мартины обосновались в уважаемом районе города, где проживали люди со средним достатком. Их жилищем стал непритязательный дом в стиле ранчо, аккуратно покрашенный и имевший ухоженную лужайку под окнами. Со школой у

Уильяма не было проблем: он учился настолько хорошо, что привлек внимание профессоров местного колледжа. По настоянию одного из них Уильям подвергся тестированию с целью перевода его в Чикагский университет еще до окончания средней школы. Хотя Уильям числился среди самых способных учеников, классный руководитель считал его недостаточно взрослым, чтобы справиться с трудностями обучения далеко от дома. Поэтому был выработан компромиссный вариант, позволивший Уильяму обучаться несколькими дисциплинами в местном колледже, и в то же время он продолжал учиться в средней школе. Курс средней школы Уильям освоил за два года.

Домашняя обстановка у Уильяма вряд ли могла быть более благоприятной. Работящий отец все силы отдавал укреплению благосостояния семьи. Мать характеризовалась соседями как образец южного гостеприимства, у нее были мягкие манеры. Но, по общему мнению, за приятным обхождением скрывались крутой характер и железная воля. По свидетельству соседей, Уильям находился под большим влиянием матери. Его одежда всегда была безупречной – белая рубашка и галстук. В его решении не уезжать в Чикагский университет не последнюю роль сыграло нежелание матери отпустить сына в другой город.

С юношеских лет Уильям отличался редкой способностью становиться экспертом в любой области, к которой он проявлял интерес. В сочетании с врожденной любознательностью это привело к освоению им таких далеких друг от друга областей, как музыка, гипнотизм, математика, психология и шахматы.

Однако и тут проявилась недостаточная зрелость его характера. На вечеринках Уильям гипнотизировал своих приятелей, ничуть не заботясь о возможных неблагоприятных последствиях для их здоровья. Он был не в состоянии конструктивно применить свои обширные знания из области психологии в повседневной жизни. Учительница Уильяма в средней школе высоко ставила его ораторские способности, отмечая в то же время абстрактность и отвлеченность его суждений.

Его триумфы в шахматной игре, как и на соревнованиях в ораторском искусстве, служили, по мнению окружающих, лишь для самоутверждения. Победенных он презирал. К тем, кто одолевал его в состязаниях, Уильям проявлял долю уважения, но это была только маска, за которой скрывалось все то же презрение. Неприятной чертой юного Мартина была его склонность давать советы, которых у него никто не просил. Большинство людей, которых жизнь столкнула с Уильямом Мартином, говорили о нем как о человеке эгоистичном, слегка женственном, иногда безответственном и любящем лесть.

В противоположность своим религиозным родителям Уильям стал ярким атеистом. Однажды, будучи в гостях у своего приятеля из католической семьи, он увидел на столе какую-то церковную брошюру и, помахав ею перед носом у изумленной мамы друга, заявил: «Вы могли бы быть умнее. Разве вы не знаете, что религия – это предрассудок?»

Во время двухлетнего периода обучения в колледже Мартин получил неплохую математическую подготовку. И хотя учился он хорошо, без особых причин оставил колледж, чтобы поступить на службу в ВМС. Оглядываясь назад, можно с большой долей уверенности утверждать, что причиной оказалось желание Мартина вырваться из-под влияния матери. Определенную роль в этом решении могло сыграть и чувство патриотизма, которое захлестнуло в эти

годы американцев в связи с войной в Корее. Каковы бы ни были причины такого поступка, в возрасте 20 лет в 1951 году Уильям Мартин попал в армию. А после прохождения курса основ военной службы его отправили служить на станцию перехвата в Камиси на Японские острова.

Дружба

Мало известно о службе Мартина и Митчелла на станции перехвата в Японии. Из писем Мартина домой следует, что именно там он и Митчелл стали близкими друзьями. Да и как не стать? Ведь они были как две горошинки из одного стручка, эти Мартин и Митчелл. Оба выросли в одинаковых американских городках, в добропорядочных семьях со средним достатком. И тот и другой любили игру в шахматы и музыку. Интеллект у обоих был значительно выше среднего уровня. Как один, так и второй были интровертами и одиночками, искавшими успокоения в формальном и безличностном мире науки вообще и математики в особенности. Что же касается религии, то Митчелл провозглашал себя агностиком, а Мартин – атеистом.

Первым в Соединенные Штаты вернулся Митчелл, который продолжил обучение в колледже, правда, не в том, где он учился до ухода в армию. Это был большой престижный колледж, расположенный на значительном удалении от его родного городка. Митчелл специализировался в математике и преуспевал в учебе.

В отличие от Митчелла Мартин после окончания срока службы на флоте остался в вооруженных силах, но уже в качестве гражданского служащего. Он выполнял ту же самую утомительную и однообразную работу, которая ему успела порядком надоесть. Мартин скучал по Соединенным Штатам. К этому чувству примешивалась еще и зависть к Митчеллу. В конце концов он пришел к решению вернуться на родину.

В США Мартин первым делом навестил родных. Он уже решил продолжить обучение, оставалось выбрать подходящий колледж. Одна из его любимых школьных учительниц уехала на Западное побережье США, где устроилась преподавателем в солидный колледж. Мартин поступил именно в него. В качестве основного предмета он выбрал математику. Вскоре у него появилось еще одно хобби – русский язык. Не потерял он интереса и к давним увлечениям – шахматам и гипнотизму.

Весной 1957 года Мартину и Митчеллу одновременно, хотя они обучались в разных колледжах, было предложено поступить на работу в АНБ. Решающую роль сыграл тот факт, что они специализировались в математике и в течение некоторого времени служили на станции перехвата ВМС. На предложение оба ответили согласием и с 8 июля 1957 года приступили к исполнению своих служебных обязанностей. И хотя позднее представители министерства обороны охарактеризовали занимаемую Мартином и Митчеллом должность как «младший математик», вероятнее всего, они были наняты для работы в качестве криптоаналитиков.

В 50-е годы все американские государственные служащие, которые при исполнении своих служебных обязанностей сталкивались с секретными сведениями, должны были в обязательном порядке проходить «всеобъемлющую проверку». В отношении АНБ делалось следующее исключение: в чрезвычайных

обстоятельствах, когда услуги какого-то специалиста были нужны его родине незамедлительно, он получал временный допуск к секретам. Такой временный допуск и был немедленно оформлен для Мартина и Митчелла на основании проверок, которые они прошли при призыве на военную службу, а также запросов о них в другие агентства и ведомства США, занимавшиеся расследованием противоправных действий. Позднее комиссия по расследованию антиамериканской деятельности при палате представителей конгресса обнаружила, что АНБ часто злоупотребляло правом оформления временного допуска, выдавая его почти всем без исключения поступавшим на службу.

Вскоре после приема на работу в АНБ Мартину и Митчеллу было предложено пройти дополнительную проверку на полиграфе. Митчелл сначала наотрез отказался отвечать на вопросы, связанные с выявлением у испытуемого сексуальных извращений. Потом он передумал. Во время сеанса проверки на «детекторе лжи» Митчелл признался, что в возрасте от 13 до 19 лет проводил эксперименты сексуальной направленности с собаками и цыплятами. Служба безопасности АНБ не сочла эти опыты в юношеском возрасте достаточным основанием для отказа в допуске к совершенно секретной информации. И в 1958 году с интервалом в полгода Мартин и Митчелл сменили свои временные допуски на постоянные.

Как и все приходившие на работу в АНБ, Мартин и Митчелл были направлены для обучения в НКШ, где прослушали несколько курсов по криптографии, криптоанализу и связанным с ними дисциплинам. Осенью 1957 года они также посещали занятия, организованные университетом Вашингтона.

В январе 1958 года Мартин и Митчелл, завершив процесс обучения, приступили к работе. Проживали они по соседству друг с другом в городе Лорел, штат Мэриленд, неподалеку от Форт-Мида. В свободное время оба посещали вашингтонский шахматный клуб, членом которого также являлся первый секретарь советского посольства Иванов. Последний был насильно выдворен из США 13 августа 1960 г. И хотя формально для оправдания этого действия американское правительство выдвинуло причину, не связанную с бегством Мартина и Митчелла, некоторые полагали, что объявление Иванова нежелательной персоной на территории США было сделано явно в отместку за побег.

В 1958 году Мартин стал завсегдатаем баров и коктейль-ресторанов в столице и ее окрестностях. Он часто похвалялся перед друзьями умением знакомиться с привлекательными особами и добиваться их благосклонности. В сентябре того же года Мартин получил в АНБ стипендию для совершенствования своих познаний в математических науках в Иллинойском университете в городе Урбана, где продолжил также изучение русского языка. Позднее он с гордостью признался приятелю, что по просьбе своего научного руководителя смог перевести математическую статью по проблемам логики и алгебры из советского научного журнала. В том же 1958 году произошло важное событие в жизни Митчелла: он влюбился в замужнюю молодую особу, которая в то время жила отдельно от своего мужа.

К концу 1958 года окружающие начали отмечать существенные изменения в воззрениях Мартина и Митчелла. Оба открыто выражали антиамериканские настроения. В университете Мартина видели в обществе людей с прокоммунистическими взглядами. К 1959 году Мартин и Митчелл стали еще смелее в своей критике. Больше всего их раздражал тот факт, что самолеты

Соединенных Штатов совершают полеты над территорией СССР с целью сбора шпионских данных.

В феврале 1959 года Мартин отправился из Урбаны в Вашингтон, чтобы вместе с Митчеллом нанести визит Уэйну Хейесу, конгрессмену-демократу от штата Огайо, и поведать о полетах «самолетов-сыщиков». Через несколько лет Хейес припомнил это посещение. Правда, он почему-то считал их сотрудниками ЦРУ и напрочь забыл имена. Конгрессмен подал запрос о «самолетах-сыщиках» в комитет по вооруженным силам при палате представителей конгресса США и, занявшись более неотложными делами, больше не вспомнил о нем. Позже, когда на вечеринке собравшиеся позволили себе посмеяться над инцидентом с самолетом У-2, происшедшим незадолго до этого, присутствовавший на ней Мартин пришел в сильное волнение и с чувством сказал: «Как вы можете быть настолько легкомысленными, когда Эйзенхауэр все еще находится у власти?!»

На Кубе

Первое известное дисциплинарное нарушение было допущено Мартином и Митчеллом в декабре 1959 года, когда вопреки распоряжениям руководства АНБ и министерства обороны они посетили столицу Кубы Гавану. Неизвестной осталась истинная причина этой поездки. Возможно, они хотели просто попрактиковаться в русском языке.

Так это было или иначе, но по возвращении с острова Свободы Митчелл, обычно сдержанный, с бьющим через край энтузиазмом поведал своим приятелям о предпринятом[^] путешествии. Он говорил об отлично проведенном времени и о невероятно низких ценах на Кубе. Мартин же проявил большую сдержанность и ничего о поездке не рассказывал.

С наступлением 1960 года Мартин возвратился в Илли-нойсский университет с тем, чтобы провести там второй год за счет АНБ. Такая щедрость Агентства была беспрецедентной. Митчелл также не остался без внимания: он получил стипендию для обучения в Вашингтонском университете.

У психиатра

Ко времени поездки на Кубу относится полный крах отношений Митчелла с женщиной, в которую он был влюблен. Она вернулась к мужу, чего и следовало ожидать: стабильные отношения для любой женщины всегда предпочтительнее любовной связи с неизвестным исходом. Сломленный и потерянный, Митчелл решил обратиться к психиатру. Психиатр, которого выбрал Митчелл, изредка консультировал служащих АНБ. Хотя формальным поводом для визита к врачу послужил неудачный роман, уже первое посещение Митчелла показало, что его проблемы значительно серьезнее. Доктор сразу пришел к убеждению, что новый пациент о многом умалчивает. В ходе беседы Митчелл даже поинтересовался, не установлены ли в кабинете подслушивающие устройства.

В дальнейшем Митчелл часто пространно рассказывал доктору о своей жизни, стараясь при этом произвести на него впечатление своими познаниями из области психиатрии и блеснуть медицинской терминологией. Митчелл признался, что чувствует свое превосходство над другими людьми, что для него законы не писаны. Далее он поведал, что без всяких затруднений

вступал в близкие отношения как с мужчинами, так и с женщинами. По словам Митчелла, это свидетельствовало о его врожденных преимуществах перед другими человеческими особями. В беседах с психиатром Митчелл отказывался касаться политических проблем и событий мирового значения. Он никогда не упоминал Мартина. А во время третьей встречи загадочно сказал врачу: «Возможно, я вижу вас в последний раз, а может, и нет».

Вспоминая впоследствии Митчелла, психиатр отмечал, что во внешности его пациента не было ничего, что свидетельствовало бы о сексуальных отклонениях. Он имел атлетическое сложение, плавал, играл в теннис, занимался штангой. Высокого роста, худой, темноволосый, с правильными чертами лица. Роговые очки нисколько не портили его. То, что пациент состоял на секретной государственной службе, ничуть не смущало доктора: он лечил одновременно полдюжины других государственных служащих и одного сержанта. Поэтому психиатр не видел причин сообщать в АНБ об откровениях Митчелла.

Отъезд

24 июня 1960 г., уходя в очередной отпуск, Мартин позвонил матери. Он был очень расстроен и явно искал утешения. Мать посоветовала ему не отчаиваться и обещала молиться за него. Уильям взорвался: «Почему бы тебе не сделать что-нибудь просто по-человечески, вместо того чтобы молиться?!» Это был их последний разговор.

Официальная версия гласила, что двое служащих АНБ, взяв отпуск, отбыли из Вашингтона навестить своих родственников. Месяц спустя, когда они не вернулись к положенному сроку на работу, выяснилось, что вместо того, чтобы уехать на автомобиле, как это первоначально планировалось, в полдень 25 июня вышеупомянутые служащие улетели из Вашингтона в Мехико рейсом авиакомпании «Истерн». Оттуда, проведя ночь в гостинице, они совершили перелет в Гавану. Когда месяц спустя эти двое объявились на пресс-конференции в Москве, все пришли к одному мнению: часть пути от Гаваны до Москвы сбежавшие проделали на советском рыболовном траулере.

Трактовка событий официальными лицами была подозрительно простой. В ней отсутствовали детали и мотивы поступка. Известно, что Мартин и Митчелл покинули США и через месяц прибыли в Москву. И все. При более внимательном изучении известных фактов, связанных с делом Мартина и Митчелла, сразу бросалась в глаза внезапность их отъезда. По существу это был не отъезд, а побег. Мартин и Митчелл сказали своим начальникам и приятелям, что собираются путешествовать на автомобиле. В телефонном разговоре с матерью 24 июня Мартин ни словом не намекнул, что у него изменились планы. Позднее на стоянке была обнаружена машина, на которой парочка друзей собиралась ехать к своим родителям, со всеми вещами, аккуратно уложенными в чемоданы.

Возможно, что когда-нибудь правительство США предаст гласности подробности, касающиеся отъезда Мартина и Митчелла. А до тех пор наиболее убедительной будет, скорее всего, версия, в соответствии с которой лаконичность американского официального сообщения об этом событии объяснялась как нежеланием открывать действительную степень своей осведомленности о деятельности Мартина и Митчелла, так и боязнью вызвать

осложнения, связанные с тем, что не были приняты своевременные меры по пресечению этой деятельности.

Есть основания полагать, что за Мартином и Митчеллом было установлено наблюдение. Во-первых, не могли не вызвать подозрений их поездка на Кубу в 1959 году и восторженные отзывы о ней Митчелла. Во-вторых, оба получили стипендии для продолжения своего обучения в университетах, а Мартин удостоился этой чести дважды, что само по себе беспрецедентно. Возможно, такая неслыханная щедрость объяснялась желанием держать их подальше от секретов АНБ. В-третьих, Мартин и Митчелл открыто критиковали США за шпионские полеты самолетов над территорией СССР и даже попытались «открыть глаза» конгрессмену Хейесу на опасность такого рода действий. В-четвертых, обучаясь в Иллинойском университете, Мартин поддерживал отношения с членами коммунистических группировок.

Вероятно, 24 июня Мартин и Митчелл узнали о том, что за ними велось наблюдение. Причиной могло послужить что угодно: низкая квалификация соглядатаев, изменение отношения руководства, ограничение допуска к секретным документам, неосторожное замечание коллеги по службе или предупреждение информированного сообщника. Последовало поспешное бегство по маршруту Вашингтон — Мехико — Гавана — Москва, черту под которым подвела пресс-конференция в его конечном пункте.

Пресс-конференция

6 сентября 1960 г. в Центральном доме журналиста в Москве собралось более 200 советских и зарубежных журналистов. На ярко освещенной сцене огромного зала находились Бернон Митчелл, Уильям Мартин и два переводчика. На столе, покрытом зеленым сукном, перекрещиваясь, стояли микрофоны. Митчелл и Мартин сидели рядом. Они держались уверенно: было заметно, что оба пребывают в добром здравии и хорошем настроении. Мартин сидел неподвижно, обозревая толпу журналистов, собравшихся в зале. Митчелл, напротив, вел себя оживленно. Время от времени один из них поворачивался к другому, они обменивались ободряющими улыбками и перебрасывались несколькими словами.

Пресс-конференция открылась почти торжественно. Со вступительным словом выступил заведующий отделом печати МИД СССР М.А.Харламов. Он объявил, что присутствующие в зале граждане Соединенных Штатов попросили политического убежища в Советском Союзе. Их просьба удовлетворена, и теперь они стали советскими гражданами. После этого пришла очередь высказаться «бывшим американцам».

Первым начал Митчелл. Он зачитал копию письма американскому народу, которое они с Мартином оставили в депозитном сейфе банка города Лорел, штат Мэриленд. Это письмо, по словам Митчелла, свидетельствовало о том, что решение уехать в СССР было принято без всякого внешнего давления. Ниже приводится дословный текст перевода послания перебежчиков. Оно заслуживает того, чтобы быть процитированным в полном объеме, без изъятий и сокращений. Имеющиеся в письме шероховатости стиля следует отнести на счет авторов.

Письмо

«Мы надеемся дать объяснение нашим родственникам, друзьям и другим лицам, которые проявляют интерес к причинам, побудившим нас добиваться советского гражданства.

С момента поступления на работу в Агентство национальной безопасности летом 1957 года мы узнали, что правительство Соединенных Штатов сознательно делает фальшивые и вводящие в заблуждение заявления, касающиеся как оправдания своих действий, так и осуждения действий других стран. Мы также узнали, что правительство Соединенных Штатов иногда проводит тайные манипуляции деньгами и военным снаряжением, пытаясь свергнуть правительства, которые считаются недружественными по отношению к Соединенным Штатам.

В конце концов наше внимание привлек случай, когда правительство Соединенных Штатов заплатило деньги шифровальщику, работающему в посольстве одной дружественной страны в Вашингтоне, с тем, чтобы получить информацию, которая помогла в дешифровании шифр-сообщений этого союзника.

Такая деятельность для нас является свидетельством того, что правительство Соединенных Штатов само в такой же степени беспринципно, в какой в его обвинениях в адрес СССР изображается советское правительство.

Большое количество служащих министерства обороны и шпионских агентств при правительстве Соединенных Штатов знают истинность того, о чем мы заявили выше. Однако, если кто-нибудь задумает подтвердить хотя бы частичную подлинность этого без разрешения, он будет подвергнут суровому наказанию.

Недавний инцидент с У-2 не имеет никакого отношения к нашему решению дезертировать, ибо это решение было принято более года тому назад. Инцидент с У-2 явился всего лишь частным случаем, когда правда стала слишком очевидной, чтобы ее можно было сколь угодно долго замалчивать или переделывать на свой лад.

Делая эти разоблачения, мы не ищем тем самым оправданий своим действиям. В Америке есть весьма находчивые и неподкупные личности, которые при возможности могут исправить неблагоприятные последствия катастрофических действий правительства Соединенных Штатов за последние годы.

Кроме разочарования и озабоченности, которые мы выражали относительно отдельных направлений во внешнеполитическом курсе Соединенных Штатов, были и другие обстоятельства, в значительной степени послужившие причиной нашего отъезда в Советский Союз.

В Советском Союзе наши основные ценности и интересы разделяет большее число людей. В результате мы ощущаем, что там сможем лучше социально адаптироваться и будем в состоянии лучше выполнять свои профессиональные обязанности.

Другой побудительной причиной стал тот факт, что в Советском Союзе способности женщин всячески поощряются и используются в значительно большей степени, чем в Соединенных Штатах. Мы считаем, что это обогащает

все советское общество и делает советских женщин более желанными партнерами в любовных отношениях.

Каковы те важные спорные вопросы, которые вызывают разногласия между народами Соединенных Штатов и Советского Союза? Неубедительно звучит довод тех, кто утверждает, что «Советы» – это зло, потому что там извращается христианская мораль. Если большинство советских граждан не считают Иисуса Христа своим личным спасителем, это их дело.

Как мы полагаем, важные вопросы связаны с тем, какой политический и экономический порядок служит лучше всего интересам человечества.

Недостаток капиталистического общества состоит в том, что наука и техника являются причиной излишних человеческих страданий, внося свой вклад в безработицу. Неудивительно поэтому, что так много американцев отрицательно относятся к интеллектуальной и творческой деятельности. Мы надеемся стать научными работниками в Советском Союзе, и мы полагаем, что будем в состоянии заниматься там научными исследованиями, не опасаясь тем самым ухудшить экономическое положение других людей.

Некоторые противники коммунизма в Соединенных Штатах защищают идею превентивной войны против Советского Союза. Они стремятся достичь такой степени безопасности, которая подразумевает полное уничтожение людей со взглядами, противоположными их собственным. Такая война в лучшем случае сделала бы их повелителями могилы человечества.

Чем затрачивать все больше энергии на развитие новых и мощных средств уничтожения, мы надеемся, что и Соединенные Штаты, и Советский Союз направят свои усилия на соревнование в области идеологии. Одним из средств достижения этого была бы широкая публикация в этих двух странах дебатов из области экономической и политической теории и практики в объеме, согласованном обеими сторонами, и в неотредактированном виде. Трудно составить мнение о собственной пропаганде без того, чтобы не прислушаться к пропаганде других.

В качестве средства укрепления взаимопонимания мы считаем, что имеющиеся на данный момент времени обмены культурными, научными и промышленными делегациями должны быть продолжены и расширены.

Данное заявление делается без предварительной консультации с правительством Советского Союза.

Основанием ему служит то, что мы чувствуем себя обязанными объяснить американскому народу причины своего поступка нашими собственными словами, и сделать это мы хотим таким образом, чтобы потом нельзя было истолковать его как пропагандистское и инспирированное правительством, к которому мы обратились с просьбой разрешить приютить нас.

Уильям Г. Мартин, Верной Ф. Митчелл.

После зачитания письма советские журналисты задали Мартину и Митчеллу ряд вопросов. В ответ на вопрос, поступивший от корреспондента «Известий», Мартин заявил, что АНБ занималось сбором сведений и дешифрованием сообщений из линий связи Индонезии, Италии, ОАР, Турции, Уругвая, Франции и Югославии. Затем, немного подумав, добавил: «Я думаю, этого достаточно, чтобы получить общее представление».

Далее пришла очередь Мартина, который зачитал длинное заявление, написанное им и Митчеллом уже после прибытия в Москву. Ниже приводится

содержание этого своеобразного памятника той эпохи с некоторыми сокращениями. Пропущены устаревшие сведения о структуре АНБ, представляющие интерес разве что для специалиста по истории этого Агентства, и информация, уже изложенная достаточно подробно выше.

Заявление

«Прежде чем покинуть Соединенные Штаты Америки в конце июня этого года, мы оставили зачитанное перед этим письмо в депозитном сейфе за номером 174, арендованном на имя Бернона Ф. Митчелла в банке в городе Лорел, штат Мэриленд.

На конверте, в который вложено это письмо, мы написали и подписали требование, чтобы его содержание было сделано достоянием общественности, так как мы хотели объяснить американскому народу, почему мы решили просить политического убежища в Советском Союзе.

Сообщения в американской прессе свидетельствуют, что власти в США получили доступ к сейфу и обнаружили наше послание. Но они не выполнили нашего требования опубликовать письмо. Мы это можем объяснить лишь тем обстоятельством, что администрация Эйзенхауэра — Никсона не желает, чтобы некоторые аспекты ее политики стали известны американскому народу.

На этой пресс-конференции, которая была организована по нашей просьбе, мы хотели бы объяснить, особенно американской общественности, по каким причинам мы оставили Соединенные Штаты.

Мы были сотрудниками чрезвычайно секретного Агентства национальной безопасности, которое собирает шпионскую информацию из каналов связи почти всех стран мира для использования правительством Соединенных Штатов. Однако тот простой факт, что США занимаются добыванием секретов других стран, не имеет ничего общего с нашим решением дезертировать.

В основном наше недовольство связано с некоторыми методами, которые Соединенные Штаты используют для получения шпионской информации. Мы обеспокоены взятým США курсом намеренного нарушения воздушного пространства других государств и практикуемой правительством Соединенных Штатов ложью в отношении таких нарушений с целью ввести в заблуждение общественное мнение.

Более того, мы разочарованы практикой организации правительством Соединенных Штатов перехвата и дешифрования криптограмм своих собственных союзников. В заключение мы выражаем протест против готовности правительства Соединенных Штатов вербовать агентов среди персонала своих союзников. Пример такой практики, касающийся выплаты вознаграждения шифровальщику союзной США страны, упоминался в письме.

А сейчас нам хотелось бы объяснить причины, по которым мы оставили Соединенные Штаты.

Перед тем как поступить на службу в военно-морские силы США, мы были очень уверены в честности правительства Соединенных Штатов и считали себя верными сторонниками американского образа жизни. Но упомянутые выше методы, которые последние годы практиковало правительство Соединенных Штатов, породили в наших умах серьезные сомнения в ценности того общего дела, ради которого они применяются.

Было трудно и мучительно покидать нашу родную страну, семьи, друзей. Однако мы осознавали, что правительству Соединенных Штатов, проводящему опасный для мира политический курс, не должно быть позволено опираться на эти эмоциональные привязанности, с тем чтобы обеспечить лояльность своих граждан.

В письме, которое мы оставили в Соединенных Штатах, мы выразили мнение, состоящее в том, что превентивная война была бы бесполезной. Должно быть очевидным, что те, кто обдумывает развязывание войны, представляют угрозу человечеству. При возникновении еще одной мировой войны, вероятно, уже не будет возможности строить коммунизм, капитализм или какое-либо другое общество.

Однако в Соединенных Штатах есть люди, которые имеют иное мнение по данному вопросу. Например, генерал Томас Пауэр, главнокомандующий стратегическими воздушными силами Соединенных Штатов, сделал следующее заявление, давая показания в комитете по ассигнованиям палаты представителей во время дебатов по вопросу о военном бюджете на 1958/59 год.

Он сказал: «Мне хотелось бы на время забыть о стратегии сдерживания и поговорить о философской системе порождения войны и о громадных преимуществах, которые приобретает человек, ее начавший. У вас всегда должна быть возможность первому нанести удар, так как совершенно очевидно, что если эти люди полагали бы, что мы никогда войны не начнем, то они могли бы отнимать у нас этот мир часть за частью, потому что они бы знали, что пока они не нападают на нас, мы ничего против этого не сделаем».

Заявление генерала Пауэра основано на опасном предположении, что Соединенные Штаты господствуют над миром, и подразумевает, что соревнование с Советским Союзом означает, будто последний отбирает что-то у Соединенных Штатов. Его предложение нанести удар первыми с тем, чтобы предотвратить тенденцию сползания к социализму, звучит больше как самоубийство, чем эффективный политический курс.

Сенатор Барри Голдуотер, председатель республиканского сенатского комитета по предвыборной кампании, произнес речь в Чикаго в преддверии национального съезда республиканской партии, в которой сказал: «Мы не должны соглашаться ни на дальнейшее запрещение испытаний ядерного оружия, ни на разоружение в ближайшем будущем».

В той же речи, которая навечно покроет нашу нацию позором, он сказал, что «среди нас есть такие, кто предпочтет приползти в Москву на коленях, чем стойко переносить возможность атомной войны».

Мы немедленно присоединяемся к компании людей, упомянутых в речи сенатора Голдуотера. На самом деле, мы бы попытались приползти на Луну, если бы мы считали, что это уменьшит угрозу ядерной войны.

Генерал Пауэр и сенатор Голдуотер занимают важные посты в американском обществе, но мы не считаем, что они отражают взгляды большинства американского народа.

После инцидента с У-2 правительство Соединенных Штатов признало, что намеренно взяло курс на нарушение воздушного пространства СССР.

Официальные лица в США, особенно вице-президент Никсон, пытались оправдать эту политику, провозгласив ее единственным возможным путем предотвратить неожиданное нападение со стороны СССР. Вице-президент Никсон не упомянул о том, что информация, полученная во время этих полетов, могла бы оказаться полезной только в случае попытки проникновения сквозь оборонительную систему Советского Союза.

В связи с этим заявления генерала Пауэра приобретают злобеший характер. Они могли бы свидетельствовать, что в Соединенных Штатах имеются планы предупредить нападение со стороны Советского Союза путем нанесения удара первыми. Советскому Союзу и другим странам очень трудно предположить, что генерал Пауэр всего лишь выражал свое личное мнение, давая показания перед американским конгрессом.

В дополнение к попыткам сдерживания коммунизма в Восточном полушарии Соединенные Штаты недавно провозгласили, что они не потерпят коммунистического влияния в Западном полушарии. Возможно, враждебность Соединенных Штатов к коммунизму проистекает из чувства ненадежности, вызванного достижениями коммунистов в науке, культуре и промышленности. Если это верно, то такие чувства ненадежности являются плохим оправданием для угрозы миру во всем мире.

Кольцо военных баз США, окружающих Советский Союз, означает, что правительство Соединенных Штатов полагает, будто сможет успешно противостоять коммунистическим идеям с помощью военных средств.

Если бы Соединенные Штаты и Советский Союз собрались улучшить общение между своими народами, вероятно, не было бы взаимного антагонизма в таких больших количествах и могли быть созданы условия, при которых стало бы возможным крупномасштабное перераспределение военных средств на мирные нужды.

Позвольте теперь перейти к рассмотрению методов сбора разведывательных данных посредством антенн, практикуемых правительством Соединенных Штатов. Наше первое знакомство с ними состоялось во время прохождения нами службы в военно-морских силах США с 1951 по 1954 год. В этот период мы оба служили в качестве техников связи на нескольких станциях радиоперехвата.

Правительство Соединенных Штатов недавно признало, что разведывательные полеты вдоль границ и над территорией коммунистических стран выполнялись только в течение последних четырех лет. Однако мы утверждаем, что эти полеты проходили также в период с 1952 по 1954 год, когда мы служили на станции радиоперехвата в Камиси, в Японии, недалеко от Йокогамы. Перед разведывательным полетом военного самолета США вдоль китайских или дальневосточных границ СССР заходя в Камиси и на другие станции радиоперехвата посылалось совершенно секретное сообщение, ставящее их в известность о времени и маршруте полета. В назначенное время мониторы на этих станциях настраивались на частоты, используемые радарными станциями объекта разведки, то есть Советского Союза или коммунистического Китая. В то же самое время поисковые электронные устройства настраивались на те же частоты для определения месторасположения радарных станций противника. Собранный таким образом информация затем поступает в Агентство национальной безопасности. Там аналитики изучают системы связи и кодирования, используемые радарными станциями. АНБ получает возможность оценить степень боеготовности, точность и эффективность радарной защиты страны — объекта наблюдения, и также в состоянии собрать данные об организации управления обороной этой страны.

После поступления на работу в АНБ мы узнали о другой разновидности задания, связанного с антенной разведкой, которое включает в себя вторжение в воздушное пространство другой страны. Такие задания состояли из полетов в непосредственной близости от радарных установок СССР и других стран с целью получения данных о физической природе излучений радаров. Эта информация используется при попытке найти способы сделать радарную систему защиты бесполезной, например путем применения устройств глушения радаров, которые располагаются на базах вблизи советских границ.

Полеты самолетов Соединенных Штатов вдоль границ и над территорией Советского Союза являются рутинной операцией, и количество таких полетов значительно больше, чем привыкла считать американская общественность.

Мы надеемся, что американская общественность окажет давление с целью положить конец политике американского правительства нарушения воздушного пространства других государств. Один-единственный инцидент или неправильное истолкование цели полетов этих самолетов могли бы послужить причиной войны.

Трудно понять, каким образом официальным лицам в США удастся выразить негодование, когда Советский Союз предпринимает действия оборонительного характера против самолетов Соединенных Штатов, пролетающих над его территорией. Советское правительство проявляло большую выдержку относительно этих полетов и неоднократно призывало Соединенные Штаты прекратить их. Более того, насколько нам известно, советское правительство воздерживалось от ответных полетов поблизости от США или над их территорией.

Мы специально остановились в деталях на разведывательных полетах американских самолетов над территорией Советского Союза и других стран, потому что такая практика может быть причиной катастрофы огромного масштаба.

Насколько нам известно из нашего опыта работы в АНБ, Соединенные Штаты успешно читают секретные сообщения более 40 стран, включая своих собственных союзников.

Кроме вышесказанного среди других причин нашего дезертирства были утаивание информации, ограничения на свободу слова и политической деятельности и дискриминация против атеистов в Соединенных Штатах.

В штате Мэриленд, где мы проживали, чтобы занять любой пост в правительстве штата, было необходимо дать клятву, которая фактически означала, что человек, ее дающий, не атеист.

Люди, чьи политические убеждения непопулярны среди власть имущих в Соединенных Штатах, зачастую осыпаются проклятиями, когда они предстают перед комитетами по расследованию, они подвергаются преследованию, их штрафуют, сажают в тюрьмы, лишают работы.

Путем отказа в выдаче паспортов государственный департамент Соединенных Штатов пытается не выпускать за границу своих граждан, чьи политические взгляды не приветствуются. Жертвы этой практики выиграли несколько дел в суде, но государственный департамент оказывает постоянное давление на

конгресс с целью принятия им нового законодательства для ужесточения процедуры выдачи паспортов.

Соответствует ли эта практика тому открытому и свободному обществу, которое официальные лица в Соединенных Штатах так часто провозглашают воплощенным на практике в США? Мы так не думаем.

В заключение мы хотели бы сказать несколько слов о том положении, в котором оказались мы лично. Конечно, мы отказались от американского гражданства. Мы обратились с просьбой к советскому правительству предоставить нам советское гражданство и помощь в изучении русского языка. Обе эти просьбы были встречены согласием, и дополнительно советское правительство предложило нам самим выбрать место постоянного проживания. Более того, нам предложили продолжить наше образование и содействие в поиске работы в соответствии с нашими способностями в математике при зарплатах, приблизительно совпадающих с теми, которые мы получали в Соединенных Штатах.

Недавно мы совершили поездку по Советскому Союзу с посещением ряда городов, заводов, колхозов, культурных центров, университетов, выставок и санаториев. Мы познакомились с советским образом жизни, достижениями советских людей и стоящими перед ними проблемами.

Мы будем рады получить письма от родственников или друзей, которые захотят нам написать или навестить нас, и мы окажем им радушный прием».

Шок

На следующий день после пресс-конференции советская газета «Красная звезда» поместила карикатуру, на которой несколько отвратительного вида субъектов со шпионскими принадлежностями и символами «\$» в качестве опознавательных знаков на одежде пытались высвободить свои тела, прилипшие к листку бумаги, озаглавленному «Заявление Бернона Митчелла и Уильяма Мартина». Лаконичная подпись под карикатурой гласила: «Влипpli». На карикатуре более всего обращал на себя внимание один безобразный человечек, из-за спины которого торчал самолетный хвост, а руки были раскинуты в разные стороны на манер крыльев. На рукавах его скрутка красовалась надпись: «Нац. агентство безопасности».

Бегство Мартина и Митчелла, особенно после пресс-конференции, стало предметом широкого обсуждения в Соединенных Штатах. Немыслимым казался сам факт, что два «стопроцентных» американца оставили родину и передали ее самые строго охраняемые секреты противнику. Шок прокатился по всей стране. Особое значение приобрел вопрос о том, почему так произошло.

В АНБ изо всех сил старались приуменьшить этот, как его окрестили, «трагический инцидент». Естественно, что АНБ не желало рекламировать свои «достижения», особенно в том, что касалось других стран. Министерство обороны США обнародовало несколько заявлений. В одном из них оно назвало высказывания Мартина и Митчелла о том, что Соединенные Штаты одинаково шпионят как за противниками, так и за союзниками, полностью лживыми и нацеленными коммунистами на разжигание раздора среди свободных народов. В другом заявлении министерство обороны США обвинило Советский Союз в использовании бегства двух перебежчиков в целях советской пропаганды. Это же заявление объявило одного из них душевнобольным (не уточнив, кого именно) и обоих – предавшими все, что так дорого американцам и другим

гражданам «свободного мира». Представитель министерства обороны заявил, что Мартин и Митчелл работали в АНБ в качестве «младших математиков» и не имели доступа к информации, представляющей угрозу безопасности Соединенных Штатов.

Члены американского конгресса, наоборот, не испытывали никакого желания замять дело Мартина и Митчелла. Лидер демократического большинства в палате представителей конгресса Джон Маккормик, избранный туда от штата Массачусетс, сделал заявление со ссылкой на осведомленный источник о том, что побег Мартина и Митчелла явился самой серьезной утечкой информации с момента выдачи Советскому Союзу секрета изготовления атомной бомбы. Маккормик обещал немедленно начать расследование обстоятельств побега. Конгрессмен от штата Пенсильвания Френсис Уолтер, демократ и председатель комитета по расследованию антиамериканской деятельности при палате представителей, попал в осаду журналистов, требовавших дополнительной информации, которая пролила бы свет на побег. 16 сентября 1960 г. Уолтер сделал заявление для прессы о том, что под его председательством комитет начал закрытые слушания в отношении всех аспектов бегства Мартина и Митчелла. Уолтер также добавил, что его комитет сосредоточит свое внимание на практике оформления на работу не только в АНБ, но и во все правительственные агентства США. Он сказал, что «многие люди, не принятые туда на работу или уволенные по соображениям возможного нарушения ими режима соблюдения секретности, каким-то образом умудрились все же снова занять там посты». Первым был вызван для дачи показаний министр обороны Томас Гейтс.

С самого начала комитет по расследованию антиамериканской деятельности при палате представителей столкнулся с серьезными трудностями. Ему даже не удалось вручить сотрудникам АНБ повестки, информирующие их о необходимости явки на заседание комитета для дачи показаний, так как проникнуть на строго охраняемую территорию штаб-квартиры АНБ в Форт-Миде оказалось невозможно. После серии закулисных махинаций и ряда закрытых совещаний комитет пошел на попятную и перестал активно интересоваться специфическими деталями организационной структуры и характером деятельности АНБ. Взамен министерство обороны и АНБ согласились сотрудничать в расследовании, которое получило название «Соблюдение секретности в АНБ».

Более года потребовалось комитету американского конгресса, чтобы составить итоговый отчет. 13 августа 1962 г. тысячи затраченных часов вылились в доклад.

Подробное цитирование доклада не имеет большого смысла. Во-первых, потому, что он представляет собой в большей степени обвинительное заключение по делу Мартина и Митчелла, чем объективное исследование причин их бегства за «железный занавес». А во-вторых, доклад во многом повторяет уже сказанное выше, придавая этому совершенно ненужную эмоциональную окраску. Чувства чувствами, а поминальным плачем потерянного не вернешь. Тем не менее доклад явился побудительным мотивом к ряду конкретных шагов. Одним из них был принятый 9 мая 1963 г. палатой представителей конгресса США закон, в соответствии с которым министр обороны получил право увольнять любого сотрудника АНБ, заподозренного в неблагонадежности, без объяснения причин увольнения и без права его обжалования.

Потом

Какой ущерб американскому радиошпионажу нанесли сведения, которые Мартин и Митчелл передали советской разведке?

Письмо и заявление Мартина и Митчелла содержали довольно мало конкретных фактов и доказательств. Возможно, причиной послужило нежелание Советского Союза демонстрировать своим противникам, насколько подробно в СССР осведомлены о размахе их радиошпион-ской деятельности.

В целом переданные Мартином и Митчеллом данные были весьма важными для обеспечения безопасности Советского Союза. Ведь знали они не так уж и мало, как потом пытались это представить официальные лица в Вашингтоне. Например, непосредственно перед тем, как У-2 был сбит над советской территорией, Митчелл и Мартин получили разрешение на доступ к информации об этом самолете. Оба беглеца имели отношение и к работе по перехвату сообщений из советских линий связи.

Кроме того, Мартин и Митчелл представляли собой ценнейшее приобретение для советской пропаганды. В конечном счете в огромном выигрыше оказался Советский Союз, который не только приобрел источник ценной информации, но и одержал тактическую победу в пропагандистской войне за умы и сердца людей.

Неожиданно бегство Мартина и Митчелла сыграло положительную роль и для АНБ. Комитет по расследованию антиамериканской деятельности в ходе следствия выявил ряд серьезных недостатков в практике принятия на работу и выдаче допусков к секретным данным. Еще одним следствием стало обнаружение фальшивых данных в досье на начальника отдела кадров АНБ.

48-летний Морис Клейн, работавший в АНБ со дня его основания, следил за всеми перипетиями событий в деле Мартина и Митчелла, затаив дыхание. На это у него были свои причины. Будучи сотрудником военной шпионской службы США во время войны, он дослужился до майора, а затем решил стать в АНБ гражданским служащим. И хотя, поступая на службу в армию, Клейн прошел серию серьезных проверок и заполнил множество различных анкет, всю бумажную возню ему пришлось начать заново. В 1955 году по распоряжению президента Эйзенхауэра все гражданские служащие, имевшие дело с государственными секретами, должны были пройти проверку заново. Тут-то у Клейна и изменилось содержание некоторых ответов на вопросы анкет. Другой стала дата появления на свет. Место рождения его матери переместилось из России в США. Оказалось, что Клейн закончил совсем другое учебное заведение, а не указанное в анкетах раньше. Хотя несоответствия всплыли на поверхность, начальник «службы безопасности» АНБ, зная Клейна давно, закрыл на это глаза. Клейн при первом удобном случае изъясил листы с неверными данными из своего личного дела.

После того как стало известно, что Митчелл и Мартин решили побывать на Красной площади, в АНБ запаниковали. И американский конгресс, и Пентагон, и Белый дом – все захотели получить документы, касавшиеся обстоятельств дела. Велико было удивление председателя одной из комиссий по расследованию, когда на свой запрос предоставить некоторые личные дела сотрудников АНБ для ознакомления он получил категорический отказ от Клейна, исполнявшего обязанности начальника отдела кадров. Неожиданно причина более чем странного поведения Клейна всплыла на поверхность. Но Клейн твердо стоял на своем: он не коммунист, не шпион, при заполнении

форм и анкет просто ошибся, а в свидетельство о рождении матери вкрались ошибки, которые он решил исправить. Тем не менее Клейна из АНБ уволили. На всякий случай.

Мартин сменил фамилию на Соколовский и женился на русской, с которой познакомился на черноморском курорте. Получал он, по его подсчетам, приблизительно столько же, сколько в АНБ, и усердно работал над диссертацией по статистике.

Хуже обстояли дела у Митчелла. В 1979 году он приходил в американское консульство в Ленинграде за информацией о возможности вернуться в США. Государственный департамент США отреагировал на это обращение запоздалым лишением его гражданства.

ПЕРЕХВАТ

В летнее время, под тенью акации,
Приятно мечтать о дислокации.
К. Прутков. « Сочинения»

По всей планете

Глобальная сеть станций западного радиопионажа была создана вскоре после второй мировой войны, когда в 1947 году США, Англия, Канада, Австралия и Новая Зеландия начали совместное ведение радиопионажа, разделив мир на регионы.

Никогда прежде в истории человечества никому не удавалось создать что-либо подобное — распространить средства подслушивания на весь земной шар. Правительство США ежегодно расходовало несколько миллиардов долларов на то, чтобы не упустить в огромном океане электромагнитных волн ни одного сигнала, ни одного приказа и ни одного разговора, которые хоть самым отдаленным образом могли затронуть национальную безопасность Соединенных Штатов Америки.

В ряду крупнейших в мире баз радиопионажа достойное место занимала и в настоящее время занимает база Менвис Хилл (графство Йоркшир, Великобритания), размещенная на площади более 200 гектаров. Свыше десятка параболических антенн ориентированы на геостационарные орбиты спутников систем связи. Обслуживают сложнейшую технику более 1200 специалистов, две трети из которых — американцы. Для управления техническими средствами радиоперехвата, отбора и дешифрования полученных материалов используются более десятка супер-ЭВМ. Эти ЭВМ автоматически анализируют все телефонные и телеграфные сообщения, а также данные, циркулирующие в компьютерных сетях, выделяя интересующую информацию. На базе имеется также сеть контрольных постов для приема данных перехвата радио-разведывательных американских спутников. Но этого, по-видимому, недостаточно. Согласно планам модернизации базы на ее территории будут дополнительно установлены 4 радиомачты высотой 30 метров каждая и 7 антенн, скрытых под обтекателями, 3 из которых высотой около 30 метров. База будет еще в большей мере насыщена ЭВМ. Только на ее модернизацию до 1993 года было выделено более 40 млн. долларов.

Идеальное место для перехвата АНБ присмотрело также в пустынной местности в Австралии, в местечке Пайн-Гэп. Эта база в основном предназначалась для перехвата переговоров и телеметрической информации, источником которых были военные испытательные полигоны СССР в районе Каспийского моря. Туда и сейчас поступают данные со спутников-шпионов, пролетающих над территорией России и Китая.

Ни одна другая страна Запада не подходила так хорошо для прослушивания стран Восточной Европы, как Западная Германия. И ни в каком другом месте американская шпионская сеть не была такой густой, как в ФРГ и в Западном Берлине. Здесь находилось более 350 центров секретных служб, штабов и отделений различных ведомств США. Американские радиошпионы сидели в посольствах и консульствах, на складах оружия и в казармах. При этом только около 60 из них работали на ЦРУ, тогда как на службе в АНБ состояло более 600. Мужчины и женщины, сотрудники служб шпионажа и контршпионажа армии США, сидели за магнитофонами и радиоприемниками на горе Тойфельсберг в Западном Берлине, а также в казармах «Шеридан» в Аугсбурге. Солдаты американской эскадрильи № 7406, разместившейся на военно-воздушной базе «Рейн-Майн» под Франкфуртом-на-Майне, дежурили на борту буквально нашпигованных подслушивающими приборами самолетов «Геркулес». Эти станции должны были по возможности перехватывать всю информацию, которая посылалась над или под землей в качестве электромагнитных волн через спутники и линии направленной радиосвязи, через медные и волоконно-оптические кабели. Огромное подслушивающее «ухо» Америки функционировало так эффективно и настолько широкомасштабно, что улавливало и те звуки, которые выходили далеко за рамки потребностей США в области обеспечения собственной безопасности. С территории ФРГ США не только перехватывали сигналы РЛС советских пунктов ПВО. Антенны и приемные устройства, будь то в Западном Берлине, Браунлаге или Бад-Айблинге, было несложно настроить на любую частоту радиорелейных линий связи, по которым, скажем, Немецкая федеральная почта передавала в ФРГ почти каждый третий телефонный разговор.

Германские сотрудники секретных служб прекрасно знали, что тайны телефонных разговоров, гарантируемой законом, в Германии никогда не существовало. Кто бы ни снимал трубку телефона на территории от Северного моря до Альп, он не должен был удивляться, что на проводе окажется, кроме его собеседника, АНБ. К примеру, министр внутренних дел ФРГ в кабинете Аденауэра Херман Хехерль прекрасно знал об этой практике американцев. «Подслушивали? Мы, немцы? Да у нас не было в этом необходимости, — говорил Хехерль. — Если бы мы захотели о чем-либо узнать, мы бы спросили американцев». И в 90-е годы как федеральное ведомство по охране конституции, так и федеральная уголовная полиция Германии продолжали пользоваться этой мощной подслушивающей системой США, которая, словно громадный пылесос, «высасывала» любую информацию из линий радиосвязи Немецкой федеральной почты. В Кельн и Висбаден регулярно поступала письменная информация о террористических заговорах и планах. Эти записи там получали от АНБ, но они почти никогда не содержали дословного протокола переговоров, а лишь высказывания в форме косвенной речи. Только посвященные знали, что сопроводительная формулировка «абсолютно надежный источник» относилась исключительно к подслушанным телефонным разговорам.

Но, конечно, с момента своего основания АНБ сосредоточило основное внимание на создании сети перехвата, нацеленной на Советский Союз. Наиболее близко к советской территории расположились перехватывающие станции в Турции. Казалось бы, перехватывай себе вволю, да горя не знай!

Но не все оказалось так просто в отношениях США с этой союзницей по НАТО. В 1975 году, после событий на Кипре, США наложили эмбарго на поставки оружия Турции. В качестве ответной меры Турция ввела запрет на осуществление американцами перехвата с ее территории. В 1978 году эмбарго было отменено, но Турция согласилась дать разрешение на возобновление американских радиоспионских операции только в обмен на предоставление ей доступа к полученному в ходе их проведения перехвату. Американцы скрепя сердце согласились. В сопредельных с Турцией государствах прекрасно отдавали себе отчет в том, насколько возрос ее потенциал в области радиоспионажа.

В июне 1993 года, когда президент Азербайджана бежал из Баку ввиду реальной опасности, угрожавшей ему с приближением к азербайджанской столице вооруженных формирований оппозиции, президентские полномочия были переданы парламенту. Одной из причин передачи стала невозможность обезопасить от подслушивания линию связи между Баку и селением у турецко-азербайджанской границы, в котором временно обосновался президент. В прениях в азербайджанском парламенте по вопросу об отстранении президента от власти Турция не была напрямую названа в качестве страны, радиоспионаж которой представлял реальную угрозу Азербайджану, но намек на неумеренное любопытство южного соседа, сделанный в ходе этих прений, был вполне прозрачным.

Еще одним ценным районом для создания пунктов перехвата был Иран. После свержения шаха в 1979 году, будучи в полной уверенности, что американцы убрали все свои перехватывающие станции из Ирана, начальник генштаба иранской армии опрометчиво заявил в интервью газете, что его страна не потерпит американских шпионских гнезд на собственной территории. Последствия этого заявления, сделанного в чисто пропагандистских целях, не замедлили сказаться. Радикально настроенные иранцы, работавшие вместе с гражданами США на станции перехвата, которую американцы «забыли» эвакуировать, захватили американских специалистов в качестве заложников. За 8 месяцев до того, как самим стать пленниками, сотрудники американского посольства в Тегеране выплатили 200 тыс. долларов за освобождение своих соотечественников.

Кроме станций подслушивания наземного, воздушного, морского и космического базирования перехват для АНБ осуществляли и многие члены американского конгресса, которые во всех подробностях сообщали содержание своих бесед с иностранными государственными деятелями и дипломатами, приезжавшими с визитом в Вашингтон. Для АНБ эта информация имела первостепенное значение, так как с большой вероятностью именно она передавалась по защищенным линиям связи посольств зарубежных стран после встреч дипломатов и государственных деятелей этих стран с конгрессменами США.

Луна — в качестве шпионской антенны

Из всех операций по перехвату, которые когда-либо были осуществлены или планировались АНБ, наиболее впечатляющим выглядит проект, предусматривавший строительство станции в одном из районов штата Виргиния. Этот район привлекал своей удаленностью от густонаселенных

регионов страны. Мало того, согласно закону, принятому в США в 1956 году, в этом районе устанавливалась зона радиомолчания в 600 кв. километров. Это позволило специалистам из АНБ взяться за осуществление крупномасштабного проекта, согласно которому предполагалось превратить Луну в ретранслятор для получения сведений из советских каналов связи, сигналы которых отражались от ее поверхности.

В 1959 году на возведение станции перехвата в Виргинии Агентством было выделено 18 млн. долларов, но к 1961 году ее строительство продвинулось мало. АНБ обратилось в конгресс США с просьбой об ассигновании дополнительных денежных средств. Конгресс просьбу удовлетворил, но установил потолок суммарных расходов в 135 млн. долларов. Через несколько месяцев оказалось, что для окончания строительства в него нужно вложить еще 65 млн. долларов. Это переполнило чашу терпения военных. В 1962 году министр обороны США подписал «смертный приговор» проекту, прекратив его финансирование, а в 1969 году все, что успели для АНБ построить в Виргинии, перешло в ведение ВМС США. В конце 70-х годов этот район посетили несколько высокопоставленных чинов АНБ, в том числе глава группы «G» «производства». Интерес группы «G» станет понятен, если учесть, что всего в сотне километров от этого места находился международный коммерческий центр спутниковой связи, через который проходило более половины всех сообщений, передававшихся американцами посредством спутников.

Плавающий крематорий

Еще в начале 60-х годов, после реорганизации «производства», группа «А» получила в единоличное владение хорошую сеть станций перехвата, со всех сторон окружавших СССР и его союзников. В отличие от группы «А» группу «G» «производства» снабдили всего двумя пунктами перехвата, которые находились в Африке – в Марокко и в Эфиопии. АНБ решило компенсировать этот недостаток использованием кораблей-шпионов.

Печальную известность приобрела судьба американского радиوشпионского корабля «Либерти». В 1967 году израильские самолеты и торпедные катера превратили «Либерти» в плавающий крематорий для нескольких десятков высококвалифицированных американских специалистов. Причина такой жестокости была предельно проста. В короткой войне 1967 года израильтяне оказались весьма заинтересованы в том, чтобы степень их проникновения в глубь арабской территории не была установлена как можно дальше. До тех пор, пока сверхдержавы не уяснили размеры территориальных завоеваний Израиля, они не могли навязать ему решение о прекращении огня. Зачем, спрашивается, Израилю нужен был шпион одной из сверхдержав вблизи театра военных действий?

Уничтожение «Либерти» начали израильские самолеты, затем к ним присоединились торпедные катера. Во время нападения радисты «Либерти» все-таки ухитрились собрать остатки разбитого передающего оборудования и отправить сигнал бедствия 6-му флоту США. В 800 километрах от «Либерти» находился авианосец «Америка», но самолеты «фантом» на его борту имели только ядерное оружие. Пока производилась замена вооружения самолетов на авианосце, израильтяне зафиксировали всплеск радиопереговоров между кораблями 6-го флота США и сразу же предприняли дипломатическую атаку с целью убедить американцев, что «Либерти» подвергся нападению по ошибке. Дескать, приняли его за египетский военный транспорт. Но это

маловероятно, так как в течение 6 часов перед нападением израильские самолеты следили за «Либерти» и фотографировали его.

Обожженные, раненые американцы испытали шок, когда, струдившись на корме полузатопленного «Либерти», увидели израильские военные катера, делавшие новый заход для атаки. Неожиданно с одного из катеров им просигналили вопрос: «Вы нуждаетесь в помощи?» В ответ израильтяне получили сигнал, которого нет в официальных учебниках и пособиях по организации морской сигнальной связи, но который был им понятен без комментариев. Вторая попытка израильтян связаться с американцами на «Либерти» была предпринята через час. С вертолета им сбросили пакет с запиской, в которой военный атташе США в Тель-Авиве спрашивал: «У вас есть раненые?» Вопрос был расценен на «Либерти» как издевательский.

Несмотря на то что 32 человека из команды были убиты, две трети из оставшихся в живых ранены, несмотря на нанесенные огромные повреждения, «Либерти» двинулся вперед и шел, пока не встретил два американских военных корабля.

Нельзя назвать простым совпадением тот факт, что после подавления огневой точки на «Либерти» главной мишенью для израильтян стали антенны, а первая израильская торпеда ударила именно в то место, где размещалась аппаратура для перехвата. Странной была и реакция США. Их безоружных граждан, выполнявших свои служебные обязанности в нейтральных водах, расстреливали из пулеметов и поливали напалмом, а потом галантно извинялись: простите, ошибочка вышла, готовы компенсировать понесенные убытки! И Соединенные Штаты сделали вид, что ничего особенного не произошло.

Около 3,5 млн. долларов было выплачено раненым с «Либерти» и более 3 млн. — семьям убитых в качестве компенсации от израильского правительства. Львиная доля этих сумм ушла на уплату гонораров адвокатам, защищавшим интересы потерпевших. Первоначально США потребовали от Израиля 7 млн. 600 тыс. долларов за нанесенный материальный ущерб. Откуда взялась эта цифра — непонятно, так как только 20 млн. долларов было затрачено американцами на перестройку «Либерти» для радио-шпионских надобностей и еще 10 млн. — на изготовление ее электронной «начинки». Но даже и эту заниженную сумму Израиль выплатить отказался. В 1980 году президент Картер согласился сократить компенсационные выплаты Израиля Соединенным Штатам до 6 млн. долларов, и тот выплатил эту сумму по частям.

Ллойд и его команда

23 января 1968 г. 3 патрульных катера Кореической Народно-Демократической Республики приблизились к американскому радиошпионскому кораблю «Пуэбло». Корабль находился в пограничных водах Северной Кореи. Капитан «Пуэбло» Ллойд Бучер получил по радио приказ с борта одного из корейских сторожевых катеров следовать за ним. Бучер доложил обстановку на базу АНБ в пригороде Токио через станцию перехвата в Камиси. В ответ он получил распоряжение не сдаваться в плен ни при каких обстоятельствах. Тогда Бучер скомандовал взять курс в открытое море и одновременно открыть огонь из имевшегося на его корабле оружия.

В ответ, естественно, корейские катера повели по «Пуэбло» беглую стрельбу на поражение из всех стволов установленного на них вооружения. На этот раз Бучер решил подчиниться приказу корейцев. В течение часа по пути в корейский порт его подчиненные в спешном порядке уничтожали секретные документы. Наученная горьким опытом предыдущей попытки ответить огнем на огонь команда никакого сопротивления уже не оказывала.

Последнее донесение, полученное на базе АНБ с борта «Пуэбло», гласило: «Корабль взят на абордаж. Четыре человека ранены, один – серьезно. Покидаем эфир и уничтожаем передающее оборудование».

В течение последовавших за этими событиями 11 месяцев и капитан Бучер, и его команда, и корабль оставались в «гостях» у корейцев. Времени с лихвой хватило и на допросы пленных криптоаналитиков, которые под видом ученых-океанографов в декабре 1967 года прибыли на корабль, и на изучение захваченного радиошпионского инвентаря. Часть оборудования весом в тонну корейцам пришлось переместить с мест его первоначальной установки на корабле.

В список главных элементов электронного оборудования «Пуэбло» и подобных ему радиошпионских кораблей входили большие спаренные антенны (чтобы устанавливать, откуда поступают принимаемые на борту сигналы, после чего по ним настраивалась другая приемная аппаратура судна), низкочастотные антенны (с глубиной подводного действия до 15 метров для связи с подводными лодками), локаторное оборудование (для приема радио-сигналов, отраженных от плотных слоев атмосферы), сферические антенны (главное средство подслушивания разговоров между пилотами самолетов) и гидрофоны (для прослушивания индивидуальных особенностей подводного «звучания» проходивших мимо кораблей). Все сигналы принимающих устройств на «Пуэбло» автоматически записывались, а специалисты, находившиеся на его борту, выбирали из них те, которые казались им наиболее важными, и закладывали их параметры в бортовую ЭВМ для сравнения с уже известными, а также отправляли их вместе с прочей радиошпионской информацией в штаб-квартиру АНБ в Форт-Миде. Там над ними продолжалась аналитическая работа, но уже на более высоком уровне. Пока криптоаналитики потели над вскрытием шифров, которыми страна – объект радиошпионской деятельности пыталась защититься от проникновения в ее секреты, другие аналитики АНБ стремились выявить в полученной от корабля-шпиона информации данные о структуре обороны страны, месте расположения ее военных частей и степени их боевой готовности.

Бучер и его команда письменно показали, что их корабль вторгся в территориальные воды КНДР для проведения там радиошпионских операций. Эти операции включали радиошпионаж за военными объектами в прибрежной зоне КНДР, определение координат размещения РЛС и всевозможных электронных сигнальных устройств, вместительности портов, числа приходящих и уходящих кораблей, а также проведение океанографических исследований вдоль побережья. Президент Джонсон публично подтвердил, что «Пуэбло» много раз проникал в территориальные воды КНДР и охотился за военными и государственными секретами страны. Без этих признаний официальные лица в Северной Корее отказывались предпринимать какие-либо шаги, направленные на освобождение захваченных на «Пуэбло» американских граждан.

Вскоре команда «Пуэбло» обрела долгожданную свободу, а в американскую прессу просочились сведения о том, что и «Либерти», и «Пуэбло» в разное

время использовались для радиошпионажа за территориями Мозамбика, Танзании и Анголы. Полученная информация поступала в европейские отделы АНБ и, поскольку она не имела первостепенного значения для США, переправлялась в НАТО. Таким образом, Португалия, являвшаяся членом НАТО, без особых усилий получала важные военные сведения о движениях за независимость в странах, против которых она вела тогда колониальную войну.

Все это не прибавило популярности программе развития радиошпионского флота АНБ, разработанной в 60-е годы. Согласно ей, первоначально предполагалось использовать один корабль-шпион в западной части Тихого океана, а на следующий год построить еще два подобных судна. Если бы их действия оказались удачными, то далее была бы построена целая флотилия кораблей-шпионов. После потерь, которые американский радиошпионский флот понес в лице «Пуэбло» и «Либерти», официальные лица в Вашингтоне под давлением возмущенной общественности публично заявили, что со всех остальных радио-шпионских кораблей электронное оборудование демонтировано полностью, что сами корабли превращены в металлолом и что от строительства новых в США отказались. Однако это была преднамеренная дезинформация. Американские корабли-шпионы продолжали бороздить воды в различных частях Мирового океана.

А какая же участь постигла в конечном итоге корабль «Пуэбло»? Формально после событий 23 января он остался приписан к 7-му флоту США, но на деле им стали распоряжаться корейцы, которые навсегда отучили «Пуэбло» заниматься шпионскими делами и оставили его себе в качестве компенсации за расходы, понесенные во время операции по его захвату. Из пушек палили? Палили. Солярку корейские патрульные катера жгли? Жгли. А кто платить будет? Дядя? Конечно, «дядя» по имени Сэм. Вот и стал честно трудиться бывший «Пуэбло», перевозя вдоль корейского морского побережья мирные грузы.

На долю КНДР выпала честь расправиться и с «летающим Пуэбло», как окрестили самолет-шпион своих ВМС ЕС-121 сами американцы. 21 апреля 1969 г. он вторгся в воздушное пространство Северной Кореи и был сбит самолетом-перехватчиком ВВС этой страны. Снова, как и после скандала вокруг «Пуэбло», последовали вынужденные признания с американской стороны. В частности, на пресс-конференции в Белом доме было подтверждено, что вблизи КНДР уже на протяжении 20 лет ведется радиошпионаж с воздуха, только с начала 1969 года было выполнено без малого 200 таких полетов.

Криптографические войска

В первые два десятилетия существования АНБ его руководство не покидала мысль создать специальные войска — криптографические. Военные криптографы в зависимости от того, где — на суше, на море или в воздухе — они выполняли работу в интересах АНБ, носили бы форму соответствующего рода войск — сухопутных, военно-морских или военно-воздушных. Но подчинялись бы они не главнокомандующим этих войск, а непосредственно директору АНБ.

Из-за давления со стороны военных идея руководства АНБ создать криптографические войска под своим единоличным командованием приказала долго жить. Вместо этого совместными усилиями было найдено компромиссное решение – организовать так называемую Центральную службу безопасности (ЦСБ). Состряпанная министерством обороны США наспех, лишь бы поскорее «утопить» идею криптографических войск, ЦСБ представляла собой, по образному выражению одного из ответственных ее руководителей, «вавилонскую башню сразу после того, как она разрушилась».

ЦСБ была создана по личному распоряжению президента США Никсона в 1972 году. Штатным расписанием предусматривалось наличие в ней 45 тыс. сотрудников, которые находились в распоряжении директора АНБ. Контроль АНБ над ЦСБ с самого начала ее существования являлся вполне реальным. В соответствии с директивой Совета национальной безопасности США от 17 февраля 1972 г., подписанной президентом, директору АНБ предоставлялось право распоряжаться личным составом любых военных подразделений, задействованных на работе по защите американских каналов связи и по добыванию информации из зарубежных. По поводу отмены таких распоряжений директора АНБ можно было апеллировать только к министру обороны США.

Детский лепет

До середины 70-х годов технократы из АНБ, чрезвычайно гордые своими возможностями в области перехвата, только презрительно кривились, когда слышали утверждения о том, что какое-то государство способно скрыть от них свои намерения или представить их в ложном свете. Однако во второй половине 70-х годов им было суждено несколько изменить свое мнение. Оказалось, что в радиошпионаже существуют такие методы искажения, по сравнению с которыми дезинформация в сфере агентурного шпионажа кажется детским лепетом.

В течение многих лет АНБ денно и ночно перехватывало результаты испытаний советских баллистических ракет. Агентство регулярно докладывало потребителям этой информации о радиусе их действия и точности наведения. На ее основе в конце 60 – начале 70-х годов в США были приняты важнейшие решения относительно количества, мест размещения и системы защиты американских ракет. Однако через несколько лет выяснилось, что данные, полученные в АНБ, содержали существенные ошибки.

Лишь после того, как в середине 70-х годов появились более совершенные радиошпионские средства слежения за испытаниями советских ракет, стала ясна природа этих ошибок. СССР умело фальсифицировал результаты испытаний своих ракет. Зная, что американские спутники и антенны нацелены на перехват всех излучений от испытываемых ракет, советские специалисты разработали способ, позволявший им обманывать американскую технику и заставлять ее сообщать, что советские ракеты менее точны, чем это было на самом деле.

Хорошо известно, что в мире шпионажа неудачи служат для того, чтобы обеспечить дальнейший рост спецслужб. Поэтому тут же в недрах американского шпионского сообщества появилась группа лиц, заявивших, что для предотвращения подобных провалов в будущем необходимо создать

специальное контршпионское подразделение. Это подразделение должно было следить за всей радиوشпионской деятельностью и изучать, каким образом те или иные технические средства слежения АНБ попали под советский контроль. Сторонники этой идеи утверждали, что советская дезинформация, базировавшаяся на использовании «перевербованных» спутников и посылке ложных радиосигналов, могла быть побеждена только при помощи такого специализированного подразделения, которое имело бы доступ ко всем источникам добываемой АНБ информации.

Против идеи создания подобного подразделения выступили те сотрудники АНБ, которые были уверены, что система слежения их Агентства вообще не может быть введена в заблуждение. К ним присоединились и те, кто, допуская в принципе возможность дезинформации, утверждали, что создание всеобъемлющей контршпионской организации породит издевательское отношение со стороны широкой общественности: «Дожили! Они уже начали искать советских агентов среди наших спутников». В шпионском сообществе США возникли глубокие расхождения во мнениях. Неожиданно подал в отставку с поста заместителя директора ЦРУ бывший глава АНБ Б.Инмен. В результате разрешение на создание контршпионской организации подобного рода дано не было.

Овчинка выделки не стоила

Одной из наиболее секретных программ США в конце 70-х годов стало ведение шпионажа против Советского Союза с использованием подводных лодок. Американские субмарины зачастили в его территориальные воды, время от времени добираясь даже до советских морских гаваней. В эту программу входила также сверхсекретная операция «Вьюнок», которая считалась гордостью ВМС США и заключалась в перехвате информации с подводных кабельных линий связи. Американцы надеялись, что русские, считая, что подводные кабели прослушивать невозможно, использовали сравнительно несложные шифры, а иногда обходились и без них.

Вначале перехват велся с помощью подводных лодок, вынужденных длительное время стоять над кабелем. Затем военные моряки и специалисты из АНБ сумели создать сложный аппарат, который можно было разместить рядом с подводным кабелем связи и оставить там на несколько месяцев без присмотра для записи передаваемых по кабелю сигналов. Этот аппарат американцы окрестили «коконом». В ходе операции «Вьюнок» один такой «кокон» был прикреплен к советскому подводному кабелю, проложенному по дну Охотского моря от материка до полуострова Камчатка. Подключила его американская подводная лодка, имевшая на борту водолазов, которые произвели установку «кокона» с помощью робота.

Однако в 1981 году на снимках, полученных со спутников, американцы заметили большое скопление советских судов как раз в том месте, где располагался «кокон». Позже, когда американская субмарина прибыла в район для замены пленок, на которые производилась запись сигналов, она обнаружила, что «кокон» бесследно исчез. В секретном докладе, подготовленном в ВМС США в 1982 году по итогам расследования обстоятельств пропажи «кокона», полностью отрицалась случайность как

причина обнаружения подслушивающего устройства противником. Русские точно знали, где и что искать, утверждалось в докладе.

В 1985 году в США по обвинению в шпионаже был арестован бывший сотрудник АНБ Рональд Пелтон, долгие годы проработавший в группе «А» «производства» и уволенный в отставку в 1979 году. Уже в первый день судебного разбирательства по его делу Пелтону было предъявлено обвинение в том, что он передал данные об операции «Вьюнок» советской разведке. На одном из судебных заседаний выступили два сотрудника АНБ, давшие оценку ущербу, который Пелтон нанес США. Уильям Кроуэлл, возглавлявший в ту пору группу «А», подтвердил, что подслушивающее устройство в Охотском море сдавало нам возможность взглянуть изнутри на вооруженные силы, их относительную численность и планируемые ими маневры». Бывший непосредственный начальник Пелтона Давид Бейкон добавил под присягой, что те 57 кабельных каналов связи, проходивших по дну Охотского моря, на перехвате которых АНБ сконцентрировало свои усилия, позволяли Агентству проникать на «самые высшие уровни власти в СССР». Но был ли Пелтон виновен в разоблачении этой шпионской акции в Охотском море на самом деле?

В конце 80-х годов в американскую печать просочились сведения о том, что обстоятельства утечки информации об операции «Вьюнок» стали ясны американцам после того, как о них рассказал Юрченко, в 1985 году. Эта наводка Юрченко, по сообщениям средств массовой информации США, помогла сузить круг подозреваемых в работе на советскую разведку путем отбора всех сотрудников АНБ, имевших отношение к операции в Охотском море, и выйти в конце концов на Пелтона.

А вот что поведал в газетном интервью бывший командующий Тихоокеанским флотом СССР адмирал в отставке Владимир Сидоров: «Рыбаки вышли в море за камбалой и крабами, зацепили телефонный кабель и порвали его. Мне позвонили с Камчатки и сообщили, что из-за недисциплинированности рыбаков (на навигационных картах район, где пролегал кабель, был объявлен запретным для рыбной ловли) полуостров лишился связи. Попросили прислать кабельное судно, чтобы найти обрыв и восстановить связь».

Судна под рукой не оказалось — шли работы по прокладке кабеля в районе острова Сахалин. И только после окончания работ кабельное судно «Тавда» было мною переброшено в район предполагаемого обрыва.

Обрыв был обнаружен быстро, однако на Охотское море надвигался глубокий циклон, в районе работ прогнозировался ветер силой до 30 метров в секунду. Решил до окончания штормовой погоды направить судно в Магаданский порт. И вдруг ночью от командира кабельного судна приходит донесение о том, что во время поиска обрыва на кабеле обнаружен огромный контейнер иностранного производства, поднять который из-за плохой погоды через носовое устройство прокладки кабеля нельзя. Кроме того, он настолько тяжел, что поднять его можно только носовым краном, на что потребуется не менее 2 часов.

В 5 утра командир «Тавды» доложил, что контейнер весом 7 тонн, длиной 5 метров поднят на борт. В голосе командира чувствовалась тревога — в хвостовой части контейнера повышается температура.

В Магаданскую гавань по погодным условиям судно зайти в тот день не смогло. И только через сутки оно было поставлено к стенке разгрузки, а затем контейнер на большом грузовике доставили на аэродром.

Там контейнер осмотрела большая группа экспертов КГБ и специалистов флота. Пришли к выводу, что он взрывоопасен. Кто-то предложил: от греха подальше – вывезти его за пределы аэропорта и взорвать. Но после дополнительных консультаций все же решили не взрывать, а направить в Москву. Так и поступили».

После того как «кокон» был найден, советские военные моряки тщательно обследовали дно Охотского моря, но больше ничего не обнаружили. В Москве было установлено, что «кокон» являлся подслушивающим устройством. На нем красовалась табличка с надписью: «Собственность правительства США». «Кокон» состоял из двух контейнеров, которые могли снимать информацию с кабеля без вскрытия его внешних оболочек. Это был очень сложный и дорогостоящий аппарат, который мог 120 суток накапливать информацию. Источником питания служил ядерный реактор, повышение температуры в котором так встревожило советских специалистов, первыми производивших осмотр «коккона».

Почему именно в Охотском море американцы поставили свой «кокон»? Дело в том, что особый интерес для США представляли сообщения, связанные с испытаниями советских баллистических ракет. В США считали, что информация об испытаниях передавалась по кабелю, проложенному по дну Охотского моря, и надеялись получить к ней доступ. Однако, по мнению российского эксперта в области радиошпионажа Вячеслава Тупицына, их ждало разочарование: «Несмотря на всю уникальность новой аппаратуры, о большой ее эффективности говорить не приходится». И вот почему: «По правительственному кабелю сигнал уходит уже зашифрованным. Расшифровать информацию можно только с помощью специального ключа. Если его нет, то на расшифровку может уйти лет 100. Какую-то информацию, не являющуюся государственной тайной, думаю, американцам удалось снять. Но не более». Тупицына поддержали и другие российские эксперты. По их суждению, деньги американских налогоплательщиков, потраченные на проведение операции «Вьюнок», попросту были выброшены в океан. Что же касается связи Пелтона с провалом этой операции, то его могли посадить за что угодно. Ведь американские спецслужбы никогда не пренебрегали «стрелочниками», чтобы показать, что существуют не зря.

К началу 90-х годов большое количество технических средств западного радиошпионажа, собранных со всех концов России, сосредоточилось в музее КГБ – в так называемом «Чекистском зале» на улице Большая Лубянка в Москве. Видное место среди них заняли части огромного «коккона», извлеченного из Охотского моря в 1981 году.

АНГЛИЧАНЕ

Англичанин не любит мяса, которое не вполсыро.
К. Прутков. « Сочинения»

ИСТОКИ

Шифры со дна морского

Уже в самом начале первой мировой войны английское адмиралтейство решительно и без промедления лишило Германию возможности пользоваться трансатлантическими кабельными линиями связи. На пятый день войны английское судно «Телькония» отправилось в Северное море и недалеко от Эмдена, там, где голландское побережье граничит с немецким, сбросило за борт какое-то приспособление. Вскоре из морских глубин показались длинные змееобразные «чудовища», покрытые водорослями. Приглушенные голоса, звуки ударов – и вскоре поднятый груз, перерезанный и теперь бесполезный, был снова выброшен в море. Английский комитет имперской обороны еще в 1912 году спланировал этот шаг. Первая наступательная операция Англии, проведенная «Телько-нией», помогла ей выиграть вместе с союзниками первую мировую войну.

Вскоре после этого были ликвидированы германские радиостанции в Африке, на Самоа и в Китае. В результате для связи с внешним миром, лежавшим за пределами Антанты, Германия могла пользоваться только телеграфными линиями нейтральных стран – Швеции, Дании, Голландии, а также линиями связи своих союзников – Австро-Венгрии и Турции. Оставались еще почтовое сообщение и радиосвязь. Все это создало англичанам хорошие условия для перехвата: через руки противников Германии по каналам связи передавались наиболее секретные немецкие планы, с которыми можно было знакомиться прямо в оригинале, но лишь при условии вскрытия защищавших их шифров. Это была возможность, к которой Англия оказалась неподготовленной, но которой она тем не менее сумела быстро воспользоваться. Растущий объем перехвата сделал необходимым привлечение специалистов в области криптографии. На работу в английское адмиралтейство были приняты три добровольца, знавшие немецкий язык. Они-то и занялись изучением в первую очередь немецких шифров. Успеху в их работе способствовали несколько событий первых двух лет мировой войны.

30 августа 1914 г. преследуемый на Балтике двумя русскими военными кораблями сел на мель, а потом затонул германский крейсер «Магдебург». Несколько часов спустя русские моряки подобрали тело утонувшего немецкого младшего офицера. Окостеневшими руками мертвец прижимал к груди кодовую книгу. В первую очередь российское командование предприняло все меры к тому, чтобы немцы не узнали о компрометации своего кода. В частности, с этой целью водолазам, обследовавшим затонувший «Магдебург», был объявлен строгий выговор за нерадивую работу, которая якобы не дала ничего ценного. Эта информация как бы между прочим была доведена до сведения капитана немецкого крейсера и членов его команды, взятых в плен. В результате код не был немцами своевременно сменен. Попад месяцем позже в английское адмиралтейство, этот код стал ценнейшим материалом для дешифровальной работы англичан. Они с большим успехом воспользовались «подарком» русских.

17 октября того же года капитан еще одного германского корабля после того, как его судно вступило в неравный бой с английскими крейсерами и

стало очевидно, что оно будет потоплено, выбросил ящик с документами за борт. 30 ноября водонепроницаемый ящик был подобран со дна моря английским тральщиком и в нем обнаружили кодовую книгу, уже третью по счету. Фотокопия второй была прислана из Австралии: ее захватили у австралийских берегов на немецком торговом судне еще в самом начале войны.

Благодаря наличию трех кодов английским криптоаналитикам удалось обнаружить принципы, которыми немцы руководствовались при смене ключей для своих шифрсистем. Был составлен список часто используемых морских терминов. Напротив каждого термина в этом списке указывались возможные пятибуквенные комбинации, на которые этот термин мог быть заменен при шифровании. Англичанам достаточно было точно узнать, на какую комбинацию в данном сообщении заменялся хотя бы один морской термин. Тогда соответствие между остальными терминами и пятибуквенными комбинациями становилось ясным и вся оставшаяся часть шифрсообщения могла быть дешифрована.

Уверенные в том, что сигналы маломощных радиостанций на их судах принимались лишь на небольшом расстоянии, немцы не подозревали об этих достижениях англичан. Однако попытки использовать получаемую с помощью радиошпионажа информацию не принесли ожидаемых успехов английскому надводному флоту. Сказались значительные трудности, возникшие при попытке наладить оперативную связь между флотом и подразделением, занятым дешифрованием перехваченных сообщений в Лондоне.

Но радиошпионаж внес значительный вклад в уничтожение подводного флота Германии. За время первой мировой войны десятки германских субмарин были пущены ко дну. Все они, за немногим исключением, подверглись обследованию искусным английским водолазом Э.С.Миллером. Специальный морской отряд перебрасывал Миллера с его водолазным снаряжением в те пункты, где были потоплены немецкие подводные лодки. Шифры, которые Миллер извлекал с морского дна, стали могучим оборонительным оружием в борьбе Англии с подводной блокадой. Шифрованные радиোগраммы германского морского министерства, посылавшиеся подводным лодкам, регулярно перехватывались и дешифровались. Капитаны немецких субмарин шли навстречу своей смерти, не зная о том, с какой легкостью распоряжения их начальства становились известными врагу.

14 апреля 1916 г. была взята в плен немецкая подводная лодка UB-16. Наличие больших минных полей, созданных англичанами для защиты от подводных лодок, заставило немцев организовать сопровождение субмарин минными тральщиками. Связь между субмаринами и тральщиками поддерживалась с помощью радиопередатчиков. Чтобы закрыть информацию о передвижении подводных лодок, немцы снабдили их экипажи картами. На карты была нанесена сетка, которая разбивала каждую зону боевых действий на квадраты. Тогда сообщение с немецкой подлодки выглядело приблизительно так: UB72-1-2-8-027A. Это означало, что лодка UB-72 потопила вражеский корабль водоизмещением 2 тыс. тонн в квадрате A-027, а осталось у нее в распоряжении еще 8 торпед. Так вот, на потопленной лодке UB-16 был обнаружен полный комплект таких карт для зоны пролива Ла-Манш с нанесенной на них сеткой, что позволило англичанам организовать там эффективное противодействие германскому подводному флоту.

В ходе первой мировой войны англичане сумели наладить не только чтение ценных шифртелеграмм противника, но и посылку фальшивых шифрованных сообщений германскому флоту от имени его командования в Берлине. Одна из таких шифртелеграмм привела к крупной победе на море: осенью 1914 года недалеко от Южной Америки была уничтожена целая немецкая эскадра, в составе которой находились крейсера с новейшими дальнобойными орудиями. Ложным приказом, переданным командующему этой эскадры, англичане заставили ее корабли совершить переход из чилийского порта Вальпараисо к Фолклендским островам, где их поджидали английские военные крейсера и дредноуты, расстрелявшие немцев в упор. Этот приказ отправил с берлинского телеграфа один английский агент. Он смог раздобыть бланки, на которые сам поставил похищенные им печати морского министерства Германии и ее военной цензуры. Записанная на этих бланках, заверенная необходимыми печатями и зашифрованная по всем правилам депеша была без всяких подозрений принята на телеграфе и отправлена по назначению — в Вальпараисо, командующему немецкой эскадры. Выполняя содержащийся в депеше приказ, эскадра добровольно отправилась на место своей гибели.

Еще большее значение имела передача немцам подложного английского кода, якобы употреблявшегося для шифрования особо важных и срочных сообщений. Англичане должны были время от времени передавать по радио зашифрованные с его помощью ложные приказы. Капитаны английских кораблей не могли бы знакомиться с содержанием этих приказов, поскольку не были снабжены фальшивым кодом. Расчет был прост, оставалось подбросить код противнику так, чтобы у того не возникло ни малейших сомнений в его подлинности.

В отеле голландского города Роттердам часто останавливались англичане, поэтому он находился под пристальным наблюдением немецких шпионов. На службе у немцев состоял и портье отеля. Была замечена такая закономерность: если из Англии приезжал кто-то, по мнению портье заслуживавший внимания, на следующий день в отель вселялась белокурая дама и снимала номер неподалеку от комнаты нового постояльца.

22 мая 1915 г. в Роттердам прибыло какое-то английское официальное лицо со специальным служебным паспортом. Англичанин явно был особо доверенным дипломатическим курьером. В числе его вещей находилась дорожная сумка, с которой он никогда не расставался. Очевидно, она была предназначена для перевозки документов.

22 мая пришлось на субботу. Английское консульство в Роттердаме было уже закрыто до понедельника. А это означало, что сумка с документами в течение полутора суток будет находиться в номере у приезжего.

В воскресенье после полудня в отель приехала белокурая дама, которую поселили по соседству с англичанином. А тот скучал, не зная как убить время в незнакомом городе. Портье счел своей обязанностью помочь постояльцу. Он доверительно сообщил, где можно скоротать вечер и как туда добраться. Гость поспешил последовать доброму совету и через несколько минут покинул отель. Он настолько торопился, что забыл захватить с собой сумку с документами.

До места, указанного ему портье, англичанин так и не добрался. Свернув за угол, он сделал крюк и вернулся в укромное место напротив отеля, откуда мог наблюдать за окном своего номера. Дело в том, что это был не обычный дипломатический курьер, а секретарь одного из членов английского

парламента Гай Локок, специально приглашенный сыграть роль курьера. Локок несколько лет прослужил в министерстве иностранных дел Англии и был хорошо знаком с типичным для английских дипломатов за границей поведением. В его дорожной сумке, кроме прочих документов, лежала копия подложного кода.

Локок прождал недолго. Через полчаса в его комнате загорелся свет, в окне замелькали тени. Затем вновь стало темно: немцы нашли то, что искали. По их мнению, Локок должен был отсутствовать по меньшей мере часа три (время более чем достаточное, для того чтобы сделать фотокопии всех страниц кодовой книги). Лококу оставалось дожидаться, когда в его комнате вновь загорится лампочка.

Около часа ночи свет был зажжен всего на пару минут. Через полчаса Локок «навеселе» вернулся в отель. Внимательный портье помог подвыпившему гостю добраться до номера. Все стороны остались крайне довольны друг другом. А через год тот же Локок был послан в Брюссель с изменениями к ранее подброшенному немцам коду: это должно было убедить их, что англичане и не подозревают о раскрытии своего кода.

С помощью подложного кода англичанам удавалось не раз вводить в заблуждение германское военное командование. Например, в сентябре 1916 года был передан «приказ» ряду английских кораблей, из которого следовало, что они должны будут вскоре принять участие в десантных операциях. Дополнительно была организована утечка информации, свидетельствовавшей о подготовке десанта, и по другим каналам. Тогда еще не существовало развитого шпионажа с воздуха, быстро получить сведения о концентрации английских судов оказалось невозможно, но имевшихся доказательств хватило для того, чтобы германское командование стало спешно оттягивать с фронта резервы для отражения мифической английской атаки.

Другой английский код попал в руки немцев случайно, но вскоре англичане узнали об этом и сумели воспользоваться сложившейся ситуацией. Речь шла о коде, которым англичане шифровали свои сообщения о расчистке минных полей, установленных немецкими подводными лодками. Была послана радиограмма о том, что у входа в один из портов на побережье Ирландии выловлено много немецких мин. Вскоре туда явилась немецкая субмарина, чтобы поставить новые, и подорвалась на одной из своих прежних мин, которые англичане и не собирались убирать.

Шпионская лихорадка

В 1915 году капитан Руперт Стэнли (в прошлом профессор Белфастского университета, автор популярного в свое время учебника «Пособие по беспроволочной телеграфии») спроектировал аппарат, состоявший из заземленной антенны и приемника на трех лампах. На расстоянии немногим менее 100 метров это устройство, используя индукцию проводов, было способно перехватывать телефонные разговоры противника.

Первоначальный восторг от использования приемника Стэнли у англичан, однако, вскоре поугас, когда они узнали, что и немцы сконструировали подобный приемник. Результатом было запрещение англичанами вести разговоры по телефону на расстоянии менее двух километров от линии

фронта. Усовершенствованная к тому времени аппаратура позволяла англичанам перехватывать сигналы немецких телеграфных линий на расстоянии до трех километров от источника.

Первым из английских государственных деятелей, кто в полной мере оценил важность и полезность радиошпионажа, был Уинстон Черчилль. В качестве главы адмиралтейства осенью 1914 года он оказался, по его собственным словам, «до некоторой степени ответственным» за возрождение английской дешифровальной службы, от которой в Англии отказались в 1844 году в связи с протестами в парламенте против вскрытия почтовой корреспонденции. Участие в планировании операций по заманиванию в ловушку немецкого флота в Северном море с использованием данных, полученных средствами радиошпионажа в декабре 1914 — январе 1915 года, произвело на Черчилля огромное впечатление. Десять лет спустя в своих мемуарах о первой мировой войне он написал: «Все эти годы, в течение которых я занимал официальные должности в правительстве начиная с осени 1914 года, я прочитывал каждый из переводов дешифрованных шифрсообщений и в качестве средства выработки правильного решения в области общественной политики придавал им большее значение, чем любому другому источнику сведений, находившемуся в распоряжении государства».

На посту главы английского адмиралтейства Черчилль «приложил руку» к созданию в составе ВМС Англии криптоаналитической группы, разместившейся в комнате № 40 в здании адмиралтейства и вошедшей в историю радиошпионажа как «Комната 40». С мая 1916 года криптоаналитики из «Комнаты 40» перешли в непосредственное подчинение начальника шпионской спецслужбы ВМС Англии Реджинальда Холла. В его руках данные, добытые из каналов связи немцев, были грозным оружием против шпионов противника.

В начале 1916 года Берлин и германские дипломатические представительства в США обменялись рядом криптограмм, которые были прочитаны в «Комнате 40». В одной из них содержалось настойчивое требование оказать Германии военную поддержку «живой силой, вооружением и снаряжением» Роджеру Кейсменту, бывшему английскому консулу. После неудачной попытки набрать добровольцев в антианглийский батальон из числа ирландских военнопленных, находившихся в Германии, Кейсмент собирался поднять восстание в Ирландии. В другой перехваченной англичанами криптограмме сообщалось, что приближается время отплытия Кейсмента в Ирландию на немецкой подводной лодке, и было условлено, что будет передано кодовое слово «овес», если субмарина с Кейс-ментом на борту выйдет, как было заранее запланировано. Если же возникнет какое-либо препятствие, то будет использовано кодовое слово «сено». 12 апреля 1916 г. среди ежедневного обычного потока прочитанных англичанами немецких шифртелеграмм прошло сообщение, содержащее слово «овес». А 10 дней спустя Кейсмент высадился в Ирландии и тотчас был арестован поджидавшими его английскими полицейскими. Он оставался спокойным, назвавшись вымышленным именем и сказав, что он писатель. Однако по дороге Кейсмент попытался выбросить клочок бумаги с записанными на нем кодовыми фразами, которые могли ему понадобиться, такими как «пришлите еще взрывчатки». Полиция заметила это и конфисковала бумажный обрывок в качестве улики. Кейсмента судили и обвинили в государственной измене. И хотя английская общественность активно выступала за отмену вынесенного судом смертного приговора, Холлу удалось ослабить этот нажим путем тайного распространения через лондонские клубы и палату общин парламента некоторых страниц дневников Кейсмента, свидетельствовавших о его склонности к гомосексуализму. 3 августа Кейсмент был повешен.

Шпионская лихорадка, охватившая в этот период Англию, оказалась до такой степени неистовой, что, когда просто взлетала птица, истеричный свидетель этого безобидного события нередко звал на помощь полицию. Он был совершенно убежден, что видел, как иностранный агент послал в «центр» донесение с помощью почтового голубя. Однажды к Холлу пришел на прием сотрудник лондонского финансового округа, назвавшийся «экспертом по шифрпереписке», и сообщил, что прочитал зашифрованные сообщения германских шпионов, относившиеся к передвижениям английских войск. Сообщения эти, по его мнению, были посланы под видом частных объявлений в газетах. Холл внимательно выслушал его и попросил зайти еще раз, после того как у него появятся новые доказательства. Выпроводив гостя, Холл решил проучить его: немедленно составил объявление, звучавшее подозрительно, и поместил в разделе частной хроники газеты «Таймс». На следующий день с «дешифрованным» текстом этого объявления к Холлу прибыл крайне взволнованный «эксперт по шифрпереписке». В его интерпретации данное Холлом объявление содержало сообщение о том, что английские линейные корабли готовились к выходу в море из военно-морских портов Портсмут и Плимут. Как отреагировал «эксперт» на признание Холла, что подозрительное объявление в «Таймс» было делом рук отнюдь не германских шпионов, неизвестно. Скорее всего, просто не поверил.

Вслед за «экспертом по шифрпереписке» еще одним необычным специалистом, с которым Холл изъявил желание побеседовать лично, стал капитан германского флота Франц Ринтелен. На беседу с Холлом Ринтелена привезли сотрудники военно-морской службы контршпионажа Англии сразу после того, как сняли его с парохода голландско-американской трансатлантической линии. Ринтелен являлся организатором знаменитой диверсионной атаки Германии против США. Это была настоящая морская битва, удары которой приходились на суда любой государственной принадлежности с грузом, более или менее прямо предназначенным для использования в военных целях. Деятельности Ринтелена положил конец непрофессионализм германского военного атташе в Вашингтоне фон Папена. Из его неуклюжих шифровок, которые англичане легко перехватывали и дешифровали, стало известно о предстоящем возвращении Ринтелена на родину. Остальное было, как говорится, делом техники. По иронии судьбы незадолго до отбытия из США Ринтелен уведомил своих начальников о том, что, по сведениям его американской агентуры, англичане читают немецкую дипломатическую шифрпереписку, и попросил принять срочные меры. Однако в Берлине не вняли этому предупреждению и не удосужились сменить скомпрометированные шифры.

Код похитила Флора

В знаменитом Ютландском морском сражении между Англией и Германией, как известно, обе противоборствующие стороны признали себя победителями. У этой битвы было два интересных аспекта с точки зрения истории радиوشпионажа.

Во-первых, незадолго до сражения командующий английским флотом получил сообщение из адмиралтейства о задержке готовых вот-вот начаться военных операций германского флота. Командующий решил, что до начала битвы еще далеко. На самом деле в это время германский флот, соблюдая полное радиомолчание, на всех парах двигался навстречу английскому. А произошло следующее.

Некий офицер германской армии в качестве хобби занялся декодированием часто менявшихся кодовых сигналов ВМС Англии. Помощь в этом ему оказывали несколько криптоаналитиков, состоявших в штате одной из радиостанций Германии, располагавшейся на берегу Балтики. Им удалось вскрыть шифр, который англичане использовали для защиты своих малоценных линий связи. Упомянутый выше немецкий офицер написал меморандум, адресованный им своему командованию. В меморандуме на основе анализа перехваченных радиосообщений ВМС Англии он рекомендовал германскому адмиралтейству время от времени менять позывные своих кораблей. Незадолго до Ютландского сражения такая замена была осуществлена: флагман германского флота поменялся позывными с одной береговой радиостанцией. Перед самым сражением английское адмиралтейство, перехватив сигнал этой береговой радиостанции, решило, что он принадлежит германскому флагману, и сделало ошибочный вывод о задержке немцами начала своего наступления на море.

Во-вторых, когда во время сражения германский флот начал отступать, то сделано это было по самому короткому маршруту из четырех возможных. А в это время английский флот закрывал для отступления германской флотилии совсем другой путь, несмотря на то что криптоаналитики «Комнаты 40» располагали правильной информацией. Между 21.55 по Гринвичу 31 мая и 03.00 1 июня 1916 г. ими были перехвачены и дешифрованы 16 сообщений, имевших отношение к Ютландскому сражению. Открытые тексты трех из них были доведены до сведения командующего английским флотом. К сожалению, в одном содержались неверные данные. Координаты арьергардного корабля германской эскадры были указаны с ошибкой в 20 километров, в чем можно было убедиться невооруженным глазом с английских кораблей. Ошибку в определении своего местонахождения совершили навигаторы с германского арьергардного корабля. Доверие к достоверной информации, полученной дешифрованием двух других сообщений, было подорвано, и английское командование ею не воспользовалось.

Этот немецкий военно-морской код, знание которого англичанами сослужило им плохую службу в завершающей стадии Ютландского сражения, был похищен английской шпионкой, известной под именем Флора. В самый разгар войны Флора свободно разъезжала по всей Германии с голландским паспортом. Заведя любовные связи с несколькими морскими офицерами, Флора похитила у одного из них секретный код ВМС Германии, а ее незадачливый любовник побоялся сообщить своему начальству о краже.

Диковинный трофей

Третий год войны ознаменовался успехами английского радиопионажа в борьбе против воздушного флота Германии. 24 сентября 1916 г. англичанами был сбит немецкий дирижабль (цеппелин) L-32, возвращавшийся после налета на Лондон. Среди обломков обнаружили шифроблокнот, использование которого помогло определять маршруты цеппелинов и успешно сбивать их.

В октябре 1917 года немцы провели один из крупнейших налетов своих цеппелинов на Англию. Но на обратном пути победоносный воздушный флот Германии был рассеян сильной бурей. Два цеппелина — L-49 и L-51 — прибило к земле во Франции недалеко от ставки командования американскими войсками в Западной Европе. L-49 был захвачен французами невредимым, а L-51 несло над землей до тех пор, пока его рубка управления не оторвалась и не

повисла на вершине дерева. Ни на борту L-49, ни в рубке управления L-51 никаких карт или документов обнаружено не было. Однако один из американских офицеров, участвовавших в поиске, решил пройти по следу, который оставил L-51, и был вознагражден за свою настойчивость – нашел обрывок немецкой карты Северного и Ирландского морей. Он продолжал двигаться дальше, отыскивая все новые ее части. Его находка, бесспорно, имела непосредственное отношение к войне, которую немцы вели против Англии под водой и в воздухе, но без знания кодированных обозначений, применявшихся немцами для своих кораблей, использовать захваченную карту было невозможно.

На следующее утро выяснилось, почему ничего не было найдено в захваченном французами L-49. Два молодых американских офицера очутились вблизи беспомощного цеппелина сразу после его приземления и сдачи в плен. Они забрались в одну из кают и взяли оттуда в качестве трофея книгу-альбом с печатным текстом и фотографиями морских и воздушных кораблей Германии. Более внимательное изучение книги показало, что она содержала код, дававший возможность по внешнему виду опознавать морские и воздушные суда. Вскоре кодовая книга вместе с картой была передана Холлу. Регулярно перехватывая и дешифруя германские сообщения, англичане захватили врасплох немало подводных «хищников» Германии. Это был разительный пример согласованных действий союзников: французы вынудили к сдаче неповрежденный L-49, американцы разыскали секретную карту и кодовую книгу, а англичане полностью использовали выгоды создавшегося положения.

Чисто английское трюкачество

В 1917 году радиوشпионские методы, оправдавшие себя в борьбе против Германии, английское военное командование решило использовать на Ближнем Востоке, где турецкие войска под руководством германских офицеров упорно отбивали попытки английской армии вторгнуться с территории Египта в Палестину. Англичанам для достижения успеха необходимо было нанести внезапный удар, иначе турки, имевшие хорошие дороги позади своих позиций, успевали быстро подбрасывать подкрепления для отражения нападения. Но как сохранить в тайне передвижение десятков тысяч навьюченных верблюдов, вздымавших целые тучи песка и пыли?

Англичане пустили в ход искусную дезинформацию. Так, с помощью различных уловок турок познакомили с английским шифром, которым стали передавать ложные сообщения. Наряду со служебной информацией английские радисты посылали в эфир и сведения личного характера. Воинские части Англии действовали будто бы на основе приказов, переданных им по радио и зашифрованных с помощью намеренно скомпрометированного шифра. А чтобы окончательно убедить турецко-германское командование в правильности полученных ими данных, было решено подбросить туркам офицерскую сумку. Прежде всего туда вложили двести фунтов. Расчет строился на том, что коррумпированные турецкие офицеры сочтут невозможным, чтобы кто-то сам добровольно расстался с такой крупной суммой. Деньги были вложены в записную книжку армейского образца, в которой вместе с дезинформацией имелся также ряд подлинных записок. Наконец, в сумке лежало несколько черновых записей – они не содержали прямой «дезы» и должны были позволить туркам прочесть другие ложные шифрматериалы.

А вскоре английский офицер наткнулся на турецкий патруль и обстрелял его. Началось преследование дерзкого англичанина. Убегая от погони, тот отвязал ляжки седла, которыми были привязаны к седлу сумка, бинокль и – большая ценность в пустыне – фляга с водой. Инсценируя картину поспешного бегства, он бросил винтовку, которую смазал кровью своей лошади, и, пошатываясь в седле, словно задетый пулей, скрылся от погони. После его возвращения в лагерь были спешно разосланы радиogramмы о потере важных документов, а на поиски сумки брошены конные патрули.

В результате проведенной операции неприятель был окончательно введен в заблуждение. Черпая информацию из дешифрованных английских телеграмм и всецело доверяя ей, он и не подозревал, что англичане активно готовились к наступлению. Через некоторое время турецкий фронт был прорван. Этот успех имел крупное значение для Лондона не только в военном, но и в политическом плане на фоне неудач Антанты на Западном фронте.

А теперь с Ближнего Востока перенесемся в Восточную Африку, где, имея огромное превосходство над противником, английские войска на протяжении нескольких лет никак не могли добиться успеха в борьбе против отряда немецкого полковника Форбека. Англичане регулярно перехватывали и дешифровали телеграммы, которыми обменивались Форбек и его начальство в Берлине. В ноябре 1917 года Форбек запросил военное снаряжение, чтобы продолжить свою полупартизанскую войну, которая сковывала в Восточной Африке около 300 тыс. солдат Антанты. Через свою агентуру в Болгарии англичане узнали, что немцы по частям привезли и собирают там цеппелин, на котором планируют перебросить в Восточную Африку боеприпасы и медикаменты.

16 ноября цеппелин вылетел из Болгарии в направлении Африки. Но, достигнув границ германской колонии в Восточной Африке, он напрасно кружил в ожидании условного сигнала с земли о посадке: немецкий полковник в этот момент совершал один из своих рейдов против англичан. Тем временем из Берлина пришло сообщение, что Форбек окружен и цеппелину следует вернуться домой. После возвращения выяснилось, что радиogramма из Берлина, полученная командиром цеппелина, была следствием переданной по радио депеши от Форбека. В действительности же эта радиодепеша была послана не Фор-беком, а англичанами, знакомыми и с местонахождением Форбека, и с секретным кодом, который использовался им в переговорах с командованием в немецкой столице.

Однако эти успехи англичан меркнут в сравнении с триумфом в области чтения дипломатической шифрпере-писки Германии.

Шифртелеграмма Циммермана

Как уже говорилось выше, с самого начала войны Германия оказалась изолированной от внешнего мира: в ее распоряжении остались всего лишь две трансатлантические кабельные линии связи – из Стокгольма в Буэнос-Айрес, принадлежавшая Швеции, и из Копенгагена в Вашингтон, являвшаяся собственностью США. Обе они были ненадежными, так как проходили через ретрансляционную станцию, контролировавшуюся англичанами. И английские криптоаналитики не преминули этим воспользоваться.

Полученная Англией информация оказалась весьма стоящей. Наиболее ценной стала частично дешифрованная 19 января 1917 г. шифртелеграмма, отправленная министром иностранных дел Германии Циммерманом немецкому посланнику в Мексике. В прочитанной английскими криптоаналитиками части этой телеграммы говорилось о том, что с 1 февраля начнется неограниченная война на море с применением германского подводного флота. Англичане попридержали сведения о содержании шифртелеграммы Циммермана, опасаясь скомпрометировать их источник. Тем временем Германия успела сделать ряд практических шагов для претворения в жизнь своих планов по развязыванию подводной войны.

Одним из них стало вручение 31 января 1917 г. ноты, объявившей о начале 1 февраля беспощадной подводной войны, американскому послу в Берлине. Подводная война непосредственно затрагивала интересы и престиж Соединенных Штатов, и поэтому уже 3 февраля президент США Вильсон принял решение разорвать дипломатические отношения с Германией. Все же и после разрыва американско-германских отношений рядом с усиливавшимся течением в пользу войны с Германией в США еще очень прочно удерживалось мнение о том, что дальнейшее сохранение нейтралитета тоже имеет свои выгодные стороны. Однако роковая для Германии ошибка ее дипломатии в эти критические дни нанесла окончательный удар всем американским приверженцам нейтралитета и значительно облегчила сторонникам войны их игру.

К середине февраля 1917 года англичане сумели дочитать шифртелеграмму Циммермана и обнаружили, что в ней, кроме всего прочего, Германия предлагала Мексике вступить в войну против США в надежде вернуть потерянные ею территории. Трудно представить себе другое предложение со стороны Германии кому-либо, которое до такой степени могло бы разозлить американцев. И вот 20 февраля содержание этой шифртелеграммы было доведено до сведения посла США в Лондоне Пейджа. Ему рассказали «сказку» о том, что копия шифрованной телеграммы Циммермана была получена в Мексике, привезена в Лондон и тут дешифрована, и, мол, поэтому ее открытый текст передается в распоряжение американского посла с таким запозданием — только 20 февраля. Пейдж этому поверил, о чем англичане с удовлетворением узнали, дешифровав его телеграмму, посланную президенту Вильсону. А уже 1 марта 1917 г. открытый текст шифртелеграммы Циммермана был в полном объеме опубликован в английской прессе.

Тем не менее большинство представителей правящих кругов США первоначально выразило серьезные сомнения в достоверности этой информации. Во-первых, Вильсон не говорил, как в его руки попал открытый текст шифртелеграммы Циммермана, — значит, можно было предположить, что президент стал жертвой какой-нибудь мистификации. Во-вторых, представлялось слишком абсурдным содержание документа. Предлагать Мексике, население которой почти в 8 раз меньше населения США и которая в сотни раз слабее и беднее их, напасть на могучего соседа, чтобы отнять у него территорию, равную всей Мексике, — уже одно это казалось нелепостью.

Развеять сомнения помогло то обстоятельство, что шифртелеграмма Циммермана шла через Вашингтон и там на почте сохранилась ее копия. Эта копия была переправлена из столицы США в Лондон, где английские

дешифровальщики в присутствии Пейджа продемонстрировали свое искусство. К тому же они вскоре дешифровали ряд инструкций из Берлина, уточнявших депешу немецкого министра иностранных дел, и передали их в распоряжение американского правительства. И, что удивительно, Циммерман, вместо того чтобы отрицать подлинность текста своей телеграммы, опубликованного в английской печати, признал его аутентичность. История с шифртелеграммой Циммермана заставила одну немецкую газету весьма остроумно заметить, что вот, мол, «все говорили у нас, что наша дипломатия заполняется неспособными аристократами и что пора дать дорогу талантам из буржуазии», а первый ее представитель наделал таких дел, которые не пришли бы в голову и десятку самых неспособных аристократов.

Конечно же, не злополучная телеграмма Циммермана предопределила решение Вильсона объявить войну Германии. К участию в первой мировой войне американский империализм влекли его собственные корыстные интересы. Однако для оправдания в глазах общественности решения США выступить на стороне Антанты шифртелеграмма Циммермана сыграла решающую роль. Примечательно, что немцы наотрез отказались признать слабости своего шифра и предположили, что вражеские шпионы получили доступ к открытому тексту шифртелеграммы Циммермана.

После войны появились многочисленные версии того, каким образом англичане добыли германский дипломатический код, позволивший им прочесть телеграмму Циммермана. Сами немцы утверждали, что этот код выдал молодой австрийский радиоинженер Александр Сцек. Он имел доступ в помещение радиостанции в Брюсселе, из которого отправлялись правительственные радиотелеграммы немецким дипломатам за границей. Мать Сцека была англичанкой. Именно через нее Сцеку была обещана крупная сумма денег, если он добудет секретный немецкий код. По немецкой версии, Сцек сбежал в Англию, имея на руках вожаемый код. После этого его след был потерян. По окончании войны отец Сцека пытался разыскать сына, но на просьбу сообщить сведения, могущие пролить свет на судьбу Сцека, английские власти ответили категорическим отказом.

По мнению Черчилля, решающую роль в прочтении шифртелеграммы Циммермана сыграли кодовые книги с германского крейсера «Магдебург». Именно благодаря им английским дешифровальщикам удалось нащупать подходы к вскрытию германских правительственных шифров.

Третья версия связана с именем германского консула в Иране Карла Васмуса, который вел там активную диверсионную деятельность против английских войск. В частности, он собирался взорвать английский нефтепровод. Однако англичане сумели нанести упреждающий удар по расположившемуся на отдых диверсионному отряду Васмуса. Консул, поднятый со сна, в пижаме успел вскочить на коня и ускакать, но у него не было времени прихватить с собой багаж. Имущество Васмуса англичане отправили в Лондон, где оно нашло приют в подвале одного из столичных административных зданий. Позднее в случайном разговоре с офицером, прибывшим из Ирана, о вещах Васмуса узнал Холл и приказал немедленно доставить к себе. Среди них оказался шифрблокнот, вошедший в историю радиошпионажа как «код 13040». А затем случилось так, что главный инженер германской радиостанции в Константинополе давал обед в честь своего возвращения из отпуска, проведенного им на родине. После обеда он на радостях разослал 6 одинаковых сообщений своим коллегам на радиостанциях немецких консульств по всему миру, каждый раз используя для этого соответствующий консульский шифр. Зная «код 13040», англичане без особого

труда вскрыли шифры еще 5 консульств Германии в разных точках земного шара. Это и позволило им ознакомиться с содержанием шифртелеграммы Циммермана.

Наконец, согласно еще одной версии, немецкий дипломатический код, с помощью которого была прочитана эта телеграмма, добыл некий шпион Антанты по кличке Смит. Его послали в Брюссель с заданием украсть немецкие шифры. В бельгийской столице Смит нашел ценную помощницу в лице официантки кафе Ивонны, в которую влюбился немецкий офицер, работавший на радиостанции. Под предлогом обучения радиodelу Смит выудил из него сведения о главных элементах немецкого дипломатического кода и благополучно пересек линию фронта в обратном направлении. Сразу же после ухода Смита немцы арестовали Ивонну, поскольку давно следили за подозрительными визитами к ней молодого немецкого радиста, но докопаться до истинного смысла их «радиоуроков» так и не смогли.

Приведенные выше версии не обязательно противоречат друг другу, поскольку один и тот же секретный код мог быть получен разными путями, а открытый текст телеграммы Циммермана добыт за счет совместных усилий криптоаналитиков и агентуры. Однако покров тайны, окутывающий это дело уже много лет, заставляет предположить, что истина все еще остается нераскрытой.

Подводя итоги сказанному о роли радиошпионажа Англии в первой мировой войне, следует отметить, что до вступления в войну английская армия рассчитывала вести ее традиционными средствами. Применение кавалерии, по мнению англичан, делало радиосвязь излишней. Однако ожидания не оправдались: вместо динамичных военных действий шла война на выживание. Уповав на сильнейший в мире флот, Англия считала себя неуязвимой и недооценила примененные Германией технические новшества — подводные лодки и цеппелины. Возникшие трудности англичанам удалось преодолеть в значительной степени лишь благодаря радиошпионажу.

«РУССКИЕ»

Почему иностранец менее стремится жить у нас, чем мы в его земле? Потому что он и без того уже находится за границей.

К. Прутков. «Сочинения»

Феттерлейн

В рамках подразделения военно-морского шпионажа английского адмиралтейства и под руководством начальника этого подразделения 1 ноября 1919 г. в Англии была создана государственная радиошпионская спецслужба — так называемая Правительственная школа кодов и шифров (ПШКС). Она отвечала за создание шифрсистем для всех без исключения правительственных организаций и ведомств Англии, а также за подготовку и трудоустройство квалифицированных кадров, которые умели бы успешно использовать на практике свои шифрсистемы и не менее успешно вскрывать чужие. Под этим названием английская радиошпионская спецслужба просуществовала до 1939 года, когда в самом начале второй мировой войны она сменила вывеску и стала называться Центром правительственной связи.

Главой русской секции ПШКШ был назначен некий Эрнест Феттерлейн, по прозвищу Фетти, русский эмигрант. Спрятавшись на борту шведского корабля и благополучно переждав обыск, он сумел бежать вместе с женой в Англию. По словам Феттерлейна, он являлся ведущим специалистом в области криптографии в царской России и имел ранг адмирала. Его коллеги по ПШКШ признавали, что Фетти был лучшим среди них при вскрытии шифров, работа над которыми требовала широких познаний.

На указательном пальце правой руки Феттерлейн носил кольцо с огромным рубином. Проявлявшим интерес к этому необычному драгоценному камню он охотно и с гордостью рассказывал, что кольцо сие было жаловано ему высочайшим повелением в знак признательности и в благодарность за криптографические подвиги во славу последнего русского царя Николая Александровича. Фет-ти говорил по-английски с сильным русским акцентом. Английский он выучил, главным образом читая дешевые детективные романы. Иногда Феттерлейн тешил своих коллег в ПШКШ такими непривычными для слуха образованного англичанина выражениями, как «Кто замел мой карандаш?» или «Да он был просто стукачом!»

Феттерлейн редко вспоминал дореволюционную Россию. Но иногда коллегам удавалось вызвать его на откровенность, сказав что-нибудь такое, чтобы наверняка услышать возражения с его стороны. Например, на вопрос: «А правда, господин Феттерлейн, русский царь был физически очень сильный и здоровый человек?» — они слышали возмущенный ответ: «Царь был тряпка, без единой мысли в голове, хилый, презираемый всеми». Это отнюдь не мешало Фетти с гордостью выставлять на всеобщее обозрение награду царя.

Правительство Советской России отказалось от использования большинства «старорежимных» шифров ввиду их сложности и громоздкости. Может, и к лучшему, ибо Феттерлейн, предположительно, был автором некоторых из них. Но что касается замены шифрсистем, доставшихся в наследство от «проклятого» царского режима, то вместо них для ведения секретной дипломатической переписки советским государством стали вводиться новые шифры слабой стойкости. Они вскрывались Феттерлей-ном без особого труда.

Большой интерес для англичан представляла перехваченная и дешифрованная дипломатическая переписка большевистского правительства в Москве с Ближним Востоком, из которой, по заявлению англичан, следовало, что оно финансирует оппозиционное движение в английской колонии Индии. Официальные заявления советских властей настолько отличались от содержания этой шифр-переписки, что правительство Ллойд Джорджа решило опубликовать его в печати, рассчитывая заставить Москву больше никогда не вмешиваться во внутренние дела Англии.

Единственным представителем Советской России в Англии тоща была советская торговая делегация. Прочитанная англичанами шифрпереписка между Москвой и торговой делегацией в Лондоне также свидетельствовала, что через последнюю финансируется рабочее движение в Англии, особенно экстремистские элементы в этом движении.

Не последнюю роль в решении обнародовать содержание советской дипломатической переписки во время англо-советских торговых переговоров, вероятно, сыграло желание Ллойд Джорджа поставить в неловкое положение правительство большевиков, которое не стеснялось в выборе выражений для инструкций членам торговой делегации. Так, еще в самом начале переговоров

в июне 1920 года Ленин писал заместителю главы делегации Красину: «Эта свинья Ллойд Джордж пойдет на обман без тени стыда или сомнения. Не верьте ни единому его слову и в три раза больше дурачьте его». Ллойд Джордж явно решил отомстить за оскорбление.

17 августа 1921 г. лондонская газета «Таймс» поместила на своих страницах статью, обвинявшую другую английскую газету – «Дейли геральд» – в получении денег от советского правительства. В «Таймс» приводились открытые тексты 8 советских шифртелеграмм, якобы перехваченных английским правительством. Тем самым «Таймс» нарушила данное ею обязательство: английский правительственный кабинет передал этот материал в распоряжение «Таймс» с условием, что газета сошлется на получение его из нейтральной страны. Давая разрешение на такую публикацию, кабинет министров рассчитывал, что советское правительство решит, будто утечка произошла после того, как телеграммы были расшифрованы.

Н.К.Клышко, резидент ВЧК, работавший в составе торговой делегации в Лондоне, был мало знаком даже с азами криптографии. То ли он невнимательно прочел выпуск «Таймс» от 17 августа, то ли решил, что был вскрыт один-единственный шифр, использованный для зашифрования опубликованных в «Таймс» открытых текстов 8 шифртелеграмм, но, как бы там ни было, Клышко продолжал ошибочно полагать, что советские шифры оставались надежными. Тревоги он не поднял, и вслед за ним советское правительство сделало вид, будто ничего не произошло. Газетная шумиха продолжалась до сентября, когда в газеты «просочились» новые разоблачения секретного финансирования английского рабочего движения со стороны советского государства.

Нельзя сказать, что руководители советского внешнеполитического ведомства – Народного комиссариата иностранных дел – не информировали правительство о неблагополучном состоянии дел в шифровальной службе своего ведомства. 20 августа 1920 г. народный комиссар иностранных дел Чичерин писал в складной записке на имя Ленина: «Иностранные правительства имеют более сложные шифры, чем употребляемые нами. Если ключ мы постоянно меняем, то сама система известна многим царским чиновникам и военным, в настоящее время находящимся за границей. Расшифрование наших шифровок я считаю поэтому вполне допустимым». Однако мнение Чичерина, видевшего причину утечки секретной информации в том, что одни использовавшиеся шифры были нестойкими, а разработчики других после революции оказались за границей, разделяли далеко не все. Вот письмо Красина Ленину от 10 сентября 1920 г.: «Еще в мае, в бытность в Копенгагене, по некоторым признакам я начал подозревать, что с шифрованной перепиской через На-ркоминдел не все обстоит благополучно. В Англии мои подозрения укрепились, и в последующий мой приезд в Москву я обращал внимание т.Чичерина на необходимость коренной чистки в соответствующем отделе... Дело не в провале шифра или ключа, а в том, что в Наркомин-деле неблагополучие, так сказать, абсолютное и лечить его надо радикально». Ленин внимательно относился к таким сообщениям. 25 ноября 1920 г. он написал: «Тов. Чичерин! Вопросу о более строгом контроле за шифрами (и внешнем, и внутреннем) нельзя давать заснуть. Обязательно черкните мне, когда все меры будут приняты. Необходимо еще одно: с каждым важным послом установить особо строгий шифр для личной расшифровки, т.е. здесь будет шифровать особо надежный товарищ, коммунист (может быть, лучше при ЦК), а там должен шифровать или расшифровывать лично посол (или «агент») сам, не имея права давать секретарям или шифровальщикам».

Первым, кто в полной мере осознал масштаб рассекречивания советских шифрсистем, был Михаил Васильевич Фрунзе, главнокомандующий Южной группой войск Красной Армии. 19 декабря 1921 г. Фрунзе доложил в Москву: «Из представленного мне сегодня бывшим начальником врангелевской радиостанции Ямченко доклада устанавливается, что решительно все наши шифры вследствие их несложности вскрываются нашими врагами. Вся наша радиосвязь является великолепнейшим средством ориентирования противника. Благодаря тесной связи с шифровальным отделением Морфлота Врангеля Ямченко имел возможность лично читать целый ряд наших шифровок самого секретного военно-оперативного и дипломатического характера; в частности, секретнейшая переписка Наркоминдела с его представительством в Европе и в Ташкенте слово в слово известна англичанам, специально организовавшим для подслушивания наших радио целую сеть станций особого назначения. К шифрам, не поддававшимся вскрытию немедленно, присылались ключи из Лондона, где во главе шифровального отдела поставлен англичанами русскоподданный Феттерлейн, ведавший прежде этим делом в России. Общий вывод такой, что все наши враги, в частности Англия, были постоянно в курсе всей нашей военно-оперативной и дипломатической работы».

Сообщение авторитетного военачальника не было оставлено без внимания. В конце декабря 1921 года вся дипломатическая переписка между Лондоном и Москвой с использованием радиосвязи внезапно прекратилась, и вместо нее была введена курьерская почта. А в марте 1923 года в распоряжении советской торговой делегации появилась новая шифрсистема, более стойкая, чем предыдущая. Тогда же Ллойд Джордж подписал англо-советское торговое соглашение, по которому впервые на Западе советское правительство признавалось законным и обе страны обязывались воздерживаться от враждебных действий в отношении друг друга. Кроме этого, каждая договаривающаяся сторона брала на себя обязательство не вести вне пределов своей страны официальной пропаганды, направленной прямо или косвенно против правительственных институтов другой страны.

Через несколько недель после подписания договора Феттерлейн вскрыл новый шифр на линии Москва – Лондон, и англичане убедились, что советское государство не собиралось соблюдать этот договор – финансирование советской стороной индийских националистов и Коммунистической партии Великобритании продолжалось. В результате дебатов в кабинете министров в мае 1923 года министр иностранных дел Англии лорд Керзон послал ультиматум наркому иностранных дел Чичерину. В нем большевики обвинялись в подрывной деятельности и не только буквально цитировались открытые тексты советских шифртелеграмм, но и отпускались весьма недипломатичные колкости по поводу успешного чтения англичанами шифрованной корреспонденции большевиков: «В русском Комиссариате иностранных дел наверняка узнают следующее сообщение, датированное 21 февраля 1923 г., которое было ими получено от Ф.Раскольникова»; «В Комиссариате иностранных дел также должны припомнить и радиограмму, полученную им из Кабула и датированную 8 ноября 1922 г.»; «Очевидно, им знакомо и сообщение от 16 марта 1923 г., посланное Ф.Раскольникову помощником комиссара иностранных дел Л.Караханом».

В ответ советское правительство заявило, что ультиматум Керзона составлен из открытых текстов перехваченных шифртелеграмм, причем сделано это якобы

тенденциозным и некорректным образом. То есть давалось понять, что тексты подлинные, но их содержание трактуется искаженно и произвольно. Наркома иностранных дел Чичерина просто-напросто застали врасплох. В качестве единственной контрмеры было отдано распоряжение о прекращении на время всех контактов советских граждан с подданными Англии, чтобы предотвратить возможную утечку информации. Для англичан это было хоть какой-то компенсацией за неизбежную смену шифр-систем, использовавшихся дипслужбой Советской России. Смена произошла в конце 1923 года. Ясно, что к этому времени у советской стороны не оставалось никаких сомнений в отношении источника информации, попавшей в руки англичан. Сам Керзон публично признал, что ни одна из процитированных им телеграмм, компрометирующих правительство в Москве, не была послана в незашифрованном виде.

Вместе с тем, бездумно пользуясь частыми провалами в советской системе обеспечения безопасности связи, английское правительство иногда само попадало впросак, перехватывая фальсифицированную корреспонденцию. Белогвардейцы в Берлине, Ревеле (Таллинне) и Варшаве часто занимались подделыванием советских документов. Разные по качеству исполнения, эти фальшивки служили для их изготовителей как средством заработка, так и способом дискредитации большевиков. Уиндом Чайлдз, с 1921 по 1928 год состоявший на должности помощника особого уполномоченного английской спецслужбы, назвал эти подделки «нестерпимым безобразием», поскольку, по его мнению, «они позволяли русским кричать «фальшивка» каждый раз, когда им предъявляли подлинные документы». Англичанам даже пришлось ввести градацию шпионских данных по степени их достоверности. Произошло это по причине, унижительной для англичан.

Сотрудники английской шпионской спецслужбы вступили в контакт с агентом по кличке БП-11 в Ревеле, который сообщил, что имеет доступ в Наркоминдел и может предоставить Лондону краткое изложение содержания более 200 шифртелеграмм этого ведомства. Для англичан наибольший интерес представляла информация о финансировании большевиками движения ирландских националистов. Кроме этого, дословное знание открытых текстов советских шифртелеграмм могло оказать существенную помощь криптоаналитикам ПШКШ в дешифровальной работе.

Однако вскоре сведения, полученные от БП-11, были дезавуированы, в основном начальником английской полиции, который не подтвердил этих данных и заявил, что, наоборот, ирландские националисты испытывают серьезные финансовые затруднения. Когда по просьбе руководства ПШКШ и для сравнения с ранее полученным резюме от БП-11 потребовали оригиналы открытых текстов шифртелеграмм, тот начал юлить и таким образом окончательно дискредитировал себя. Проверка показала, что подавляющее большинство сведений БП-11 подозрительно совпадало с данными из сомнительных источников.

Снова вскрыть советский шифр Феттерлейну удалось лишь в 1925 году, а через два года ПШКШ представился уникальный шанс. 12 мая 1927 г. лондонская штаб-квартира советско-английского торгового общества «Аркос» была вероломно захвачена полицией. Согласно официальному заявлению английского правительства, эта акция проводилась с целью изъятия особо секретного документа, похищенного советской разведкой.

Миллер

«Аркос» был учрежден и зарегистрирован советской торговой делегацией в 1920 году в Лондоне как частное акционерное общество с ограниченной ответственностью. В 1923 году советское правительство разрешило «Аркосу» ведение торговых операций на территории своего государства. К началу 1927 года «Аркос» стал крупнейшим экспортно-импортным объединением в Англии.

Англичане предполагали, что здание «Аркоса» служило респектабельным фасадом для советской разведки. И вот наконец в результате полицейского рейда контршпионская спецслужба Англии получила долгожданный доступ к тысячам советских документов, извлеченных из сейфов в подвале этого здания. Причем рейд продолжался несколько дней. Был проведен повальный обыск, захвачены почта и шифры. Несколько советских сотрудников «Аркоса» пытались воспрепятствовать вероломному обыску, и к ним была применена сила.

Советского шифровальщика Антона Миллера вломившиеся полицейские застали за сжиганием документов. Миллер развел костер в одном из сейфов в подвале здания и старался засунуть туда как можно больше секретных бумаг. Дальнейшие события покрыты мраком неизвестности, равно как и судьба Миллера. Через 9 дней, когда большинство советских сотрудников «Аркоса» были отозваны в Москву, владелец левой газеты «Дейли геральд» сделал запрос в парламенте в адрес министра внутренних дел относительно судьбы Миллера. Полученный им ответ сводился к тому, что касаться этого вопроса публично значило бы вступать в противоречие с государственными интересами Англии.

После лихого налета на «Аркос» перехват и чтение шифрпереписки работников советской дипломатической службы в Лондоне продолжались лишь до конца мая 1927 года. И вот почему. В выступлениях перед английским парламентом премьер-министр, министр иностранных дел и министр внутренних дел Англии стали обильно цитировать прочитанные в ПШКШ советские шифртелеграммы. Более того, в середине мая 1927 года, не обращая внимания на протесты главы ПШКШ, английский правительственный кабинет принял решение опубликовать избранные места из секретной советской переписки, чтобы оправдать разрыв дипломатических отношений с СССР. В обсуждении этого решения принимал участие и Черчилль, занимавший тогда один из министерских постов. В результате в конце мая 1927 года Кремль отдал приказ о введении трудоемкого, но при правильном использовании абсолютно надежного шифра.

Эти события отнюдь не способствовали поднятию морального духа сотрудников ПШКШ. Их доверие к властям было надолго подорвано. И хотя во время гражданской войны в Испании ПШКШ вновь удалось добиться определенных успехов (она помогла дать достоверную оценку военной мощи Германии и Италии), ее руководство предпочло держать при себе полученные результаты. Как следствие, в 30-е годы, когда двумя державами, представлявшими для Англии наибольший интерес, были Германия и Советский Союз, ПШКШ не предоставляла английскому правительству хоть сколько-нибудь значительную радиошпионскую информацию об этих двух государствах. Несмотря на то что в

течение всего предвоенного периода английские компании связи под предлогом нестабильности в мире были вынуждены поголовно сотрудничать с ПШКШ, которая успешно вскрывала шифры не только потенциальных противников (таких, как Япония), но и союзников (например, США), с Германией и СССР ПШКШ терпела неудачи. Этот провал заставил руководителя шпионских спецслужб Англии в 1938 году отметить в одном из своих меморандумов, что ПШКШ «была совершенно непригодной для тех целей, ради которых она создавалась».

Все же уроки мая 1927 года не пропали даром. Чрезвычайная осторожность, с которой в 40-е годы Черчилль, ставший к тому времени премьер-министром, пользовался полученными английской дешифровальной службой данными, явилась следствием осознания им ущерба, нанесенного ПШКШ в 20-е годы.

ТАЙНА

Не робей перед врагом: лютейший враг человека — он сам.
К.Прутков. «Сочинения»

Пришла пора признаться

12 января 1978 г. министр иностранных дел Англии сделал официальное заявление. Оно касалось тех, кто во время второй мировой войны работал в ЦПС. Отныне люди, трудившиеся над вскрытием немецкого шифратора «Эниг-ма» («Тайна»), могли открыто заявить, что они участвовали в этой крупномасштабной операции. Одновременно им запрещалось раскрывать технические подробности своей работы и то, как информация, получаемая путем чтения шифровок «Энигмы», использовалась английским правительством и военным командованием. Почему?

Во-первых, специалисты из ЦПС не желали публичного признания, что «Энигму» вскрыть было нельзя, если эта шифрмашинка использовалась правильно. Успешное чтение немецкой шифрпереписки в ходе войны полностью зависело от качества перехвата, от знания стандартных языковых оборотов в перехватываемых сообщениях и от ошибок немецких связистов.

Во-вторых, после победы над Германией популярным времяпрепровождением персонала ЦПС стала охота за «Энигмами». Наградой за добытую целой и невредимой шифрмашинку был внеочередной отпуск на родину. Найденные «Энигмы» англичане сбывали другим странам. Даже в конце 70-х годов сотни этих шифраторов все еще использовались по всему миру. Известия о том, что их шифрпереписка читается, не могли не вызвать тяжелые чувства у тех союзников Англии, которые в качестве «помощи» получали в пользование, и отнюдь не за символическую плату, эту шифровальную аппаратуру.

В истории Англии трудно сыскать факты, сравнимые с событиями вокруг «Энигмы» как по степени секретности, которая их окружала, так и по продолжительности времени, в течение которого это происходило. Черчилль, после первой мировой войны пространно написавший о роли радиоспионажа в победе над Германией, обошел молчанием «Энигму» в своих мемуарах о второй

мировой войне. Его примеру последовали и другие английские политики и военные.

«Энигма» как она есть

Сразу после окончания первой мировой войны берлинский инженер Артур Шербиус изобрел и запатентовал под названием «Энигма» аппарат для шифрования и расшифрования сообщений. Первоначально «Энигма» использовалась различными европейскими банковскими учреждениями. В 1926 году немцы приступили к оснащению ею своего военно-морского флота, а через 2 года модифицированная «Энигма» поступила на вооружение германской сухопутной армии. Во время второй мировой войны шифровальные машины типа «Энигма» наиболее широко применялись Германией для засекречивания передаваемых по радио сообщений, которыми обменивались ее армейские полевые и штабные подразделения. Эти машины также устанавливались на немецких подводных лодках и надводных кораблях.

В 1928 году 2 экземпляра коммерческой модификации «Энигмы» были куплены адмиралтейством Англии. К 1935 году появилась английская версия «Энигмы», которая применялась в ВВС. Теоретические исследования стойкости как самой «Энигмы», так и ее английской версии показали, что вскрыть их ключи математическими методами было невозможно, если эти шифраторы использовались без ошибок. И действительно, подавляющее большинство шифровок «Энигмы» так никогда и не было прочитано дешифровальщиками.

Шифрмашины «Энигма» очень напоминали большие кассовые аппараты и получали энергоснабжение от комплекта батарей. В «Энигме», как на обыкновенной пишущей машинке, имелось 3 ряда клавиш с буквами. Над клавиатурой были расположены 3 ряда лампочек-индикаторов, на которые тоже были помещены буквы – по одной на каждую лампочку. На передней панели «Энигмы» располагались 3 так называемых ротора, которые можно было менять местами. Ротор представлял собой зубчатое колесо с нанесенными на него по ободу буквами алфавита. Через ротор проходили провода, соединяющие 26 контактов на одной стороне ротора с таким же количеством контактов на другой его стороне. Соединения были выбраны произвольно, но потом они уже не менялись в процессе эксплуатации машины. В каждом из положений ротор представлял какую-то конкретную систему перестановок для 26 возможных электрических сигналов от клавиатуры (по одному для каждой буквы).

Пройдя через 3 ротора, сигнал с клавиатуры поступал на так называемый рефлектор – систему проводников, соединявшую каждый контакт с другим контактом на задней стороне третьего ротора. Таким образом, рефлектор посылал сигнал обратно через 3 ротора, но уже по другому пути. Когда сигнал, наконец, выходил из системы роторов, он поступал на лампочку-индикатор. Для того чтобы одновременно шифровать и передавать текст в линию связи с большой скоростью, требовалось 4 человека. Один зачитывал вслух открытый текст, другой его набивал, третий считывал шифртекст с лампочек, а четвертый передавал в линию.

Шифровки «Энигм» оказались особенно трудно дешифруемыми еще и потому, что первый ее ротор автоматически поворачивался на одну позицию после каждой

зашифрованной буквы. После того как клавиши на клавиатуре были нажаты 26 раз, ротор возвращался в исходное положение, но зато второй ротор перемещался в новое положение. Когда второй ротор поворачивался 26 раз, третий ротор также поворачивался на одну позицию. И так далее. Система роторов работала в «Энигме» подобно одометру в автомобиле.

В 1930 году «Энигмы» были модифицированы за счет введения штепсельной панели (ШП) из 26 пар розеток и штепселей. С помощью ШП осуществлялась замена выбранных букв: штепсельная панель выполняла еще одну перестановку перед тем, как соответствующие электрические сигналы от клавиатуры достигали системы роторов и после того, как они ее покидали. Например, с помощью замены всего 6 букв количество ключей «Энигмы» увеличивалось приблизительно в миллиард раз.

Подводя итог рассмотрению внутреннего устройства «Энигмы», заметим, что ключами в ней являлись: 1) расположение трех роторов, 2) установка вращающихся роторов в определенную позицию, 3) соединение пар розеток с помощью шнуров с вилками (один шнур на пару розеток). Общее количество возможных ключей выражалось громадным числом с 92 нулями.

К 1935 году было произведено более 20 тыс. шифровальных машин типа «Энигма», которыми оснащались вооруженные силы Германии — ее флот, сухопутная армия (вермахт) и авиация (люфтваффе). Часть машин была направлена также в военную шпионскую организацию — абвер и в службу безопасности. В каждом ведомстве «Энигма» имела свою установку ШП и различное расположение роторов. Смена ключей проходила в соответствии с установленным порядком. Например, вермахт вначале менял установку ШП каждый месяц, а затем каждую неделю. Любое шифрсообщение, говорилось в инструкции по использованию «Энигмы», должно содержать не менее 10 групп по 5 букв в каждой. Это рассматривалось как действенная мера для предотвращения его дешифрования математическими методами. Более короткие открытые тексты посылаемых сообщений требовалось попросту дополнять до 50 символов белибердой.

Объединенными усилиями

Аннексия Австрии и все возрастающая угроза со стороны Германии побудили Англию, Польшу и Францию объединить свои усилия в области радиоспионажа. К этому времени немцы модифицировали и «Энигму», и процедуру передачи сообщений, шифруемых с ее помощью. В «Энигму» были добавлены еще 2 ротора. В зашифровании сообщений по-прежнему участвовали только 3 ротора, но непосредственно перед сеансом связи их можно было выбрать из 5, имевшихся в наличии.

Кроме того, если раньше всех немецких операторов единой сети связи заранее уведомляли, каким именно ключом следует пользоваться, то с 15 сентября 1938 г. им предписывалось выбирать свои собственные. На практике это означало, что так называемая преамбула — стандартный начальный набор коротких посылок, которые перед передачей основной информационной части сообщения должен был отправить немецкий оператор связи, — оставалась прежней. В дополнение к дате и длине сообщения оператор все еще вставлял в преамбулу ключ, используемый для данного сеанса связи. Но теперь вместо того, чтобы брать его в соответствии с каким-то правилом из заранее заготовленной таблицы, предлагалось выбирать наугад для каждого сообщения.

Изменения в практике шифрования сообщений с помощью «Энигмы» придали еще большую важность давно планировавшейся гремязи странами встречи специалистов-криптоаналитиков для обсуждения сложившегося положения в деле вскрытия «Энигмы» и ускорили ее проведение. Французы и англичане на этой встрече честно признались, что они недалеко продвинулись в чтении шифровок «Энигмы». Правда, французы «забыли» рассказать о контактах со своим агентом в германской криптографической службе. Поляки отплатили им той же монетой, «забыв», в свою очередь, упомянуть о создании ими нового электромеханического устройства под названием «Бомба» для автоматического поиска ключей к «Энигме». Англичане не утаили на встрече с союзниками ничего, но не оттого, что они были благороднее своих партнеров, а просто потому, что скрывать им было особенно нечего.

Вскоре после встречи Польша потерпела сокрушительное военное поражение от Германии, и польские криптоаналитики были вынуждены переехать во Францию. С этого момента криптоаналитические методы, апробированные на практике польскими специалистами, стали применять и англичане. В начале 1940 года последние даже самостоятельно вскрыли ключ люфтваффе от 6 января 1940 г. С увеличением шансов на чтение немецкой шифрпереписки с использованием «Энигмы» англичане заключили соглашение с французами, ослабив им и полякам ведение всех основных исследовательских работ по вскрытию «Энигмы», а сами занялись совершенствованием «Бомбы».

Золотые яйца

В Англии центром работ по вскрытию «Энигмы» стало поместье викторианской эпохи Блетчли-Парк в 100 километрах от Лондона. К началу 90-х годов оно мало изменилось по сравнению с 40-ми, когда стало приютом лучшим умам Англии. Там они работали, одержимые одной мыслью – разгадать тайну «Энигмы», скрывавшую немецкие планы. Со временем их число выросло до 9 тыс. мужчин и 1 тыс. женщин. Старый дом уже не мог вместить всех, и рядом с ним выросли построенные на скорую руку временные строения. Уцелевшие от разрушения бараки стояли там и полвека спустя, как молчаливые свидетели фантастической техники, которая скрывалась за их стенами в ту пору, когда делались первые шаги в компьютерный век. Блетчли-Парк стал своего рода университетским городком для особо одаренных английских математиков. Это была разношерстная компания эксцентричных, блестящих ученых, большинство из которых окончили Кембриджский университет. Их вечные розыгрыши, вплоть до музыкальных пародий, создавали в Блетчли-Парк свою неповторимую атмосферу. Первым среди них был молодой чародей-математик Алан Тьюринг, которому в момент поступления в ЦПС исполнилось 27 лет. В историю он вошел как основатель науки о счетно-вычислительных машинах. Еще до войны он написал множество работ по теории автоматов (машину Тьюринга знают все, кто хоть сколько-нибудь соприкасался с этой областью математики). Именно на таких, как он, рассчитывала Англия во вскрытии немецких шифрсистем и не ошиблась в своем выборе.

С первым успешным опытом чтения немецкой шифр-переписки в начале 1940 года перед англичанами встала проблема: нужно было, с одной стороны, не скомпрометировать, а с другой – максимально полно использовать источник информации. Поэтому было решено представить дело так, будто данные исходят от высокопоставленного агента в Берлине под псевдонимом

Бонифаций. Однако среди тех, кому предназначалась эта информация, Бонифацию доверяли слабо: ЦПС явно нуждался в военных, которые могли бы осознать ценность радиوشпионских данных и соответствующим образом преподнести их высшему руководству страны. Событиям 1940 года было суждено в корне изменить положение дел.

Весной 1940 года Гитлер приступил к покорению Западной Европы. По принципу домино одна за другой к его ногам пали Дания, Норвегия и Бельгия. В начале мая того же года немцы повели массированное наступление против войск Англии и Франции. Первым его признаком было усиление активности немецких радиостанций. Задним числом после 20 дней сражений в ЦПС удалось прочитать шифрпереписку люфтваффе за 20 мая 1940 г. Затем чтение стало регулярным, что давало примерно по тысяче дешифрованных сообщений в день. Хотя полученная информация касалась только люфтваффе, она позволяла представить картину боевых действий во всей ее полноте, так как германская авиация работала в тесном контакте с вермахтом. Однако английские и французские войска отступали настолько хаотично, что воспользоваться данной информацией им не удалось.

В это же время для ЦПС началась новая фаза в войне. К лету 1940 года Англия осталась один на один с Германией. Подразделение ЦПС, занимавшееся чтением шифр-переписки Японии, перехватило и дешифровало сообщение, переданное японским послом из Венгрии в Токио, о том, что, беседуя с премьер-министром Венгрии Хорти, он получил сведения о подготовке высадки немецких войск в Англии. Грозным оружием Англии в предстоявшей схватке не на жизнь, а на смерть должны были стать молодые гении, собравшиеся в Блетчли-Парк. Именно им предстояло отыскать верный путь в сложнейшем электрическом лабиринте, который представляла собой «Энигма». В мае 1940 года их задача усложнилась еще больше: немцы внесли изменения в практику обмена шифрсообщениями, имевшие весьма негативные последствия. Эти изменения касались преамбулы и заключались в следующем.

До 1 мая процедура была достаточно простой. Отправитель шифрсообщения проверял, правильно ли им установлен ключ: какие 3 ротора из 5 выбраны, в какой последовательности они установлены, правильно ли задана коммутация на ШП. Далее в открытую он посылал запрос на установление связи с получателем сообщения. После прихода подтверждения о готовности установить связь отправитель ставил роторы в нужное положение, задаваемое 3 буквами латинского алфавита (например, НТС), по своему собственному желанию. Эти 3 буквы составляли начало шифрсообщения. Чтобы передать эти 3 буквы, от оператора требовалось наугад выбрать еще 3 буквы, скажем, BLG. Используя BLG для задания начального положения роторов, оператор 2 раза набирал на клавиатуре «Энигмы» НТС и получал RWSANW. Получатель брал BLG из преамбулы и устанавливал роторы своей «Энигмы» в требуемое положение. Далее расшифровывался участок текста RWSANW и получался ключ для расшифрования всего принятого шифрсообщения.

С 1 мая 1940 г. НТС зашифровывалось только один раз, и вместо привычных 2 5-буквенных комбинаций BLGRW SANW... в перехватываемом сообщении появлялись лишь буквы BLGRW S... До этого нововведения прежде, чем определить положение роторов, криптоаналитики ЦПС должны были установить остальные элементы ключевой системы, что производилось на основе одной только 9-буквенной преамбулы с использованием «Бомбы». Потеря 3 букв в

преамбуле оказалась решающей. Постепенно, по мере распространения немцами нововведения, «Энигма» перестала вскрываться. У команды, собравшейся в Блетчли-Парк, оставались считанные месяцы, чтобы преодолеть неожиданно возникшее препятствие. Объяснялась такая спешка тем, что именно летом 1940 года немецкие ВВС были полны решимости сокрушить английские еще до начала высадки войск на острове. Маршал немецкой авиации Геринг широко использовал «Энигму» в своих наступательных операциях, поскольку был твердо уверен, что ее шифрсообщения прочесть невозможно. Но он ошибался: буквально накануне начала широкомасштабной операции люфтваффе команде из Блетчли-Парк удалось с помощью примитивной счетно-вычислительной техники, анализа перехвата и сообщений английских агентурных шпионских служб раскрыть тайну изменения преамбулы и вновь приступить к вскрытию ключевых установок «Энигм» в ВВС Германии. Они успели как раз вовремя.

В июле 1940 года началась битва за Англию. Геринг пообещал Гитлеру, что его летчики поставят Англию на колени за один месяц. Но он недооценивал мощь английской авиации и, подобно другим руководителям германского генерального штаба, преувеличивал надежность «Энигмы». Уверенное, что его шифрсообщения невозможно прочесть, командование люфтваффе повсеместно применяло «Энигмы» для засекречивания оперативных заданий. Эта исключительно важная информация из Блетчли-Парк сразу же передавалась командующему английскими ВВС Хью Даудингу. Дешифровки получили кодовое наименование «Ультры». В своем бункере приступил к изучению «Ультры» и премьер-министр Англии Уинстон Черчилль. Информационные сводки «Ультры» он окрестил «золотыми яйцами», а команду из Блетчли-Парк уподобил волшебным гусям, которые несли их без лишнего шума.

Снова и снова английская авиация успешно отражала налеты люфтваффе: с помощью «Ультры» Даудинг «читал мысли» Геринга. С абсолютной точностью он знал, как разумнее использовать силы, где нанести удар, а где, наоборот, отступить. 13 августа 1940 г. в отчаянной попытке сдержать обещание, данное Гитлеру, Геринг задумал осуществить грандиозную атаку с воздуха, чтобы сокрушить наконец английскую авиацию. Операция получила название «День орла». Используя «Энигму», Геринг заблаговременно отдал зашифрованный приказ произвести массированные атаки на цели, располагавшиеся на обширной территории. Его план состоял в том, чтобы втянуть в воздушное сражение как можно больше самолетов противника и уничтожить их. Эта шифровка была перехвачена и дешифрована англичанами, а ее содержание своевременно доведено до сведения Даудинга. Когда немецкая операция началась, командование ВВС Англии было наготове и умело организовывало оборону, пользуясь информацией из сводок «Ультры». Каждый эшелон самолетов противника встречала небольшая группа английских истребителей, чтобы дезорганизовать порядки атакующих с минимальными для себя потерями. В этом сражении объединенные силы английских летчиков и криптоаналитиков одержали верх. Но воздушная битва за Англию была отнюдь не закончена.

15 сентября 1940 г. Геринг приказал нанести по Англии последний, решающий удар. Снова непрерывные атаки следовали одна за другой. И снова английские криптоаналитики лишили план Геринга фактора внезапности. Из материалов «Ультры» Даудинг узнал, что боевой дух летчиков люфтваффе неуклонно падает. Узнал он и то, что у них не было достаточного прикрытия из истребителей. А главное — что у англичан было вдвое больше боевых самолетов, чем предполагали немцы. Брошенные в бой резервы принесли победу Англии: потери англичан составили немногим более 900 самолетов против 2 тыс. со стороны Германии.

Бонифаций — Уинстону...

В сентябре 1940 года Черчилль распорядился, чтобы его знакомили со всей дешифрованной перепиской немцев, а не просто с выдержками из нее. На стол к нему попадали также данные о перехваченной, но непрочитанной шифрпереписке. Почему?

Во-первых, потому, что Бонифаций к тому времени уже вполне доказал свою значимость — открыл кодовое название операции по высадке немецких войск в Англии («Морской лев») и выяснил роль люфтваффе в этой операции. Во-вторых, Черчиллю доставляло огромное удовольствие самому просматривать прочитанную шифр-переписку немцев, а потом, ссылаясь на «сверхсекретный источник информации», глушить оппозицию своим стратегическим и тактическим решениям. Ведь по его настоянию только шестеро из почти 40 членов английского правительства знали про «золотые яйца» из Блетчли-Парк. Черчилль твердо полагал, что огромный политический опыт позволял ему наиболее правильно оценивать и использовать информацию, предоставленную ЦПС. Интересно отметить и то, что эксперты ЦПС в целях конспирации должны были составлять итоговые сводки добываемой информации так, чтобы ее источник оставался неясным для непосвященных.

Черчилль стал первым английским премьер-министром, который посетил ПШКШ — ЦПС. В отличие от своих предшественников, он сумел убедить английских криптоаналитиков в том, что лично заинтересован в их успехах. Когда в октябре 1941 года в Блетчли-Парк стала ощущаться нехватка людских и материальных ресурсов, прямое обращение к Черчиллю помогло разрешить все затруднения.

Особое внимание, которое Черчилль уделял данным ЦПС, имело и обратную, менее приятную сторону для английских криптоаналитиков. Глава английского правительства неоднократно подвергал ЦПС критике за упущения в работе. Например, руководство ЦПС заслужило порицания за то, что своевременно не обратило внимания на настойчивый интерес Гитлера к конкретной боевой операции одной из его армий. Были в ЦПС и другие проколы.

Нельзя сказать, что детальное знакомство Черчилля с дешифровками немецких криптограмм неизменно позволяло ему объективно и безошибочно оценивать складывавшуюся на фронтах ситуацию. Конечно, данные, добытые чтением шифрсообщений немецкого военного командования разных уровней, позволяли Черчиллю взглянуть на происходившие события глазами немцев. Однако людям свойственно ошибаться и вводить в заблуждение (преднамеренно или непроизвольно) остальных. Так, например, на стол Черчиллю регулярно попадали дешифрованные телеграммы в Берлин командующего немецким экспедиционным корпусом в Африке генерала Роммеля с просьбами прислать подкрепление, провиант и снаряжение. Изучая их, Черчилль составил неверное представление о военной мощи корпуса Роммеля, и это дорого обошлось англичанам. Потерь можно было бы избежать, будь данные радиошпионажа подвергнуты проверке с помощью информации о противнике, полученной другими способами. Радиошпионажем, как и сладким, нельзя злоупотреблять — это один из уроков его истории.

Другой урок состоит в том, что данные радиошпионажа часто ставили политиков перед трудным выбором. В начале ноября 1940 года (по другой

версии, в 2 часа дня 14 ноября) из материалов «Ультры» англичане узнали о варварском плане Германии: в ночь с 14 на 15 ноября ее самолеты должны были совершить налет на английский город Ковентри и стереть его с лица земли. Черчилль принял нелегкое решение: в интересах сохранения тайны вокруг «Ультры» не предупреждать городские власти о налете. В назначенный день от Ковентри осталось лишь одно воспоминание. Эта чудовищная акция даже вошла в словарь войны – в нем появился новый термин «ковентрировать».

Благодаря детальному знакомству с содержанием всей дешифруемой англичанами переписки немцев Черчилль одним из первых обратил внимание на явное несоответствие между немецкими планами военной кампании и общей теорией искусства ведения боевых действий. В начале второй мировой войны складывалось впечатление, что с немецкой стороны сражениями руководили непрофессионалы, поскольку шаги верховного командования Германии были совершенно непредсказуемыми. Даже знание намерений немцев на ближайший период не давало возможности делать обоснованные прогнозы на будущее. Разведке Англии оказалось не под силу проникнуть в секреты германского стратегического планирования. Так продолжалось до тех пор, пока Черчилль не узнал о наличии астролога в свите Гитлера. К премьер-министру был срочно вызван авторитетный английский специалист по астрологии. На вопрос Черчилля о том, какой прогноз о месте нанесения очередного удара англичан на западноевропейском театре боевых действий мог дать Гитлеру его придворный предсказатель, тот ответил кратко: «Балканы». Тогда по заданию Черчилля немцам стали активно подбрасывать дезинформацию о якобы готовящейся балканской операции английских войск. Гитлер поверил в это и приказал оголить другие участки фронта ради усиления оборонительных укреплений на Балканах. В июле 1943 года англо-американский десант неожиданно высадился на юге Италии и, почти не встречая сопротивления, дошел до Рима.

К декабрю 1941 года перехват немецких сообщений стал значительным, но процент читаемой шифрпереписки оставался небольшим. На первом этапе военных действий большая часть ключей «Энигмы», вскрытых ЦПС, относилась к Северной Африке. В декабре 1941 года генерал люфтваффе Кессельринг был назначен командующим на этом театре военных действий. А вскоре в ЦПС перехватили шифровку от Кессельринга, помеченную как сообщение высшей степени важности. На ее чтение были брошены все силы, и вскоре англичане с удивлением обнаружили, что шифровка содержала приказ срочно доставить в ставку Кессельринга его любимую шелковую пижаму. Вероятно, для обеспечения боеспособности немецких войск на севере Африки облачение их командующего в шелка было в высшей степени важно!

К концу 1941 года никакого существенного прогресса в разработке методов вскрытия ключей «Энигмы» достигнуть не удалось, хотя вступление в войну СССР открыло для ЦПС новые возможности улучшить качество перехвата. Советское правительство дало согласие на создание станции перехвата с английским персоналом в Мурманске. Глава ЦПС предостерег от возможного разглашения русским секретов английского радиоспионажа. Станцию перехвата, несмотря на это, все-таки открыли, но уже в 1943 году закрыли по требованию советского правительства, так как английские операторы не ограничились перехватом немецких сообщений, не оставив без внимания и линии связи приклевывших их союзников.

В течение всего 1941 года ЦПС продолжал количественно расти, однако ощущался недостаток свежих идей для улучшения основного направления его работы – чтения немецкой шифрпереписки с использованием «Эниг-мы». Такие идеи появились только в 1942 году, когда для проверки установки роторов «Энигмы» Тьюрингом была разработана схема электромагнитной машины, прототипом для которой послужила польская «Бомба». Ее назначение состояло в том, чтобы смоделировать эффект роторов «Энигмы» с помощью вращавшихся барабанов. Барабаны воспроизводили всевозможные установки роторов «Энигмы» за несколько секунд вместо часов, как это было раньше, и идентифицировали те из них, которые переводили отрывки перехваченного шифртекста в осмысленные фразы на немецком языке. Определив такую установку роторов, машина сама останавливалась, и найденный ею ключ можно было дополнительно проверить на других шифрсообщениях.

Алгоритм вскрытия ключей «Энигмы» Тьюринга, примененный им для создания усовершенствованной «Бомбы», основывался на сравнении вариантов дешифровки перехваченного шифрсообщения с неким эталонным текстом. Для реализации алгоритма на практике требовалось осуществить несколько «проходов» эталонного и шифрованного текстов. Поскольку перфолента, на которую эти тексты набивались, была непрочной и не выдерживала многократного механического считывания, было создано релейное устройство для хранения текстов. Это устройство в совокупности с подсоединенными к нему электромагнитными барабанами стало первым в мире компьютером.

Экземпляр такой машины под названием «Агнес» был построен за 6 недель. Тут же возникла проблема с персоналом, ибо эти машины требовали к себе постоянного внимания. И оно было обеспечено женщинами-добровольцами английских ВМС: они дежурили сменами по 8 часов. Сохранилась инструкция, в которой предписывалось установить барабаны и зачистить контакты спиртом для предотвращения короткого замыкания. После запуска машины начинали вращаться 32 барабана, причем с большим шумом и с разной скоростью. Затем внезапно они останавливались. С каждого барабана считывалось значение, с помощью которого производилась установка оператором другой, проверочной машины.

Помощь англичанам в определении ключей оказывали не только умные машины, но и сами немцы. Например, одна из самых сложных модификаций «Энигмы» использовалась ими неправильно. Вместо каждодневного изменения установки всех 4 роторов по четным дням вращались только 2 крайних ротора, а по нечетным – менялось угловое положение пары внутренних роторов.

«Тритон» из немецкой субмарины

Для Англии, островного государства, море всегда имело принципиальное значение. Без импортного продовольствия, нефти и оружия ей было не выстоять, и немцы это хорошо понимали. Адмирал Дениц, командующий немецкими военно-морскими силами, объявил Англии «тоннажную войну». Тихоходные неповоротливые конвои англичан стали легкой мишенью для вражеских субмарин. К осени 1940 года немецкие подводные лодки ежемесячно пускали на дно около 200 тыс. тонн английских морских грузов. С виллы на Западном побережье Франции адмирал Дениц по радио поддерживал связь со своим подводным флотом с помощью хитроумных шифровок «Энигм».

Из этой радиопереписки англичане черпали много полезной для себя информации. Адмиралтейство Англии получало от ЦПС сведения о местоположении подводных лодок немцев, связывалось по радио с английскими судами и приказывало им в случае опасности изменить курс или давало рекомендации, каким путем следовать. Это всегда делалось под благовидным предлогом и без указания источника информации. Вполне оправданная предосторожность, так как основные шифраторы английских ВМС были давно скомпрометированы. Однако вскоре немцы обратили внимание на то, что их подводный флот действует все менее и менее успешно.

В сентябре 1941 года они сменили ключи во всех своих флотских шифраторах, а на подводных лодках приступили к замене старой «Энигмы» на ее новую модификацию с 4 роторами вместо 3. 4-роторная «Энигма» вошла в историю радиошпионажа под названием «Тритон». В преамбуле посылаемого шифрсообщения при использовании этой шифровальной машины стоял префикс «ВЕТА ВЕТА». И вот с начала 1942 года в преамбулах немецких криптограмм англичане стали замечать эти «ужасные» (для ЦПС и для английского флота) префиксы. За один только ноябрь 1942 года было потоплено 190 судов англичан и их союзников общим водоизмещением в 729 тыс. тонн, и все потому, что прочитывать шифр-сообщения немецких подводных лодок не удавалось.

Ключи к «Тритону» были получены благодаря нескольким обстоятельствам. Во-первых, оказалось, что в нарушение требований безопасности некоторые из перехваченных шифртекстов совпадали по длине с переданными ранее с помощью старой «Энигмы», да и то 6 «Вомб» без перерыва работали 17 дней, чтобы их прочесть. Во-вторых, обнаружилось, что для шифрования некоторых сообщений, таких как сводка погоды, например, четвертый ротор не использовался, так как применялись трехбуквенные комбинации для обозначения положения роторов. Тогда после выделения посланий, которые шифровались «Тритоном» с помощью лишь 3 роторов, облегчалось чтение шифрсообщений, полученных с использованием всех 4. Но все равно, даже если ротор под № 4 не мог быть переставлен с другими (т.е. его положение разрешалось считать фиксированным), введение четвертого ротора в схему «Энигмы» увеличивало количество различных перестановок в 26 раз!

Одно утешало англичан – «Тритон» не применялся надводным флотом Германии. В борьбе против него воспользовались предложением, которое еще в 1941 году высказал молодой офицер Ян Флеминг. Оно было столь же авантюрно, как и все, что он придумал позже, прославившись в качестве автора шпионских романов о Джеймсе Бонде. Идея Флеминга была проста: если шифр трудно вскрыть, его надо выкрасть.

Немецкие суда метеослужбы находились в Атлантике по 3 месяца. Каждое имело на своем борту «Энигму» с набором ключей на этот срок. И вот в Северную Атлантику отправились английские эсминцы, чтобы захватить какое-нибудь одинокое немецкое метеосудно. Один из них, «Сомали», 7 мая 1941 г. засек по правому борту пароходный дымок – это было немецкое метеосудно «Мюнхен». После того как «Сомали» открыл по «Мюнхену» огонь, немецкий радист выбросил за борт имевшуюся там «Энигму», но забыл уничтожить ключевые установки к ней на следующий месяц, которые и были захвачены англичанами.

Два дня спустя состоялась новая, на этот раз незапланированная встреча: у берегов Гренландии атаковавшая английский конвой немецкая подводная лодка после яростной контратаки была вынуждена всплыть на поверхность. Группа захвата с эсминца, сопровождавшего морской караван, обнаружила на борту тонувшей субмарины «Энигму» и инструкции по ее использованию. В результате с июля по декабрь 1941 года любой месячный ключ для немецких подводных лодок вскрывался в Блетчли-Парк в течение двух суток. Полученная информация незамедлительно передавалась в Лондон, в центр наблюдения за передвижением немецких подводных лодок. Английские конвои обходили их далеко стороной, а эсминцы успешно выслеживали и топили. Но «Тритон» изменил ситуацию в корне.

США указали Англии на огромные потери, которые нес их объединенный флот. На это директор ЦПС оптимистично заявил, что из 50 ключей люфтваффе и вермахта 26 были вскрыты и что переписка, закрываемая «Тритоном», тоже будет читаться. Его оптимизм оправдался только 13 декабря 1942 г. благодаря документам, обнаруженным на потопленной в Средиземноморье немецкой подводной лодке. В течение 6 часов англичане преследовали эту лодку, пока она не всплыла очень близко от охотившегося за ней английского военного корабля. Командир немецкой подлодки приказал своей команде покинуть ее. В это время трое английских моряков разделись и прыгнули в воду.

Когда моряки доплыли до покинутой немцами субмарины, в ней даже горел свет. Двое из них, забравшись внутрь, успели найти экземпляр «Тритона» с пачкой документов, которые оказались таблицами ключей к нему, и передать все это третьему, стоявшему близко от выходного люка. Прихватив с собой ценную добычу, тот еле-еле смог выбраться из субмарины. Перед тем как покинуть ее, немецкие подводники открыли кингстоны, и вскоре два моряка, вновь отправившиеся в недра подводной лодки в надежде пожить чем-нибудь еще, оказались похороненными в ней на дне моря. Их обоих наградили посмертно, а третий, оставшийся в живых, как выяснилось при составлении на него наградных документов, соврал по поводу своего возраста при зачислении на военную службу. Поэтому из ВМС его уволили, и вскоре он погиб во время немецкого авианалета на Лондон, пытаясь спасти от пожара свою сестру. Поистине, кому суждено стореть, тот не утонет!

С конца 1942 года англичане возобновили регулярное чтение шифровок с немецких подводных лодок благодаря экземпляру «Тритона» и документам, захваченным на потопленной в Средиземноморье субмарине. Потери Англии в Северной Атлантике сократились вдвое, торговые конвои стали доходить до цели чаще, чем тонуть на пути к ней. В дальнейшем к интеллектуальному потенциалу английских криптоаналитиков прибавилась промышленная мощь союзника Англии — США. Новые корабли и самолеты, специально созданные для борьбы с немецкими подводными лодками, вскоре одержали над ними полную победу: 24 мая 1943 г. ввиду понесенных колоссальных потерь адмирал Дениц приказал своим субмаринам покинуть просторы Северной Атлантики. Немалая заслуга в этой победе на море принадлежала английским криптоаналитикам, которые действовали исключительно смело и находчиво, умело расставляя противнику ловушки и не прощая ему ошибок.

Если немцы выбирали и устанавливали какой-то ключ, который никак не удавалось вскрыть, то использовался следующий трюк. Английские ВВС с помощью нестойкого шифратора передавали некоторый набор шифрсообщений. Действия эти имели одну цель: шифрсообщения должны были прочитать немцы. Как только открытый текст хотя бы одного из них попадал в немецкую сеть связи, закрывавшуюся с помощью «Энигмы» ключом, который не поддавался вскрытию, этот текст выделялся английскими криптоаналитиками в общем потоке перехваченных шифрсообщений и по нему определялся «трудный» ключ. С июня 1943-го по февраль 1944 года таким образом были вскрыты 15 ключей «Энигмы», использовавшихся люфтваффе.

В декабре 1943 года в распоряжение ЦПС поступила усовершенствованная «Бомба» под названием «Колосс». Это была автоматическая программируемая машина, выполнявшая арифметические и логические операции над двоичными числами. Она была снабжена считывателем с перфоленты, работавшим со скоростью 5 тыс. символов в секунду, и электрической печатающей машинкой, обеспечивавшей «скорострельность», которая достигала 15 символов в секунду. Программирование осуществлялось с помощью коммутационной панели. Кстати, начиная с создания «Колосса», ЦПС всегда оснащался самой современной вычислительной техникой. Например: в 80-е годы там использовались суперкомпьютеры серии «Крей», хотя, по мнению специалистов ЦПС, они имели один существенный недостаток — слабую надежность — ломались через каждые 300 часов работы.

О размахе английского радиошпионажа против Германии говорит тот факт, что к концу второй мировой войны англичанам были известны стиль, привычки и особенности буквально всех немецких связистов. За каждой сетью связи в ЦПС был закреплен отдельный сотрудник, отслеживавший всю проходившую в ней переписку с тем, чтобы составить детальную картину, касающуюся состава, структуры, места расположения и намерений конкретных гражданских и военных ведомств или воинских подразделений Германии, пользовавшихся этой сетью связи.

Главный итог второй мировой войны для радиошпионажа состоит в том, что она дала возможность на практике убедиться в эффективности его методов, впервые примененных еще до войны. Началось широкое использование вычислительной техники для ускорения процесса вскрытия ключей. Крупные объемы информации, имевшейся в распоряжении спецслужб радиошпионажа, активно дополнялись данными шпионской агентуры. Противнику регулярно навязывались сообщения для передачи по его каналам шифрованной связи с целью последующего выделения в общем потоке перехвата и использования полученной таким образом информации для дешифрования других криптограмм. Все изменения и нововведения в организации шифрованной связи противника тщательно отслеживались. Велись боевые действия, ставившие целью исключительно захват шифровальных машин и ключей к ним. Опыт, приобретенный во время войны, весьма пригодился и в мирное время.

На службе у НКГБ

Сверхсекретная информация, которую английские криптоаналитики добывали во время второй мировой войны из немецких линий связи, попадала и в Москву. Происходило это двумя путями.

Во-первых, через советских агентов в Англии, имевших к ней доступ. Агентов было два. Один из них, Лео Лонг, благодаря прекрасному знанию немецкого языка в декабре 1940 года был зачислен в отдел МИ-14 английского министерства обороны. Этот отдел занимался сопоставлением и анализом шпионской информации о боевых порядках немецких войск. Здесь Лонг знакомился с данными, полученными благодаря успехам английских криптоаналитиков. После войны Лонг перешел из МИ-14 в военное министерство в английскую Контрольную комиссию в Германии, отошел от дел и стал противиться попыткам советской разведки восстановить утраченный контакт. Отказ Лонга от сотрудничества объяснялся в основном изменениями в семейной жизни. Его первая женитьба на коммунистке оказалась неудачной. Лонг женился снова, и семейные дела поглотили его целиком, не оставив места для работы на советскую разведку.

Во-вторых, Лондон сам в завуалированной форме поставлял в Москву данные, добытые с помощью радиوشпионажа. О немецком плане «Барбаросса» англичане были осведомлены задолго до его осуществления. Английский офицер Барклей был одним из немногих сотрудников посольства Англии в Москве, знавших о существовании ЦПС. Без ссылки на источник информации он официально предупредил одного из представителей высшего военного командования СССР о планировавшемся вторжении Германии. Насколько там обратили внимание на это предупреждение и во что такое пренебрежение к любезно предоставленным данным радиوشпионажа обошлось Советскому Союзу, хорошо известно.

После нападения Германии на СССР вскрывавшиеся в ЦПС ключи «Энигмы» стали касаться шифрования немецких сообщений не только на Западном, но и на Восточном фронте. Например, удалось определить ключевую установку «Энигмы» вермахта от 27 июня 1941 г., которая использовалась на советско-германском фронте. Затем был найден ключ «Энигмы», который вермахт и люфтваффе применяли при проведении совместных операций против советских войск. Тем не менее англичане не спешили поделиться достигнутыми успехами со своим восточным союзником по антигитлеровской коалиции. Дело в том, что США и Англия приняли совместное решение, которого они твердо придерживались в течение всей войны.

Оно заключалось в том, чтобы ничего не сообщать СССР об «Ультре». Одной из причин стало их опасение, что использовавшиеся Советским Союзом шифры имели слишком слабую стойкость. Стюарт Мензис, осуществлявший руководство ЦПС во время войны, из-за ненадежности советских шифров категорически не советовал Черчиллю передавать в Москву материалы, полученные в результате чтения немецкой шифрпереписки. По его мнению, сообщить советской стороне, что англичане вскрыли «Энигму», было равносильно тому, чтобы доложить об этом прямо немцам. К концу июня 1941 года в ЦПС было выявлено, что немцы читали часть шифрованного радиообмена советских судов и 17-й авиационной армии и что они хорошо понимали сигнальную систему советской авиации, дислоцированной под Ленинградом. Не было никаких гарантий, что та же участь не постигла бы советские шифры, применявшиеся для защиты сообщений стратегической важности.

Предвоенные чистки среди лиц высшего командного состава Красной Армии, проведенные под предлогом их шпионажа в пользу Германии, породили на Западе опасения, что немецкие шпионы проникли в советское военное руководство. Кроме того, первоначально у американцев и англичан было мало

уверенности, что СССР сможет выстоять перед лицом сокрушительной немецкой военной мощи. Когда же стало ясно, что Советский Союз не только в состоянии выстоять, но и имеет все шансы на победу в войне против немцев, сыграли роль взаимное недоверие и соперничество союзников. Тем не менее полностью игнорировать СССР было невозможно, и уже 24 июля 1941 г. Черчилль, несмотря на все протесты, отдал Мензису распоряжение передавать в Москву данные, полученные с помощью радиоспионажа, в незашифрованном виде через английскую военную миссию при условии, что любой риск компрометации ее источника будет исключен. После этого при виде важного перехвата, касавшегося событий на Восточном фронте, Черчилль непременно спрашивал: «А это передали русским?» Происхождение таких шпионских данных англичане обычно прикрывали фразами типа: «по сообщению высокопоставленного источника в Берлине», или «по сообщению очень надежного источника», или «как сообщил сотрудник министерства обороны Германии». Обозначения вражеских частей, соединений и другие детали, которые могли раскрыть, что информация получена с помощью радиоспионажа, опускались.

Например, 11 июля 1942 г. в ЦПС было дешифровано следующее шифрсообщение немцев: «1. Следует ожидать нарастания давления вражеских войск на 2-ю армию. Желательно сдержать мощные силы противника на фронте армии с учетом операций Восточной армии в целом. 2. В задачу армейской группы фон Вайхса входит удержание совместно со 2-й венгерской армией Донецкого фронта между устьями р.Потудань и р.Воронеж и совместно со 2-й армией Воронежского плацдарма позиции по линии Ольховатка — Озерск — Борек — железнодорожная станция Котыш». Два дня спустя это сообщение было передано в английскую военную миссию в Москве в таком виде: «Для информации Генерального штаба русских. По полученным из разных источников сведениям, сообщаем, что немцы, включая венгерские части, намерены удерживать русских на фронте Ливны — Воронеж — Свобода, в то время как танковые силы пойдут к юго-востоку между реками Дон и Донец». Для желающих — своеобразный тест на сообразительность и внимание: найдите не менее 10 совпадений в этих 2 процитированных текстах.

Летом 1941 года английский офицер доставил в Москву оперативные коды, навигационные пособия и позывные люфтваффе. Аналогичные материалы он получил взамен. Вслед за ним документацию о беспроводной связи вермахта и инструкции по вскрытию ручных шифров немецкой полиции привез другой английский офицер, которому в обмен были отданы некоторые захваченные у немцев документы. По мнению англичан, эти документы не представляли большого интереса. В Лондоне обеспокоились таким односторонним обменом полезной информацией. Кроме того, в ЦПС считали, что в Москве недостаточно эффективно пользовались предоставлявшимися им сведениями. Один из английских криптоаналитиков вспоминал: «В период крупных танковых битв 1942 года мы предупреждали русских о немецкой западне, в которую они гнали живую силу и технику. Трудно поверить, что они доверяли этим предупреждениям, потому что иначе они смогли бы избежать тех огромных потерь, которые понесли».

С лета 1942 года поток передаваемой в Москву оперативной шпионской информации, полученной в результате вскрытия «Энигмы», значительно сократился. Исключение составляли лишь сообщения особой важности. В декабре 1942 года в критический момент Сталинградской битвы в Москву была передана инструкция по вскрытию ручных шифров абвера в надежде получить взамен что-либо равноценное. Ожидания не оправдались. Контакты с

советской разведкой стали еще больше ослабевать, а после открытия второго фронта вообще прекратились. И это понятно. Англо-американские союзники попросту боялись усиления советского влияния в послевоенной Европе, а СССР с самого начала войны имел все основания не слишком доверять своим союзникам по антигитлеровской коалиции.

Тогда же, летом 1942 года, одновременно с сокращением количества официально поставляемой из Лондона в Москву радиошпионской информации ее стал отправлять туда тайно Джон Кернкросс, советский агент, завербованный еще в 1935 году. В марте 1942 года Кернкросс поступил на работу в ЦПС. И хотя он провел там меньше года, его пребывание в цитадели английского радиошпионажа совпало с наступлением решающего периода в ведении боевых действий на Восточном фронте.

В круг профессиональных обязанностей Кернкросса в ЦПС входил главным образом анализ перехвата радиообменов люфтваффе. По его собственному мнению, звездный час настал для него летом 1943 года, перед Курской битвой, когда немцы начали операцию «Цитадель» против Красной Армии. 30 апреля англичане отправили в Москву предупреждение о готовившемся немецком наступлении, а также материалы немецкого шпионажа о советских силах в районе Курска, полученные англичанами путем вскрытия «Энигмы». Кернкросс же передал оригинальные открытые тексты шифрперехвата, где были впрямую указаны воинские части и соединения, упоминание которых всегда изымалось англичанами из материалов, посылаемых в Москву.

Больше всего внимание Москвы привлекла информация Кернкросса о расположении немецких эскадрилий. Советское военное командование за 2 месяца до начала немецкого наступления под Курском нанесло 3 упреждающих бомбовых удара по 17 немецким аэродромам в полосе протяженностью более 1 тыс. километров от Смоленска до Азовского моря. Эта серия из 3 массированных бомбовых ударов стала крупнейшей операцией советской авиации во второй мировой войне. Было совершено 1,5 тыс. самолетовых вылетов, уничтожено 500 самолетов противника, советские потери составили 122 самолета. За предоставленные им данные Кернкросс получил благодарность Москвы. Однако к этому времени трудности передачи информации из места расположения ЦПС в Москву настолько возросли, что Кернкросс уже не мог больше их преодолевать и накануне Курской битвы сменил место работы.

С отказом Лонга от сотрудничества, а позднее со сменой работы Кернкроссом советская разведка не только лишилась ценных источников информации, но и потеряла возможность оценивать достоверность данных, которыми с ней делилась английская военная миссия в Москве. Вдобавок стало трудно находить основания для понукания советских криптоаналитиков, ставя им в упрек успехи их английских коллег, о которых свидетельствовали сообщения Лонга и Кернкросса.

После окончания второй мировой войны тайна, покрывавшая «Ультру», привела к появлению множества мифов. Согласно одному из них, англичанам очень хотелось, чтобы Советский Союз извлекал пользу из материалов «Ультры», касавшихся Восточного фронта. Но это надо было сделать таким образом, чтобы обезопасить их источник и одновременно убедить СССР в важности и надежности информации. Проблема была якобы решена путем перекачки данных «Ультры» через советскую разведывательную группу «Люси», действовавшую в основном на территории Швейцарии. Таким образом, источник информации был скрыт, а советское руководство действовало как надо, доверяя сведениям, полученным от собственных агентов. Слава английскому

радиошпионажу, который выиграл войну не только на Западном, но и на Восточном фронте?

В этой версии нет ни грамма правды. Дело в том, что перехваты с Восточного фронта всегда являлись большой проблемой для ЦПС. Немцы очень часто использовали для связи свои наземные линии, и далеко не вся связь шла по радио. Но даже в тех случаях, когда для передачи шифровок задействовался эфир, расстояние и иные объективные факторы неблагоприятно влияли на качество приема английских станций перехвата. Шифрсообщения с перевранным текстом требовали очень много времени на обработку. Трудности усугублялись необходимостью их дешифрования. Проще было с криптограммами люфтваффе. Но шифры частей вермахта на Восточном фронте в ЦПС удавалось вскрывать лишь с июня по сентябрь 1941 года и в октябре – декабре 1942 года. Кроме того, чтение шифр-перехвата с Восточного фронта никогда не рассматривалось в ЦПС в качестве первостепенной задачи. Там работали в первую очередь с материалами, имевшими оперативное значение для английского командования. Поэтому информация, полученная в ЦПС с Восточного фронта, могла служить лишь для общей ориентации о масштабах, целях и результатах немецких наступлений, да и то с задержкой на 2 – 3 дня. Далее она должна была из Блетчли-Парк попасть в Лондон, потом в распоряжение радиста «Люси» в Швейцарии, а затем, после зашифрования, в Москву.

Однако все эксперты в вопросах истории шпионажа в годы второй мировой войны сходятся в том, что ценность информации «Люси» состояла именно в оперативности. В большинстве случаев эта информация приходила в Москву в течение 24 часов после того, как она становилась известна в Берлине. Ясно, что «Ультра» никак не могла служить источником сведений для «Люси». Разведывательные данные большой важности и достоверности добывал для «Люси» генерал Фриц Тиль, который возглавлял шифровальный отдел в главнокомандовании вермахта. Будучи вторым человеком в службе связи немецкой армии, в случае необходимости он использовал предоставленные ему возможности для установления контакта по радио со своим связником.

Две трети немецкой военной мощи было сосредоточено на Восточном фронте. Тем не менее именно там роль «Ультры» остается тайной. Возможно, что долгое сохранение этой роли в секрете было призвано скрыть послевоенное политическое значение «Ультры». А состоит оно в том, что нежелание англичан поделиться плодами своих успешных радиошпионских операций с Советским Союзом, взвалившим на себя основные тяготы войны с Германией, усугубило его недоверие к Западу и послужило одной из причин развязывания «холодной войны». (Да еще настолько взбесило нескольких английских офицеров, тайно работавших на советскую разведку, что с тех пор они были полностью убеждены в правильности ранее сделанного ими выбора.)

Слагаемые успеха

Подытоживая все сказанное об усилиях англичан в области радиошпионажа, можно выделить несколько основных причин, сделавших возможным их успех в дешифровальной работе против немцев во время второй мировой войны.

Во-первых, на протяжении второй мировой войны немцы в основном использовали единственную шифрма-шину – «Энигму». Это означало, что

англичане могли сосредоточить свои усилия на одном, главном направлении. Кроме того, отсюда следовало, что английские криптоаналитики располагали очень большим объемом шифрованной переписки противника, несомненно облегчавшим им работу над вскрытием «Энигмы».

Во-вторых, англичанам была известна схема «Энигмы». Эта шифрмашинка поступила в свободную продажу еще в конце 20-х годов. И хотя впоследствии она была неоднократно модифицирована с целью повышения стойкости, а также несмотря на то, что разные государственные учреждения и военные ведомства Германии оснащались различными модификациями «Энигмы», англичане всегда успевали вовремя составить представление как о схеме этого шифратора в любой модификации, так и о применявшихся немцами процедурах изготовления ключей для него.

В-третьих, по собственной беспечности или по неосторожности немцы зачастую способствовали успешному решению задач, стоявших перед криптоаналитиками Англии.

В-четвертых, англичанам удалось привлечь для ведения радиоспионажа наиболее способных и образованных людей, для профессиональной подготовки которых в области криптоанализа были созданы все необходимые условия. При этом квалифицированные кадры не распылялись по многим учреждениям и ведомствам, а были сконцентрированы в одном месте — в криптоаналитическом центре в Блетчли-Парк.

В-пятых, для автоматизации и ускорения дешифровальной работы англичане активно применяли электромеханические устройства, в состав которых входили и электронные компоненты, позволявшие значительно повысить скорость автоматического перебора ключей «Энигмы».

И наконец, последнее: англичанам просто очень везло. Список подарков судьбы, без которых их успехи в радиоспионаже не были бы столь впечатляющими, можно продолжать довольно долго.

Можно ли подслушать мысли врага?

Итак, 70-е годы раскрыли наиболее тщательно скрываемую тайну второй мировой войны. Спустя 30 лет после ее окончания стало известно, что, по мнению генерала Эйзенхауэра, «Ультра» внесла «решающий вклад в победу». Черчилль тоже полагал, что «Ультра» — это то, «чем мы выиграли войну». Когда же возник неизбежный вопрос, почему в таком случае победа не пришла раньше, один из западных историков заявил, что благодаря «Ульт-ре» путь к победе для англо-американских союзников стал короче на год, а то и на два.

Чтобы понять истинное значение проникновения в мысли противника, которое имело место в годы второй мировой войны и которому не было precedентов в военной истории, потребовалось время. Восторженные оценки, появившиеся после вынужденного 30-летнего молчания, мешали трезво оценить значение «Ультры» и затеняли ее важные аспекты. Действительно ли роль «Ультры» в

достижении победы была столь значительна? Если английские и американские генералы, превозносимые за блестящее проведение военных кампаний, знали заранее о планах противника, то не тускнеет ли от этого блеск их побед? И еще вопрос: неужели немцы так и не узнали о том, что их шифрсообщения перехватываются и дешифруются врагом?

Сейчас со всей определенностью можно сказать, что во второй мировой войне «Ультры» не сыграла той роли, которую ей пытаются приписать апологеты. Только от 5 до 10 процентов радиошпионских данных «Ультры», отосланных на места ведения боевых действий, были использованы. Никаких сведений «Ультры» напрямую не поступало ниже уровня командования английской армией. Ее нижние эшелоны получали эту информацию лишь в виде оперативного приказа. По материалам «Ультры», содержащим данные о передвижениях немецких танковых колонн или кораблей, нельзя было немедленно вести боевые действия. Поэтому сначала приходилось проводить наблюдение с воздуха, причем в такой открытой форме, что немцы при всем желании не могли его не заметить, и только после этого наносить огневые удары по вражеским танкам или кораблям.

Генералы не могли понять, почему подчиненные им офицеры с таким нежеланием выполняют приказы, в правильности которых их заверяют. Английский генерал Джон Лукас, командовавший корпусом при высадке англо-американского десанта в Западной Европе в январе 1944 года, не имел прямого доступа к материалам «Ультры», но зато его начальники имели. Они знали, что немцы не окажут сопротивления Лукасу, если он вздумает пойти в глубь побережья. Однако начальники не имели права прямо сказать об этом своему генералу. Они принуждали его атаковать, но их оптимизм выглядел фальшиво при сопоставлении с имевшимися у самого Лукаса данными. Поэтому он решил соблюдать осторожность и оставаться на занятых позициях. Немцы собрались с силами и задержали высаживавшиеся на побережье войска. Лукас, вскоре освобожденный от командования за проявленную нерешительность, написал в своем дневнике: «Похоже, всем были известны намерения немцев, кроме меня». Справедливое заявление.

С другой стороны, существовала опасность, что распространение слишком большого количества материалов «Ультры» будет контрпродуктивно. «Ультра» не могла подменить кропотливую работу со всеми имеющимися данными и превратить посредственного командира в военного гения. Последнему по-прежнему приходилось разрабатывать детальные планы операций, стимулировать активность подчиненных и приспосабливаться к менявшимся условиям. Материалы «Ультры» даже могли стеснять командира в его действиях. Начальство, получая ту же секретную информацию о противнике, что и он, считало себя вправе не только давать советы, но и убирать непослушных. Так случилось с двумя отличными английскими генералами, которых Черчилль в начале африканской кампании отстранил от должности, полагая, что благодаря «Ультре» знал о немцах столько же, сколько знали генералы, и поэтому счел их действия неверными.

Иногда можно услышать, что из материалов «Ультры» англичане узнавали обо всем, что противник докладывал о себе самом. Но военные тоже подвержены человеческим слабостям. Они преувеличивают, утаивают, хвастают, обманывают самих себя и без видимых причин меняют мнение. «Ультра» же не принимала во внимание эмоции. Например, Роммель часто нарушал приказы

сверху или сообщал Берлину одно, а делал совершенно другое. Он обладал великолепной интуицией и, если обстоятельства ему благоприятствовали, менял свои планы, не удосужившись предварительно уведомить начальство. Причиной сокрушительного поражения англичан в битве при Кассе-ринге в феврале 1943 года было то, что по линии «Ультры» прошел немецкий приказ о наступлении в одном направлении, а Роммель, нарушив его, двинулся в другом.

Оценка англо-американскими союзниками военной мощи немцев, с которой они должны были столкнуться с началом боевых действий в Западной Европе, может показаться более точной, чем оценка немцами силы союзных войск. Ведь благодаря «Ультре» англичане знали практически о каждой из 50 немецких дивизий, находившихся во Франции. Немцы же приписывали противнику 75 дивизий, в то время как их было только 50. Сознание того, что им предстоит бороться с силами, большими, чем на самом деле, подорвало обороноспособность немцев, а знание о такой реакции с их стороны, в свою очередь, оказало значительную поддержку англичанам и американцам. Но так ли все было в действительности?

После войны, в 1946 году, англичане допрашивали одного немецкого полковника, не имевшего ни малейшего представления о существовании «Ультры». Полковник заявил: «К концу 1943 года меня с моим шефом как минимум раз в месяц вызывали на совещания в штаб верховного командования. Мы каждый раз поражались абсолютно нелогичной недооценке потребностей немецких сил обороны во Франции, Норвегии и на Балканах. Соединения постоянно перебрасывались с одного театра военных действий на другой. В конце концов мы с шефом решили дать преувеличенную оценку количества дивизий союзников, чтобы как-то уравновесить сверхоптимистические прогнозы в штабе верховного командования. Поэтому наши оценки превышали реальные примерно на 12 дивизий».

Дешифровальный центр в Блетчли-Парк не был тенью немецкого верховного руководства. Первый шаг в длинной цепочке, приводившей материалы «Ультры» в штаб английского командования, мог быть сделан лишь в том случае, если бы немцы использовали для связи радиопередатчики. Но немецкая армия во многом придерживалась традиций. В начале второй мировой войны большинство ее сообщений передавалось по телеграфу, и их невозможно было перехватить в Англии. Иногда приказы переправлялись посредством голубей и собак. Даже в самый разгар войны немцы отдавали предпочтение телеграфу и телефону, и только если они отсутствовали, прибегали к помощи радио. Лишь от четверти до трети всех немецких сообщений было передано по радио, причем в основном не высокого стратегического, а среднего или низшего тактического уровня. Исключение составлял только абвер, который использовал радио даже для передач внутри страны, предпочитая его более безопасной кабельной связи.

Все ли перехваченные шифрсообщения могли быть прочитаны? Конечно, нет. Успех криптографов с люфтваффе не повторился в отношении вермахта. В течение всей войны в Блетчли-Парк боролись с невероятно сложными немецкими шифрами для крупных кораблей и субмарин. Но, даже когда английским дешифровальщикам удалось совладать с «Тритоном», адмиралтейство не сумело справиться с хлынувшим потоком радиоспионской информации. Глава секции, занимавшейся шифрсообщениями с немецких

подводных лодок, вскоре свалился от полного физического и психического истощения, хотя эта секция обрабатывала только шифровки, имевшие срочное оперативное значение.

Учитывая количество необходимых операций – дешифровка, перевод, обработка и зашифрование полученной информации для передачи ее потребителям, – сотрудники Блетчли-Парк работали в постоянном напряжении, чтобы материалы «Ультры» не теряли актуальности. Ведь даже задержка на час могла сделать их бесполезными.

Помимо большого потока информации в Блетчли-Парк приходилось разбираться с многочисленными аббревиатурами, ссылками на карты, а также со служебным жаргоном. Иногда дешифровальщики целыми днями просиживали над шифрсообщениями, которые в конечном счете оказывались пустячными. Примером может служить следующий случай. Абвер передал шифровку своему резиденту в Мадриде, офицеру под кодовым именем Цезарь. После ее прочтения в Блетчли-Парк получили открытый текст такого содержания: «Осторожней с Акселем. Он кусается». Что это – код с перешифровкой? Позже выяснилось, что речь шла о сторожевой собаке, присланной для охраны. Подтверждением этому стал дешифрованный ответ из Мадрида: «Цезарь в госпитале. Его укусил Аксель».

Многие командиры попросту игнорировали материалы «Ультры», если они не соответствовали их представлениям и планам. Например, из материалов «Ультры» следовало, что бомбардировки Германии не сломили моральный дух немцев и не помешали им по-прежнему выпускать большое количество самолетов. Это означало, что воздушные рейды англо-американских союзников 1943 – 1944 годов были напрасными, так как понесенные ими потери оказались несоизмеримыми с причиненным немцам ущербом. Все сведения были своевременно переданы из ЦПС в соответствующие инстанции, но налеты английской авиации продолжались. Видимо, правда, содержащаяся в материалах «Ультры», не устраивала поборников массированных бомбардировок Германии.

Другие командиры, напротив, настолько полагались на «Ультру», что если ее материалы не поступали, то они считали, что ничего существенного не происходит. Опасность такого подхода не замедлила сказаться при наступлении немцев в Арденнах в декабре 1944 года, когда ими была предпринята попытка остановить продвижение англо-американских войск. Немецкое нападение было внезапным. «Ультра» не смогла предупредить о готовившихся действиях, поскольку Гитлер наложил запрет на радиопереговоры.

Одной из причин невозможности дать исчерпывающую оценку влияния «Ультры» на ход второй мировой войны является оставшийся без ответа вопрос, знали ли немцы о вскрытии «Энигмы» англичанами.

Конечно же, немцы отдавали себе отчет в том, что вскрыть «Энигму» можно. Немецкий криптоаналитик Георг Шредер продемонстрировал такую возможность еще в 1930 году, лаконично заметив при этом: ««Энигма» – дерьмо». Урок не пропал даром. Немецкие криптографы постоянно вносили в «Энигму» усовершенствования, так как знали, что она не являлась абсолютно надежной, особенно если в распоряжении противника имелся хотя бы один ее экземпляр. А в 1944 году немцы даже провели специальную конференцию по

проблемам надежности своих шифров, на которой было указано на недостатки «Энигмы» и намечены меры по их устранению.

Наконец, явное предпочтение, отдаваемое немцами кабельной связи везде, где только возможно, заставляет предположить, что они осознавали возможность деширования их криптограмм. На ту же мысль наводит и использование немцами кодовых обозначений. К примеру, во время налета на Ковентри вся операция проходила под названием «Лунная соната», а цели обозначались цифрами.

А зачем немцы неоднократно пытались дезинформировать противника в отношении местонахождения своих подразделений в шифровках, если не были уверены, что они будут перехвачены и прочитаны? В противном случае действия подобного рода были бы бессмысленным!

Итак, можно сказать, что в ходе второй мировой войны «Ультра» сумела оказать существенную помощь лишь в нескольких отдельных случаях, а в остальных ее роль была незначительной или вовсе никакой. «Ультра» не выиграла войну ни на Западном, ни на Восточном фронте. И весьма сомнительно, что благодаря ей сократились сроки войны. Притягательность долго хранимой военной тайны и бойкое перо людей, первыми рассказавших о том, что скрывала эта тайна, придали «Ультре» такую значимость в истории, которой она не заслуживает.

Перл-Харбор

Нападение японцев на американскую морскую базу на острове Перл-Харбор 7 декабря 1941 г. было внезапным и разрушительным. В считанные минуты около 4,5 тыс. американских военнослужащих были убиты и ранены, значительная часть Тихоокеанского флота США уничтожена. На следующий день Соединенные Штаты вступили во вторую мировую войну. Однако весь ход военных действий на Тихом океане в 40-е годы мог бы сложиться совсем по-другому.

В 1939 году японцы ввели в действие новый военно-морской код, вошедший в историю радиошпионажа под названием ЯБ-25. Он был не очень сложен, и к началу 1940 года в ЦПС без труда читали многие шифрсообщения ВМС Японии.

Из дешифрованных криптограмм англичане узнали, что 6 японских авианосцев и 14 других боевых кораблей разных классов готовились к проведению очень важной операции. 20 ноября 1941 г. дальневосточное бюро ЦПС перехватило шифровку адмирала Ямамото, в которой говорилось: «В полночь 21 ноября приступить ко второму этапу подготовки начала военных действий». А через 5 дней японская эскадра получила приказ выйти в море со своей базы на Курильских островах и 4 декабря произвести дозаправку топливом.

Вся операция проходила в режиме абсолютной секретности и полного радиомолчания. Напротив, береговые станции в значительной степени увеличили радиообмен. Кроме того, японцы заменили на кораблях, которые участвовали в операции, всех радистов, посадив их на береговые радиопередатчики, с тем чтобы американские службы радиоперехвата, которые по почерку радистов узнавали корабли, считали, что японская эскадра находится в гавани.

В еще одной перехваченной англичанами шифровке Ямамото говорилось: «Вы должны завершить восхождение на Нитакаю 8 декабря по токийскому времени», что соответствовало 7 декабря по европейскому. Нитакаяма является самой высокой горой японской империи, и восхождение на нее считалось тогда в Японии верхом доблести. Так в иносказательной форме Ямамото отдал приказ своей эскадре о начале крупной боевой операции.

Несложная работа с картами позволила определить местоположение японской эскадры 7 декабря – вблизи Гавайских островов. Другой возможной целью планируемой японцами операции могли быть только Филиппины, являвшиеся в 1941 году колонией США.

Однако, имея на руках эту подробную и точную информацию о японских военных планах, Черчилль не соизволил поделиться ею со своим большим другом и союзником Рузвельтом. Скорее всего основную роль здесь сыграло стремление Черчилля любой ценой вовлечь Соединенные Штаты в войну, и он сознательно скрыл от американского президента новость о выходе боевой эскадры Японии в поход и дате планируемого ею нападения.

ЦЕНТР

В глубине всякой груди есть своя змея.
К.Прутков. «Сочинения»

«Венона»

Недалеко от австралийского города Дарвин с 1939 года функционировала радиостанция, принадлежавшая Англии и осуществлявшая в основном перехват японских сообщений. В 1945 году капитуляция Японии позволила персоналу этой станции полностью переключиться на советские сети связи, сигналы которых особенно хорошо улавливались в окрестностях Дарвина. Об этом англичанам было известно давно. Но неожиданно выяснилось, что большую часть шифрперехвата из советских секретных линий связи удастся прочитать.

Перехваченные в Австралии советские шифрсообщения в основном были очень длинными, причем их длина отражала статус отправителя в партийной иерархии. Чем выше был этот статус, тем пространнее становилось послание. Частые повторы в открытом тексте шифрсообщения, его большая длина, использование стандартных языковых оборотов и чрезмерная болтливость советских связистов в эфире позволяли легко перехватывать и читать эти шифрсообщения. Вместе с тем их содержание оказывалось малозначительным.

Гораздо больший интерес представляла шифрпереписка, которую штаб-квартира НК ГВ в Москве вела с агентурой и региональными резидентурами за рубежом. В ЦПС эта шифрпереписка получила кодовое наименование «Венона». Но здесь для зашифрования сообщений применялись очень стойкие шифры, при правильном использовании практически не поддававшиеся вскрытию.

Повышению стойкости шифров способствовали два обстоятельства. Во-первых, советская разведка, без сомнения, получала советы квалифицированных сотрудников шпионских спецслужб Англии, являвшихся ее агентами. Во-

вторых, ряд советских разведгрупп потерпел крупные провалы во время второй мировой войны из-за недостаточного соблюдения мер безопасности связи. Приведем только два, но самых характерных примера таких провалов – раскрытие разведывательной сети «Красный оркестр», а также захват в Женеве и Лозанне трех радиопередатчиков разведгруппы «Люси», радисты которых сделали подробные заявления о своей работе.

В результате советских разведчиков начали снабжать более стойкими шифрами и порекомендовали пересылать сообщения не по радио, а через советские дипломатические миссии. Таким образом удавалось избежать использования плохо подготовленных радистов, маломощных передатчиков и ненаправленных антенн, посылавших сигналы одинаково хорошо во все стороны света. В этих условиях определяющим стало качество шифрблокнотов, которые служили основным средством засекречивания сообщений советских разведчиков. Однако после ряда случаев содержание этих шифрблокнотов оказалось скомпрометированным.

Об одном таком случае читатель уже знает: в 1944 году УСС США купило 1,5 тыс. страниц шифровальных блокнотов НКГБ, захваченных финнами. Сами по себе большого интереса для западных криптоаналитиков они не представляли. Агенты НКГБ пользовались шифрблокнотами для замены каждого слова или буквы сообщения на пятизначное число. Затем шифровальщик в резидентуре НКГБ, через которую проходило зашифрованное ее агентом сообщение, добавлял в каждую пятизначную группу еще пять знаков из так называемой «разовой тетради», имевшейся в его распоряжении и являвшейся разновидностью шифрблокнота. Ее второй экземпляр находился только в Москве. Если «разовая тетрадь» действительно применялась лишь однажды, как того требовала инструкция, этот шифр вскрыть было невозможно. Но в последние годы количество информации, передававшейся советскими резидентурами из США, было столь велико, что некоторые «разовые тетради» использовались вторично. Виновные в этом упущении были расстреляны, когда о нем стало известно впоследствии.

Второй случай произошел в том же 1944 году, когда ФБР, тайно проникнув в нью-йоркскую контору Амторга, выкрало оттуда шифрблокнот. Конечно, его использованные страницы в соответствии с инструкцией были уже уничтожены. Однако по неосторожности работники Амторга оставили копии некоторых сообщений как в зашифрованном, так и в открытом виде. Эти копии были похищены вместе с шифрблокнотом.

Гузенко

Третий случай стал настоящим подарком судьбы для англичан и американцев. Вечером 5 сентября 1945 г. шифровальщик военного атташе в Канаде лейтенант советской армии 26-летний Игорь Сергеевич Гузенко, решив попроситься убежища на Западе, тайно покинул частную квартиру в Оттаве, снятую для него и его семьи посольством СССР. Сначала он попытался войти в контакт с прессой, но газетчики сочли его наглым лжецом. Канадская полиция также не поверила перебежчику. Только после того, как его квартира подверглась нападению, которого сам Гузенко избежал просто чудом, полицейские начали воспринимать его всерьез.

Переданные Гузенко материалы ввергли канадских экспертов в состояние шока. Список советских агентов включал многих известных в стране и за ее пределами людей: членов канадского парламента, видного ученого-атомщика, руководящих деятелей коммунистической партии и некоторых лиц в других государствах. Украденные Гузенко документы также подробно описывали принципы шифрования, применявшиеся в НКГБ и ГРУ.

Премьер-министр Канады сразу же отправился в Вашингтон, чтобы проинформировать о случившемся президента США и посоветоваться с ним. Полиция Канады немедленно оповестила о Гузенко руководителей контршпионских спецслужб США и Англии. В Канаду спешно прибыли ведущие американские и английские специалисты по советской разведке.

Урон, нанесенный Гузенко советской разведке на Западе, мог быть значительно менее серьезным, если бы не ротозейство и беспечность военного атташе СССР в Канаде полковника Николая Заботина и трех его помощников. Они полностью доверили Гузенко хранение и уничтожение всей своей секретной переписки. А он снимал копии с документов, требовавших хранения, и собирал в надежном месте подлежащие уничтожению. К тому же работники военного атташата вопреки законам конспирации стали заводить дела на всех, с кем работали. В этих делах содержались имена, адреса, места работы и другие конфиденциальные данные об их подопечных. Дела находились в сейфе у Заботина, и по правилам ключ мог быть только у него. Второй ключ на всякий случай хранился в специальном запечатанном пакете у старшего шифровальной комнаты и никому не выдавался. Заботин и не предполагал, что Гузенко уже давно завладел вторым ключом, прочитывает все личные дела и аккуратно снимает с них копии.

Кроме того, по существующим правилам шифровальщик посольства должен был жить в помещении, имеющем экстерриториальность. Но у Гузенко был маленький ребенок, который по ночам беспокоил жену Заботина, не терпевшую детского плача. В результате Заботин заставил Гузенко переехать на частную квартиру.

История побега Гузенко довольно необычна. Решение о его отзыве было принято еще в сентябре 1944 года, а до того из Москвы пришел приказ переселить Гузенко с частной квартиры обратно в дом военного атташе. Заботин это распоряжение проигнорировал. Через год начальник ГРУ Ф.Ф.Кузнецов послал шифртелеграмму с категорическим приказом без промедления отправить Гузенко с семьей в Москву. Шифртелеграмму Кузнецова расшифровывал сам Гузенко. Она содержала явные угрозы в его адрес и только ускорила побег.

Не все сведения, сообщенные Гузенко, дали немедленный результат. Так случилось, например, с советским агентом в английской контршпионской спецслужбе, скрывавшимся под псевдонимом Элли. Гузенко знал некоторые его приметы: мужчина (несмотря на женский псевдоним), занимает настолько важный пост, что в контакт с ним можно вступать только через заранее обусловленный тайник, в прошлом был связан с коммунистами. Охота за Элли продолжалась без малого 30 лет. Под подозрение попал даже руководитель английской контршпионской спецслужбы МИ-5 Роджер Холлис. В 1981 году Олег Гордиевский, сотрудник КГБ, а с 1974 года по совместительству еще и английский шпион, получил доступ к досье Элли в КГБ и узнал, что за псевдонимом скрывался Лео Лонг.

О бегстве Гузенко в Москве стало известно еще до того, как он попал в руки канадской полиции. ГРУ могло отомстить предателю, однако Сталин категорически запретил предпринимать что-либо в отношении Гузенко, сказав примерно следующее: «Война успешно закончена. Все восхищены действиями Советского Союза. Что же о нас скажут, если мы пойдем на такое! Надо назначить авторитетную комиссию и во всем разобраться». «Авторитетная комиссия» заседала несколько дней подряд и пришла к выводу, что виновниками происшедшего в Оттаве являлись Заботин, его жена и сын. Все трое были немедленно арестованы. На этом разбирательство по делу Гузенко завершилось.

На Западе интерес к Гузенко тоже довольно быстро ослабел, поскольку его знания о советской разведке были ограниченными. Недовольный отсутствием внимания к своей персоне, Гузенко начал судиться, требуя деньги со всех, кто в своих статьях или книгах ссыался на его материалы. Умер он в одиночестве и забвении.

Все же именно побег Гузенко, вместе с покупкой у финнов шифровальных блокнотов, ошибками советских шифровальщиков и операцией ФБР в Нью-Йорке, привел к решающему прорыву во вскрытии шифров МГБ, сделанному криптоаналитиком УБВС США Мередитом Гарднером в 1948 году. Тайну «Веноны» и методы Гарднера, применявшиеся при ее чтении, выдал советской разведке в том же 1948 году шифровальщик УБВС Уильям Уейсбанд, за два года до этого завербованный НКГБ. Предательство Уейсбанда было раскрыто американцами в 1950 году. И хотя дали ему год тюрьмы, наказали Уейсбанда не за шпионаж, а лишь за неуважение к суду, выразившееся в неявке на судебное заседание. В УБВС и ЦГТС решили, что тайна «Веноны» — слишком дорогой секрет, чтобы рисковать ее разоблачением, вынося на обсуждение суда даже при закрытых дверях.

Поскольку английским и американским радиошпион-ским спецслужбам удалось прочитать лишь малую толику сообщений, полученная информация оказалась очень отрывочной. Кроме того, в ней отсутствовали настоящие имена советских агентов, а упоминались лишь их псевдонимы. Поэтому потребовался сбор большого количества «сопутствующих» данных, таких как регистрация поездов, расписание морских рейсов, авиаперелетов и других сведений, которые могли бы помочь успешной работе дешифровальщиков.

Тем временем Москве стало совершенно ясно, что для советской разведывательной сети в США «Венона» — это серия мин с часовым механизмом и со взрывным потенциалом чудовищной разрушительной силы. Поскольку не было точно известно, какие из шифровок конца войны прочитаны противником, нельзя было определить, где и когда сработает очередная «мина». Частично проблему решил советский агент — англичанин Гарольд Адриан Рассел Филби, когда в октябре 1949 года он стал ответственным за обеспечение связи между английской и американской спецслужбами. Гарднер позднее с досадой вспоминал, как Филби подолгу стоял за его спиной и, попыхивая трубкой, с интересом следил за ходом дешифрования сообщений советских агентов. Вплоть до своего отъезда из США в июне 1951 года Филби благодаря доступу к дешифровкам «Веноны» частенько успевал предупредить Москву о том, что вокруг какого-то из советских агентов затягивается петля.

В 1948 году криптоаналитики УБВС сумели обнаружить сходство между перехваченным сообщением из сети связи МГБ и телеграммой, которую за три года до этого президент США Трумэн послал Черчиллю. Советского агента, предположительно передавшего в Москву телеграмму Трумэна, окрестили Гомером. Падение Гомера стало одним из серьезных последствий чтения «Веноны».

Первые упоминания о Гомере в дешифровках «Веноны» были крайне туманными. Из них не только нельзя было заключить, что он являлся сотрудником английского посольства, но даже узнать, какой страны он гражданин – Америки или Англии. Первоначально в круг подозреваемых, число которых превысило 7 тыс. человек, вошли практически все, кто мог иметь доступ к трансатлантическим коммуникациям.

К апрелю 1951 года список подозреваемых сжался до 9, а в середине апреля появился открытый текст еще одного шифрсообщения, который содержал сведения, что в 1944 году Гомер дважды ездил из Вашингтона в Нью-Йорк, чтобы навестить там свою беременную жену. Выяснилось, что так поступал только Дональд Маклин, ставший к тому времени заведующим американским отделом Форин офис.

Для организации побега Маклина у советской разведки в запасе было несколько недель, так как из-за решения не использовать дешифровки «Веноны» в суде МИ-5 пришлось искать иные доказательства его противозаконной деятельности. История бегства Маклина запутана множеством различных версий. Но все они сходятся в одном: предупреждение об опасности разоблачения Маклин получил от Филби, который пришел к выводу, что того начнут допрашивать в понедельник 28 мая 1951 г. Вечером 25 мая, в пятницу, Маклин отправился в путешествие, которое закончилось для него благополучным прибытием в Москву.

Как «съели» Фукса

Просеивая горы бумаг с дешифровками «Веноны» в поисках информации о Гомере, ЦПС удалось напасть на след еще одного советского агента. Анализ перехвата показал, что этот агент обладал доступом к информации о секретных ядерных экспериментах, а также имел сестру, учившуюся в американском университете на Восточном побережье США. Это сузило круг подозреваемых, и вскоре советский агент был идентифицирован. Им оказался немецкий иммигрант по имени Клаус Фукс, уехавший из Германии перед второй мировой войной. Чтобы скрыть действительный источник сведений о Фуксе от противника, одному из сотрудников службы безопасности английского ядерного центра, где работал Фукс, дали задание заняться им вплотную. Без всякой ссылки на «Венону» этому сотруднику удалось убедить Фукса чистосердечно признаться во всем.

Надо сказать, что эта версия разоблачения Фукса находится в явном противоречии с историей, рассказанной одним из советских связников Фукса А.Феклисовым. По его мнению, поимка Фукса стала следствием таких событий, происшедших в конце 40-х годов.

Неожиданно быстрое появление в СССР атомного оружия заставило правительственные круги США предположить, что информация о нем была выкрадена советскими агентами из лаборатории в Лос-Аламосе и что следовало немедленно взять в активную «разработку» всех сколько-нибудь подозрительных лиц из числа допущенных или приезжавших туда на работу.

Тщательному повторному анализу были подвергнуты старые дела и компрометирующие материалы на таких лиц.

В 1948 году пришла очередь дела Фукса, которое было заведено на него в основном по следующим трем причинам: во-первых, в студенческие годы Фукс участвовал в работе Коммунистической партии Германии; во-вторых, в кругу друзей доброжелательно высказывался об СССР; в-третьих, вместе со своей сестрой Кристель упоминался в секретных документах, которые Гузенко захватил с собой в 1945 году для передачи американцам.

В результате «разработки» Кристель ФБР выяснило, что в 1945 году к ней трижды наведывался неизвестный американец, который интересовался Фуксом и под описание которого подходил некий Гарри Голд. Этого Голда ФБР не выпускало из поля зрения с тех самых пор, как в 1947 году он вызывался в суд по обвинению в шпионаже, но был освобожден ввиду недостатка доказательств. После обыска, проведенного на квартире Голда, под давлением обнаруженных улик тот сознался, что одно время служил передаточным звеном между Фуксом и советской разведкой.

Полученные ФБР новые сведения о Фуксе были сообщены англичанам, которые в ответ запросили материалы для предъявления Фуксу в суде в качестве доказательств его разведывательной деятельности в пользу СССР. Среди прочих документов, предоставленных английской стороне американцами, фигурировала и фальшивая, по мнению Феклисова, телеграмма, специально составленная ФБР, чтобы скрыть истинную причину провала Фукса. В телеграмме содержалась информация о разговоре между Фуксом и Голдом во время одной из их встреч на квартире Кристель в январе 1945 года. Сотрудники ФБР сказали Фуксу, что текст этой телеграммы был якобы получен дешифрованием переписки между генеральным консульством СССР в Нью-Йорке и Москвой. После мучительных колебаний, решив, что заpiresательство бессмысленно, Фукс признался во всем.

За давностью лет трудно со всей определенностью сказать, какая из двух версий поимки Фукса истинна. С точки зрения истории радиوشпионажа обе они примечательны тем, что продемонстрировали разные подходы к использованию его возможностей. По версии англичан, данные радиوشпионажа пригодились лишь для выявления советского агента в лице Фукса, а изобличение его в суде основывалось только на доказательствах, добытых традиционными методами ведения следственной работы. По Феклисову, радиوشпионаж в деле Фукса был просто прикрытием настоящего источника сведений и послужил в основном для получения признания.

Дело Розенбергов

Через чтение «Веноны» были получены первые наводки на семейную пару Джулиуса и Этель Розенбергов. В дешифрованном в феврале 1950 года сообщении, перехваченном еще в 1944 году, говорилось об агенте, работавшем на второстепенной должности в атомной исследовательской лаборатории в Лос-Аламосе в США. Позднее появились дополнительные указания, что этим агентом был брат Этель Розенберг Давид Гринглас. В июне 1950 года он во всем сознался и выдал Джулиуса Розенберга. На допросе Гринглас рассказал, как Розенберг похвалялся ему, что руководил целой разведывательной сетью, поставлявшей в Москву не только секреты

разработок в области атомной энергии, но и другие ценные данные о научных и технических достижениях США.

В отличие от Фукса, Розенберга до самого конца уверяли власти в своей непричастности к работе на советскую разведку. В апреле 1951 года супругов Розенбергов приговорили к смертной казни. А 19 июня 1953 г., после двух лет безуспешных апелляций, они по очереди скончались на одном и том же электрическом стуле в нью-йоркской тюрьме. Жуткая мерзость казни и непризнание вины осужденными укрепили мировое общественное мнение в том, что произошла страшная судебная ошибка. Неверие в виновность Розенбергов поддерживалось и тем, что из соображений секретности в суде даже не упоминалось о том, откуда были получены основные доказательства их преступной деятельности, — о «Веноне».

Скандалное дело Мартина и Митчелла, сотрудников АНБ США, заставило серьезно задуматься и англичан. ЦПС принял посильное участие в охоте на советских агентов: вместе с дешифрованием текущих сообщений из советских линий связи английские криптоаналитики занялись также изучением содержания шифровок, перехваченных в прошлом. И не без успеха. С помощью чтения «Веноны» удалось выяснить, что СССР имел хорошо информированного агента, первое упоминание о котором появилось более чем за 10 лет до описываемых событий. Самыми вероятными кандидатурами на его роль стали Ким Филби, в прошлом — офицер английской шпионской спецслужбы МИ-6 (его уволили оттуда после бегства Маклина в 1951 г.) и Джон Кернкросс, бывший сотрудник МИ-5 и ЦПС во время войны. Кстати, и у Филби были все шансы оказаться на службе в ЦПС: еще в 1940 году он имел беседу с Фрэнком Берчем, бывшим профессором истории в Кембридже, который занимался набором сотрудников в ЦПС. Встреча Филби с Берчем состоялась в штаб-квартире ЦПС, но Берч, по словам Филби, не смог заманить его на работу в радиوشпионскую спецслужбу только потому, что оказался не в состоянии предложить столько денег, сколько он заслуживал.

Вообще говоря, до середины 60-х годов ЦПС умело избегал потрясений от предательств и разоблачений, подобных тем, которые имели место в АНБ. Скандал случился позже, когда 21 февраля 1967 г. английская газета «Дейли экспресс» опубликовала статью, описывавшую незаконные действия английского министерства обороны. Оно регулярно получало копии всех сообщений, принимаемых и отправляемых по каналам двух крупнейших в Англии компаний связи. Прежде чем напечатать статью, из редакции «Дейли экспресс» позвонили по очереди сначала в пресс-службу министерства обороны, а потом в министерство связи Англии. Там им дали два противоречивых ответа на один и тот же вопрос. Министерство обороны категорически отрицало, а министерство связи, наоборот, признавало, что такие действия регулярно имели место. На это правительство Гарольда Вильсона отреагировало ссылкой на закон о государственной тайне, принятый в 1920 году, в соответствии с которым оно имело право на перехват сообщений из линий связи, ведущих за пределы Англии, а затем выпустило уведомление «Д», потребовавшее от журналистов воздержаться от дальнейших комментариев по этому поводу.

Система уведомлений «Д» была чисто английским изобретением. В соответствии с ней объединенная группа представителей правительства и прессы — Комитет по вопросам обороны, прессы и радиовещания —

организовала выпуск предупреждений в форме уведомлений. Эти уведомления сообщали о том, что некоторые виды информации, касавшейся военных секретов, шифров и радиошпионажа, подпадают под действие закона о государственной тайне. Игнорирование подобного уведомления было равносильно нарушению этого закона.

Не успел утихнуть скандал, связанный с разоблачениями в «Дейли экспресс», как разразился новый. Дуглас Бриттен, главный техник в подразделении английских ВВС, занимавшемся перехватом для ЦПС, был арестован МИ-5 в сентябре 1968 года. Дело в том, что сотрудники МИ-5 постоянно осуществляли наблюдение за советским консульством в Лондоне. Они заявили, что Бриттена «засекли», когда он пытался вступить в контакт с резидентом советской разведки в консульстве.

Бриттен сознался, что был завербован в 1962 году, что первой его акцией стала продажа агентам КГБ устаревшего передатчика, который некоторое время использовался для связи в ВВС. Далее, во время службы в подразделениях перехвата и в Англии, и за ее пределами, он регулярно снабжал советскую разведку более ценной информацией. Бриттену дали 21 год тюрьмы. Интересно, что комиссия по вопросам безопасности базы ВВС, на которой он проходил службу, незадолго до разоблачения охарактеризовала Бриттена как «неплохого актера и законченного лжеца» и пророчески добавила: «Если такой человек решится на измену, службам безопасности будет совсем не просто его уличить».

Вообще вопрос о соблюдении режима секретности очень волновал руководство ЦПС. Недаром в книге Давида Кана «Сокрушители кодов», в которой, казалось, были собраны все основные сведения из истории радиошпионажа на Западе вплоть до середины 60-х годов, о ЦПС не сказано ровным счетом ничего. Авторы подобных книг о радиошпионаже нередко упоминали о добровольно взятом на себя обязательстве не сообщать факты, которые могли бы отрицательно сказаться на деятельности радиошпион-ских ведомств своей страны и ее союзниц. Примером такого «патриотизма» может служить тот факт, что в вышедшей в 1962 году в Англии книге «Дело об У-2» характеристики этого шпионского летательного аппарата США были заведомо занижены.

Особые отношения

В сохранении тайны вокруг ЦПС большую заинтересованность проявляло и АНБ. Причина была проста. Дело в том, что в 1934 году в США был принят федеральный закон, запрещающий перехват сообщений из американских линий связи. При пассивном участии ЦПС, пользуясь тем, что большинство сообщений из США в другие страны шло через спутниковую связь и далее через ретрансляционные станции на суше, в том числе и в Англии, АНБ построило там две станции перехвата. Полученный таким образом перехват далее поступал на обработку прямоком в размещенные в Форт-Миде ЭВМ. Для большинства перехваченных сообщений дешифрования не требовалось: они шли открытым текстом. В преддверии «уотергейта» и в результате ряда запросов американских конгрессменов о методах радиошпионажа в АНБ отказались от этого способа получения перехвата из линий связи США в обход закона 1934 года.

70-е годы принесли службам перехвата Англии и США ряд непредвиденных трудностей. Вот основные из них:

1971 год – избрание Альенде президентом Чили заставило убрать с территории этой страны станцию перехвата АНБ;

1972 год – турецкие террористы убили четырех операторов станции перехвата ЦПС в Синопе на побережье Черного моря;

1975 год – турецкое правительство закрыло станции перехвата АНБ на своей территории в ответ на американское эмбарго, введенное в результате вторжения Турции на Кипр;

1977 год – свержение эфиопского императора привело к демонтажу станции перехвата АНБ в Эфиопии;

1979 год – после краха шахского режима в Иране АНБ было вынуждено заплатить солидный выкуп за право эвакуировать из этой страны персонал и оборудование своей станции перехвата.

Однако были в 70-е годы не только потери, но и удачи. В частности, АНБ и ЦПС удалось заручиться поддержкой китайского руководства и разместить две станции перехвата в Гималаях, недалеко от советской границы.

Подлинные масштабы совместных радиошпионских операций США и Англии стали постепенно вырисовываться только в 80-е годы, хотя сотрудничество между ними началось еще в 1947 году. Именно тогда секретный договор связал ЦПС с находившимся в эмбриональном состоянии АНБ. С тех пор беспомощный «эмбрион» успел превратиться в бесспорного мирового лидера в области радиошпионажа. Обе спецслужбы, несмотря на отдельные размолвки, сохраняли между собой тесные отношения. Ведь не зря руководитель ЦПС, обращаясь с речью к американским коллегам, однажды сказал, что они ухитрились очень плотно подоткнуть одеяла постели, в которую вместе улеглись, и что ему, так же как и американцам, такие отношения очень по душе.

И дело не только в том, что можно было вести глобальное наблюдение, поделив обязанности (ЦПС, например, взял на себя слежение за Европой и территорией к востоку от Урала). Сотрудничество между АНБ и ЦПС помогало решать хитроумные юридические проблемы. Если ЦПС прослушивало телефонные разговоры американских граждан, а АНБ – английских, то правительства обеих стран могли с полным основанием отрицать обвинение в том, что они ведут слежку за своими соотечественниками, хотя по существу дело обстояло именно так.

Кроме АНБ ЦПС поддерживал очень тесные взаимоотношения с австралийским правительственным ведомством радиошпионажа – Управлением безопасности связи (УБС). Такие отношения стали результатом активной помощи, которую ЦПС оказал австралийцам в создании ими Бюро безопасности связи (ББС), предшественника УБС, сразу после второй мировой войны. Первые два директора ББС были английскими подданными.

Капрал Прайм

К концу 60-х годов в СССР стали известны многие тайны радиошпионажа западных стран. Но картина была далеко не полной: требовалось детально разобраться, какие именно секреты советского государства попали в руки

его врагов. Нужны были сведения от хорошо осведомленного специалиста, допущенного ко всей радиошпионской информации, которая черпалась из линий связи СССР. И такой специалист нашелся.

В начале января 1968 года капрал Джеффри Артур Прайм возвращался после рождественских праздников на базу радиошпионажа английских ВВС в Западном Берлине. Проезжая через контрольно-пропускной пункт (КПП) в Берлине, он передал записку, в которой просил, чтобы с ним связались представители разведки СССР.

Прайм был не совсем обычной личностью, как в социальном, так и в сексуальном плане. В школе он слыл трудным подростком, в ВВС, в которые вступил в 1956 году, – нелюдимом. Будучи не в состоянии жить нормальной половой жизнью, он развлекался тем, что набирал случайные телефонные номера и говорил непристойности. Прослужив некоторое время в Кении, с 1964 года Прайм продолжил службу на станции перехвата в военном аэропорту Западного Берлина.

Записка, которую Прайм оставил на КПП в Берлине, попала не к сотрудникам 1-го главного управления (ПГУ) КГБ, занимавшегося разведкой, а к представителям 3-го управления, которое отвечало за безопасность в советских Вооруженных Силах. Это управление иногда добивалось успеха в вербовке западных военнослужащих, проходивших службу в Германии. Не упустило оно возможности завербовать и Прайма. В своей записке Прайм просил сотрудников советской разведки встретиться с ним в ресторане. При следующем проезде через КПП на ручке своей машины Прайм нашел магнитный цилиндр с ответной запиской, в которой ему, вместо ресторана, назначалась встреча в метро.

У Прайма состоялась серия встреч с сотрудниками 3-го управления, на которых его подробно расспрашивали о нем и его работе. В разговорах с чекистами Прайм винил во всех своих проблемах и неудачах капиталистическую систему. Образ Советского Союза, который сложился у Прайма под воздействием советских пропагандистских изданий на английском языке и англоязычных передач Московского радио, оказался для него более привлекательным, чем окружающая капиталистическая действительность. И хотя на встречах с чекистами Прайм утверждал, что в своих действиях руководствуется чисто идейными мотивами, он каждый раз без возражений принимал 30–40 фунтов в качестве вознаграждения за «труды».

Срок службы Прайма в ВВС заканчивался в августе 1968 года. По договоренности со своими кураторами из КГБ он устроился на работу в ЦПС, где должен был заниматься обработкой материалов, перехваченных из советских каналов связи. Прежде чем приступить к своим новым обязанностям в ЦПС, Прайм провел неделю на конспиративной квартире КГБ в ГДР, где его обучили работе с радиопередатчиком, технике шифровки сообщений, изготовлению микроточечных донесений и работе с микрофотокамерой. После каждого дня занятий Прайма запирали на ночь. Перед вылетом в Англию ему вручили чемоданчик с комплектом шифроблокнотов, набором материалов для тайнописи и 400 фунтов наличными.

Первые 7,5 лет своего пребывания в ЦПС Прайм проработал в специальном дешифровальном подразделении – так называемой Лондонской группе обработки (ЛГО). К осени 1969 года он закончил обучение на курсах повышения квалификации и сдал экзамены по русскому языку, по случаю чего получил поздравление из Москвы и 400 фунтов стерлингов в качестве премиальных.

В том же 1969 году, после первой женитьбы, которая оказалась неудачной, Прайм начал названивать по телефону маленьким девочкам и говорить им всякие непристойности. В ЦПС его недолюбливали, считая человеком замкнутым и необщительным. Но он не вызывал особых подозрений по двум причинам. Во-первых, из-за специфики работы в ЦПС брали немало неординарных и эксцентричных личностей. Во-вторых, его замкнутость объясняли неудачной женитьбой и раздражением по поводу того, что повышение по службе вместо него получали другие и, как Прайм нередко жаловался, только из-за того, что он не имел высшего образования.

«Разработка» Прайма так и осталась за 3-м управлением КГБ, которое отказалось передать свою «звезду» ПГУ. Прайму предложили самому выбрать место встреч со связным. Он предпочел Австрию, потому что знал немецкий язык. Но в основном его связь с КГБ осуществлялась через «почтовые ящики» с помощью написанных симпатическими чернилами писем и через передачи Московского радио. Безопасность связи с Праймом поддерживалась на самом высоком уровне. Ни разу за 7,5 лет, которые он пробыл в ЛГО (с сентября 1968-го по март 1976 г.), и за 1,5 года работы в штаб-квартире ЦПС в Челтнеме, графство Глостершир (с марта 1976-го по сентябрь 1977 г.), Прайм не попал под подозрение. Да и можно ли было подозревать ответственного по режиму в одном из подразделений ЦПС? В обязанности Прайма, в частности, входило ежегодное написание отчета, в котором он сообщал о проделанной за год работе по предотвращению нарушений режима секретности во вверенном его заботам подразделении ЦПС. Прайм завершил свою карьеру в ЦПС на посту руководителя сектора в группе анализа советских шифрсообщений, поддававшихся дешифровке.

После ухода из ЦПС Прайм порвал контакты с КГБ, развелся и женился во второй раз. Устроился он на работу водителем такси и частенько подвозил своих бывших коллег от станции до места работы. В 1980 году КГБ возобновил связь с Праймом, после чего при встрече в Вене он передал в Москву больше 15 кассет с пленкой (большая часть из них, как ему потом сказали, плохо проявилась), некоторые фотокопии и записи, хранившиеся у него после ухода из ЦПС. За это он получил 600 фунтов. В 1981 году Прайм специально съездил в Потсдам, чтобы дать своему связнику из КГБ пояснения по поводу документов, проданных советской разведке годом раньше. На прощание он получил 4 тыс. фунтов. Прайм проигнорировал советы КГБ вернуться на работу в ЦПС или устроиться преподавателем русского языка в образовательной службе английской армии, где он мог бы подбирать кандидатов для будущей работы на КГБ.

Агента, вероятно, так и не разоблачили бы, если бы не его сексуальные отклонения: он любил, выражаясь юридическим языком, совершать развратные действия в отношении малолетних школьников. В апреле 1982 года полиция получила в свое распоряжение точное описание машины развратника, и Прайма арестовали по подозрению в совершении преступления. Он признался. Все бы ничего, но, находясь в тюрьме, под влиянием минутной слабости он сказал своей жене на свидании, что ведет двойную жизнь. Об этом она сразу без колебаний сообщила полиции. А также о том, что дома под кроватью обнаружила шпионские принадлежности – шифрблокнот и пачку конвертов с

адресами связных в Восточном Берлине. В июне Прайм сознался абсолютно во всем.

По оценкам Пентагона, ущерб, нанесенный Праймом ради ошпионовки кому-либо союзу США и Англии, составил 1 млрд. долларов. На протяжении 10 лет Прайм передавал в КГБ подробные сведения о структуре ЦПС, расположении его станций перехвата, личном составе и о многом другом. К тому же англичане, тесно сотрудничавшие с АНБ, рассматривались в США как надежные партнеры и имели привилегированный доступ ко всей информации, которой обладало АНБ. Имел этот доступ и Прайм. Кроме того, в течение года работы в Челтнеме Прайм получал для ознакомления совершенно секретные данные об успехах и неудачах ЦПС в дешифровании перехвата из советских линий связи.

Все же, несмотря на это, пентагоновская оценка ущерба представляется чрезмерно завышенной. Как раз в тот год, когда Прайм работал в Челтнеме и имел самый широкий доступ к тайнам ЦПС, инструкции 3-го управления, которые он получал по радио, по неизвестной причине перестали поддаваться расшифровке. В результате контакт с Праймом был прерван, и большую часть информации, добытой в Челтнеме, Прайм смог передать только в 1980 году в Вене. Да и та оказалась сильно подпорченной.

После ареста Прайма ПГУ «отыгралось» на 3-м управлении. В вину сотрудникам «тройки» ставилось неумение поддерживать постоянный контакт с самым важным агентом КГБ в английской системе радиоспионажа со времен Кернкрасса.

В 1982 году Прайма приговорили к 33 годам тюрьмы за шпионаж и еще к 3 годам — за растление малолетних. Эти 2 тюремных срока он по приговору суда должен был отбыть последовательно. Сам Прайм во всем винил свое, по его словам, «не в меру идеалистическое представление о русском коммунизме, которое наложилось на глубокие внутренние психологические проблемы».

Еще до разоблачения Прайма руководство АНБ неоднократно указывало коллегам из ЦПС на необходимость введения испытания на полиграфе в систему проверки персонала. После ознакомления с результатами проведенного расследования по делу Прайма правительство Англии в апреле 1984 года приняло, наконец, запоздалое решение о применении полиграфа в спецслужбах страны. В первую очередь подвергнуться тесту на «детекторе лжи» предстояло служащим ЦПС.

«Наш шпионский центр в Челтнеме»

Несмотря на то что в конце 70-х годов ЦПС превратился в скандально известное ведомство и что в прессе его стали называть «наш шпионский центр в Челтнеме», до 1982 года, когда Прайм был обвинен в работе на советскую разведку, английское правительство вообще отказывалось публично открыть истинное предназначение ЦПС. Дело в том, что все операции ЦПС не имели под собой законодательной основы. Поэтому секретность вокруг него поддерживалась исключительно с помощью жестких мер безопасности. Делалось все, чтобы о ЦПС не упоминалось в газетах. Не была допущена к демонстрации по телевидению фотография здания ЦПС в Челтнеме. Вместо нее зрителям показали пустой экран.

Однако такое положение дел не могло сохраняться долго. Начиная с осуждения Прайма в 1982 году, скандал стал следовать за скандалом. Любое незначительное событие приобретало характер сенсации, если оно было связано с ЦПС. В сентябре 1984 года на первые полосы газет попало сообщение о самоубийстве сотрудника ЦПС Стефана Дринкуотера, который задохнулся в целлофановом мешке. Далее последовала серия смертей других сотрудников ЦПС. Кто умер от естественных причин, кто покончил с собой. Английское правительство и руководство ЦПС отрицали какую-либо связь смертей своих подчиненных с нарушением ими режима секретности, но это нисколько не помогало избавиться от нездорового ажиотажа вокруг ЦПС.

А в 1984 году английским властям даже пришлось конфисковать книгу о ЦПС под названием «Благо со знаком минус». В ней бывший сотрудник ЦПС Джон Кейн изложил сведения о взаимоотношениях ЦПС и АНБ, особенно в том, что касалось фолклендского кризиса. Помощник государственного министра по иностранным делам Роуленде был вынужден выступить в палате общин английского парламента с признанием в том, что англичане читали дипломатическую шифрпереписку Аргентины в течение многих лет. Это признание помогло понять, почему правительство Англии всегда испытывало большие трудности при реконструкции в парламенте событий фолклендского кризиса. Оказалось, что большую часть информации оно получало благодаря содействию со стороны АНБ, активно шпионившего за Аргентиной, а заокеанский союзник Англии никоим образом не желал публичного разглашения тайн своей радиوشпионской деятельности.

Порядка внутри ЦПС не прибавили события, связанные с запретом деятельности в нем профсоюзов. В январе 1984 года этот запрет был снят. Сотрудникам ЦПС было разрешено вступить в профсоюз гражданских служащих. Тут же члены профсоюза из ЦПС объявили забастовку в поддержку требования повышения зарплаты, которое было выдвинуто профсоюзом гражданских служащих еще в 1979 году. Учитывая растущую напряженность в мире (события в Афганистане и Польше), было принято решение запретить профсоюз в ЦПС. Чтобы предотвратить недовольство, тем, кто оставался на своем рабочем месте, выплачивалась компенсация в тысячу фунтов за отлучение от профсоюза. Тем же, кто хотел во что бы то ни стало сохранить свое членство в профсоюзе, обещалось содействие при переводе на другую работу за пределами ЦПС.

Канадская трагедия

То, что было упомянуто выше, касается бесспорных, с точки зрения английской стороны, случаев шпионажа в ЦПС в пользу СССР. А как обстояли дела с «неявными» случаями?

Один из них связан с Лесли Беннетом, который занимал различные руководящие должности в ЦПС. Последней была должность начальника ближневосточного отдела центра. В 1954 году Беннет эмигрировал в Канаду, где возглавил советский отдел канадской службы государственной безопасности. В 60-е годы после провала ряда канадских шпионских операций против СССР за Беннетом была установлена слежка. За отсутствием прямых улик дело дошло до абсурда. Канадские «ищейки» из подразделения наружного наблюдения начали подозревать, что для связи с КГБ Беннет использовал голубиную почту. Поэтому они неоднократно следовали за ним от дома до

какой-нибудь рошчицы, где Беннет обычно доставал из багажника автомобиля проволочную сетку. Соглядатаи опасались приблизиться к Беннету настолько близко, чтобы можно было точно определить, кого же он выпускает из клетки, но предполагали худшее. На самом деле Беннет ловил в своем саду расплодившихся белок, и, будучи добрым по натуре человеком, потом отпускал их в лесу на волю.

Тогда неутомимые охотники за советскими агентами в Канаде решили поймать Беннета в собственные сети. Ему были сообщены ложные сведения о том, что в Монреаль должен прилететь советский перебежчик. Тогда, если бы в аэропорту появились сотрудники КГБ, чтобы проследить за перебежчиком, из этого следовало бы, что информацию они получили из рук Беннета. Однако все испортила снежная буря, которая не на шутку разыгралась в Монреале. Сквозь метель было невозможно разобрать, явился ли кто-нибудь из КГБ на место встречи в аэропорт или нет.

В 1972 году Беннет был подвергнут тяжелейшему допросу, но так ни в чем и не признался. И хотя Беннет прошел проверку на «детекторе лжи» и подтвердил под присягой, что никогда не был советским агентом, после многих лет работы он был уволен со службы и уехал жить в Австралию. До сих пор не ясно, был ли он разведчиком, сменившим место работы по заданию своего руководства в Москве, или невинной жертвой коварного заговора.

Случай с Беннетом был не характерен для английского шпионского сообщества. Данные о разоблачении иностранных агентов редко доводились до сведения публики. За всю историю ЦПС лишь однажды его сотрудника публично объявили агентом советской разведки.

Надо отдать должное ЦПС: свои секреты от посторонних глаз и ушей он всегда зорко охранял. Исключением из этого правила явилась разве что его неспособность своевременно разоблачить самого опасного агента в рядах своих сотрудников – Прайма, которого поймали исключительно из-за его сексуальных отклонений. Сюда же можно отнести и публикацию книги Найджела Уэста «ЦПС. Секретная беспроволочная война (1900–1986)», основным предметом которой стала история радиошпионажа в Англии, включая летопись славных деяний ЦПС.

В начале 80-х годов снятие грифа секретности с архивных документов, имевших отношение к английскому радиошпионажу периода второй мировой войны, повлекло за собой обещание правительства сделать то же самое относительно архивов времен первой мировой. Однако открыть доступ к перехвату, накопленному в Англии между двумя мировыми войнами, оно наотрез отказалось. В результате в 80-е годы сложилась парадоксальная ситуация, когда содержание перехвата из французских дипломатических линий связи начала 20-х годов оказалось более секретным, чем из немецких начала 40-х. Официальное объяснение этой аномалии дал в 1983 году Роберт Армстронг, занимавший в то время пост секретаря правительственного кабинета. Он заявил, что правительство Англии считает любые документы о шпионской деятельности подотчетных ему спецслужб в мирных условиях более конфиденциальными, чем аналогичные данные о шпионаже против врага в ходе войны. И точка. Мол, всякие там неугомонные писаки, стремившиеся погреть руки на «жареных» фактах из истории английского радиошпионажа, могли бы перестать беспокоиться и без суеты дожидаться третьей мировой войны. Если они ее переживут, у них натдется о чем поведать оставшимся в живых людям,

ибо, судя по всему, именно линии эфирной и проводной связи должны были стать в ней местом решающих сражений за мировое господство.

НАШИ

Отыщи всему начало, и ты многое поймешь.
К.Прутков. «Сочинения»

НАЧАЛО

Первая мировая

История зарождения, становления и развития российской радиоразведки полна белых пятен. Закрытые секретные архивы еще ждут пытливых исследователей. Пока же широкое освещение в средствах массовой информации получило очень и очень немногое.

Известно, что на протяжении всего довоенного периода правления царя Николая II Россия занимала вместе с Францией лидирующее положение в мире в области перехвата и чтения дипломатической шифрпереписки. Англия, Германия, США и большинство иных, менее влиятельных государств вплоть до первой мировой войны вообще не имели дешифровальной службы, подобной российской, а Австро-Венгрия в основном занималась перехватом военной корреспонденции сопредельных держав.

К числу удачных операций, проведенных в интересах российской радиоразведки в мирное время, можно отнести похищение кодовой книги, которую американский посол в Румынии держал под матрацем своей постели. Вообще-то код должен был храниться в сейфе посольства США в Бухаресте. Однако умение обращаться с секретным замком сейфа не было сильной стороной посла, и он вскоре счел для себя более удобным сменить место хранения кода. После обнаружения пропажи посол нашел довольно остроумный выход из создавшегося положения. Его шифрпереписка была относительно небольшой. Когда у него набиралось с поддюжины шифртелеграмм, он садился в поезд и ехал к американскому послу в Вене. В ходе беседы незадачливый гость из Бухареста как бы между прочим говорил, что перед самым отъездом ему принесли несколько шифртелеграмм, которые он не успел расшифровать. Не одолжит ли коллега свой код? В то старое доброе время одинаковые кодовые книги высылались почти всем дипломатическим миссиям Соединенных Штатов. Заполучив кодовую книгу, посол расшифровывал свои телеграммы, составлял и зашифровывал ответы, возвращался в Бухарест и с соответствующими интервалами отправлял оттуда эти ответы в США. В течение некоторого времени все шло гладко. Тайна пропажи кода оставалась нераскрытой до тех пор, пока не началась первая мировая война. Шифртелеграммы из Вашингтона пошли сплошным потоком, и поездки в Вену уже не могли выручить посла. Он признался в своем прегрешении и был спешно отозван из Румынии на родину.

После вступления России в первую мировую войну поток перехваченной дипломатической переписки противника резко сократился, что объяснялось в первую очередь снижением числа передаваемых по радио сообщений, которыми Австро-Венгрия и Германия обменивались со своими миссиями за рубежом. Кроме того, негативную роль сыграли недостаточная техническая оснащенность российских подразделений перехвата и частая смена шифров противником из-за боязни их слишком скорой компрометации в условиях военного времени.

С началом войны в военном министерстве России были организованы дешифровальные отделения при всех штабах армии и флота. Опыт первых же военных действий убедил командование российских войск в необходимости создания станций перехвата, оснащения их соответствующим оборудованием и укомплектования радистами и криптоаналитиками. Наиболее интенсивно эта работа развернулась на Балтике. Уже в августе 1914 года на Балтийском побережье было создано несколько перехватывающих станций. Однако систематизация и обработка перехвата были в ведении районных центральных станций, где перехваченные шифровки, как правило, залеживались и вовремя не обрабатывались из-за нехватки квалифицированного персонала.

Свою дешифровальную службу имел и департамент полиции (ДП) России, главный орган политического сыска. Шифрперехват начал поступать в ДП с фронта уже в августе 1914 года. 25 августа пришла депеша от военного губернатора Архангельска. В ней сообщалось, что там был задержан немецкий пароход, имевший радиотелеграфную станцию, причем в каюте радиста обнаружена шифртеле-грамма. Последняя и была вместе с депешей направлена в ДП для дешифрования. Лишь через полгода Архангельск дождался ответа из ДП: «Эксперт пришел к заключению, что означенная телеграмма составлена на условном языке (зашифрована) и без ключа не может быть прочтена — переведена».

Из других заслуживающих внимания событий в истории нашей радиоразведки в первую мировую войну можно упомянуть захват российскими моряками кодовой книги с немецкого крейсера «Магдебург» в августе 1914 года и организацию школы перехвата в городе Николаеве в середине 1916 года. Однако все попытки встать вровень с другими воюющими державами в области ведения радиоперехвата были предприняты Россией слишком поздно, чтобы эти нововведения смогли оказать сколько-нибудь существенное влияние на ход военных действий.

Белогвардейская радиоразведка

В первые годы своего существования советское государство располагало лишь тем арсеналом технических средств и профессиональных кадров, которые остались от царской радиоразведки. А осталось от нее у большевиков крайне мало: многие из станций перехвата, их материальная база и кадры полностью или частично оказались в руках белогвардейцев. В условиях же начавшейся гражданской войны уделить необходимое внимание созданию собственных радиоразведывательных органов было практически невозможно. Поэтому неудивительно, что в Советской России крайне плохо обстояло дело с дешифрованием иностранной дипломатической переписки, а мало-мальски

организованная дешифровальная служба в Красной Армии отсутствовала напрочь.

В отличие от большевиков, белогвардейцы использовали радиоразведку очень активно и не без успеха. Временами только радиоразведка поставляла командованию Белой армии надежные сведения о положении в том или ином регионе России. Об этом свидетельствует, например, телеграмма, которая 5 апреля 1919 г. была отправлена русскому посланнику в Греции адмиралом Колчаком, в 1918 году захватившим власть в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке. В ней говорилось: «Давно не имеем от Вас сведений о положении дел на юге России. Последние сведения относятся к середине февраля. Единственным источником информации нам служат перехватываемые большевистские радио».

Белые прежде всего проявляли существенный интерес к радиоразведывательной информации политического характера. Такая информация ими скрупулезно собиралась и использовалась для принятия соответствующих решений. По ней регулярно составлялись аналитические отчеты и обзоры. Очень тщательно белогвардейская радиоразведка следила за дипломатической перепиской. Так, перехватывались и дешифрировались сообщения, связанные с переговорами о заключении Брестского мира, которые активно вели советское государство и его делегации. Благодаря радиоперехвату, руководители белого движения могли контролировать планировавшиеся Красной Армией операции на Восточном и Туркестанском фронтах, следить за связью командования этих фронтов с Москвой.

Спецотдел

В начале 20-х годов укрепление советской власти позволило правительству серьезно заняться вопросом восстановления российской криптографической службы, полностью разрушившейся после революционных событий 1917 года. Известна запись Ленина, относящаяся к 1922 году: «Сообщают об английском изобретении в области радиотелеграфии, передающем радиотелеграммы тайно. Если бы удалось купить это изобретение, то радиотелеграфная и радиотелефонная связь получили бы еще более громадное значение для военного дела».

Одновременно с работой по совершенствованию своих шифров Советский Союз начал активно заниматься прикладным криптоанализом. Наиболее ярко этот интерес советского государства к шифрсистемам других стран проявился в нелегальной работе Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК), созданной в 1918 году. В ее функции изначально вошел контроль за иностранной перепиской. Уже в первой половине 20-х годов в Москве находились посольства и торговые миссии Англии, Афганистана, Германии, Ирана, Италии, Польши, Турции и прибалтийских государств. Копии шифртелеграмм, которые сотрудники этих посольств и миссий отправляли с московского телеграфа, неизменно доставлялись в ВЧК. Часть дипломатической шифрпереписки, а также шифрованных радиogramм Белой армии перехватывалась на подмосковной военной радиостанции и на Шаболовской радиостанции в Москве.

Перехваченные шифрсообщения направлялись в ВЧК, где предпринимались попытки их дешифровать. Там 5 мая 1921 г. постановлением советского правительства была создана криптографическая служба – Специальный отдел. Ввиду особого значения Спецотдела, а также в связи с тем, что его начальник имел очень большое влияние в партийных верхах, это подразделение фактически не подчинялось руководству органов госбезопасности, а находилось в ведении партии. В результате, несмотря на все многочисленные довоенные реорганизации этих органов, Спецотдел всегда оставался вне ведомственных рамок, то есть пользовался автономией. Сотрудники других чекистских подразделений относились к Спецотделу скептически, так как «там никого не арестовывали и не допрашивали».

В связи с организацией Спецотдела 25 августа 1921 г. в ВЧК был издан приказ, который предписывал всем подразделениям в центре и на местах всякого рода шифры, ключи к ним и шифровки, обнаруженные при обысках и арестах, а также добытые через агентуру или случайно, направлять в Спецотдел.

Работа Спецотдела началась с детального изучения архивов дешифровальных служб дореволюционной России, в которых сохранились шифры вместе с подробными руководствами по их использованию, описания методов дешифрования и материалы перехвата. Среди архивных документов были, в частности, копии и подлинники шифров Болгарии, Германии, Китая, США и Японии, отчеты о работе по их вскрытию, различные учебные пособия. Сотрудники Спецотдела тщательно изучали эти материалы, сознавая всю важность такой работы. Большую роль в этот период сыграли знания и опыт криптографов со стажем. С их активным участием при Спецотделе были организованы полугодовые курсы, на которых изучались основы криптографии, решались учебные задачи по дешифрованию. На курсы набирали людей способных и образованных. Первый выпуск курсов состоял из 14 человек, почти половина из которых пришла на работу в дешифровальную секцию Спецотдела, остальные дополнили собой другие его подразделения.

К трудностям первых лет функционирования Спецотдела, связанным с относительно невысокой общей подготовленностью его сотрудников и малочисленностью личного состава, прибавились сложности, вызванные недостатком и низким качеством материалов для дешифрования. Несовершенство радиоприемной аппаратуры, ее нехватка и сильная изношенность не могли обеспечить высокой достоверности текста перехватываемых шифровок. Перед руководством Спецотдела встала задача организации и налаживания работы всех звеньев дешифровальной службы, включая добычу шифрматериалов и техническое оснащение станций перехвата.

Несмотря на испытываемые трудности, с первых месяцев своего существования Спецотдел начал успешно проводить работу по вскрытию иностранных шифров. Первый успех был достигнут при «разработке» немецкого дипломатического кода, которым пользовался полномочный представитель германского правительства в Москве. Начиная с июня 1921 года вся шифрпереписка на линии связи Москва – Берлин дешифровалась в Спецотделе. В августе того же года было осуществлено дешифрование турецких дипломатических телеграмм. Практические результаты по вскрытию польских шифров были достигнуты в 1924 году, через три года началось чтение японской шифрпереписки, а еще через три – американской.

В конце 20-х годов сотрудники Спецотдела приняли активное участие в организации дешифровальной работы в Красной Армии. Итогом этих усилий стало создание в начале 30-х годов объединенного подразделения радиоразведки ОГПУ и 4-го управления Генштаба Красной Армии в рамках Спецотдела.

С 1921-годо 1937 года начальником Спецотдела был Глеб Иванович Бокий. Родился Бокий в 1879 году в семье украинского учителя. Член партии с 1900 года, участник революций 1905 и 1917 годов, он 12 раз отбывал срок в царских тюрьмах и дважды ссылался в Сибирь. В 1896 году Бокий поступил в Горный институт в Санкт-Петербурге. Из-за многочисленных арестов и ссылок диплом об окончании института Бокий так и не получил, закончив лишь четыре курса этого учебного заведения. Однако высокий уровень преподавания предметов в Горном институте, особенно математики и физики, позволил ему получить несомненно глубокие знания. Кроме того, являясь в течение 20 лет одним из руководителей революционного подполья Петербурга, Бокий приобрел огромный опыт организаторской работы, сплотил вокруг себя группу надежных и грамотных людей.

На работу в ВЧК Бокий пришел по личному приглашению его первого председателя Дзержинского. В конце августа 1919 года по распоряжению Дзержинского Бокий возглавил ЧК в Петрограде вместо убитого М.С. Урицкого.

Различные источники дают разную характеристику этому человеку. Некоторые из них рисуют Бокия как мрачную и раздираемую порочными страстями фигуру. Другие, не отрицая, что у Бокия были свои слабости и недостатки, делают упор на его честности и прямоте, которые привели к тому, что Бокий был в оппозиции к Сталину уже в середине 20-х годов и оказался в числе первых жертв репрессий в органах госбезопасности.

Спецотдел занимался как вопросами шифрования, так и вопросами дешифрования. В 1933 году шифровальщики работали в большой комнате на четвертом этаже здания на Лубянке, в котором размещалось ОШУ. Дешифровальщики занимали верхний этаж бывшего здания Наркомата иностранных дел на углу улиц Большая Лубянка и Кузнецкий мост. Тот факт, что нижние этажи здания посещались частными лицами, использовался для маскировки расположения Спецотдела. В 1935 году как шифровальщики, так и дешифровальщики переехали в новое здание НКВД на улице Большая Лубянка, переименованной к тому времени в улицу Дзержинского.

Личный состав Спецотдела проходил по гласному и негласному штату. К последнему относились криптографы и переводчики, для которых в Спецотделе были установлены должности «эксперт» и «переводчик». Гласный состав был представлен секретарями, курьерами и машинистками. В 1933 году в Спецотделе по гласному штату числилось 100 человек, а по негласному — 89.

В 30-е годы Спецотдел стал одним из крупнейших технически оснащенных органов радиоразведки в мире. Он активно взаимодействовал с ОГПУ и 4-м управлением Генштаба, которые, следуя призеру царской охраны, сделали приобретение шифрматериалов одним из основных своих приоритетов.

Дешифровальная секция Спецотдела была разбита на отделения по географическому и языковому принципу — китайское, англо-американское и другие. Работала она весьма успешно. Об этом говорит тот факт, что ее

сотрудников часто отмечали в ОГПУ как передовиков социалистического соревнования.

В дешифровальной секции выделялись Иван Калинин, который время от времени появлялся у дешифровальщиков, чтобы их проконсультировать, и старый, но полный сил профессор Шунгский, служивший еще в царской армии и являвшийся главным специалистом японского отделения по языковым вопросам. Кроме них в Спецотделе работало множество интересных и неординарных людей. Был немец с бородой почти до пола. Была женщина, которая настолько любила все японское, что дома облачалась в кимоно. Профсоюзной ячейкой в Спецотделе руководил бывший дешифровальщик ДП, прочитавший когда-то до революции шифрованную переписку Ленина. Была дочь профессора-япониста, которого в 30-е годы арестовали по обвинению в том, что он в течение многих лет являлся резидентом японской шпионской сети в Москве. Среди личного состава дешифровальной секции Спецотдела было много русских аристократов, в том числе бывших графов и баронов. Это вопиющее противоречие с общим отношением к «бывшим» в то время объяснялось острой нехваткой лингвистов, необходимых для дешифровальных работ. А профессия дешифровальщика являлась настолько редкой, что даже когда их сажали в тюрьму, то и там привлекали к работе по специальности. Например, Владимир Кривош-Неманич когда-то занимал достаточно высокий пост в дешифровальной службе ДП. В советское время он как сотрудник ненавистной царской охраны неоднократно арестовывался. Но и находясь в заключении в Бутырской тюрьме, выполнял задания Спецотдела: начальник одного из отделений дешифровальной секции приносил ему работу «на дом», в камеру. (По крайней мере, проблем, связанных с обеспечением режима секретности, с заключенными-криптоаналитиками не возникало.) Но в отношении остальных эти проблемы всегда стояли остро. Сотрудникам Спецотдела запрещалось говорить о том, в каком учреждении они работают и где оно находится. Им не разрешалось даже посещать рестораны, ибо там их разговоры могли быть подслушаны иностранными шпионами.

До революции Кривош-Неманича неоднократно направляли в заграничные командировки с заданиями по сбору сведений о работе криптографических служб других государств. Приезжая из таких командировок, он составлял справки для своего руководства, делал специальные доклады, вносил предложения по совершенствованию работы дешифровальной службы ДП. Далеко не все его наблюдения использовались, советы и рекомендации принимались. Бокий же не только внимательно анализировал все сведения, которые ему сообщал Кривош-Неманич, но и стремился использовать их на практике. Так, несомненно полезным Бокий счел опыт французских дешифровальных служб, которые стремились добывать нужную для себя информацию различными путями. Ее источниками служили копии всех телеграмм, которые получали или отправляли посольства зарубежных стран, другая дипломатическая корреспонденция, а также сведения, которые можно было добыть путем подкупа или шантажа служащих посольств. Часто одни и те же данные поступали по разным каналам — в виде порванного черновика, шифрованной телеграммы или подслушанного разговора. Этот способ многоканального получения материалов Бокий немедленно взял на вооружение.

В предвоенный период в Спецотделе нередко практиковалось формирование особых оперативных групп для выполнения ответственных заданий. Эти группы составлялись из числа опытных криптоаналитиков и направлялись в районы ведения боевых действий. А таких мест в 30-е годы было немало.

В 1936 году несколько криптоаналитиков Спецотдела вместе с подразделением перехвата на пароходе отправились в Испанию, где по прибытии сразу начали работу в составе Генштаба республиканской армии. В первую очередь был организован перехват переписки мятежников-франкистов и

итальянского корпуса, прибывшего им на выручку. Вначале было трудно: незнание языка и особенностей переписки привели к тому, что первые успехи дешифровальщиков были очень скромными. Но постепенно дело пошло на лад, и республиканское военное командование вместе с советскими военными советниками стали получать все больше ценной информации.

Криптоаналитикам особой оперативной группы в Испании помогали их коллеги в Москве. Например, ими была дешифрована телеграмма франкистов, в которой сообщалось, что из Марселя в Барселону должно было выйти судно с подкреплением для республиканцев. Телеграмма содержала приказ потопить судно, под каким бы флагом оно ни шло. Об этом из Москвы было немедленно сообщено в Марсель еще до отплытия судна, на борту которого находилось много советских летчиков, танкистов и бойцов интернациональных бригад, спешивших на помощь испанским республиканцам. Благодаря своевременному предупреждению они были спасены. Кроме войсковой шифрпереписки особая оперативная группа читала сообщения агентурной сети франкистов, которая вела тщательное наблюдение за прибытием кораблей в порты республиканской Испании.

Другая особая оперативная группа из числа сотрудников Спецотдела была направлена в Китай для оказания ему помощи в войне против Японии. Ежемесячно этой группе удавалось дешифровать около 200 японских шифр-телеграмм, а всего за 1,5 года работы в Китае ею было вскрыто 10 войсковых шифров Японии.

Волна репрессий не обошла советскую радиоразведку, как, впрочем, и все другие службы НКВД. Более 40 советских криптографов стали ее жертвами. В конце 1937 года Бокий и его заместитель П.Х.Харкевич были расстреляны. Недолго проработал на своем посту и преемник Бо-кия: его арестовали через месяц. Однако на более низком уровне криптоаналитики не так пострадали от репрессий, как сотрудники агентурной разведки. С.Толстой, возглавлявший японское отделение дешифровальной секции Спецотдела, пожалуй, наиболее эффективное в ней, работал в этой должности и в период репрессий, и во время второй мировой войны. Успехи Толстого были отмечены выше достижений любого другого советского криптоаналитика времен войны – его наградили двумя орденами Ленина.

Красная Армия в 20-е и 30-е годы не имела таких традиций и сил, чтобы ее успехи могли сравниться с достижениями чекистов в области криптоанализа. Введение группы военной радиоразведки в состав Спецотдела в 1933 году доказывает, что она занимала подчиненное по отношению к нему положение. Во всяком случае, известно о ее истории значительно меньше, чем о Спецотделе. Возможно, это объясняется тем, что каждый вид Вооруженных Сил СССР вел работы по дешифрованию переписки только соответствующего ему вида вооруженных сил других государств. Например, дешифровальщики Красной Армии работали против сухопутных войск Англии, Германии, США, Японии и других стран. Аналогичным образом действовали ВМФ и ВВС Советского Союза.

Советские военные криптографы учились своей профессии в ряде учебных заведений. Например, курс обучения шифровальному делу в электроминной школе ВМФ в Кронштадте включал и криптоанализ. В Военно-инженерной академии имени Куйбышева заместителем ее начальника (правда, не по криптографической, а по политической части) был бывший опытный

шифровальщик Масленников по прозвищу Криптус. Он являлся хорошим знатоком шифровального дела и слыл отличным преподавателем криптографии.

В 1938 году, когда Берия возглавил НКВД, объединенное подразделение радиоразведки НКВД и 4-го управления в рамках Спецотдела было расформировано. Криптоанализ военных шифрсообщений перешел в ведение военной разведки, для этой цели в феврале 1941 года 4-е управление Генштаба, сменившее название на Главное разведывательное управление (ГРУ), создало собственную полноценную спецслужбу. А дешифровальная секция Спецотдела вошла в состав одного из управлений НКВД.

Не дворянин и даже не мещанин

В 20-е годы китайское посольство стало первым зарубежным дипломатическим представительством в Москве, которое подверглось «криптографическому ограблению». А началось все с того, что китайский посол предложил привлечь к участию в подготовке торгового договора между Россией и Китаем в качестве эксперта по межгосударственным связям Петра Леонидовича Попова. Выбор посла пал на Попова отнюдь не случайно: это был человек поразительной судьбы.

В 1910 году Петру Попову, судовому механику с корабля, охранявшего российские рыбные и пушные промыслы в районе Камчатки, было разрешено отбыть в столицу для сдачи экзаменов в инженерно-кораблестроительное училище. По конкурсу он прошел третьим, но директор училища на заявлении Попова написал: «Зачислен быть не может, так как не дворянин и даже не мещанин». Вернувшись во Владивосток, Петр вместо морских дозоров ушел в коммерцию. После начала первой мировой войны Попов был мобилизован на службу в Амурской речной флотилии. В июле 1917 года он уехал в Маньчжурию, где, опираясь на прежние свои коммерческие связи, возглавил Харбинское отделение Китайско-Восточной железной дороги.

После революции путь из Маньчжурии за границу, частью которого являлась КВЖД, оказался блокирован. Для переговоров с большевиками из Владивостокского Совета народных депутатов, в ведении которого находились причалы бухты Золотой Рог, где застряли грузы из Маньчжурии, предназначавшиеся для вывоза за границу, отправилась делегация маньчжурских деловых кругов. Китайская сторона пригласила в свою делегацию Попова. Переговоры завершились успешно, а сам Попов с письменными гарантиями беспрепятственной отправки грузов, пришедших во Владивосток из Маньчжурии, вернулся в Харбин. Понятно, что его авторитет в Маньчжурии заметно возрос. С талантливый русским предпринимателем в деловом мире на КВЖД считались все больше и больше. Однако мало кто знал, что именно в это время Попов установил связь с большевистским подпольем и стал профессиональным разведчиком. На его счету — несколько удачных операций по нелегальной отправке очень нужных грузов из Маньчжурии в Советское Забайкалье, в том числе запчастей к подвижному железнодорожному составу на сумму более 10 млн. рублей золотом.

В октябре 1922 года гражданская война на Дальнем Востоке закончилась. Вскоре Попову как общепризнанному эксперту по торговым взаимоотношениям с Россией предложили войти в американскую делегацию, направлявшуюся в Читу на переговоры с правительством Дальневосточной республики. После

предварительных встреч в Чите переговоры были продолжены в Москве. Так, Петр Попов, член американской торговой делегации и советский разведчик, оказался в Москве, где его и пригласили участвовать в советско-китайских переговорах. Петр Леонидович согласился. В результате перед ним открылся свободный доступ в китайское посольство.

Ознакомившись с обстановкой, Попов решил сделать слепки ключей от сейфа, в котором хранились посольские шифры. Операция была продумана до мельчайших деталей и рассчитана по секундам. В назначенный день он отключил отопительные батареи в здании посольства. Хозяева собрались было вызвать слесаря, но Попов, как раз зашедший к послу по каким-то делам, заметил, что разбирается в отопительных системах и может помочь. Ему дали «добро» на обход всех помещений посольства. К этому времени Попов уже знал, что по утрам ключи от нужного ему сейфа обычно лежат на ночном столике в комнате шифровальщика.

Именно с этого помещения начал Попов свой обход ранним утром следующего дня, якобы проверяя отопление. Шифровальщик впустил его в гостиную, а сам, извинившись, продолжил утренний туалет, не закрывая за собой дверей. Дождавшись, пока шифровальщик намылил лицо для бритья, Попов быстро прошел из гостиной в его комнату, взял со столика ключи от сейфа и, отвернувшись к батарее центрального отопления, сделал с них слепок. Затем Попов вернул ключи на место и вышел. Реакция на пережитую опасность у него наступила через минуту. Ему показалось, что в его теле удвоилось количество энергии и, если не дать ей выхода, оно взорвется. Петр Леонидович вышел в одном костюме во двор и при 20-градусном морозе простоял несколько минут, совершенно не чувствуя холода. О том, какое применение нашли сделанные Поповым слепки с ключей от сейфа в китайском посольстве, история советской радиоразведки умалчивает.

Шапочка

В начале 20-х годов у ШУ появилась возможность завербовать афганского консула в Ташкенте. Секретная агентура, производившая предварительную обработку консула с целью вербовки, окрестила его кличкой Шапочка, поскольку афганец носил в сочетании с европейским костюмом черную барашковую шапку даже в помещении.

Афганский консул представлял большой интерес для ГПУ по многим причинам. Во-первых, ташкентское консульство Афганистана было в курсе всей политики этой страны в Туркестане. Во-вторых, афганцы являлись проводниками политической линии Англии в данном регионе. В-третьих, к голосу консула прислушивались в Кабуле при принятии важных политических решений, касавшихся Туркестана.

Афганский консул согласился информировать о недружелюбных по отношению к советскому государству распоряжениях своего правительства, которые становились ему известны по долгу службы. Он предложил доступ к секретной переписке консульства, а также ключ к шифру между ним и Кабулом в обмен на право убежища в случае своего отказа вернуться на родину плюс 10 тыс. рублей золотом. Деликатный вопрос о политическом убежище, как и вопрос об огромной сумме, требовал согласования с ЦК партии и Наркоминделом. Партийное руководство разрешило отпустить на все только тысячу рублей, а

советское дипломатическое ведомство назвало предложение Шапочки авантюрой, которая может начисто испортить отношения с правительством в Кабуле.

Поэтому в ГПУ приняли решение использовать другой, более надежный путь к секретным документам афганского консульства. Там знали, что проникнуть в здание консульства – дело нетрудное, так как оно было малообитаемым, и что консульские документы хранились в нестораемом шкафу, ключ от которого консул всегда носил у себя на шее на цепочке. Этот ключ надо было попытаться незаметно выкрасть, проникнуть с ним в безлюдное здание консульства, извлечь документы из шкафа, сфотографировать и положить на место. А потом незаметно вернуть ключ хозяину.

Операция прошла без сучка и задоринки. Пожилой секретарь консульства редко бывал на работе, а все свободное время проводил на квартире у одной русской женщины. Эта женщина была вызвана в ГПУ, где ей велели сделать так, чтобы ближайшим вечером ее приятель-иностранец остался у нее. В тот же день в одной роскошной квартире, переданной в распоряжение ГПУ, за прекрасно сервированным столом состоялась вечеринка, в которой охотно принял участие и афганский консул. Около полуночи ослобившему от выпитого вина консулу еще подсыпали в бокал снотворное. Минут через 10 в руках у чекистов был заветный ключ, который они к 5 часам утра водворили на место, сделав фотокопии консульского шифра и секретных циркуляров, хранившихся в сейфе. А в 10 утра добытый шифр уже был пущен в дело, чтобы дешифровать собранные заранее копии афганских шифр-телеграмм.

Десятилетие спустя сделать слепки с ключей в посольстве Афганистана в Москве поручили работавшей там экономкой и няней Е.Я.Шевцовой. Требование выполнить задание было подкреплено угрозами расправы в случае отказа и обещаниями пристроить ее больного сына на лечение в ведомственную поликлинику. Видимо, политика кнута и пряника возымела действие, так как вскоре Шевцова была с повышением переведена на работу в посольство Италии. Женщина жила в постоянном страхе и однажды обо всем рассказала своей сестре, которую это очень встревожило, ибо могло помешать удачно складывавшейся военной карьере ее сына – Олега Владимировича Пеньковского.

Агент вошел случайно

В начале 30-х годов успех в работе по вскрытию английских дипломатических шифров и первое внедрение ОГПУ в Форин офис стали результатом явления, получившего в практике агентурной разведки название «случайно вошедший». В 1929 году Эрнест Холлоуэй Олдхам, шифровальщик управления связи министерства иностранных дел Англии, находившийся в тот момент в Париже с английской торговой делегацией, пришел в советское посольство, назвалсся Скоттом и попросил, чтобы его принял военный атташе. Вместо этого он был принят офицером ОГПУ Владимиром Войновичем, представившимся как майор Владимир. Олдхам заявил, что работает в Форин офис и принес с собой английский дипломатический шифр, который и предлагает купить у него за 2 тыс. долларов США. Войнович взял шифр и исчез с ним в соседней комнате, где шифр сфотографировали. Подозревая

провокацию, Войнович вернулся к ожидавшему его Олдхаму, разыграл возмущение, и, обвинив в мошенничестве, выгнал из посольства.

В Москве советские криптоаналитики убедились в достоверности шифра, принесенного Олдхамом. Центр сделал строгий выговор Войновичу за то, что тот не заплатил Скотту денег и не установил с ним связь. Войнович получил из Центра 2 тыс. долларов и приказ потратить их на восстановление контакта со Скоттом. К стыду Войновича, чекист, проследивший по его поручению за Олдхамом, когда тот возвращался домой из советского посольства, записал неверный адрес и не смог вспомнить место проживания Скотта. Потребовались долгие усилия Ганса Галлени, нелегала ОГПУ в Голландии, прежде чем Олдхама нашли в Лондоне в 1930 году. Галлени остановил Олдхама по пути с работы домой, назвал по имени и обратился с короткой, заранее заготовленной речью: «Я сожалею, что мы не встретились в Париже. Я знаю о серьезной ошибке, совершенной майором Владимиром. Он отстранен от работы и наказан. Я пришел, чтобы отдать вам то, что по праву вам принадлежит». С этими словами Галлени сунул в руку Олдхаму конверт, пересек дорогу и исчез в толпе служащих. Прохожие, видевшие, как Олдхам схватился за грудь и как у него подогнулись колени, пришли к нему на помощь. Олдхам смущенно пробормотал слова благодарности и пошел домой. Открыв дома конверт, он обнаружил в нем 2 тыс. долларов и инструкции по вступлению в дальнейшие контакты с Галлени. Олдхам отправился на следующее randevu с намерением отказаться от работы на Галлени. Однако тому удалось уговорить Олдхама снова взять деньги и предоставить новую информацию о шифрах и режиме безопасности Форин офис, а также о его коллегах по управлению связи. Хотя Галлени старался поощрять Олдхама, приглашая его с женой в дорогие рестораны, напряжение двойной жизни оказалось непомерным. В сентябре 1933 года Олдхам был найден в бессознательном состоянии на полу в кухне своего дома и срочно доставлен в больницу. Но туда его привезли уже мертвым. Расследование показало, что Олдхам, находясь в возбужденном психическом состоянии, покончил жизнь самоубийством, отравившись газом.

ОГПУ воспользовался предоставленной Олдхамом информацией о сотрудниках управления связи Форин офис дня нового вербовочного рейда. Два нелегала ОГПУ были направлены в Женеву, где несколько коллег Олдхама работали шифровальщиками в составе английской миссии в Лиге наций. Один из нелегалов, бывший русский моряк, живший одно время в Соединенных Штатах, оказался настолько неумелым, что члены миссии очень скоро заподозрили его в работе на советскую разведку. Второй, Генри Кристиан Пик, преуспевающий и общительный голландский художник, в разное время работал на Ганса Гадлени и других зарубежных резидентов ОГПУ. Под их руководством и с помощью своего обаяния Пик стал весьма популярной фигурой среди широкого круга английских чиновников и журналистов в Женеве. Он пригласил нескольких шифровальщиков к себе в гости в Гаагу, где оказал им роскошный прием и одолжил денег.

Пик отобрал как наиболее подходящую для вербовки кандидатуру капитана Джона Герберта Кинга, поступившего на работу в управление связи Форин офис в качестве временного сотрудника в 1934 году (должность временного сотрудника не давала ее владельцу права на пенсию). Он ушел от жены и жил с любовницей-американкой. Кингу явно не хватало его скромного заработка. Пик с большим терпением и мастерством развивал свое знакомство с Кингом. Однажды он пригласил Кинга и его возлюбленную отдохнуть в Испании, где они останавливались в лучших гостиницах и развлекались, не стесняясь в

средствах. Госпожа Пик позднее отзывалась об этой поездке как о настоящем испытании, а о Кинге и его спутнице – как о невероятно скучных людях. Пик не предпринимал попыток завербовать Кинга в Женеве, а дождался, пока тот вернулся в Англию в 1935 году, и навестил его в Лондоне. Даже здесь Пик скрыл свою связь с НКВД. Вместо этого он сказал Кингу, что голландский банкир, чрезвычайно заинтересованный в секретной информации о международных отношениях, заплатит им обоим массу денег, если Кинг будет такую информацию предоставлять. Кинг ответил согласием.

Для того чтобы оправдать свое пребывание в Лондоне, Пик предложил специалисту по интерьеру магазинов англичанину Конраду Парланти, с которым он встретился в компании английских шифровальщиков, организовать фирму по художественному оформлению торговых помещений. Деньги обещал достать сам Пик. Парланти согласился, и партнеры заняли дом на Букингем-Гейт в Лондоне. На этаже, который занимал Пик, имелась закрывавшаяся на замок комната, где Пик фотографировал документы, поставляемые Кингом. Некоторые из документов оказались настолько важными, что были показаны самому Сталину. В их число входили открытые тексты шифротелеграмм, отправленных английским посольством в Берлине по результатам встреч с Гитлером и другими руководителями германского государства.

2 сентября 1939 г. Вальтер Германович Кривицкий, бывший резидент НКВД в Голландии, 5 месяцами ранее ставший предателем и нашедший себе убежище в США, обратился в английское посольство в Вашингтоне с предостережением. Кривицкий долгое время проработал в тесном контакте с теми, кто вербовал и потом «вел» Кинга. В Форин офис предупреждение перебежчика поначалу было с презрением проигнорировано. Однако после 2 дней размышлений над полученной от Кривицкого наводкой на советского агента по кличке Король в дипломатической службе Англии пришли к выводу, что утечка важной информации из Форин офис, имевшая место последние 4 года, и в самом деле являлась результатом злонамеренных действий кого-то в управлении связи этого ведомства. Вскоре Кинг был изобличен, арестован и приговорен к 10 годам тюремного заключения. Сведения о деле Кинга были преданы гласности только в 1956 году в США на слушаниях в сенате по поводу обстоятельств нападения Японии на американскую военно-морскую базу на острове Перл-Харбор.

Любовь и шифры

Подарки, подобные Олдхаму, судьба преподносила советской радиоразведке редко. Значительно чаще возможный источник ценнейших данных о шифрах зарубежной страны приходилось «разрабатывать» годами, играя на тщеславии, корыстолюбии или любовной привязанности, прежде чем сделать конкретное предложение о сотрудничестве. Примером такой кропотливой работы советской разведки стало задание, к выполнению которого в 1927 году приступил советский разведчик Дмитрий Александрович Быстролетов.

Родился он в Крыму 17 января 1901 г. Будучи незаконнорожденным сыном графа Александра Николаевича Толстого, он унаследовал свою фамилию от матери-учительницы, дочери сельского священника. Воспитала она своего единственного сына атеистом, так как была близка по воззрениям к либералам, даже ездила на север для передачи денег ссыльным. Хотя у Димы

не было настоящей революционной закалки, ничто накрепко не связывало его со старым миром — с царизмом, религией, частной собственностью. В революционных событиях 1917 года мать Димы не участвовала, но советскую власть в своем городе встретила без оппозиционных настроений. Диме тогда было 16 лет, политика его не интересовала, он увлекался морем и после окончания мореходной школы в Анапе в 1918 году стал вольноопределяющимся матросом, через год попал в Турцию с последним белогвардейским судном, покинувшим Россию. В 1920 году Дима вернулся на родину в составе матросской команды парусника «Сергий». В 1921 году он вновь нелегально выехал в Турцию, где учился в русской гимназии. В 1922 году Быстролетов переехал в Прагу и как эмигрант воспользовался правом поступления в местный университет.

Патриотизм и юношеский романтизм привели Быстро-летова в 1925 году в советскую разведку. Начатое годом раньше сотрудничество с пражской резидентурой ОГПУ получило официальное признание: Дмитрий был зачислен на работу в оперативное разведывательное управление, а для легализации — устроен на одну из рядовых должностей в торговое представительство СССР. После усвоения соответствующих приемов и техники Быстролетову доверили вербовку агентуры в посольствах, работу по получению доступа к дипломатической переписке и по нахождению источников в зарубежных министерствах иностранных дел. Одновременно Быстролетов продолжал нести полную нагрузку на своей должности в торговом представительстве и за 5 лет прошел путь от простого регистратора бумаг до заведующего информационным отделом.

В 1930 году Быстролетов перешел на нелегальное положение, став сотрудником резидентуры в Европе и получив агентурную кличку Ганс. Он работал под видом иностранцев — от потомственного английского лорда до афериста с греческим паспортом, добывая с риском для жизни ценнейшие материалы, включая дипломатические шифры крупнейших капиталистических стран. Одним из самых плодотворных для Быстролетова стал 1930 год, когда он обосновался в Германии и наладил регулярное снабжение Центра шифрами трех европейских государств.

Тремя годами ранее Дмитрий получил задание, которое касалось графини Фьореллы Имперали, первой и единственной женщины-дипломата Италии. Красивая, умная, образованная, богатая. Попытки советской разведки найти к ней подходы потерпели полный крах: деньги графине были не нужны, легких любовных связей она не искала. Быстролетову было поручено испытать на ней новую тактику вербовки: использовав ее интерес к советским людям, и беседуя о русской культуре, сблизиться, а потом инсценировать любовь. Однако торопиться не следовало — грубой игрой можно было только испортить дело.

На задание отводилось в общей сложности три года. В течение двух Быстролетов должен был подготовить благодатную почву для своего предложения увезти графиню сначала в Москву, а затем в Вашингтон, куда его, якобы, отправляли в командировку на 10 лет вторым секретарем посольства СССР в США. Поскольку опытная Фьорелла вряд ли поверила бы своему любовнику на слово, были подготовлены необходимые документы о «новом назначении» Быстролетова. Соблазненная яркими картинами предстоящей светской жизни в двух столицах, графиня непременно должна

была пойти навстречу, когда ее возлюбленный вдруг печально объявил бы, что Москве нужно какое-нибудь пустячное доказательство перехода графини на нашу сторону. Так себе, сущая малость, пара расшифрованных телеграмм. Конечной же целью операции являлись шифры итальянского посольства в Москве.

Быстролетов был молод и недурен собой. Знал иностранные языки, прекрасно рисовал, писал стихи. Тем не менее задание было непростым. Графиня казалась неприступной крепостью – светская дама на 10 лет старше, которую Быстролетов мог видеть только издали. Но делать было нечего, «разработка» графини началась. В этот же период времени пришла страстная любовь к чешской красавице Иоланте и женитьба на ней, что, впрочем, не помешало Быстролетову установить с графиней близкие отношения.

Наконец пришла пора потребовать от Фьореллы доказательств бесповоротности ее выбора. В ответ она принесла какую-то мелочь. Быстролетов долго втолковывал ей, что этого мало: мосты за собой надо сжигать дотла. Через несколько дней графиня ухитрилась захватить все шифровальные книги посольства, но только на один час.

Операция на этом и закончилась. На сообщение о достигнутом успехе Москва ответила единственным словом: «Законсервировать». Быстролетов принял на веру объяснение своего резидента о том, что Центр не захотел читать шифрованные сообщения московского посольства Италии, поскольку по их содержанию можно было точно установить лицо, выдававшее наши секреты итальянцам. А лицо это, по косвенным данным, добытым нашей разведкой, являлось настолько высокопоставленным, что о его разоблачении нельзя было даже помыслить.

Возможно, но маловероятно. Скорее всего в Центре решили, что более надежной гарантией бесперебойного получения доступа к содержанию итальянских шифртелеграмм являлась не любовь, а корыстолюбие. Свидетельство тому – история о том, как глава МИД Италии наладил торговлю собственными шифрами по всему миру.

Носик

В первой половине 30-х годов в советском посольстве в Париже работал на высокой должности поверенного в делах Григорий Беседовский. Воспользовавшись получением из Москвы секретного денежного фонда, он аккуратно уложил деньги и наиболее важные документы в чемоданчик и бежал в гостеприимные объятия французов. Но благополучное и окончательное «приземление» по другую сторону баррикад надо было еще заработать. Беседовский сделал для этого все, что мог, выдав секреты посольства и подпольных работников, каких только знал. Погибли люди, делу был нанесен огромный ущерб. Потом на деньги врагов, ставших его друзьями и покровителями, изменник опубликовал книгу. Ее внимательно прочитал Сталин и написал на полях единственное слово: «Возобновить». Оно появилось напротив рассказа об одной истории, разыгравшейся в парижском посольстве и разглашенной предателем.

Беседовский писал, что в 1928 году в советское посольство в Париже явился небольшого роста человек, брюнет с красным носом, в сером клетчатом костюме, с алой гвоздикой в петлице и большим желтым портфелем в руках. Незнакомец потребовал, чтобы его представили военному атташе. Очутившись наедине с последним, он вынул из портфеля переплетенные в черные обложки книги и тетради и заявил: «Вот шифры Италии. Стоят они 250 тысяч французских франков. В случае вступления в силу новых вы получаете и их, но опять за 250 тысяч. Ценность моя не в том, что вы получаете в руки ключи к тайникам враждебного вам государства. Она заключается в возможности пользоваться таким источником многие годы. Вы располагаете, конечно, на парижской почте своей агентурой и собираете всякие шифрованные телеграммы, в том числе и итальянского посольства. Я вам доверяю. Возьмите книги, отправляйтесь в свой шифровальный кабинет и дешифруйте пару итальянских шифр-телеграмм. Когда убедитесь в подлинности принесенных мною документов, давайте произведем расчет».

Атташе вышел в соседнюю комнату, убедился в подлинности шифров, сфотографировал их, а потом возвратил знакомцу и стал выгонять его из посольства, крича, что пришедший – мошенник, что проверка доказала негодность его материалов и если он не уйдет подобру-поздорову, то будет вызвана полиция. Незнакомец был поражен, пожал плечами и сказал: «Вы обокрали меня на 250 тысяч франков. Для одного человека такая потеря велика, для большой страны такое приобретение – пустяк. Но вы сами отказались от редкого по своей ценности источника и тем самым доказали, что вы не разведчики, а крохоборы, мелкие плутоватые лавочники без государственного кругозора».

В Москву фотокопии были посланы с победной реляцией об удачной операции, открывшей советской разведке тайны политики Муссолини, и о сбереженной для советского государства большой сумме денег. Атташе получил орден за хорошую работу, а итальянцы немедленно сменили шифр, и весь успех лопнул, как мыльный пузырь.

Прочитав эту историю в изложении Беседовского, Сталин пришел в ярость. Его отметка «возобновить» в книге предателя означала для ОГПУ приказ, выполнить который следовало любой ценой. В результате из Норвегии в Москву срочно был отозван Дмитрий Александрович Быстролетов.

По прибытии в Москву Быстролетов получил в руки злополучную книгу Веселовского с пометкой вождя вместе с распоряжением найти человека, посетившего парижское посольство со столь необычным предложением. Ему открыли неограниченный кредит на очень ограниченное время и приказали выехать из Москвы в ту же ночь. Пункт назначения оговорен не был – его оставили полностью на усмотрение Быстролетова.

Это было любопытное задание – найти на земном шаре неизвестного человека, который один раз показался на глаза советскому военному атташе в Париже и про которого только и известно, что он маленького роста, с красным носом. Поэтому и выполнять Быстролетов, как следует из его воспоминаний, стал не менее любопытным способом. Он сидел на берегу Женевского озера и кормил белых лебедей. Обратите внимание – именно Женевского, а не Чудского там или Ладожского, и только белых лебедей, а не черных. Вероятно, это и помогло ему, исключая одну страну за другой, одно посольство за другим, одну должность за другой, одного человека за другим, найти того, с красненьким носиком, – отставного офицера швейцарской армии Росси, итальянца по национальности, с большими связями в Риме. Далее Быстролетову предстояло рискнуть, поскольку признаться

Носику, что перед ним – советский разведчик, было невозможно. Оскорбленный до глубины души приемом, оказанным в советском посольстве, он доверял агентам разведки СССР меньше, чем кому бы то ни было. И Быстролетов решил выдать себя за японского шпиона. Ведь японцы не могли сами вести свои тайные дела в Европе из-за разреза глаз и цвета кожи и поэтому делали это через белых наемников, прославившись щедростью оплаты их шпионских услуг.

Носик рассказал, что торговлю шифрами наладил сам министр иностранных дел Италии граф Чиано, женатый на Мафальде Муссолини, дочери итальянского диктатора. По его поручению Носик объезжал все великие державы и, собрав пару миллионов, переходил на средние по величине государства, которым продавал те же шифры дешевле, тысяч по 100, а объехав средние, опускался до мелких и загонял им шифры за пустяки, тысяч по 10. Когда весь земной шар читал итальянскую дипломатическую переписку, граф Чиано менял шифр и Носик пускался в новый обход клиентуры. После опубликования книги Веселовского Чиано организовал провокацию с исчезновением шифровальных книг в одном из итальянских посольств, нагрянул туда с ревизией и обвинил в краже случайного человека. Невинный был уничтожен, а Чиано прослыл неукротимым борцом с коррупцией и изменой.

Быстролетову скучать с Носиком не приходилось. Однажды, получив пачку денег, тот понюхал их и поинтересовался, настоящие ли. После заверений в подлинности банкнот Носик неожиданно заявил: «Ну и дураки же вы, японцы! Напишите, чтобы они поскорее сами начали печатать доллары, с их тонкой техникой это получится великолепно. Платите мне не 200 тысяч настоящих франков, а миллион фальшивых долларов – и мы квиты!»

Носик отличался изворотливостью и сообразительностью. Пользуясь географической удаленностью Японии и обширностью своих связей, он сначала продавал итальянские шифры японцам в Токио, а затем – их «агенту» Быстролетову в Берлине. Когда по списку купивших шифры государств Носик все-таки понял, что Быстроде-тов – советский разведчик, он побелел от злобы: выходило, что его перехитрили во второй раз! Злоба взяла в нем верх над разумом, и под фальшивым предложением Носик заманил Быстролетова к себе на виллу, чтобы расправиться с ним. Но в самый критический момент на соседней улице коротко и сильно рывкнул автомобильный гудок – город просипался, началось движение. Быстролетов быстро сориентировался и сказал: «Это мои товарищи подъехали и дали мне сигнал: если через 10 минут я не выйду, то они ворвутся сюда и без лишнего шума сделают из вас отбивную котлету. Мы сильнее. Поняли? Повторяю, не валяйте дурака! А еще разведчик! Даже не заметил, что за нами от самого Берлина шла вторая машина!» Носик растерялся и забормотал что-то насчет нехватки денег. Быстролетов пообещал ему добавку и без промедления выбрался из особняка, запомнив попутно его номер и название улицы. Так особняк стал исходной точкой для более детального выяснения связей Носика.

В дальнейшем в качестве компенсации за случившееся Носик познакомил Быстролетова с матерым французским шпионом, зловещего вида стариком, торговцем чужими шифрами. Старик развлекал советского разведчика рассказами о том, как во время первой мировой войны он заманивал через франко-испанскую границу и собственноручно расстреливал всякую подозрительную мелюзгу. При этом француз щедро угощал Быстролетова вином и приглашал посетить в своей компании Францию. Нехотя, ради установления дружеских отношений с японской разведкой, старый шпион передал ее «агенту» несколько очень нужных шифров.

Наборщик

Работа Быстролетова с источником, получившим псевдоним Арно, явилась еще одним захватывающим сюжетом в истории советской радиоразведки. Местом действия вновь стала французская столица. К советскому военному атташе в Париже явился скромно одетый человек, представившийся наборщиком типографии Форин офис в Лондоне. Он предложил покупать у него копии ежедневных шифрованных депеш, слетавшихся во внешнеполитическое ведомство Англии из разных стран. Эти депеши размножались в его типографии после расшифровки. Незнакомец пообещал, что если все пойдет хорошо, то впоследствии кроме депеш он сможет передавать и дипломатические шифры Англии. Он назвался просто Чарли и поставил одно непереносимое условие: сотрудничество с советской разведкой будет немедленно разорвано, если он заметит за собой слежку или попытку установить его подлинные имя и адрес.

Сначала «наборщик» исправно поставлял обещанные материалы, и его условие бесспорно соблюдалось. Но затем агент стал работать все хуже, и было принято решение установить личность этого человека, чтобы заставить его действовать активнее.

Быстролетову отвели в предстоявшей операции роль венгерского графа, запутавшегося в сетях коварной советской разведки, а другой наш разведчик должен был изображать безжалостного чекиста. Требовалось создать видимость союза двух запутавшихся порядочных людей против общего жестокого «хозяина».

Первые же контакты с Арно показали, что он был отнюдь не дилетантом, а профессиональным шпионом, великолепно обученным уходить от слежки. Только с большим трудом, после множества ухищрений наша резидентура смогла установить подлинное лицо «типографского наборщика». Им оказался высокопоставленный чиновник Форин офис, являвшийся специалистом по разработке шифров и криптоанализу. К сотрудничеству с нашей разведкой его подтолкнули долги. Арно сильно пил и время от времени даже проходил курс принудительного лечения от алкоголизма.

Психологический расчет оказался безупречным: добрый «венгерский граф» был как родной встречен в семье погрязшего в пьянстве и предательстве англичанина и даже принял участие в воспитании его детей. С этого времени Арно покорно выполнял все требования советской разведки, а в разговорах с Быстролетовым отводил душу, ругая и понося ее бесчеловечного резидента.

Однако любой активно действующий агент рано или поздно обречен на провал. Когда Арно всерьез заинтересовался сам глава английской контршпионской спецслужбы Р. Вэнситтарт, Москва приказала всем работавшим по этой линии, кроме Быстролетова, покинуть Англию и выехать на материк. Ганс же добился разрешения Центра остаться еще на некоторое время, чтобы получить у Арно шифры на следующий год.

Впоследствии Вэнситтарт, которому стоило больших трудов замять скандал, связанный с разоблачением этого советского агента в недрах Форин офис, сказал: «Какое счастье, что такие позорные истории в Англии случаются раз

в 100 лет!» Вэнситтарт ошибался: ему бы радоваться, что в его родной стране они не случались каждый год!

В высшей степени убедительная дезинформация

14 апреля 1939 г. нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов предпринял последнюю попытку воплотить в реальность систему коллективной безопасности на Европейском континенте, предложив начать переговоры с Англией и Францией для заключения пакта о взаимопомощи против агрессии в Европе. В тот же самый день советский посол в Берлине позвонил во внешнеполитическое ведомство Германии и сделал предложение приступить к переговорам об улучшении советско-германских отношений. В начале мая Литвинова на посту наркома иностранных дел сменил В.М. Молотов. В течение нескольких последующих месяцев Молотов вел параллельные переговоры по поводу заключения пактов с Англией и Францией, с одной стороны, и с Германией — с другой.

В это время НКВД разрабатывал самые изощренные секретные операции с целью склонить Германию к подписанию пакта. Через несколько дней после того, как посол СССР передал по телефону предложения советской стороны министерству иностранных дел Германии, германское посольство в Лондоне получило и отправило в Берлин содержание первой из серии английских телеграмм с отчетом о ходе переговоров с Советским Союзом. В этих телеграммах, однако, имелись пропуски и искажения. Например, указывалось, что представители Англии и Франции на переговорах с СССР предложили более выгодные условия и добились большего прогресса, чем это было на самом деле.

Наименее вероятным источником такой информации мог служить германский шпионаж. Шпионские ведомства Германии не могли вскрывать шифры английской дипломатической почты и не имели своих агентов в Форин офис, которым были бы доступны открытые тексты шифртелеграмм. Неожиданное получение доступа к диппочте Англии в апреле 1939 года и столь же внезапное прекращение поступления информации за неделю до заключения германо-советского пакта, а также имевшиеся упущения и искажения в перехваченных телеграммах становятся вполне понятными, если предположить, что фальсифицированные телеграммы были подброшены НКВД в германское посольство в Лондоне с целью ускорить переговоры по двустороннему пакту. Они могли появиться из одного или сразу из двух источников. Первым мог быть капитан Кинг, вторым — Спецотдел НКВД, успешной дешифровальной работе которого активно помогали советские агенты в Форин офис. Правда, эта в высшей степени убедительная дезинформация оказалась излишней: выгоды пакта со Сталиным были столь весомы, что Гитлер не нуждался в подстегивании со стороны НКВД.

Таким образом, главным успехом в работе советской разведки против Англии в 30-е годы явилась вербовка двух шифровальщиков — Олдхама и Кинга, а также пары молодых дипломатов — Маклина и Кернкросса. Переданные ими документы были безусловно важны кроме всего прочего и тем, что помогали советским криптоаналитикам в их работе над английскими шифрами. Все 4 агента НКВД в Форин офис регулярно переправляли в Москву содержание английских дипломатических телеграмм. Их потом можно было сравнить с шифрованными вариантами, что являлось важным подспорьем во вскрытии шифров. У всех четверых была также возможность поставлять в НКВД

разведданные, касавшиеся шифрсистем английского внешнеполитического ведомства.

Зорге и радиоразведка

В начале 30-х годов техника внедрения агентов, разработанная КГБ в предыдущее десятилетие для борьбы с белогвардейской эмиграцией, была приспособлена для проникновения в аппарат иностранных правительств и военных служб. Самым удачливым агентом стал Рихард Зорге. Но похвалы в его адрес произносились не только с целью почтить память выдающегося разведчика, но и чтобы скрыть успехи советской радиоразведки, формы сбора разведданных, о которой намеренно редко вспоминали в Советском Союзе.

В 30-е годы перехват был для СССР не менее важным источником информации о Японии, чем донесения Зорге. Так, в шифртелеграмме, направленной японским военным атташе в Москве подполковником Касахара в Генеральный штаб за полгода до событий в Маньчжурии и за два года до прибытия Зорге в Токио, говорилось: «Рано или поздно неизбежно придется столкнуться с СССР». И далее: «Чем скорее начнется советско-японская война, тем лучше для нас. Мы должны понимать, что с каждым днем ситуация становится все более выгодной для СССР. Если говорить коротко, то я надеюсь, что власти примут решение о проведении быстрой войны с Советским Союзом и начнут воплощать в жизнь соответствующую политику».

Неудивительно, что в Москве опасались, как бы события в Маньчжурии не стали прелюдией к нападению на Советский Союз, к которому призывал Касахара. Еще большую тревогу вызвали слова Хироита, посла Японии в СССР, сказанные им в беседе с находившимся с визитом в Москве японским генералом и процитированные в другой японской шифртелеграмме: «Отложив в сторону вопрос о том, стоит или нет воевать с Советским Союзом, можно сказать, что имеется необходимость проводить жесткую политику по отношению к Советскому Союзу с намерением начать войну с СССР в любой момент. Целью, однако, должна быть не защита от коммунизма, а скорее оккупация Восточной Сибири».

Москва встревожилась настолько, что в марте 1932 года сделала весьма примечательное официальное заявление: в ее руках находятся документы, написанные официальными лицами, представляющими самые верхние слои военных кругов Японии, и содержащие планы нападения на СССР и захвата его территории. Еще примечательнее было то, что газета «Известия» поместила дешифрованные места из японских телеграмм, в которых содержались предложение Касахара провести «быструю войну» и призыв Хироита к оккупации Восточной Сибири. Готовность опубликовать эти сведения объяснялась тем, что Японии стало известно о вскрытии ее дипломатических шифров. В 1931 году криптоаналитик Герберт Ярдли опубликовал сенсационные мемуары, в которых рассказал, как дешифровальная служба США читала дипломатическую переписку Японии. Последовал международный скандал, министр иностранных дел Японии публично выступил с обвинениями в адрес Соединенных Штатов.

Еще одним крупным успехом радиоразведки СССР в середине 30-х годов стало получение доступа к содержанию продолжительных переговоров министра иностранных дел Германии Риббентропа с японским военным атташе (впоследствии послом Японии) генералом Осима. Эти переговоры закончились подписанием германо-японского пакта, о чем официально было объявлено 25 ноября 1935 г. Немецкое посольство в Токио, посвящавшее Зорге в большую часть своих секретов, имело лишь отдаленное представление о ходе переговоров. А благодаря радиоразведке Москва получала значительно более полную и оперативную информацию. Весной 1936 года агент советской разведки в Берлине, которого курировал Кривицкий, получил в свое распоряжение кодовую книгу японского посольства. «С тех пор, — похвалялся Кривицкий, — вся переписка между генералом Осима и Токио регулярно проходила через наши руки». Кроме того, шифртелеграммы, которыми Токио обменивался со своим посольством в Москве, также дешифровались советскими криптоаналитиками и служили дополнительным источником разведывательной информации о ходе германо-японских переговоров. За помощь советской радиоразведке Кривицкого представили к награждению орденом Ленина, которой он так и не получил, поскольку вскоре дезертировал с «невидимого фронта».

Уже через 3 дня после опубликования германо-японского пакта нарком иностранных дел Литвинов публично объявил в Москве о существовании секретного договора, который не был напечатан и выработке которого были посвящены 15 месяцев переговоров между японским военным атташе и немецким министром иностранных дел. В своем выступлении Литвинов не назвал источник информации о секретном договоре. Однако в речи наркома содержался любопытный пример из области оригинального криптоаналитического исследования текста пакта: «Неудивительно, что многие считают, что германо-японское соглашение было написано специальным кодом, в котором слово «антикоммунизм» означало совершенно иное, чем словарное значение этого слова, и что люди расшифровывают этот код разными способами».

Почем нынче краденые шифры?

С 1937 по 1939 год пришла очередь СССР стать жертвой серии «криптографических ограблений». Сначала был выкраден код, применявшийся для переписки между Москвой и министерством национальной обороны испанских республиканцев, которые получали помощь СССР в борьбе против Франко. Затем начальник Дальневосточного управления НКВД комиссар государственной безопасности 3-го ранга Генрих Самойлович Люшков во время проведения инспекции одного из участков советско-маньчжурской границы перешел к японцам и передал им подробные сведения об организации секретной связи в приграничном районе.

Это постоянное воровство друг у друга шифрматериалов в конце концов чуть не привело к нелепому судебному процессу, который мог состояться в 1939 году. Двое русских эмигрантов, супруги Азаровы, тайно вывезли из Советского Союза, как потом ими было заявлено, «кодовую книгу секретного характера, содержащую действующий в Советском Союзе код, предусмотренный для обмена шифрперепиской». Их вещи, в том числе и вышеупомянутая кодовая книга, были доставлены на борт грузового судна «Балтабор», а затем выгружены в Риге, где все имущество было утеряно. Азаровы предъявили пароходной компании судебный иск на 511 900 долларов, при этом 11 900 —

за утерянное личное имущество, а полмиллиона — за код, что, как сказал Азаров, «точно соответствовало стоимости кодовой книги на мировом рынке во время ее пропажи». Это дело было улажено без суда, и никто так и не узнал, какая сумма была выплачена Азаровым в порядке возмещения стоимости практически не поддающейся оценке книги.

Советская деятельность на поприще прикладного криптоанализа не ограничивалась только добыванием любыми способами шифров и ключей к ним. Разведка СССР была заинтересована также в получении открытых текстов, помогающих криптоаналитикам вскрывать шифры. Известна история с документами, которые, как заявил бывший американский коммунист Уиттейкер Чэмберс, были вручены ему одним завербованным советской разведкой агентом для передачи в Москву. И хотя дальше рук Чэмберса документы не ушли, они составляли скорее всего лишь часть большого числа сфотографированных этим агентом телеграмм. Среди них была, например, телеграмма американского посольства в Париже, датированная 13 января 1938 г. и имевшая отметку: «Строго конфиденциально. Лично государственному секретарю». Некоторые из телеграмм были в свое время переданы открытым текстом, остальные же, по заявлению помощника госсекретаря США Уэллеса, «возможно, были отправлены с использованием одного из наиболее секретных кодов, бывших тогда в употреблении». Когда Уэллеса спросили, а не является ли наличие открытого текста и соответствующего ему шифрованного необходимыми подсобными материалами для вскрытия шифра, он ответил: «По-моему, именно так».

На суше и на море, в воздухе и в эфире

Установление полицейского государства, запрещение Коммунистической партии Германии, растущая поддержка немецким народом диктатуры Гитлера, а также целый ряд перебежчиков из числа подпольщиков к середине 30-х годов развалили советскую разведывательную сеть в Германии. Уничтожение этой сети причинило еще больший урон радиоразведке, так как Германия была единственной страной, высокосложные шифры которой так и не были вскрыты советскими криптоаналитиками. Ни один из ключей «Энигмы» не был вскрыт вплоть до немецкого вторжения на территорию СССР. Основные немецкие дипломатические шифры еще труднее поддавались вскрытию, чем «Энигма». В результате, обладая крупнейшей разведывательной сетью в мире, 22 июня 1941 г. Советский Союз потерпел сокрушительное поражение. Это было поражение прежде всего его разведки. Хотя ради справедливости надо отметить, что провал явился следствием не только недостатка надежной информации о противнике, но и неправильного анализа и использования имевшихся разведданных.

На начальном этапе войны против СССР Гитлер считал, что германская армия победит еще до начала зимы, и очень надеялся пожать руки японцам на Транссибирской магистрали. Риббентроп требовал от германского посольства в Токио убедить Японию нарушить договор о нейтралитете с Советским Союзом, заключенный буквально за три месяца до начала осуществления плана «Барбаросса». Разведданные о намерениях Японии, приходившие от группы Зорге после нападения Германии на СССР, не были единственными. Кое-что одновременно поступало из дешифрованных японских дипломатических телеграмм (была вскрыта «пурпурная» шифрсистема). Пожалуй, именно благодаря этому подтверждению его сообщений Зорге и завоевал полное доверие Москвы. Информация, свидетельствующая о намерениях Японии, продолжала приходить и после ареста Зорге. В шифртелеграмме, отправленной

27 ноября 1941 г. из Токио в посольство в Берлине, говорилось: «Необходимо встретиться с Гитлером и тайно разъяснить ему нашу позицию в отношении Соединенных Штатов. Объясните Гитлеру, что основные усилия Японии будут сконцентрированы на юге (против США и Англии. — Прим. авт.) и что мы предполагаем воздержаться от серьезных действий на севере (против СССР. — Прим. авт.).

Сведения о военных планах Японии, добытые Зорге и криптоаналитиками НКВД, позволили Сталину перебросить на германский фронт половину войск Дальневосточного округа. Они прибыли туда в самый критический момент второй мировой войны, когда Гитлер начал наступление на Москву, названное им «последней решающей битвой».

Одной из причин улучшения работы советской радио-разведки против Германии весной 1943 года стало совершенствование перехвата. С самого начала войны криптоаналитики НКГБ и ГРУ бились над вскрытием «Энигмы». Информация, полученная из Англии от Филби, Лонга и Кернкросса, имела для них небольшое практическое значение. Но сам факт, что англичане ее получали благодаря чтению немецкой шифрпереписки, вселял в советских криптоаналитиков надежду, что и им удастся добиться того же. Однако все понимали, что это была чрезвычайно сложная задача. Немецкая армия, флот, авиация — все пользовались шифрмашинами «Энигма» и применяли разные ключи для разных целей в разных местах и в разное время. Начиная с 1941 года в работе одновременно находилось не менее 50 различных ключей «Энигмы», причем все они ежедневно менялись.

17 января 1943 г., еще до разгрома под Сталинградом, управление связи вермахта пришло к выводу о вскрытии «Энигмы» советскими криптоаналитиками. Захват шифрмашин, ключей к ним и связистов-шифровальщиков позволял радиоразведке СССР читать шифрперехват из некоторых немецких линий связи. Сталинградская битва предоставила дополнительные возможности для развития советского прикладного криптоанализа. В распоряжении окруженных под Сталинградом немецких войск было как минимум 26 шифровальных машин «Энигма», а в условиях окружения многие из них уничтожить было просто невозможно. Вместе с ними в руки Красной Армии, вероятно, попали и некоторые ключевые установки. Не менее важным оказалось и то, что среди почти 100 тыс. захваченных под Сталинградом военнопленных были и связисты, и шифровальщики и наверняка не все из них смогли противостоять настойчивым предложениям помочь советским криптографам. Отдавая должное достижениям советской радиоразведки, в решении конференции офицеров связи в 1943 году немцы записали: «Запрещается каким-либо образом выделять передаваемые по радиосвязи послания Гитлера». Однако при наличии блестящих специалистов-криптографов НКГБ и ГРУ явно не хватало своих «бомб» и «колоссов», которые имелись в распоряжении их коллег из ЦПС.

Весной 1943 года советские дешифровальные службы нанесли свой главный удар не по вершинам, а по основам немецкого шифровального искусства. Они занялись вскрытием ручных шифров противника, а не «Энигмой» и «Тритомом». В конце 1942 года Ставка Верховного Главнокомандующего приняла решение о создании радиобатальонов специального назначения. Историки СССР, не решаясь нарушить запрет, наложенный на тему радиоразведки, рассказывали о роли этих батальонов в создании радиопомех и в операциях по дезинформации, но «забывали» упомянуть, что на каждый радиобатальон специального назначения приходилось от 18 до 20 приемников для перехвата и 4 пеленгатора. Хотя формирование радиобатальонов специального

назначения началось уже в конце Сталинградской битвы, значительно больший вклад они внесли позже, во время Курской битвы. Их успеху способствовала низкая радиодисциплина немецких связистов.

Демьянов, он же Макс, он же Гейне

В 1942 году НКГБ удалось наладить непродолжительное, но очень продуктивное сотрудничество с одним из руководителей шифровальной службы абвера полковником Шмитом. До своего разоблачения он успел передать в Москву ряд ценных материалов, полученных абвером из советской столицы от осведомителя под псевдонимом Макс.

Шмит был связан и с англичанами. Через него те получили расшифровку ряда сообщений Макса, которые абверовцы оформляли в качестве ориентировок для штаба вермахта. В апреле 1943 года в Москву через миссию советской разведки в Лондоне поступило переданное англичанами в сильно сокращенном виде изложение одного из сообщений Макса в Берлин, якобы перехваченное агентами Англии в Германии. В действительности же источником этой информации был английский радиоспионаж.

Когда завершилась вторая мировая война, в Германии появились англо-американские розыскные группы для «отлова» сотрудников немецких шпионских спецслужб.

Делалось это исключительно из стремления перевербовать немецкую агентуру для борьбы против нового противника — СССР. Особенно рьяно американские и английские офицеры искали легендарного немецкого осведомителя по имени Макс. По их сведениям, донесения Макса стали поступать в абвер из Москвы в 1942 году по радио. Сведения касались важнейших решений Ставки Верховного Главнокомандующего и суждений крупных советских военачальников. Информация Макса ценилась в Германии настолько высоко, что многие высшие военные чины не принимали решений, пока не получали от абвера донесения Макса. Он был для них единственным источником данных стратегической важности.

Под именем Макс немцам был известен Александр Петрович Демьянов. Его отец, офицер царской армии, умер от ран в 1915 году. Мать пользовалась популярностью в дворянских кругах Петербурга. В 1929 году Александр был арестован ОГПУ по ложному доносу. Дело против него прекратили при условии добровольного сотрудничества с «органами» в целях — как ему объяснили — предотвращения диверсий и шпионажа со стороны известных его семье деятелей белой эмиграции. О Демьянове вспомнили в июле 1941 года, когда советская разведка искала кандидатуру на роль члена мифической антисоветской группы, которого затем планировалось «подставить» немцам. Операции было дано кодовое наименование «Монастырь».

После тщательной подготовки Александр, получивший агентурное имя Гейне, в декабре 1941 года перешел линию фронта. Первоначально немцы отнеслись к Александру с недоверием. Однако вскоре их подозрительность рассеялась, и его стали готовить к заброске в тылы Красной Армии. Демьянов должен был осесть в Москве и организовать собственную агентурную сеть для проникновения в армейские штабы и учреждения.

После возвращения в Москву Демьянов быстро освоился в роли немецкого резидента. Для него в НКГБ готовились тексты, представлявшие смесь

информации и дезинформации. Первая не должна была угрожать действиям советских войск, вторая предназначалась для дезинформации высшего немецкого военного командования. К концу войны престиж Макса в глазах руководства абвера вырос настолько, что он получил высокую немецкую награду – Железный крест. Советская разведка тоже не осталась в долгу перед Демьяновым, наградив его орденом Красной Звезды.

Эти события, связанные с проведением операции «Монастырь», представляют несомненный интерес для истории радиوشпионажа по нескольким причинам. Во-первых, работа с источником в шифровальной службе абвера принесла советской разведке плоды в виде фальсифицированных ею же разведанных. Во-вторых, эту собственноручно приготовленную для немцев «дезу» советская разведка получала еще и в результате взаимного обмена разведывательной информацией с англичанами. И в-третьих, нежелательные побочные эффекты нескольких в целом удачно проведенных операций (вербовка Шмита, чтение шифрпереписки абвера англичанами, введение в заблуждение немецкого командования Демьяновым) имели также свои плюсы. Сравнив тексты, умело составленные дезинформаторами в Москве, с полученными обратно от Шмита и от англичан, можно было выяснить, как информация препарировалась абвером для доклада своему руководству и как – английской радио-шпионской спецслужбой для доведения до сведения советского командования. Скорее всего, наибольшее количество искажений в исходные данные, источником которых служила наша разведка, внесли все-таки наши союзники во второй мировой войне. Ведь, поддерживая с нами союзнические отношения, они всеми силами старались утаить тот факт, что вскрывают немецкие шифры, уже тогда предвидя превращение СССР из союзника в опасного и сильного противника.

Политическое убежище и миллион впридачу

27 августа 1945 г. заместитель резидента НКГБ в Турции Константин Волков, работавший вице-консулом, направил английскому вице-консулу просьбу о безотлагательной встрече. Не получив ответа, 4 сентября Волков явился лично, чтобы попросить политического убежища для себя и своей жены, а также 50 тыс. фунтов стерлингов (по ценам 1990 года это составляло около 1 млн. фунтов). В обмен он предлагал важные досье, документы и собранную им лично информацию. Волков утверждал, в частности, что один из самых важных советских агентов в Англии исполнял обязанности руководителя отдела английской контрразведки. Волков настаивал, чтобы о его действиях сообщили в Лондон не по радиосвязи, а диппочтой, поскольку, по его данным, все зашифрованные радиосообщения между Москвой и Лондоном в течение последних 2,5 лет дешифровались в СССР.

19 сентября из дипломатической почты, поступившей из Стамбула, Ким Филби с ужасом узнал о попытке Волкова. Упоминание Волковым руководителя отдела контршпионажа недвусмысленно указывало на Филби, занимавшего этот пост. Вечером того же дня разведчик известил о Волкове Москву, а через день московское консульство Турции выдало визы двум сотрудникам НКГБ, которые отправились в Стамбул под видом дипкурьеров. 22 сентября в Лондоне решили, что Филби необходимо лично разобраться с делом Волкова. Задержавшись в пути, Филби прибыл в столицу Турции только 26 сентября. За два дня до прибытия Филби Волков и его жена, накачанные лекарствами до беспамятства, были доставлены на самолет и отправлены в Москву под конвоем «дипкурьеров».

На обратном пути в Лондон Филби спокойно подготовил отчет, предложив различные объяснения неудачи, которой закончилась попытка Волкова сбежать: пьянство, неосторожность, прослушивание НКГБ его квартиры, неожиданная перемена принятого решения. Версия, что НКГБ был предупрежден о намеченном побеге, не была даже включена им в отчет, поскольку, по мнению Филби, изложенному им руководству в устной форме, не имела под собой никаких доказательств. В стремлении дискредитировать информацию Волкова Филби весьма пространно убеждал свое начальство в ненадежности сведений, которые тот собирался передать. В отчете он, например, выразил удивление, что Волков не сумел дать полезной для английских криптографов информации, хотя и уверял в успехах советских спецслужб по вскрытию английских шифров за последние 2,5 года.

И хотя, благодаря усилиям Филби, Волков так и не раскрыл англичанам секреты советской радиоразведки, те сведения о ней, которыми западные спецслужбы уже обладали, позволили им весьма высоко оценить ее. В докладе Объединенного комитета начальников штабов США об ущербе, нанесенном обеспечению безопасности связи, говорилось: «Все английские, а возможно, и американские дипломатические шифры, имевшиеся на 15 мая 1951 г., находятся в руках русских и больше не используются». Следует отметить, что в этой фразе доклада была известная доля преувеличения. В ней не учитывалось использование в английской и американской дипломатической переписке шифрблокнотов, из которых лишь незначительное количество могло попасть в распоряжение выявленных к маю 1951 года советских агентов. Однако в то же время в расчет не брались военные шифры, часть которых к тому времени уже нашла путь из сейфов, где они хранились, в руки советской разведки.

Шах

В начале 50-х годов шифровальщик военно-морского атташе Англии в Варшаве Гарри Фредерик Хоутон дал согласие сотрудничать с советской разведкой и получил от нее псевдоним Шах. Работой на разведку СССР Хоутон рассчитывал поправить свое незавидное материальное положение. Не последнюю роль в этом решении сыграл и распад Британской империи, который заставил его усомниться в правильности внушавшихся ему с детства стереотипов западного образа мышления. Уже в 1952 году Хоутон передал советской разведке все шифры военно-морского шпионского ведомства Англии и подробные инструкции к ним. В последующие годы он сумел организовать снабжение нашей резидентуры огромным количеством чертежей вооружения, разрабатывавшегося англичанами в военном научно-исследовательском институте в Портленде, а также отчетами стран НАТО о маневрах их военно-морских флотов и новых видах оружия. Это были фотокопии подлинных документов, которые делал либо он сам, либо его любовница Этель Элизабет Джи, работавшая старшим клерком в бюро учета и размножения секретных документов.

В январе 1961 года Хоутон выдал перебежавший на Запад сотрудник польской шпионской спецслужбы Михаил Голениевский, который припомнил, что в 1951 году вместе с советскими разведчиками принимал участие в «разработке» Хоутон. Впоследствии Голениевский сошел с ума, объявив себя наследником царского дома Романовых и обвинив госсекретаря США Киссинджера в шпионаже в пользу СССР.

В ходе слежки за Хоутоном на одной из улиц Лондона было замечено, что он имел встречу с другим человеком, причем настолько мимолетную, что нельзя было с уверенностью сказать, передал ли один из них что-либо другому и даже обменялись ли они хоть словом. Однако тот факт, что оба действовали скрытно, убеждал, что тут дело нечисто. После этого слежка была установлена за каждым из подозреваемых в отдельности.

В следующий раз Хоутон прибыл в Лондон с Этель. В руках женщины была хозяйственная сумка. Когда они шли по улице, сзади к Гарри подошел тот самый человек, с которым его уже видели. В момент передачи сумки все трое были арестованы. Неизвестный оказался советским «нелегалом» с канадским паспортом. Именно он и был связником Хоутона.

Гарри и Этель вышли из тюрьмы только в 1970 году и сразу же поженились. Хоутон написал книгу «Операция «Портленд». Автобиография шпиона», в которой очень скромно рассказал о периоде своего плодотворного сотрудничества с советской разведкой, сократив его на 10 лет и убрав эпизоды, слишком компрометировавшие МИ-5. Скорее всего, книга была написана под диктовку сотрудников этой контршпионской службы Англии или отредактирована ими перед публикацией.

«Марфинская шарашка»

В русской литературе осталось очень яркое описание становления одного из направлений советской криптографии — засекречивания телефонных переговоров. Это описание дал Солженицын. В романе «В круге первом» он написал: «В этом январе (1948 г. — Прим. авт.) Отцу восточных и западных народов кто-то подсказал идею создать особую секретную телефонию — такую, чтобы никто никогда не мог бы понять, даже перехватив, его телефонный разговор. Такую, чтоб можно было с кунцевской дачи разговаривать с Молотовым в Нью-Йорке... И сроку дал — до первого января сорок девятого года. Потом подумал и добавил: — «Ладна, да первого мая».

К тому времени уже существовало несколько типов секретных телефонов, но ни один не мог удовлетворить взыскательный вкус Сталина.

Связь по ВЧ предохраняла только от прямого подслушивания. По проводам передавался ток высокой частоты, модулированный звуковыми сигналами от мембраны телефона. Такой сигнал, как и сигналы радиосвязи, не воспринимался человеческим ухом без соответствующей обработки. Но достаточно было пропустить его через простейший детекторный приемник, как разговор восстанавливался в первозданном виде.

О другом оригинальном способе закрытия речевых сообщений — инвертировании спектра речевого сигнала — писалось еще в довоенных учебниках по радиоэлектронике. Речь при его использовании превращалась в абракадабру, подобную магнитофонной записи, прослушиваемой при движении магнитной ленты в обратном направлении. Как и в предыдущем случае, с помощью устройств, производивших обратное преобразование спектра, речь полностью восстанавливалась и становилась внятной.

В годы второй мировой войны появились более сложные системы — так называемая мозаичная шифрация. Звуковые сигналы делились частотными фильтрами на 3 или 4 полосы и с помощью магнитного звукозаписывающего устройства дробились по времени на короткие доли — по 100-150

миллисекунд. А шифратор перемешивал эти частотно-временные отрезки. По телефонному проводу шло этакое крошево из визга и писка. На приемном конце передачу расшифровывали и восстанавливали первоначальную речь.

Но ведь то же самое мог сделать и противник! Совершить это было довольно просто, обзаведясь нехитрым анализатором частот речевого сигнала – спектрометром. Подавая на его вход слова, раздробленные мозаичным шифратором, по спектрограмме можно было выделять полосы применявшихся в шифраторе фильтров и временные доли, на которые разделялись зашифрованные сигналы. И заодно – читать спектрограммы зашифрованного речевого сигнала по слогам и по словам, медленно, но верно.

Вероятно, сведения о ненадежности мозаичных шифраторов достигли уровня самого высокого руководства, поэтому Сталин и поставил перед советскими разработчиками шифраппаратуры задачу изобрести такой телефон, чтобы на многие тысячи километров могла поддерживаться связь, абсолютно недоступная для любого рода подслушиваний.

Был организован специальный институт, за работой которого Сталин наблюдал лично. Институт вошел в историю как НИИ-2, а в литературу – как «Марфинская шарашка». В старом здании подмосковной семинарии разместились и лаборатория будущего НИИ, и тюрьма, которая в ведавшем ею МГБ получила название «объект № 8» или «спецтюрьма № 16». Как и во многих тогдашних мощных научных начинаниях, в качестве рабочей силы использовали заключенных.

Кроме разработки секретной телефонной связи специалистам из «Марфинской шарашки» приходилось решать множество разнообразных задач. Поздней осенью 1949 года МГБ записало телефонный разговор, который сотрудники американского посольства в Москве вели с позвонившим им из телефона-автомата советским гражданином, пожелавшим остаться неизвестным и сообщившем американцам о советском разведчике, который должен был на днях в одном из нью-йоркских радиомagasинов получить важные технологические детали производства атомной бомбы.

Пленка с голосом предателя поступила в «Марфинскую шарашку» вместе с записями четырех подозреваемых. Требовалось определить, кто из четверых звонил в американское посольство. Эта работа была настолько серьезной и секретной, что знали о ней только несколько человек. Отчет о сличении голосов четырех подозреваемых с записанным голосом занял два больших тома и не оставил никаких сомнений относительно личности звонившего.

В «Марфинской шарашке» функционировала математическая группа, которая занималась не только разработкой шифров, но и криптоанализом: там определялась сравнительная стойкость различных систем секретной телефонной связи. Оценки стойкости исследуемых секретных телефонов выражались в виде дроби. Постоянный числитель являл собой одну минуту зашифрованного разговора. А в знаменателе проставлялось двух-трехзначное число – минуты, потраченные на дешифрование или восстановление схемы шифратора и ключа к нему. Чем больше был знаменатель, тем более стойким являлся шифратор. «Отметки» различных секретных телефонов колебались от 1/200 до 1/600.

Однако скорость дешифрования, которое осуществлялось вручную, вместо того чтобы определять объективные характеристики секретной связи, заметно менялась в зависимости от субъективных причин. Например, по утрам

дешифрование шло быстрее, чем к концу дня, и замедлялось от любого недомогания исполнителя.

Все же эти сравнения были не менее важны, чем объективные коэффициенты стойкости. Ведь одни и те же сравниваемые системы исследовались разными криптоаналитиками по несколько раз. И результаты Получались каждый раз если не тождественные, то уж во всяком случае близкие. Хотя величины дробных показателей колебались, итоги сравнений, как правило, совпадали. Кроме всего прочего, в 50-е годы телефоны с мозаичными шифраторами все еще были нужны и в армии, и в органах госбезопасности. Они предотвращали прямое подслушивание, поскольку вскрыть их можно было только в лабораторных условиях при наличии специального оборудования, а стоили они много дешевле образцов новейшей, «абсолютно» стойкой шифраппаратуры.

В начале 50-х годов «Марфинская шарашка» перешла из-под надзора МГБ в ведение ЦК КПСС. Было создано мощное научно-производственное объединение «Автоматика», которое к началу 90-х годов включало несколько институтов и более 10 заводов.

КОМИТЕТ

Пороки входят в состав добродетели, как ядовитые снадобья в состав целебных средств.

К.Прутков. «Сочинения»

8-е главное и другие

В КГБ послевоенного образца средствам связи посвящали все свое рабочее время сотрудники трех управлений. Из них 8-е главное управление (ГУ) являлось одним из важнейших в КГБ. Услугами этого управления Пользовались практически все службы и подразделения Комитета, поскольку 8-е ГУ отвечало за защиту технических средств связи вообще и создание шифров для них в частности. По некоторым сведениям, все шифровальные службы, включая службы МИД, правительства и президента СССР, контролировались этим управлением.

Однако, по словам начальника «восьмерки» генерал-лейтенанта Н.Н.Андреева, «засекречивающие аппараты, или, проще говоря, шифраторы, – семечки по сравнению с теми сложными электронными комплексами с мощными супер-ЭВМ, которые используются для их исследований».

С точки зрения теории считается, что дешифровать зашифрованное сообщение в принципе возможно, «Например, если у вас есть идентичная техника, то, перебрав все возможные варианты, вы, возможно, найдете ключ к шифру. Правда, количество этих вариантов определяется числом от 1050 до 10100. Для сравнения: количество молекул на Земле существенно меньше этих чисел, и даже супер-ЭВМ, чтобы перебрать все эти варианты, потребуются сотни лет. Все зависит, как мы говорим, от стойкости шифратора. В то же время криптография наряду с высокой абстрактностью математики включает в себя также элементы искусства, может быть, одного из самых привлекательных.

Поэтому знание и талант могут иногда найти и другие способы «вскрытия» шифра».

И сотрудники 8-го ГУ не упускали возможности доказать свое мастерство в области криптоанализа. Известен эксперимент, который провело руководство «восьмерки» в 1973 году, воспользовавшись эвакуацией советского посольства из Чили, вызванной кровавым переворотом в этой стране. В ходе подготовки к эвакуации все посольские шифраторы были разобраны на части, по которым затем некоторое время старательно и методично били кувалдой, чтобы в случае их попадания в руки противника исключить всякую возможность воссоздания по ним работоспособных копий наших шифраторов. Изуродованную до неузнаваемости шифраппаратуру засунули в мешок и привезли в Москву, где передали группе сотрудников 8-го ГУ, которые должны были определить, что за металлические обломки попали им в руки. И хотя никто из них раньше в глаза не видел шифраторов, установленных в дипломатическом представительстве СССР в Чили, через короткое время члены группы были в состоянии правильно воссоздать шифратор.

Управление правительственной связи (УПС) обеспечивало функционирование всей системы нетрадиционной связи (ВЧ, «кремлевка» и т.п.).

О 16-м управлении, сотрудники которого первоначально, до его создания в 1973 году, работали в составе 8-го ГУ, речь пойдет особо. А пока упомянем другие подразделения КГБ, также трудившиеся на поприще радиоразведки.

Особые отделы 3-го управления, занимавшиеся контрразведывательной работой в Советских Вооруженных Силах, привлекались иногда к участию в радиоконтрразведывательных операциях. Вот один характерный пример. В середине лета 1962 года на Кубу отбыли сотрудники 3-го управления из службы контрразведки советской группы войск, оказывавшей помощь кубинскому народу в отражении американской агрессии. С первых же дней пребывания на Кубе у советских контрразведчиков установились тесные взаимоотношения с кубинскими органами государственной безопасности. Совместная работа довольно скоро принесла первые плоды. У кубинцев радиоразведывательной службы тогда еще не было, и наши возможности в этой области оказались очень кстати: был зафиксирован выход в эфир агентурного передатчика в особом режиме, когда сеанс связи длился буквально мгновение и передаваемые данные выстреливались, что называется, единым залпом. Наши радиоконтрразведчики запеленговали передатчик, а кубинские коллеги захватили с полочным резидента ЦРУ Клемента Инклана. У него были изъяты сверхбыстродействующий радиопередатчик, шифратор новейшей модификации и вопросник для сбора шпионской информации, в котором, в частности, предлагалось выяснить, что означают «крупные и мелкие клетки на рубашках советских военных инструкторов» и «действительно ли офицерский состав носит спортивные рубашки в более мелкую клетку, чем солдаты».

Оперативно-техническое управление (ОТУ) размещало своих сотрудников и спецаппаратуру в так называемых комнатах «Зенит» в зданиях дипломатических представительств СССР на территории зарубежных стран. Эти комнаты и находившаяся в них аппаратура использовались специалистами ОТУ для организации противодействия подслушиванию со стороны спецслужб противника и для слежения за эфиром на волнах, отведенных местной полицией и службам безопасности. Каждый раз, когда офицер резидентуры КГБ направлялся на рискованную встречу с агентом, дежурный техник в комнате «Зенит» начинал тщательное прослушивание. Обнаружив резкое увеличение интенсивности радиопереговоров или уловив какой-либо другой подозрительный признак, он посылал в эфир специальный сигнал тревоги.

Миниатюрный приемник в кармане офицера советской разведки начинал зуммерить, что означало: необходимо прервать встречу или отказаться от нее, если она еще не произошла. Известны по крайней мере три случая, когда комнаты «Зенит» в советских посольствах принесли ощутимые положительные результаты.

В 1958 году в советском посольстве в Осло удалось настроиться на волну переговоров норвежской контршпионской спецслужбы и «раскусить» код, которым пользовались ее сотрудники при наблюдении за работниками посольства. Первой цифрой кода сообщалось, кто выехал из здания посольства: единицей обозначался резидент советской разведки, двойкой – его заместитель. Далее шла первая цифра регистрационного номера автомобиля, а последней цифрой задавался номер предполагаемого района Осло, куда направлялся советский разведчик. Знание этого кода помогало работникам резидентуры КГБ в Норвегии обеспечить безопасность наиболее важных поездок.

В 70-е годы анализ интенсивности радиопереговоров, выполненный техниками комнаты «Зенит» в советском посольстве в Токио и подкрепленный наблюдениями сотрудников местной резидентуры, позволил прийти к выводу, что японские группы внешнего наблюдения, состоявшие из работников контрразведки и политической полиции, обычно резко ослабляли свою активность по выходным и праздничным дням, а между 11 часами вечера и 7 часами утра вообще не появлялись на улицах. Это объяснялось нежеланием начальства платить им сверхурочные. Знание режима работы японской «наружки» позволило советской резидентуре в Токио значительно повысить эффективность своих операций.

Наличие комнаты «Зенит» в советском посольстве в Вашингтоне помешало ФБР идентифицировать Рональда Пелтона, позвонившего туда 14 января 1980 г. с целью вступить в контакт с местной резидентурой КГБ. Сотрудники ФБР записали его беседу по телефону и, когда на следующий день по договоренности Пелтон лично явился в здание посольства, заблокировали все выходы оттуда, чтобы установить личность и арестовать Пелтона, когда он будет покидать посольство. Однако дежурный техник в комнате «Зенит» в советской дипломатической миссии зафиксировал неожиданный всплеск переговоров с использованием переносных и автомобильных радиостанций после того, как Пелтон оказался в здании посольства. Тогда Пелтона переодели и загрохивали под рабочего из обслуживающего персонала и в толпе других сотрудников посольства вывели незамеченным через боковую дверь.

Главное управление погранвойск имело в своем ведении специальные подразделения радиоразведки, занимавшиеся перехватом сигналов связи для сбора информации о пограничных районах зарубежья, примыкавших к советской границе.

16-й отдел ПГУ проводил операции, Направленные против обслуживающего персонала западных средств связи и особенно против иностранных шифровальщиков.

Высшая школа КГБ отвечала за профессиональную подготовку специалистов в области радиоразведки.

«Агентство Не болтай»

В декабре 1958 года председателем КГБ был назначен А.Н.Шелепин, который сразу сменил стиль руководства этим ведомством. Офицер шпионской спецслужбы одной из скандинавских стран, отвечавший тоща за перехват радиотелефонных разговоров КГБ, отмечал, что в течение почти всего 1958 года в подслушанных им распоряжениях председателя КГБ неизменно фигурировал глагол «требую». В последнем месяце грозное «требую» вдруг неожиданно сменилось на вежливое «прошу». Вскоре он узнал о назначении Шелепина.

При первом знакомстве с операциями КГБ, проведенными зимой 1958/59 года, Шелепина больше всего поразили успехи радиоразведки, которой тоща ведало 8-е ГУ. Эти успехи стали возможными благодаря проникновению в иностранные посольства в социалистических странах и вербовке шифровальщиков и дипломатов в Москве и за рубежом. Однако операции ПГУ в поддержку деятельности 8-го были, по мнению председателя КГБ, недостаточно хорошо согласованы. В составе ПГУ Шелепин создал новый, 16-й отдел, который поступил в непосредственное подчинение начальника ПГУ и был призван координировать операции в помощь радиоразведке, а также осуществлять связь ПГУ с 8-м ГУ.

Основным объектом внимания 16-го отдела изначально стали США. Начальник американского отдела 8-го ГУ А.Н.Селезнев добился, чтобы 16-й отдел ПГУ сразу же после своего создания приступил к сбору сведений о шифрсистемах, вскрытие которых представляло для подчиненных ему криптоаналитиков особый интерес. Наиболее грандиозным проектом 16-го отдела был план внедрения в АНБ, которое шутники в ПГУ окрестили «Агентство Не болтай». В 1960 году в Форт-Миде уже действовал по крайней мере один советский агент (сержант Джек Данлеп), но это не было результатом претворения в жизнь плана внедрения в АНБ: американский сержант сам предложил свои услуги советской разведке. И пока он тайно переправлял документы из Форт-Миды в Москву, КГБ удалось добиться за пределами США еще одного крупного успеха в раскрытии секретов американских шифров.

Документы из хранилища с тремя замками

В 1953 году во время прохождения службы в Западном Берлине американский сержант Роберт Ли Джонсон крепко обиделся на свое начальство. Да так крепко, что нелегально перебрался в восточный сектор города и попросил убежища для себя и своей невесты Хеди. Однако сотрудники КГБ убедили беглеца вернуться обратно, чтобы получать вторую зарплату, работая на советскую разведку. Скоро Джонсон завербовал для КГБ еще одного американского сержанта – своего приятеля Джеймса Аллена Миткенбау. В течение ряда лет эти два сержанта добывали советской разведке сведения третьейстепенной важности. Выяснилось, что Миткенбау располагал лучшими разведывательными возможностями. Поэтому он был отделен от Джонсона и взят на прямую связь. Через некоторое время Миткенбау был тайно переброшен в Москву, где прошел обучение основам разведывательного дела.

В 1956 году Джонсон порвал контакты с КГБ, уволился из армии и отправился вместе с Хеди в Лас-Вегас, где собирался выиграть в казино огромную сумму. Мечта не осуществилась, и Джонсон с горя запил. К концу 1956 года у него не осталось никаких средств к существованию.

В январе 1957 года в фургончик, где они жили, неожиданно ввалился Миткенбау с подарком в 500 долларов и предложением снова начать работу на КГБ. Джонсон поступил на службу в сухопутные войска, где о его прошлом ничего не знали. В течение двух лет Джонсон передавал Миткенбау различные фотографии, планы, документы, а однажды – даже образец ракетного топлива. В конце 1959 года Джонсона перевели на американскую базу во Франции, а в 1961 году он стал охранником в центре фельдъегерской связи в аэропорту Орли. Туда поступали самые важные документы Пентагона и штаб-квартиры НАТО. Среди них были шифровальные системы и ключи к ним, оперативные и мобилизационные планы США и их европейских партнеров, другие материалы высшей степени секретности. Агент средней руки, каким первоначально являлся Джонсон, превратился в источник ценнейшей информации с невероятным разведывательным потенциалом, который, правда, надо было еще суметь в полной мере использовать.

Центр фельдъегерской связи размещался в небольшом бетонном здании без окон и с одной входной дверью. Дверь открывалась в помещение, где делопроизводители сортировали почту. За ним находился огромный стальной сейф, добраться до содержимого которого можно было, пройдя через две стальные же двери. Первая запиралась массивной стальной перекладной с двумя кодовыми замками на концах. Вторая имела сложный замок, закрывавшийся ключом. Чтобы забраться в сейф, требовалось знать комбинации цифр для двух замков на перекладной и иметь ключ от замка на второй двери. По инструкции, когда открывалась дверь сейфа, рядом должен был находиться сотрудник охраны. Кроме того, в помещении, где обрабатывалась почта, постоянно присутствовал еще один охранник.

Прилежной службой Джонсон добился того, что из охранников его перевели в делопроизводители, которые время от времени дежурили на объекте в выходные. Так он получил возможность сделать слепок с ключа от двери сейфа. Затем Джонсон узнал кодовую комбинацию для концевого замка, воспользовавшись небрежностью одного из офицеров, который, не надеясь на память, записал на клочке бумаги набор цифр, отпиравший замок. Этот клочок Джонсон нашел в мусорной корзине. Код второго концевого замка он узнал с помощью портативного рентгеновского аппарата.

В воскресенье 15 февраля 1961 г. около полуночи Джонсон впервые проник в сейф, набил сумку пакетами с секретными документами и покинул свой пост. На машине он подъехал к пустынной дороге возле аэропорта Орли, где его поджидал связник. Джонсон передал ему свою сумку и взамен получил точно такую же с вином и закусками. Через 5 минут Джонсон опять был на посту, а в это время его связник мчался к зданию советского посольства в Париже. Там его уже поджидала бригада техников, которая в течение часа сняла печати с пакетов, сфотографировала документы, а затем аккуратно восстановила первоначальный вид почтовых отправлений.

В 3 часа ночи связник припарковал свою машину в 5 минутах езды от аэропорта Орли. В точно установленное время приехал Джонсон и обменялся с ним сумками. Потом Джонсон возвратился обратно и в 6 утра сменился с дежурства. По дороге домой он задержался возле заранее подобранной телефонной будки и оставил в ней пустую пачку из-под сигарет с нарисованным крестом. Это означало: «Все в порядке, Документы возвращены на место без происшествий».

Операция с самого начала осуществлялась с личной санкции Хрущева, и первая партия добытых секретных материалов была доставлена на стол персонально ему. Всего удалось провести 7 таких операций. Наиболее драматичной стала последняя из них. Когда связник прибыл, чтобы возвратить изъятые из сейфа документы, Джонсона на месте не оказалось. Время истекло, приближалась смена дежурных. Это неизбежно привело бы к провалу и операции, и ценного агента. Тогда сотрудник КГБ решился на отчаянный шаг. Он подрулил к зданию центра фельдъегерской связи, увидел стоявший поблизости автомобиль Джонсона, открыл дверцу и положил на сиденье сумку с документами. Утром был получен сигнал от Джонсона о благополучном возвращении документов в сейф. Позже выяснилось, что, передав связнику сумку, Джонсон решил поужинать и неожиданно для себя крепко заснул. Открыв глаза лишь за четверть часа до конца своей смены, он ужаснулся и отправился к машине, не зная что делать. И вдруг увидел в ней сумку. Схватив ее, Джонсон молниеносно вернулся на рабочее место и положил документы в сейф. Едва успел он закрыть все замки, как явился его сменщик.

В 1962 году Джонсону передали поздравления лично от товарища Хрущева. Ему также вручили 2 тыс. долларов, сказав, что на них он может гульнуть в казино. К концу апреля 1963 года Джонсон перетаскал для КГБ в общей сложности 7 сумок, полных документов, среди которых были подробные описания шифровальных систем США, данные о размещении американских ядерных боеголовок в Европе, оборонительные и наступательные планы НАТО. Но Джонсон начал забывать об осторожности, и на некоторое время контакт с ним был прекращен. Когда же в КГБ попытались возобновить связь с Джонсоном, того уже перевели на другое место службы обратно в США.

В 1964 году Джонсон был идентифицирован с помощью сведений, которые сообщил бежавший в США изменник Юрий Носенко, заместитель начальника отдела 2-го главного управления (ВГУ) КГБ. Однако у ФБР не было достаточных доказательств противозаконной деятельности Джонсона, чтобы изблечь его в суде. Помог случай. В том же году Джонсон сбежал после того, как Хеди пригрозила, что разоблачит его как советского агента. Когда сотрудники ФБР вызвали ее для допроса по поводу исчезновения мужа, она им все рассказала и выдала также Миткенбау. Через некоторое время Джонсон добровольно сдался и признался во всем. В 1965 году он и Миткенбау были признаны виновными и приговорены к 25 годам лишения свободы. В заявлении Пентагона по этому поводу говорилось: «Невозможно точно определить нанесенный нам ущерб. Некоторые потери непоправимы и не поддаются оценке... Не раскрой мы это дело, если бы началась война, потери вполне могли оказаться фатальными».

Джонсон скончался в тюрьме в мае 1972 года — во время свидания сын смертельно ранил его ножом.

Чтение американской шифрпереписки, налаженное в КГБ на рубеже 60-х годов в результате ряда совместных операций ПГУ и 8-го ГУ, помогло СССР занять гибкую позицию в отношениях с США во время карибского кризиса. Благодаря

успехам советской радиоразведки в Москве своевременно стало известно о том, что, если Советский Союз не пойдет на компромисс и не уберет свои ракетные базы с Кубы, Соединенные Штаты приступят к их устранению военным путем. В обмен на отказ от размещения советских ракет на Кубе США готовы были гарантировать территориальную целостность кубинского государства. Из прочитанной американской шифрпереписки Москва также узнала об истинной цели полетов самолетов-шпионов У-2 над СССР и о возможных действиях США в случае возникновения конфликтной ситуации вокруг них.

Однако Хрущев во время поездки в Соединенные Штаты, памятной его скандальным выступлением в ООН, недвусмысленно дал понять, что советские криптоаналитики читают американскую шифрпереписку. Сначала в беседе с представителем США в ООН Лоджем он похвастался, что знакомился с конфиденциальными посланиями президента Эйзенхауэра. А затем заметил директору ЦРУ Даллесу, что его агенты передают свои шифры КГБ, который использует их, чтобы дезинформировать ЦРУ и выманивать у него деньги. При этом Хрущев в шутку предложил, чтобы США и СССР экономили деньги путем объединения усилий своих спецслужб. Вскоре АНБ спешно заменило практически все свои шифрсистемы.

Назар

В середине 70-х годов сотрудник 16-го отдела ПГУ «засек» в Токио и начал терпеливо обхаживать шифровальщика японского МИД, проявляя немалую щедрость и поначалу ничего не требуя взамен. Токийская резидентура КГБ присвоила японцу имя Назар.

Вскоре Назар был переведен по службе в одну из восточноевропейских стран. Советский офицер тоже очутился там и завербовал японца, соблазнив его крупной суммой денег.

После возвращения Назара в Токио его опекали сразу два майора токийской резидентуры КГБ. Соблюдались и другие меры предосторожности. Встречи с Назаром где-либо в ресторане считались нежелательными. Назар передавал документы своему связнику прямо на ходу, прошмыгивая мимо него в уличной толпе, или оставлял их в хорошо укрытых тайниках. Во время передачи этих документов резидентура КГБ в Токио приостанавливала все свои операции.

Место уличной встречи Назара со связником или соответствующий тайник оцеплялись наблюдателями, а поблизости крутились «подсадные утки», чтобы в случае чего отвлечь на себя внимание. Сотрудникам вспомогательного персонала КГБ было известно только то, что они участвовали в какой-то важной операции. В какой именно, им знать не полагалось.

Доступ к узлу связи МИД Японии давал Назару возможность фотографировать каждую неделю десятки, а порой и сотни сообщений, поступавших из японских посольств со всех концов мира, в том числе из Москвы и Вашингтона. Таким образом, сами того не подозревая, японские посольства служили поставщиками информации для КГБ. Но этим ценность Назара отнюдь не исчерпывалась, поскольку он давал криптоаналитикам КГБ возможность быстро замечать и разгадывать изменения в японских дипломатических шифрсистемах. Сравнивая полученные открытые и шифрованные тексты одних и тех же сообщений, специалисты определяли основные принципы их шифрования. Количество материалов, поступавших в токийскую резидентуру КГБ от Назара, было так велико, что одно время даже снизилась оперативность их перевода.

В нужное время в нужном месте

В 80-е годы в поле зрения ПГУ попал 43-летний шифровальщик посольства США в Боготе Джеффри Барнетт. Известно, что мужчины в таком возрасте, как Барнетт, часто подводят свои жизненные итоги. Разгульный образ жизни, который, по сообщениям резидентуры КГБ, вел Джеффри, свидетельствовал о том, что эти итоги не вызывали у него ничего, кроме глубокого разочарования. Действительно, семьи нет, богатства тоже нет. Полжизни ушло на то, чтобы стать мелкой посольской сошкой, и времени на изменение ситуации к лучшему оставалось не так уж много. Разумеется, далеко не всегда подобные Барнетту люди становились предателями. Для этого необходимо наличие двух условий. Первое было налицо: продажа ставших ему известными по долгу службы секретов являлась для Барнетта если не единственным, то по крайней мере самым эффективным способом разрешения его проблем. За создание второго условия – чтобы в этот критический момент на пути Барнетта оказался умный вербовщик – взялся полковник Александр Болотов, под видом шведского дипломата вылетевший в Боготу из Западного Берлина.

Удобный момент для знакомства с Барнеттом представился Болотову в баре, когда он оказался рядом с шифровальщиком за стойкой. Болотов допил свою порцию виски и нарочито медленно направился к выходу. «Сэр, вы рискуете стать нищим, если будете оставлять в барах свои бумажники!» – весело крикнул ему вслед подвыпивший Барнетт. Конечно же, бумажник был оставлен Болотовым специально. Он любил этот прием, связанный с известным риском. Ведь намеченная жертва могла не заметить приманки, а иногда втихую присваивала себе его содержимое. В случае с Барнеттом трюк сработал, и «жертва» сама установила контакт с оперативным работником КГБ.

Знакомство было отмечено обильными возлияниями, в ходе которых Болотов поведал заранее подготовленную легенду о своем беспросветном существовании, продолжавшемся ДО тех пор, пока он не встретил одного богатого южноафриканца, По словам Болотова, в обстановке политической и экономической изоляции Южно-Африканской Республики его новый знакомый нашел себе достаточно выгодное дело, Он скупал ценную информацию и затем перепродавал ее правительству ЮАР. Большие деньги рекой потекли в карман Болотова, ставшего компаньоном южноафриканца в сборе информации.

Барнетт поверил легенде и предложил поставлять знакомому Болотова копии открытых текстов шифртелеграмм американского посольства, проходивших через его руки, Оригиналы Барнетт по инструкции должен был уничтожать в присутствии своего напарника. На это предложение Болотов без особого энтузиазма заявил, что посольские материалы стоили малого, поскольку большинство тайн госдепартамента США быстро просачивалось в печать, нередко с ведома самих американских дипломатов. Иногда даже целые газетные статьи составлялись из расшифрованных посольских шифртелеграмм, как это случилось с сообщением газеты «Вашингтон тайме» о том, что «Медельинский картель» поставлял наркотики в США из Никарагуа. Тем самым госдепартамент пытался обвинить неудобное ему правительство Никарагуа в пособничестве наркобизнесу и рассчитывал убедить американский конгресс в необходимости увеличить ассигнования противникам этого правительства.

После некоторых раздумий над сказанным Болотовым Барнетт предложил продать за 100 тыс. долларов копии открытых текстов шифртелеграмм резидента ЦРУ в Боготе. Для советского разведчика это было пределом мечтаний. Болотов предложил Барнетту аванс в 40 тыс. при условии, что эти шифртелеграммы будут относиться к различным числам последних 2 месяцев. Обмен «товара» на деньги состоялся уже на следующий день. Эта встреча Болотова с Барнеттом стала последней. Болотов знал, что резидентура КГБ в Боготе давно занималась регулярным перехватом шифровок американского посольства в надежде когда-нибудь их дешифровать. Предоставленные Барнеттом открытые терты шифртелеграмм позволяли надеяться путем их сопоставления с соответствующими зашифрованными вариантами пробить такую брешь в системе обеспечения безопасности связи американского посольства, что залатать ее можно было только с помощью полной замены посольских шифровальных машин. С этого момента помощь Барнетта КГБ больше не требовалась.

Только шесть членов

Специализация 16-го управления КГБ, созданного в 1969 году, заключалась в добывании информации из линий связи других государств, что включало в себя перехват шифрсообщений из каналов, принадлежавших как легальным, так и шпионским сетям связи, с последующим их дешифрованием, а также проникновения с помощью технических приспособлений к средствам обработки информации, размещенным на территории дипломатических представительств зарубежных стран. Численность сотрудников 16-го управления оценивалась в 80-е годы цифрой в 2 тыс. человек, не считая военных, задействованных на станциях перехвата.

Не следует забывать, что период становления 16-го управления пришелся на первую половину 70-х годов. К этому времени председатель КГБ Андропов успел превратить опальное во времена Хрущева ведомство в мощную организацию. Органы госбезопасности заняли особое место в советском государстве: более высокая зарплата, различные льготы. Что бы ни говорили о КГБ в начале 90-х годов, в 70-е служба там считалась престижной. Неприглядные стороны деятельности тщательно скрывались, а молодежи цветисто преподносилась романтика чекистской службы. Поэтому недостатка в людях, желавших стать сотрудниками КГБ, не было. И шли туда не самые худшие. В том же 16-м управлении работало немало лауреатов Ленинской и Государственной премий, главным образом в области математики, а в КГБ в целом — два члена-корреспондента Академии наук СССР,

В Москве 16-е управление обладало крупным компьютерным центром, а за пределами СССР имело развитую сеть радиоразведывательных станций, располагавшихся в советских дипломатических и торговых миссиях ряда стран мира, а также на советских военных базах. Для размещения радиоэлектронной аппаратуры слежения 16-м управлением активно использовались и суда советского торгового флота. Однако вне зависимости от своего местоположения чуткие электронные «уши» этого управления были нацелены прежде всего на сигналы, которыми передавались шифрованные дипломатические депеши.

Источники информации, откуда 16-е управление черпало свои разведывательные данные, считались очень ценными, что было вполне понятно. Ведь когда удавалось прочесть шифрпереписку какого-либо посла дружественной или еще того лучше недружественно настроенной по отношению к СССР страны, это было равносильно его вербовке.

Информация, добываемая 16-м управлением, шла на стол избранному числу руководителей советского государства. В 50-е и 60-е годы тексты, полученные средствами радиоразведки, писали на тонкой прозрачной бумаге и хранили в больших «красных книгах». «Красную книгу» приносил курьер, который стоял за спиной у читавшего, пока облеченное государственной властью лицо просматривало те ее страницы, с которыми ему можно было знакомиться. Записей делать не разрешалось.

В 70-е годы информационные сводки 16-го управления получали только 6 членов брежневской правящей верхушки – сам Брежнев, Андропов, Громыко, Кириленко, Суслов и Устинов. Данные отличались высокой оперативностью, и им очень доверяли: считалось, что дезинформация по этим каналам не передавалась. Однако советские руководители не учитывали, что информацию мог исказить или замалчивать сам Комитет. Например, телеграммы шведского посольства в Москве привлекали большое внимание. В конце августа 1984 года шведский посол в Москве послал в Стокгольм телеграмму под названием «Москва в начале осеннего политического сезона», в которой рассматривались перспективы борьбы за власть в советском руководстве. Об этой телеграмме опасались докладывать высшему звену руководителей СССР, поскольку в ней содержался ряд нелицеприятных формулировок. Очень долго содержание телеграммы наверх не сообщали. В конце концов ее туда отправили, но в несколько измененном виде. Вычеркиванию подлежали такие вольности иностранных дипломатов, как «Горбачев напоминает скорее Андропова» или «Раиса Максимовна является верной соратницей Горбачева». На профессиональном жаргоне руководства КГБ это называлось «смягчением характеристик».

Еще один эпизод, достаточно скандальный. К 1979 году относится возникновение проблемы западных заложников. Тогда исламские религиозные фанатики захватили персонал американского посольства в Тегеране. Американцы предпринимали усилия по обмену заложников, но, поскольку уже не имели своего посольства в Иране, переговоры вели через швейцарское посольство. Информация об этом шла по швейцарским дипломатическим каналам. Чтобы помешать Швейцарии в посредничестве между Ираном и США, КГБ поделил обязанности между ПГУ и 16-м управлением так: 16-е управление читало швейцарскую дипломатическую шифрпереписку как между Москвой и Берном, так и между Берном и Тегераном, а ПГУ занималось компрометацией тех дипломатов Швейцарии, которые, как следовало из прочитанной шифрпереписки, вели переговоры с Ираном.

Джонни Уокер

Сразу после своего создания 16-е управление стало работать в тесном контакте с одноименным отделом ПГУ. 16-й отдел имел исключительное право контролировать все операции ПГУ по добыванию иностранных шифров, а также по внедрению агентов в западные спецслужбы радиошпионажа. Каждый сотрудник этого отдела занимался единственным делом, которое велось абсолютно автономно от других. Еще одно непреложное правило запрещало встречу с агентами в тех странах, где они работали. Излюбленными местами

таких встреч стали Вена, Хельсинки и Дели — три крупные столицы за пределами стран — союзниц СССР, где КГБ пользовался наибольшей свободой.

Именно под контроль 16-го отдела ПГУ и поступил Джон Энтони Уокер, дежурный офицер связи в штабе командующего подводным флотом США в Атлантическом регионе, после того как предложил свои услуги советской разведке. Примерно в те же самые дни, когда Прайм передал записку с предложением сотрудничества на КПП в восточном секторе Берлина, Уокер приехал со своей базы в Норфолке, штат Виргиния, в Вашингтон, оставил машину в центре города, зашел в телефонную будку и нашел в справочнике адрес посольства СССР. Выйдя из такси на расстоянии квартала от здания посольства, он дошел до его входа и попросил передать, что хотел бы поговорить с кем-либо из службы безопасности. С собой он принес месячные ключевые установки для шифровальной машины KL-47. Однако Уокер был немало удивлен, когда сотрудник КГБ, которому Уокер показал копию списка ключей к шифратору KL-47, огорошил гостя вопросом о том, почему на оборотной стороне этого списка отсутствует специальный штамп, свидетельствующий о введении ключей в действие. Пораженный Уокер не сразу вспомнил, что от подобной практики в АНБ отказались совсем недавно.

Однако самым важным моментом в деле Уокера стали не те неожиданные вопросы, которые ему задавали сотрудники КГБ, а информация, которая находилась в распоряжении Уокера, но о которой его так и не удосужились спросить. «Я могу только сделать вывод, что они получали свои данные откуда-то еще», — к такому итогу пришел Уокер. Позднее он вспоминал, что сотрудники АНБ пришли в уныние, когда узнали, что ему не было задано никаких вопросов по поводу самых совершенных на то время шифрмашин, эксплуатировавшихся в американских ВМС, ВВС, армии и вооруженных силах из состава НАТО.

На преступный путь Уокер вступил рано. В 18 лет, бросив учебу в католической школе, он пошел служить на флот, чтобы избежать наказания за кражи, совершенные им на заправочной станции и в магазине мужской одежды. Будучи уже семейным человеком, после серии неудачных сделок Уокер залез в долги и, чтобы поправить пошатнувшееся финансовое положение, попытался заставить свою жену заняться проституцией. В отличие от отшельника Прайма Уокер всегда был душой общества. В портовых барах по всему миру он любил крикнуть: «Бармен! Мне стакан того виски, что в честь меня назвали — «Джонни Уокер»!»

Жена Уокера Барбара узнала, что ее муж — агент иностранной разведки, в 1968 году, когда Джон взял ее с собой в одну из поездок, предпринятую для передачи собранной информации и получения за нее вознаграждения. Еще до развода с Уокером в 1976 году она дважды набирала телефонный номер ФБР, но каждый раз ей не хватало смелости довести дело до конца. Барбара вешала трубку, так ничего и не сообщив о своем муже. Утешение она нашла в спиртном. Среди сообщников Уокера вскоре оказались его брат Артур, сын Майкл и лучший друг по имени Джерри Уитуорт.

Уокеру удавалось легко обманывать окружающих. В характеристике, подписанной его начальником в 1972 году, говорилось следующее: «Джон

Уокер в высшей степени лоялен, гордится собой и службой на флоте, неукоснительно придерживается принципов и традиций морской службы. Отличается обостренным чувством долга и личной порядочностью в сочетании с большим чувством юмора. Дружелюбен, умен, прекрасно уживается с другими».

К тому времени, когда слагалась эта ода, Уокер уже 4 года работал на КГБ. Придя в советское посольство в Вашингтоне в первый раз, он заявил, что имеет неограниченный доступ к шифровальной аппаратуре и ключам, и попросил за свои услуги 1 тыс. долларов в неделю. Ему выплатили аванс в 2 тыс. и договорились о следующей встрече, которая должна была состояться через несколько недель в универмаге. Затем на Уокера надели огромное пальто и шляпу и вывезли из посольства на заднем сидении автомобиля. Он сидел, низко опустив голову, а справа и слева от него располагались два других сотрудника посольства. Дежурные на наблюдательном посту ФБР напротив здания советского посольства, круглосуточно наблюдавшие за всеми входящими и выходящими оттуда людьми, ничего не заподозрили. Сотрудникам ФБР понадобилось целых 17 лет, чтобы эти подозрения у них появились, и еще 3 месяца, чтобы убедиться в их обоснованности.

Во время следующей встречи, в универмаге, Уокер передал несколько ключевых карточек шифра. За это он получил 5 тыс. долларов — по тем временам огромную сумму. Кроме того, ему недвусмысленно дали понять, какое исключительное значение придается его работе. Уокеру было сказано, что в интересах его безопасности личные контакты с ним будут устанавливаться только в случае крайней необходимости, а связь следует поддерживать через «почтовые ящики». Уокер получил подробные инструкции, карты, фотографии мест, где находились его «почтовые ящики», и микрофотокамеру. Уокер заявил, что переснимать ею шифрматериалы и секретные документы в центре связи командующего подводным флотом США в Атлантическом регионе — задача простая. Позже он с презрением говорил: «Служба безопасности в универмагах поставлена куда лучше, чем на флоте». Еще он любил повторять, что конъюнктура рынка по продаже государственных секретов США исключительно благоприятствует покупателю, а отнюдь не продавцу.

17 ноября 1984 г. дежурный ФБР ответил на телефонный звонок женщины, представившейся Барбарой Уокер. Она сообщила, что ее бывший муж снабжал Советский Союз секретными документами начиная с 1968 года. Дежурный переадресовал полученную им информацию сотруднику ФБР по месту проживания миссис Уокер, который потом написал докладную записку по итогам ее посещения на дому. История, рассказанная полупьяной женщиной о своем муже, с которым она не жила уже более 10 лет и которого яро ненавидела, показалась ему не заслуживавшей доверия. Более того, у посетившего Барбару сотрудника ФБР не было никаких оснований заподозрить, что и она, и другой, анонимный, «доброжелатель», в мае 1984 года письменно сообщивший в ФБР о крупной разведывательной операции иностранной державы на территории США и о своем намерении раскрыть ее детали, имели в виду одного и того же человека. Поэтому докладная записка этого сотрудника заканчивалась выводом о нецелесообразности дальнейшего расследования по факту звонка бывшей миссис Уокер.

Через 3 месяца в соответствии с должностной инструкцией доклад о ноябрьской беседе с Барбарой Уокер был направлен для дополнительной проверки другому сотруднику ФБР. Поскольку Уокер одно время состоял на военной службе, тот счел необходимым оповестить о нем своих коллег из

штаб-квартиры ФБР, занимавшихся выявлением агентуры ГРУ в США. Повторный допрос Барбары и дополнительная информация, полученная из беседы в марте 1985 года с одной из дочерей, выявили такие детали разведывательных операций Уокера, которые нельзя было выдумать или вычитать из авантюрных романов. За Уокером была установлена слежка.

После 6 недель наблюдения сотрудникам ФБР стало известно, что объект собирается отправиться в поездку на машине, о маршруте и пункте назначения которой Уокер сообщал своим знакомым весьма противоречивые сведения. Это могло означать, что Уокер собирался произвести очередной обмен «товар — деньги» с советской разведкой. В результате предпринятых ФБР мер этот обмен был сорван, а подозреваемый арестован с поличным. Правда, сотрудники ФБР, участвовавшие в этой операции, допустили одну ошибку. Увлечшись сбором улик против Уокера, они выбрали и оставленную им пустую жестяную банку, которая служила сигналом, что он готов к обмену. В результате связник Уокера, третий секретарь советского посольства в США, сотрудник КГБ А.Г.Ткаченко, сумел ускользнуть от ФБР.

В ходе ареста неожиданно возникла критическая ситуация, когда Уокер, возглавивший после увольнения с военной службы собственное частное сыскное агентство и имевший разрешение на ношение оружия, вытащил свой револьвер и направил на сотрудников ФБР. Промедление с выполнением их грозного приказа бросить оружие, не говоря уже о попытке оказать им вооруженное сопротивление, несомненно стоило бы Уокеру жизни. После секундного колебания он подчинился.

Только после произведенного ареста в ФБР окончательно удостоверились, что Уокер работал на КГБ, а не на ГРУ, так как советская военная разведка никогда не снабжала своих агентов фотографиями мест, где планировалось провести операцию по обмену добытых ими данных на деньги. На подготовленных Уокером к передаче КГБ материалах были обнаружены отпечатки пальцев его сына. Джон и Артур Уокеры были осуждены на пожизненное заключение, а Майкл — на 25 лет тюрьмы.

Так закончилась карьера Джона Уокера, который проработал на КГБ 17 лет до того момента, когда его жена наконец набралась смелости донести на него. Все это время он мешками поставлял секретные документы с информационными сводками АНБ и сведениями о шифрсис-темах, которые использовались не только на флоте, но и в других родах американских вооруженных сил, в государственном департаменте, ЦРУ и ФБР. 16-й отдел требовал от него также регулярного предоставления ежедневных ключей. Уокер выплачивал Уитуорту ежемесячную премию в размере 10 тыс. долларов за бесперебойное снабжение ключами. Но вопрос о премии возник только тогда, когда у Уокера (а следовательно, и у КГБ) успели накопиться ключи, переданные Уитуортом, за несколько последних лет. И это при том, что американцы меняли ключи к своим шифраторам каждые сутки. Возможно, именно недовольство слишком скромными размерами премии и заставило Уитуорта в мае 1984 года в анонимном письме донести на Уокера в ФБР. Сотрудники бюро предприняли попытку связаться с анонимом через объявления в газетах, призывавшие его дать о себе знать, но к тому времени Уитуорт раздумал доносить на Уокера.

Чтобы лучше понять ущерб, нанесенный Уокером системам обеспечения безопасности линий связи США, следует напомнить, что, по укоровившемуся в АНБ с давних пор мнению, американские шифраторы вместе с руководствами по

их эксплуатации хотя и требовали тщательной охраны, но без ключей к ним не представляли большого интереса для противника. Слово Уитуорту, субагенту Уокера. «В контексте информации о коммуникациях ключи имеют наибольшее значение. Единственное, что может быть еще лучше, это ключи вместе с техническим руководством и само шифроборудование. В этом случае есть все необходимое» (для чтения шифрпереписки США. — Прим. авт.).

Мнение Уитуорта подтвердили свидетельские показания Эрла Давида Кларка, бывшего начальника отдела «безопасности связи» АНБ, на суде над Уитуортом в 1986 году: «Мы проектировали наши системы, чтобы быть уверенными, что без ключа никто не смог бы прочесть сообщения». «Вы смогли бы использовать только те сообщения, для которых у вас имелаась логическая схема (шифрмашины из ее технического описания. — Прим. авт.), и ключи, по которым открытые тексты этих сообщений зашифровывались. Вы не смогли бы прочесть завтрашнюю шифрпереписку, если бы не было ключей на завтрашний день».

Естественно, что украсть шифраппаратуру Уокер не мог, но в его силах было раздобыть ее подробное техническое описание, а по нему можно было реконструировать сам шифратор. Уже одно это, по мнению официальных лиц в ВМС США, дало возможность советской стороне приступить к чтению американской шифр-переписки даже без получения доступа к ключам. Одной из скомпрометированных таким образом шифрмашин стал аппарат KW-7, который одно время являлся основным для закрытия правительственных линий связи США. По итогам расследования дела Уокера KW-7 был в срочном порядке заменен на другой шифратор. Та же участь постигла еще одну шифрмашину — KWR-37, использовавшуюся для защиты однонаправленных линий связи типа «берег — корабль», которые предназначались для оперативного руководства командованием ВМС США своими флотскими соединениями. Полученные через Уокера схемы, ключи и открытые тексты шифровавшихся с помощью KW-7 и KWR-37 сообщений позволили нашим криптоаналитикам совершить то, что в АНБ считали невозможным, — читать шифрпереписку на линиях связи, которые защищались с помощью этих шифраторов, не зная ежедневно менявшихся ключей к ним. Шифрмашины KW-7 и KWR-37 попали в руки советских криптоаналитиков еще в 1968 году, когда КНДР захватила вторгшееся в ее территориальные воды американское шпионское судно «Пуэбло». Тогда, по свидетельству Кларка, АНБ успокаивало и себя, и встревожившихся военных и государственных деятелей США заявлениями о том, что в СССР «не смогут вскрыть их, если там нет правильного ключа». В Агентстве были внесены необходимые изменения в схемы этих шифраторов, чтобы лишить СССР возможности дешифровать сообщения из линий связи, на которых стояли KW-7 и KWR-37, даже если «правильный ключ» у советской радиоразведки появится. В АНБ еще не знали, насколько ошибались: благодаря Уокеру, 16-е управление КГБ оперативно получало ключи к KW-7 и KWR-37, а с изменениями в их логической схеме советских криптоаналитиков своевременно знакомил Уитуорт.

Контактировавшие с Уокером сотрудники 16-го отдела ПГУ никогда не сообщали ему, насколько успешными были усилия их коллег-криптоаналитиков, читавших шифрпереписку США, за исключением одного-единственного случая. В начале 1980 года они пожаловались, что их копия шифратора KWR-37 перестала дешифровать американские шифрсообщения по предоставлявшимся Уокером ключам. Проблема заключалась в том, что американцы стали использовать специальное устройство для считывания и предварительной обработки ключевой информации, прежде чем она попадала собственно в сам

шифратор. Уитуорт лично набросал схему считывателя и передал ее Уокеру, а тот — дальше по назначению. После этого рекламации от КГБ больше не поступали.

Неоценимую роль сыграла деятельность Уокера в поражении Америки в войне во Вьетнаме. Теодор Шекли, с 1968 по 1973 год возглавлявший резидентуру ЦРУ в Сайгоне, вспоминал, что на заключительном этапе войны во Вьетнаме противник обычно знал заранее о рейдах бомбардировщиков Б-52. Даже когда из-за плохой погоды самолеты уходили на запасные цели, вьетнамцам было уже известно, по каким из них будет нанесен удар. Естественно, это сокращало эффективность американских бомбовых ударов. Шекли недоумевал и сокрушался по этому поводу, но так и не смог понять, в чем дело. Оценки Шекли позволили понять, насколько был велик психологический эффект от осознания того, что оперативные планы известны противнику в результате утечки информации. На американском флоте в эти годы тоже часто замечали, что, когда проводились секретные маневры, поблизости всегда оказывались советские корабли. «Как будто у них были дубликаты наших оперативных планов», — сетовал один американский адмирал.

К началу 1984 года перечень тем, информацию о которых в КГБ желали получать от Уокера, сильно сократился. На состоявшейся в Вене встрече у него потребовали данные о модификациях в логической схеме KW-7, а также копию документа под названием МНК. За этим сокращением, по словам Уокера, скрывался так называемый Меморандум национального командования, который имел отношение к криптографической защите информации. К тому времени сократились и возможности Уокера по добыванию ценных разведданных. По его признанию, очень мешали ему дополнительные меры безопасности, введенные в АНБ: особые патроны для хранения ключей, руководства по эксплуатации шифраторов без схем их основных узлов, ключевые таблицы, которые невозможно было сфотографировать.

«Разработка» Уокера, самого важного агента КГБ в США в 70-е и 80-е годы, стала крупным успехом советской разведки. Технические приемы, которыми чекисты пользовались для конспиративной связи с Уокером, заслужили самую высокую оценку в ФБР, когда после его ареста там смогли ознакомиться с инструкциями КГБ, данными Уокеру.

ПОСОЛЬСТВА

Самый отдаленный пункт земного шара к чему-нибудь да близок, а самый близкий — от чего-нибудь да отдален.

К. Прутков. «Сочинения»

На переднем крае

Занимаясь радиоразведкой против зарубежных государств, КГБ имел хорошую возможность действовать непосредственно с их территорий, пользуясь «заповедностью» дипломатических зон, на которых размещались полномочные представительства советского внешнеполитического ведомства. В США таких

«заповедников» у КГБ было три: миссия при ООН в Нью-Йорке, посольство в Вашингтоне в пяти кварталах от Белого дома и консульство в Сан-Франциско. Верхние этажи соответствующих зданий в этих трех американских городах были заполнены электронной аппаратурой, а на их крышах рядами возвышались антенны.

Типичная станция перехвата в советском посольстве представляла собой комнату, битком набитую аппаратурой: микроволновыми приемниками, аппаратами звукозаписи, телетайпами и прочей электроникой. С ее помощью перехватывалась информация, исходившая от американских шпионских спутников и других систем дипломатического, военного и коммерческого назначения, записывались телефонные переговоры, более половины которых уже в 70-е годы осуществлялись в США с помощью радиоканалов. Наибольший интерес вызвала телефонная связь учреждений военного ведомства США и фирм, выполняющих военные заказы. Процесс перехвата был до такой степени автоматизирован, что обычно с ним управлялся один техник, которому придавались в помощь жены офицеров посольской резидентуры КГБ. Накопленная информация обобщалась и отправлялась в Москву для анализа.

Известность получило «великое хлебное ограбление». Жертвой его стали США, а удачливым налетчиком — СССР, который в 1972 году перехватил переговоры по радиотелефонной связи между министерством сельского хозяйства США в Вашингтоне и другими американскими правительственными ведомствами. Благодаря полученной информации советская сторона на переговорах о закупке зерна в США сумела выторговать для себя закупочную цену, которая не только оказалась выгодной для СССР, но впоследствии привела к его нехватке для покупателей и повышению почти в 1,5 раза стоимости зерна внутри самих США.

Являясь форпостом отечественной радиоразведки, любое советское посольство было особенно уязвимо именно по причине своего расположения на территории зарубежной страны. И если от иностранных радиоспионских спецслужб можно было надежно защититься звуконепроницаемыми окнами, а также двойными стенами, полами и потолками, промежутки между которыми постоянно «озвучивались» музыкой и электронными импульсами глушения, то применить подобные же технические средства для защиты сотрудников посольств от посягательств со стороны иностранных спецслужб было нереально. Особенно приходилось опасаться за шифровальщиков, которые знали больше секретов, чем кто бы то ни было. Вечный страх начальства, что кто-нибудь из них может стать добычей противника, был настолько велик, что шифровальщикам не разрешалось выходить за пределы посольского комплекса без сопровождающих.

Однако и зарубежные государства, размещая свои посольства на территории нашей страны, предоставляли отечественной радиоразведке дополнительные возможности. Взять, к примеру, хотя бы физическое проникновение в здания посольств. По традиции, зародившейся еще при Сталине, для каждого такого визита в конце 50 — начале 60-х годов требовалась личная санкция первого лица в государстве. Известен случай, когда Хрущев разрешил забраться в японское посольство, подкупленный шифровальщик которого предварительно сообщил кодовые комбинации сейфовых замков.

В 1967 году канадцы нашли антенну в своей посольской шифровальной комнате в Москве: она проникла туда из вентиляционной шахты с Чердака соседнего дома с помощью умелых рук специалистов КГБ. Какая команда — канадских ли дипломатов или советских чекистов — победила в этих импровизированных международных соревнованиях по перетягиванию антенны, неизвестно. КГБ удалось также получить доступ к сейфам и шифрам шведского посольства: внимание ночного дежурного отвлекла сотрудница КГБ, а ее напарники подбросили сторожевой собаке кусок говядины со снотворным. То же, что и со Швецией, в разное время случилось с Египтом, Ираном, Сирией и Турцией.

Другим способом проникновения в шифровальные комнаты иностранных представительств было внедрение миниатюрных датчиков («закладок») в оборудование, которым оснащались дипломатические миссии. Одной из удачных операций такого рода была установка «закладок» в шифровальную аппаратуру, которую японцы решили поставить в свое посольство в Москве взамен устаревшей. В КГБ до последнего часа не знали, какой путь будет выбран для ее доставки в столицу. Когда грузовик с опечатанным контейнером, в котором находились новые японские Шифраторы, в сопровождении курьера пересек советско-финляндскую границу и двинулся через город Выборг на Москву, ему предстояло пройти около 900 километров до пункта назначения. За это время сотрудники КГБ успели сесть грузовику «на хвост» и по дороге наспиговать его секретный груз «закладками» с гарантией их бесперебойного функционирования не менее 10 лет.

К началу 80-х годов как за рубежом, так и в СССР успела стать рутинной практика электромагнитного облучения посольских зданий на высоких частотах с целью вызова ответного излучения от электрических цепей, которые функционировали во внутренних помещениях этих зданий. Ответное излучение могло нести в себе полезную информацию о содержании бесед, которые вели сотрудники Дипломатических представительств, а также данные о работе установленных в них печатающих устройств и шифраторов. Вред, который такая практика ведения радиоразведки наносила здоровью персонала посольств, мало кто принимал во внимание. Ведь в разгаре была «холодная война», а, как известно, на всякой войне бывают жертвы.

К началу 90-х годов в Москве не осталось практически ни одного посольства, которое не пострадало бы от пожара. Конечно, от стихийных загораний не застраховано никакое дипломатическое представительство. Однако и эти нерукотворные пожары КГБ старался максимально использовать в своих целях. Ведь любой пожар представлял собой уникальную возможность проникновения на закрытую территорию посольства, причем в весьма благоприятных условиях, когда контроль со стороны дезорганизованного персонала практически отсутствует. По одной из зарубежных версий считалось, что в рамках КГБ функционировала лаборатория, специалисты которой могли создать пожар в любое время суток в нужном месте на заданной площади, предусмотреть сильное задымление и проконтролировать срок ликвидации возгорания. По сигналу пожарной тревоги к посольству наряду с силами обычных пожарных рот прибывали команды из специально подготовленных сотрудников КГБ, способных в кратчайшие сроки вскрыть любые хранилища документов и уложить извлеченные из них бумаги в нестORAемые контейнеры. В качестве крупного успеха советской разведки западные исследователи деятельности КГБ приводят случай, когда удалось организовать пожар в здании посольства США в Москве и именно на том его этаже, где размещалась резидентура. Возгорание находящегося там телетайпа

якобы было вызвано за счет подачи извне избыточного напряжения по кабелю, к которому американцы подключились без согласования с властями.

София

КГБ никогда не скрывал свой огромный интерес к шифрам иностранных дипломатических представительств от служб госбезопасности стран — союзниц СССР по Варшавскому Договору, поскольку не без оснований рассчитывал на их помощь. Наиболее теплые отношения сложились у чекистов с болгарскими коллегами, и самыми плодотворными для советско-болгарского сотрудничества в области прикладного криптоанализа стали 60-е годы.

Первой в списке стран, о которых со временем стало известно, что их посольства в 60-е годы подверглись криптографическому ограблению в Софии, стала Италия. Там советская разведка вознамерилась снять копии с шифр-блокнотов «Калабрия» и «Сардиния», с помощью которых обслуживался информационный отдел НАТО.

Чтобы заполучить эти шифры, необходимо было сначала изучить распорядок работы всех сотрудников итальянского посольства в ночное время. В течение месяца хронометрировались любые действия дежурных и охранников. Когда они делают ночной обход здания? Открывают ли при обходе двери служебных кабинетов сотрудников посольства? Какой длины паузы между обходами? Кроме этого, нужно было узнать, в каких сейфах хранятся шифрблокноты, изучить двери кабинетов и коридоров, которые необходимо преодолеть, пробираясь к сейфам с шифрами. Одновременно готовилась группа квалифицированных специалистов КГБ с целым рядом технических и химических приспособлений, чтобы разобрать шифрблокноты без их порчи, снять с них копии и восстановить в первоначальном виде. И наконец, требовалось добиться, чтобы в ночь, назначенную для посещения итальянского посольства, ни один из его работников не смог помешать проникновению сотрудников КГБ.

Но вот все условия выполнены. Кого-то из итальянских дипломатов пригласили в гости, на прием, на встречу с приятной собеседницей. Кому-то была предложена поездка по стране по интересующему его маршруту. Операция прошла удачно. Изъятые шифрблокноты были переданы на дальнейшую «обработку». Их защита оказалась не слишком сложной. Шифрблокноты были сброшюрованы с помощью медно-бронзовых круглых заклепок. Пришлось их снять, а потом вместо них поставить точно такие же.

Сотрудники группы проникновения остались в здании, ожидая возвращения изъятых документов. От нечего делать они заглянули в соседнюю комнату, отведенную телеграфисту. Должность эта была небольшой, чуть выше охранника. Поведение телеграфиста подозрений не вызывало, и поэтому ни разу за два года своего пребывания в Софии он не подвергался негласной слежке. Его кабинет был прост и скромен, за исключением одной детали: под топчаном в полу оказался небольшой люк. «Медвежатник» из состава группы проникновения играючи открыл его. Редкая удача! Из люка на свет появился объемистый шифрблокнот, на обложке которого было написано: «Софичио». Несмотря на строгие инструкции, согласно которым использованные листы шифрблокнотов подлежали скорейшему уничтожению, они были сохранены от начала до конца. Сфотографировать их не составило труда.

Как выяснилось позднее, при чтении шифрпереписки итальянского посольства, в нем помимо официальных сотрудников военного атташата существовала нелегальная резидентура шпионской спецслужбы Италии под названием «Сифар». Скромный «телеграфист» возглавлял эту резидентуру, а другой ее сотрудник работал портье при входе в посольство.

Кстати, о Софицио. Это был ценный агент «Сифар». Настолько ценный, что, когда он посещал Итальянское посольство в Софии, Центр в Риме запрещал «телеграфисту» оповещать об этом военного атташе. Установочные данные на Софицио были получены после дешифрования сообщения о его выезде в одну из западных стран, где он заказал по международному телеграфу Номер в гостинице. Знание даты выезда и названия гостиницы позволило найти телеграфный заказ Софицио и установить его личность.

После итальянского посольства в Софии настала очередь французского. Этот выбор был не случаен. В 60-е годы поиск возможных союзников в «холодной войне», которая в любой момент грозила перерасти в мировую, имел для СССР Первостепенное значение. Поэтому решение французского правительства выйти из блока НАТО прозвучало весьма обнадеживающе. Конечно, не обошлось без сомнений. Родилась версия, что это только уловка. Установить истину можно было, например, прочитав шифрпереписку спецслужбы внешнеполитического шпионажа Франции СДЕСЕ. Задание добыть французские шифры было направлено из Москвы во все зарубежные резидентуры КГБ. Руководство просило внимательно следить за ситуацией во французских дипломатических представительствах и немедленно докладывать об открывающихся возможностях. Это указание поступило и в резидентуру КГБ в Болгарии.

Вскоре выяснилось, что ситуация в посольстве Франции в Софии сложилась как нельзя более удачно. Ответственный за безопасность посольства отправился в поездку по стране. Его подчиненные, отвечавшие за соблюдение правил хранения шифрблокнотов, тоже временно отсутствовали: один был в отпуске, а другой слег с острым приступом аппендицита. В распоряжении сотрудников КГБ было две ночи, чтобы попытаться проникнуть в здание французского посольства. К работе следовало приступить немедленно.

Главный шеф представительства КГБ в Болгарии в это время отсутствовал. Его заместитель, человек нерешительный, отказался завизировать телеграмму о представившейся возможности добыть французские шифры. Тогда его подчиненным пришлось применить запрещенный прием. В представительстве КГБ стоял телефон ВЧ, который использовался только в крайних случаях, поскольку линию прослушивали в Румынии, по территории которой она частично проходила. Состоялся разговор с ответственным чиновником разведки КГБ, которому был задан наводящий вопрос: «Есть ли необходимость в исполнении просьбы, присланной за номером таким-то от такого-то числа?» Чиновник попросил перезвонить через полчаса и в повторном разговоре дал понять, что заинтересованность в получении французских шифров возросла до предела и что Центр готов оказать немедленную помощь. В ответ, маскируясь под геолога, один из сотрудников резидентуры КГБ сказал, что «изыскания будут проводиться завтра и послезавтра, нужны спецаппаратура и соответствующие геологи». На следующий день в Софию из Москвы прибыли «геологи» — специалисты группы проникновения.

Резидентом СДЕСЕ в Болгарии в то время был известный в КГБ господин. До этого он несколько лет прослужил в Москве в качестве помощника военного атташе Франции. Предполагалось, что в Болгарии он тянул сразу две лямки — резидента СДЕСЕ и старшего представителя так называемого 2-го бюро французской армии, занимавшегося военно-экономическим шпионажем. В

посольстве у него было два рабочих кабинета. Прибывшая из Москвы группа проникновения нацелилась именно на тот, в котором, по их расчетам, и должны были лежать шифры СДЕСЕ. Расчет был более чем удачным: шифрблокноты и СДЕСЕ, и 2-го бюро хранились в одном и том же сейфе.

Конечно, степень защищенности шифрблокнотов СДЕСЕ оказалась намного выше, чем у 2-го бюро. Они были прошиты специальными скрепками, а поверхность шифрблокнотов покрыта особым лаком. Будешь вскрывать скрепки, обязательно нарушишь лакировку. Если бы хозяева увидели малейшее повреждение поверхности шифрблокнотов, то без промедления заменили бы их. Долго трудились прибывшие из Москвы специалисты, чтобы убрать следы вскрытия шифрблокнотов. И в конце концов добились, чтобы внешний вид вскрытого и еще не тронутых блокнотов ничем не отличался. Были обработаны все шифрблокноты, кроме первого, который уже был вскрыт самими французами для использования в работе.

В ходе визита во французское посольство были также сняты копии со всех хранимых в сейфе СДЕСЕ документов. Среди них оказалась инструкция по работе с шифрами. Согласно ей, каждый использованный шифрблокнот подлежал отправке в Париж для химической экспертизы. Поскольку первый шифрблокнот был вскрыт самими хозяевами, то его проверка в Париже не дала бы никаких оснований для беспокойства. Было ясно, что затем французы вскроют второй шифрблокнот и используют его до конца. Таким образом, прежде чем французы обнаружили бы постороннее вмешательство в тайны своей шифрпереписки, должно было пройти дней 40-45.

Так и получилось. Примерно через два месяца из Парижа в адрес военного атташе Франции в Софии пришла шифровка следующего содержания: «Сообщите немедленно, отдельно ли хранились шифры 2-го бюро?» «Конечно, — последовал ответ, — как и положено по инструкции». Затем из французской столицы пришло указание прекратить работу с шифрами СДЕСЕ, а все имеющиеся шифрблокноты выслать с дипломатической почтой в Париж на экспертизу. Но в течение еще целого месяца в секретной переписке французского посольства в Софии использовались шифрблокноты 2-го бюро французской армии, которые были скопированы сотрудниками КГБ заодно с шифрами СДЕСЕ. Так что советское правительство получило достаточно пищи для размышлений по поводу политики Франции.

Как это делается

Сотрудник КГБ Вадим Николаевич Удилов в середине 60-х годов принял участие в операции по тайному проникновению в здание посольства США, являвшегося в те годы, по оценке советского руководства, главным противником СССР. Спустя 30 лет он поделился подробностями этой операции в своих воспоминаниях. Вот ее краткое описание.

«Посольство располагалось в трехэтажном здании и примыкало к рядом стоящим домам, тоже трехэтажным.

Проникнуть в посольство можно было через чердак или окна третьего этажа. И конечно, уйти при необходимости от преследователей по крыше. На третьем этаже были апартаменты посла и его служебные кабинеты. Значит, проникнуть в здание можно было тогда, когда посол и его семья отлучатся.

Сотрудники шпионской резидентуры с дипломатической «крышей» и шифровальная комната посольства располагались на втором этаже. Чтобы попасть в них, надо было открыть в фойе дверь в узкий коридор. Замок у нее был особый: при повороте ключа раздавался звон. Таких поворотов необходимо было сделать шесть. Ясно, что в ночной тишине звон обязательно дошел бы до слуха охранника. Коридор заканчивался дверью с таким же «музыкальным» замком. И только затем можно было попасть в небольшой вестибюль с четырьмя дверьми. Две вели в служебные кабинеты сотрудников. Третья, закрытая на засов, — к небольшой пожарной лестнице, идущей со второго на третий этаж в приемную посла. Это облегчало дело, так как в случае необходимости можно было быстро уйти наверх, а затем по крыше покинуть посольство. Четвертая дверь, массивная, с несколькими замками, вела в шифровальную комнату. Одни замки были «кодовыми» (чтобы их открыть, надо было набрать требуемую комбинацию цифр), другие «плавающими» (если не придерживаться такой замок, то он моментально возвращался в первоначальное положение).

Шифровальные документы лежали в сейфе, закрытом самыми современными замками. Требовалось время, чтобы открыть их да еще чтобы найти и устранить сигнальное устройство, достать и скопировать шифры, а затем все восстановить, как было, и тихо уйти. Нужно было предельно точно рассчитать, сколько времени займет такая операция.

К ее началу мы должны были знать поведение охранника в интересующее нас время. В течение месяца шло наблюдение и хронометрирование его действий. Когда сидит, когда ложится немного отдохнуть, когда делает обход здания, какие двери открывает и проверяет. Что делает после обхода, как реагирует на посторонние шумы. Накопленные данные сверялись, сопоставлялись по времени и месту, и в конечном итоге были выявлены закономерности поведения.

Охранник, как правило, присутствовал при уходе домой сотрудников посольства. При нем закрывали двери кабинетов и шифровальной комнаты. Сам он выходил из вестибюля последним и запирали двери узкого коридора с «музыкальными» замками. Проводив сотрудников и закрыв за ними парадную дверь, проходил по всем этажам, проверял, закрыты ли окна, не оставлены ли открытыми двери. Убедившись, что все в порядке, шел к себе в комнату на первом этаже. Немного читал, писал или смотрел телевизор. В 21.00 включал чайник и примерно в 22.00 ужинал. Для того чтобы мы могли не только догадываться, но и слышать, нам заранее удалось в его комнате установить технику слухового контроля. Мы проверили, как он реагирует на шум, когда засыпает. Установили, что наиболее сильно он отключается, когда после ужина засыпает на два часа перед ночным обходом здания. В то время, когда он засыпал, мы искусственно вводили шумы, напоминающие звук открываемых дверей, в том числе и с «музыкальными» замками. Охранник не реагировал. И все же на крайний случай, если он заподозрит что-то неладное и ринется наверх, внизу, у главного входа, стоял наготове наш «почтальон». Он по команде должен был резко и настойчиво звонить в дверь, тем самым отвлекая охранника и давая дополнительную минуту для ухода нашей группы проникновения. Для контроля за всеми действиями был создан пульт управления, куда вывели технику слухового контроля, радиосвязь со всеми участниками и даже рубильник электросети, если бы возникла необходимость внезапно погасить свет.

Порядок был такой. Во время ужина охранника мы проникали в ванную комнату посла и делали проходы по третьему этажу. Основная группа вступала в дело, когда охранник ложился отдохнуть. «Музыкальные» замки открывались по радиокоманде. Начинался всхрап – следовала команда: «Давай». Затем – внимательный слуховой контроль действий охранника. Если храп продолжался, процедура повторялась. Далее при прохождении узкого коридора и вестибюля перед «шифровалкой» наш труд получил некоторое облегчение. Открыв дверь с «музыкальным» замком, мы убедились, что с внутренней стороны ее можно закрыть без шума и звонков, используя для этого имеющийся внутри рычажок стопора. Когда первая дверь в узкий коридор закрывалась, то шума при открытии второй двери и двери шифровальной комнаты слышно не было. Примерно в 1.30 ночи у охранника в сторожевой комнате начинал названивать будильник. Сигнал о начале обхода здания поступил вовремя. К этому времени наши должны были находиться в вестибюле и работать над проходом в «шифровалку». Естественно, дежурная лестница была готова к отступлению на третий этаж, если охранник надумает почему-то открыть «музыкальные» двери. Обычно он этого не делал. Все замирало на время обхода, который продолжался 15–20 минут. По включению электрического освещения было видно, где и в каком порядке ведется обход. Однако в общей сложности наш вынужденный перерыв растягивался примерно до 2 часов ночи. К этому времени снова начинал раздаваться храп, и проникновение продолжалось. В «шифровалку» мы попали только на вторую ночь. Как мы и предполагали, интересующие нас шифры находились в большом старинном металлическом сейфе с «кодовым» замком. После набора правильной цифровой комбинации открывалась заслонка, за которой находилось отверстие для ключа. Через 40 минут сейф был открыт. Случилось это глубокой ночью. Перед нами лежали 22 шифрблокнота и сотни листов секретной переписки, поступившей в посольство с курьерами.

Но вот беда! Шифрблокноты были снабжены специальной защитой: каждый по краям обшит украинской вышивкой. Рисунок вышивки был составлен из переплетенных нитей 5 цветов. Если их разошьешь, потом сшить будет невозможно. Подобных ниток у нас под рукой не было, да мы толком и не знали, каким образом можно сделать подобную вышивку, сохранив очередность следования ниток по цвету. Что делать? Решение пришло быстро: надо снять копии только с секретных документов, прибывших курьерской почтой. Времени для этого у нас хватало.

Среди шифрблокнотов находились также два, упакованные в большой пакет с надписью «На случай войны». Ясно, что без особой надобности сотрудники резидентуры распечатывать его не будут. Значит, изъяв из пакета один шифрблокнот, мы с большой долей уверенности могли предположить, что пропажу сразу не обнаружат. У нас же будет день-два на поиск эффективного способа расшивания шифрблокнотов и восстановления вышивки в первоначальном виде. За это же время мы могли бы подобрать по цвету и качеству нужное количество ниток. Мы понимали, что у нас больше может не быть возможности возвратить в сейф изъятый нами шифрблокнот и тогда противник обнаружит его отсутствие. Но вероятность провала даже в этом случае сомнительна. Многие подумают о ротозействе при отправке пакета с шифрблокнотами, так как все будет в полной сохранности.

Сделали так, как решили. Пришлось заняться распознаванием секретов машинной вышивки, да еще разными по цвету нитками. К концу дня наши специалисты обладали тремя машинками, с помощью которых были

воспроизведены узоры, аналогичные узору с негласно изъятого шифрблокнота. А нитки за один день были доставлены из-за границы.

Операция продолжалась в общей сложности 8 суток. За ночь успевали расшить и восстановить только 4 блокнота. Была и еще одна задержка. На третий день охранник неожиданно впал в истерику. Понять, в чем ее причина, было невозможно. Пришлось воздержаться на сутки от активных действий. И только когда мы поняли, что охраннику отказали в приезде к нему в гости его детей, мы продолжили выемку шифрблокнотов».

Опасные конденсаторы

Ночью 11 января 1983 г. в МИД Франции поступила телеграмма из посольства в Москве. Только глава кабинета министров и министр иностранных дел ознакомились с ее содержанием, прежде чем передать президенту. В телеграмме сообщалось о поразительном открытии, сделанном в посольстве начальником шифровальной службы. В послании, подписанном советником посольства, в частности, говорилось: «Во время ремонта телекса было обнаружено, что в корпусе одного из конденсаторов содержится сложное электронное устройство, предназначенное, по всей видимости, для передачи во внешнюю электросеть телеграфной информации». В документе далее уточнялось, что аналогичные устройства были найдены во всех телексах, использовавшихся посольством в Москве для связи с Парижем.

Новость была ошеломляющей. Выходило, что со дня установки первого телекса в октябре 1978 года вплоть до 11 января 1983 г. КГБ получал информацию обо всех сообщениях, принимавшихся и отсылавшихся посольством Франции в советской столице, включая самые секретные. Два лишних проводка были напрямую подсоединены к электросети. Силовой кабель телекса, следовательно, являлся носителем тока ко внешней цепи и передавал информацию за пределы посольского здания. Подключение к конденсатору позволяло перехватывать все сообщения до их шифровки.

КГБ добился такого грандиозного успеха в области радиоразведки благодаря своим способностям не упускать промахи служб безопасности иностранных посольств. В данном случае промахов было два.

Во-первых, все шесть телексных аппаратов, предназначенных для установки в посольстве в Москве, были отправлены по железной дороге в грузовых вагонах, использовавшихся для перевозки тяжелого и громоздкого оборудования. Таким образом, французское оборудование связи без всякого сопровождения и охраны в течение двух суток передвигалось по советской территории. Воспользовавшись этим, сотрудники КГБ вскрыли опечатанные ящики, заменили конденсаторы на другие, снабженные специальным электронным устройством, а затем аккуратно восстановили печати на ящиках.

Во-вторых, ни во время установки, ни в ходе профилактических осмотров компетентные службы французского посольства в Москве не удосужились снять с корпусов крышки и проверить аппараты. И только после поломки одного из телексов была проведена элементарная проверка и обнаружена ловушка.

Чертовщина в американском посольстве в Москве

Дипломатические отношения между США и СССР были установлены в ноябре 1933 года. Первый посол США в Москве Буллит в 1936 году писал в государственный департамент: «В Советский Союз ни в коем случае нельзя засылать шпионов. В отношениях с коммунистами нет средства эффективней или более обезоруживающего, чем абсолютная честность». Такая позиция главы посольской миссии США в Москве вместе с отсутствием правительственной шпионской службы, а у военных — мало-мальски приличного и организованного штата сотрудников, обладавших достаточной квалификацией в области проведения контршпионских операций за рубежом, не замедлили неблагоприятно сказаться на безопасности посольства.

Один из первых сотрудников Буллита в Москве позднее вспоминал, что зимой 1933/34 года у посольства не было ни сейфов, ни шифров, ни курьеров, ни даже элементарных правил безопасности: «С правительством мы связывались по обычному телеграфу, и послания наши запросто лежали на столе для всеобщего обозрения».

Сначала для хранения секретных документов в Москву из США прибыла партия сейфов с кодовыми замками. Конструкция замков оказалась не известной НКВД. Поручение раздобыть замок, идентичный установленным на сейфах в американском посольстве в Москве, получил один из сотрудников НКВД, Борис Штейгер. Он подходил для этих целей как нельзя лучше. Бывший барон швейцарского происхождения, а теперь советский гражданин, хорошо образованный и воспитанный, Штейгер прекрасно говорил по-французски, вращался в дипломатических кругах и имел большое количество знакомых среди американских дипломатов в Москве и их жен.

На одном из дипломатических приемов Штейгер пожаловался жене посла США на отсталость русских в технике и спросил, не поможет ли она ему достать сейф, такой же, как были получены американцами накануне. Та попросила мужа заказать в США еще один сейф. Когда сейф наконец прибыл, техники из НКВД разобрали установленный на нем замок и научились его вскрывать. Поскольку в то время посольское здание не имело круглосуточной охраны, в дальнейшем все документы посольства регулярно фотографировались сотрудниками НКВД, беспрепятственно проникавшими в это здание по ночам.

Об этой операции Штейгер поведал своему сокамернику во внутренней тюрьме НКВД, куда он попал в 1937 году по обвинению в «систематическом шпионаже в пользу одного из иностранных государств». Рассказ бывшего барона свидетельствует либо о легкомыслии американских дипломатов (ведь о сотрудничестве Штейгера с НКВД говорили даже на дипломатических приемах), либо о непрофессионализме чекистов (неслыханно, чтобы американский посол преподнес иностранной разведке за здорово живешь дубликат замков на посольских сейфах, не преследуя своих, далеко идущих целей). А скорее всего, ни о том ни о другом.

Получая фотокопии документов из американских сейфов, НКВД знал, что это дезинформация чистой воды, и мог определить, в чем именно были заинтересованы его убедить американцы. Но и американцы знали, что наши быстро сообразят, что их потчуют <<дезой». Значит, американская дезинформация должна была быть специально рассчитана на то, что ее раскроют... И так до бесконечности.

А возможно, и наоборот, все значительно проще. Штейгер наврал, или наврал его сокамерник, или оба. Но как бы там ни было на самом деле, возня вокруг сейфов — это первая ставшая известной попытка проникновения НКВД в американское посольство в Москве.

Вскоре после установки сейфов американцы решили обзавестись в своем посольстве круглосуточной охраной. По просьбе посла Буллита для этой цели в Москву были направлены морские пехотинцы. В НКВД быстро сообразили, как наилучшим образом использовать новую ситуацию.

Болен, служивший в посольстве с первых дней, а впоследствии ставший послом, вспоминал, как примерно в середине 30-х годов он сидел в фойе столичной гостиницы «Савой», где расквартировали прибывших в Москву морских пехотинцев США. Вдруг к стойке администратора подошла ярко накрашенная женщина и заявила, что ей надо в номер сержанта О'Дина. «Я, — сказала она, — его преподаватель русского языка». С помощью таких «преподавателей» НКВД быстро свел на нет положительный эффект, который имело появление в посольстве круглосуточной охраны из морских пехотинцев.

Со старшими сотрудниками американского посольства старались завести близкие отношения балерины из московской труппы. В посольстве они и обедали, и ужинали, и пили, и болтали чуть ли не до рассвета. Одна балерина постоянно демонстрировала пламенную любовь к Буллитам, велеречиво называя его «мое солнце, луна и звезды».

В начале 1940 года военный атташе посольства на свой страх и риск пригласил в Москву сотрудника ФБР для проверки системы безопасности и предотвращения утечки шифров. Сотрудник ФБР, который приехал под видом дипкурьера, заглянул ночью в шифровальную комнату и увидел, что сейфы в ней стоят незапертыми, а шифровальные блокноты лежат на виду вместе с самими сообщениями. Дежурный шифровальщик, видимо, отлучился по своим делам, оставив дверь в шифровальную комнату открытой.

В посольстве нередкими были гомосексуальные контакты. Дошло до того, что шифровальную комнату посольства США «голубые» сделали местом свиданий.

В 1945 году посол США в СССР Аверел Гарриман получил в подарок вырезанный из дерева герб Соединенных Штатов. Герб украшал стену кабинета при четырех послах, и только в начале 50-х годов специалисты посольства по обнаружению скрытых электронных средств увидели в нем подслушивающее устройство. «Мы нашли его, но не знали принцип его действия, — вспоминал С. Питер Карлоу, начальник службы специального оборудования ЦРУ. — В гербе находилось устройство, похожее на головастика с маленьким хвостом. У Советов имелся источник микроволнового сигнала, который заставлял рецепторы внутри герба резонировать». Голос человека, по всей видимости, влиял на характер резонансных колебаний устройства, позволяя осуществлять перехват слов на расстоянии по организованному радиоканалу. «С технической точки зрения это устройство пассивного типа: ни тока, ни элементов питания, одно лишь пожизненное ожидание».

После этой находки специалисты ЦРУ занялись воспроизведением подслушивающего устройства, основанного на совершенно новом для них принципе. Ведь иметь открытую информацию, которая затем могла появиться в зашифрованном виде в каналах связи, — это мечта любого криптографа.

США молчали про герб почти 10 лет и лишь в конце 1960 года, как известно читателю, после шпионского полета Пауэрса, сделали факт использования этого подслушивающего устройства достоянием гласности.

В 1953 году начались работы по возведению нового здания американского посольства на улице Чайковского. Во время строительства американские охранники целыми днями дежурили на стройке, чтобы не допустить установления подслушивающих устройств. Но это дежурство не имело никакого смысла, поскольку на ночь охрану то ли по безопасности, то ли из желания сэкономить деньги снимали. В 1964 году показания Носенко помогли обнаружить в посольстве свыше 40 «жучков», спрятанных в бамбуковых трубках, которыми был обшит кусок стены за батареей отопления, чтобы их нельзя было обнаружить металлоискателем. На это Болен заявил, что прослушивание двух этажей, где размещались кабинет посла, шифровальное оборудование и бюро ЦРУ, еще не означало, что «русские вывели какие-то настоящие секреты». Такое суждение являлось простым отголоском беспечного оптимизма, заставлявшего Болен снимать на ночь охрану строящегося посольства. Ведь только за 4 года, в течение которых Болен был послом в Москве, 12 его сотрудников были отправлены домой, так как признались, что их фотографировали во время половых контактов, а потом пытались использовать фотографии против них.

На улице Чайковского стоял массивный дом...

В 70-е и 80-е годы американское посольство в Москве располагалось на улице Чайковского, в массивном доме горчичного цвета. На девятом этаже находилась святая святых посольства — комплекс шифровальных комнат, защищенный стальным экраном. Этот комплекс, изнутри больше всего напоминавший гигантских размеров холодильник, был известен среди сотрудников посольства как Подразделение коммуникационных программ (ПКП). В нем работало более дюжины шифровальщиков из государственного департамента США, АНБ и ЦРУ. Установленные в ПКП шифраторы днем и ночью были заняты передачей в правительственные учреждения США и приемом оттуда особо важных сообщений. Посредством спутниковой связи зашифрованные сообщения нескончаемым потоком пересылались из шифровальной комнаты ЦРУ в его штаб-квартиру и обратно. Они касались сверхсекретных деталей шпионских операций ЦРУ против СССР. В ПКП также были установлены шифраторы АНБ, передававшие в США перехват из линий советской правительственной связи. А шифровальные машины госдепартамента были заняты приемом инструкций госсекретаря послу в Москве. В общем, работа кипела.

Если бы в КГБ прочли пересылавшиеся через ПКП шифрсообщения, то узнали бы уязвимые места американской стороны на переговорах по стратегическим вооружениям. В КГБ стало бы известно, как защитить Кремль от подслушивания со стороны АНБ. Но самое страшное для американцев последствие чтения посольской шифрпере-писки состояло в том, что сотрудникам КГБ стали бы известными имена агентов ЦРУ. Для последних это было бы равносильно вынесению им смертного приговора.

Наконец, на десятом этаже, прямо под крышей посольства с лесом антенн, будок и надстроек находилась станция радиоперехвата АНБ. Здесь буквально яблоку негде было упасть. Каждый квадратный сантиметр строго учитывался. Ведь не так-то просто было на столь ограниченной площади разместить многочисленную и многообразную радиоаппаратуру, устройства обработки и записи информации, а также мощную электронно-вычислительную технику.

Программа радиوشпионажа из посольства получила кодовое название «Кобра Эйс». Она была направлена на получение информации из военных и правительственных линий связи Москвы и Подмосковья. При перехвате сигналов из военных линий связи особое значение придавалось точному определению параметров излучений и характеристик излучающих систем советских средств противоракетной и противовоздушной обороны.

Некоторые линии связи представляли для американцев особый интерес. В одной из шифротелеграмм, направленных в посольский пост перехвата из США, говорилось: «...нами получено официальное задание по линии связи, работающей с азимута 205° и 200°. Оно вступает в силу в полночь. Задача состоит в проведении записи излучения с 3 до 6 часов утра по местному времени. Следует делать то же количество копий, что и сейчас. Мы оценим содержание этих дополнительных записей и примем решение... Мы понимаем, что начинать работу в такую безбожную рань тяжело, но нам остро необходимо получить хорошие перехваты из этой линии связи».

Огромное энергопотребление многочисленной сложной радиоэлектронной техники, размещенной на верхних этажах посольства, нередко вызывало перегрузки сети электропитания и возгорания проводки, дважды приведшие к серьезным пожарам, во время которых почти полностью выгорали верхние этажи и крыша. Каждый раз после пожара в американском посольстве в Москве быстрыми темпами проводились восстановительные работы, и все возвращалось на круги своя и даже становилось еще совершеннее. Например, в 1978 году самая высокая часть кровли (площадью в 150 кв.м) была сделана из так называемого «радиопрозрачного материала», что позволило разместить часть антенных устройств шпионской аппаратуры под общим прикрытием на чердаке. На фундаментах сторевших будок-постов появились 3 новых сооружения 4-метровой высоты, объемом до 30 куб. метров каждое. Была введена в действие полученная из США новая автоматизированная система радиотехнического шпионажа, снабженная ЭВМ с большой памятью для управления этой системой и для обработки поступающей на нее информации.

Начиная с 70-х годов американская сторона неоднократно обращала внимание на тот факт, что радиоразведывательные операции КГБ, объектом которых служило посольство США в Москве, значительно участились и были отнюдь не безуспешными. Вот их краткая хроника.

В 1976 году в 16-м управлении КГБ началось чтение посольской шифрпереписки американцев. Оно продолжалось в течение нескольких лет, пока в батарее шифровальной комнаты посольства не была обнаружена советская гибкая антенна. В одной из прочитанных американских шифровок, отправленных из Москвы в 1979 году, вскоре после убийства главы правительства Афганистана Тараки, в частности, говорилось: «Советы не в восторге, но осознают, что сейчас им ничего не остается, кроме как поддерживать амбициозного и жестокого Амина». Интересная была телеграмма. Амин живьем сбрасывал в ямы с хлорной известью сторонников Тараки. Рассеивал, как пепел по ветру, тысячи людей. А Советам, значит, ничего не оставалось, как ждать, пока новоявленный диктатор не отдастся за доллары американцам и те не появятся у советских южных рубежей. Содержание американской телеграммы было доложено наверх и, несомненно, сыграло свою роль в подстегивании решения руководства СССР вмешаться во внутренние дела Афганистана, которые напрямую начинали затрагивать советские интересы в этом регионе.

Весьма действенной мерой, облегчившей радиоразведке СССР перехват переписки посольства США в Москве в 70-е годы, явился запрет передач американцами своих сообщений по радио. Аналогичный запрет был введен американской администрацией и в отношении советских полномочных представительств в Соединенных Штатах. Объяснялось это тем, что отслеживать прохождение сообщений по кабельным каналам и в КГБ, и в АНБ представлялось более легким делом, чем следить за радиозфиром на многих частотах. Посольские линии связи служили предметом особого внимания со стороны обоих ведомств. Поэтому, когда советское посольство в американской столице пожаловалось в Москву на частые и безосновательные обрывы связи на своих линиях за последний месяц, эта жалоба удостоилась внимания самого председателя КГБ. В качестве ответной меры Андропов приказал своим подчиненным организовать перерывы в связи посольства США с внешним миром. Их продолжительность и частота возникновения были намеренно сделаны значительно большими, чем у советского посольства, дабы впредь отбить у американцев охоту заниматься подобными делами. Этой акцией преследовалась и другая цель. Дело в том, что после каждого сбоя в канале связи противник был вынужден перезапускать генераторы ключей в своих шифраторах. А излучение, создаваемое в результате их перезапуска, несло в себе полезную информацию об используемых ключах. Работающий же без сбоев канал связи требовал включения генераторов ключей всего единожды в день.

В 1984 году в 13 новых пишущих машинок, привезенных из Америки и предназначенных для установки в посольстве в Москве и консульстве в Ленинграде, умельцы из КГБ ухитрились вставить «закладки». Это были устройства, назначение которых состояло в записи сигналов управления движением головки машинки и передаче накопленной таким образом информации в зашифрованном виде подслушивающему посту КГБ в доме напротив. Американцы посчитали, что именно так КГБ стали известны имена сотрудников посольства, состоявших на службе в ЦРУ.

Американская морская пехота на другом конце Земли

Охрана посольства осуществлялась морскими пехотинцами США — «самыми искренними и непоколебимыми защитниками американского образа жизни и демократии».

Морские пехотинцы жили, как и 100 других американцев, в посольстве, здание которого больше всего напоминало склад. Им частично отводился второй этаж северного крыла, где размещались бар и столовая, а спали они на втором, третьем и четвертом этажах центральной части здания посольства.

С седьмого этажа, в центре которого находился офис ЦРУ и политический отдел госдепартамента, начиналась спецзона — место повышенной секретности, доступ к которой строго контролировался. Чтобы добраться до спецзоны, нужно было сесть на лифт в центральной части здания. При выходе из лифта находился так называемый пост № 3. Любой, кто хотел попасть на прием к послу или в помещение ПКП, должен был сначала пройти мимо морского пехотинца.

В соответствии с правилами внутреннего распорядка морские пехотинцы могли принимать гостей женского пола только в пределах второго этажа северного крыла. Этими же правилами запрещалось установление дружеских отношений с лицами любого пола из Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши,

Румынии, СССР, Чехословакии или Югославии. О всяком контакте с гражданином восточноевропейской страны, не вызванном служебной необходимостью, морской пехотинец обязан был сообщать в специальное подразделение — следственный отдел ВМС США. За отсутствием представителя этого подразделения в Москве его заменял ответственный за безопасность в посольстве. Однако, чувствуя, что это может привести к неблагоприятным последствиям лично для них, морские пехотинцы сами решали, о чем докладывать, а о чем лучше умолчать.

Одной из важных обязанностей морских пехотинцев являлась необходимость замечать и сообщать ответственному за безопасность в посольстве, кто из сотрудников нарушает правила обращения с секретными документами. Соккрытие отступлений от правил влекло за собой временное отстранение от выполнения служебных обязанностей или увольнение виновного. В то же время, когда о таких нарушениях морские пехотинцы докладывали ответственному за безопасность в посольстве, последний, как правило, отказывался принимать какие-либо меры в отношении нарушителя.

Еще одно неприятное для морских пехотинцев поручение заключалось в использовании видеомониторов, с помощью которых они определяли, пускать ли во внутренний двор посольства машины с улицы Чайковского. Изображение на экране монитора частенько было недостаточно четким, да и сам монитор не всегда был исправен.

Долгое время морские пехотинцы несли дежурство невооруженными. Причиной было стремление избежать инцидента со стрельбой и человеческими жертвами. Затем морским пехотинцам все же раздали незаряженное оружие, а амуницию к нему обязали держать в ящике стола, который находился рядом с постом.

Надо сказать, что в 80-е годы охрана американских посольств служила наказанием для нарушителей дисциплины на родине. В результате только с 1980 по 1987 год каждый десятый морской пехотинец — охранник посольства был отстранен от несения дежурства за изнасилования или другие преступления.

В советском посольстве в Вашингтоне никому не взбрело бы в голову нанять американцев для выполнения каких бы то ни было пустяковых обязанностей. Американцы же с самого начала для решения любой самой мелкой проблемы (от прочистки засорившегося туалета до установки телефона), требовавшей в советских условиях больших затрат времени и усилий, нанимали русских, которые уверенно чувствовали себя в бюрократических джунглях своей системы. А сделать это можно было только через советское же государственное учреждение под названием Управление делами дипломатического корпуса (УпДК). И хотя УпДК официально входило в состав МИД, а не КГБ, оно находилось под контролем этой всесильной организации. В результате, по оценкам экспертов США, число сотрудников КГБ среди обслуживавшего американское посольство советского персонала всегда превышало количество служащих, прибывших из-за океана. И это обстоятельство, разумеется, сказывалось на безопасности посольства.

Лоунтри

24 декабря 1986 г. морской пехотинец из охраны американского посольства в Вене Клейтон Лоунтри подошел во время рождественской вечеринки к

сотруднику ЦРУ и признался ему, что является агентом КГБ. Последовавшие допросы Лоунтри выявили картину случившегося.

Жизнь Клейтона Лоунтри до поступления в корпус морской пехоты мало отличалась от жизни остальных американцев коренного происхождения. Он рано понял, что никогда не будет первым среди равных и не станет сенатором. Язык плохо повиновался наивному и самолюбивому индейцу со средними способностями. Когда Лоунтри подрос, его кумиром стал Адольф Гитлер. Школьная учительница забила тревогу, обнаружив однажды изрисованную свастиками тетрадку Клейтона с телефонами и именами членов местных неонацистских группировок. Но классный руководитель, узнав о находке, не придал ей значения, назвав все это подростковыми фантазиями.

В 1980 году, еще не окончив школу, Лоунтри написал заявление с просьбой принять его в корпус морской пехоты, а в 1984 году попробовал поступить в элитарную школу морской пехоты, но не выдержал вступительных экзаменов. Тогда его отец отправил письмо влиятельному сенатору, упрашивая оказать протекцию сыну и доказывая, что в семье Лоунтри всегда были военные. Руководство школы еще раз протестировало Лоунтри, и на сей раз юноша был принят. После окончания школы морской пехоты Лоунтри был направлен в посольство в Москве.

С самого начала своей службы по охране посольства, куда он прибыл в 1984 году в возрасте 22 лет, Лоунтри проявил себя не с лучшей стороны. Он напился, не смог открыть дверь в свою комнату и уснул на полу в коридоре. В результате утром Лоунтри опоздал на дежурство. В 1985 году он снова провинился, умудрившись заснуть во время дежурства. Тем не менее морская пехота США не желала признать, что Лоунтри не способен охранять даже бакалейную лавку, не говоря уже о шифровальной комнате ЦРУ. Обращения прямого начальника Лоунтри наверх с просьбой об отстранении последнего от охраны объектов были оставлены без внимания.

Моральный климат в посольстве в 80-е годы тоже не способствовал укреплению дисциплины. Жены некоторых посольских работников настойчиво искали расположения морских пехотинцев. По пятницам в посольстве работала дискотека, во время которой кто-то из женщин подсаживался к одному из морских пехотинцев и говорил, что ее подруга проявляет к нему интерес как к мужчине. Замаскированное приглашение часто принималось. Но Лоунтри соотечественницы не интересовали: он «положил глаз» на русскую секретаршу, которая сидела в приемной на виду у пехотинца, охранявшего вход в посольское здание.

Виолетта

14 марта 1985 г. в УпДК МИД СССР пришел запрос следующего содержания: «Посольство Соединенных Штатов Америки в Москве свидетельствует свое почтение и просит направить на временную работу в резиденцию посла США секретаршу для работы с 8 часов утра до часа дня с зарплатой сто сорок рублей». После всевозможных проверок и согласований УпДК решило направить туда выпускницу переводческого факультета Московского государственного педагогического института иностранных языков Виолетту Сейна.

Окончив школу в 1977 году, Виолетта пошла работать в МГПИИЯ лаборанткой, одновременно поступив на курсы английского языка при этом институте. В 1978 году ее приняли на вечернее отделение МГПИИЯ, а по окончании обучения после согласований, рекомендаций и утверждений в комсомольских и партийных органах – на работу в УпДК. Всего через несколько месяцев Виолетте улыбнулось счастье – она подписала контракт с посольством США в Москве, о котором могла только мечтать.

В один из октябрьских дней 1985 года, пораньше освободившись с дежурства, Лоунтри вышел из посольства вслед за Виолеттой. Стараясь оставаться незамеченным, он спустился за девушкой в метро и вошел вслед за ней в вагон подошедшего поезда. Тут Лоунтри наконец набрался смелости и сквозь толпу протиснулся к Виолетте. «Привет! – сказал он, слегка запинаясь. – Меня зовут Клейтон. Не возражаешь, если я провожу тебя?» Виолетта улыбнулась в ответ.

В ноябре по традиции посольство устраивало для морских пехотинцев торжественный бал. Никто не удивился и уж, конечно, не побежал докладывать офицеру безопасности, когда Лоунтри появился на балу с красивой брюнеткой. В конце концов у всех случались приключения на стороне, и никто не собирался лишать себя этих прелестей жизни.

Весь вечер самозабвенно кружился Клейтон в танце с Виолеттой по шумному залу резиденции посла. А по дороге домой Виолетта вдруг сказала: «Знаешь, мне очень хорошо с тобой. Только я одного боюсь. Вдруг за нами следит КГБ. Тогда я потеряю работу, и мы не сможем больше встречаться». С тех пор Лоунтри старался незаметно покинуть посольство, чтобы побывать у Виолетты. Он пересаживался на разные маршруты автобусов, менял одежду, путал следы. Однако сотрудники 7-го управления КГБ – «наружки» – давно уже засекли странного человека, путавшего следы по пути от улицы Чайковского до Текстильщиков. И только посмеивались над его доморощенной техникой.

«Дядя Саша»

Меж тем привязанность Лоунтри к Виолетте росла и вскоре Виолетта была уверена, что Клейтон не сможет ей отказать ни в чем.

КГБ постарался получить максимум информации об этой парочке. За встречами Лоунтри и Виолетты зорко следили агенты «наружки», домашний телефон девушки прослушивался. Все ее разговоры с сержантом записывались на магнитофон. Через некоторое время контрразведка пришла к выводу: Клейтона можно «выводить» на вербовку.

В один из студеных дней января 1986 года Виолетту вызвали в КГБ и предложили свести Лоунтри с одним приятным молодым человеком под видом ее дяди. Когда она сообщила Клейтону о горячем желании «дяди» увидеться с ним, тот удивленно вскинул брови. «Понимаешь, – принялась объяснять ему Виолетта, – просто я рассказала о тебе дяде Саше, и он очень заинтересовался. Он в восторге от того, что ты из глубинки, знаешь жизнь резервации. Кроме того, мой дядя – юрист, и если мы вздумаем пожениться, он сможет оказать нам содействие».

«Дядя Саша» оказался дружелюбным малым, говорил только по-русски и держался свободно. Расспросы в основном касались жителя Лоунтри в Соединенных Штатах, притеснения там коренных национальностей да Советского Союза. «Классный парень», – пришел к выводу Лоунтри в конце встречи и был прав: «дядя Саша» действительно классно знал свое дело.

На совещании у руководства 1-го отдела 2-го главного управления КГБ (ВГУ), занимавшегося координацией работы по противодействию операциям ЦРУ на территории СССР, было пересмотрено несколько вариантов дальнейших действий, пока наконец не остановились на том, что пришло время играть в открытую. Все без исключения были уверены, что после вербовки Лоунтри не пойдет к офицеру, отвечавшему за безопасность посольства, с повинной. Лоунтри были дороги, во-первых, Виолетта, во-вторых, собственная карьера, в-третьих, свобода. Если он признается, что встречался с офицером КГБ, то лишится и того, и другого, и третьего. Вместе с тем в ВГУ понимали и другое: Лоунтри – не совсем то, что нужно. Этот человек не мог принести важной информации. Его этническая принадлежность, чрезмерная эмоциональность и пристрастие к спиртному не давали повода надеяться, что когда-нибудь он сможет занять высокую должность.

На следующей встрече, в феврале, «дядя Саша» перешел в наступление. В этот раз он уже бегло говорил по-английски, был подтянут, собран и вовсе не напоминал того свойского парня, каким показался сержанту на прошлой встрече: «Слушай, Клейтон... Если ты и в самом деле решил сюда вернуться после окончания срока службы и, может быть, даже остаться, есть люди, которые готовы в этом помочь. Виолетта говорила о тебе много добрых слов. Да и сам я вижу, что ты хороший, настоящий парень. Только моих слов мало. Ты должен убедить наших друзей в хороших намерениях».

Затем «дядя Саша» достал длинный список вопросов, которые, по его словам, составил для него друг, генерал КГБ. Вопросы посыпались один за другим. В вопроснике, в частности, содержалась просьба подтвердить или опровергнуть сведения о том, что Майкл Селлерс, второй секретарь посольства, был агентом ЦРУ. Лоунтри не знал наверняка, но по расположению его офиса и по контактам Селлерса с сотрудниками посольства мог догадаться. Через месяц Селлерс был выслан из СССР по обвинению в шпионаже. Одновременно Лоунтри назвал имена двух других сотрудников ЦРУ, но они никогда насильно из СССР выдворены не были. Так Клейтон Лоунтри стал советским агентом. Первоначально переданная им информация, как считают американцы, большой ценности не имела. Она уже была известна в КГБ благодаря операции с пишущими машинками и использовалась только для проверки правдивости и искренности Лоунтри.

Несколькими неделями notice Лоунтри нарисовал для «дяди Саши» план седьмого этажа, где располагался офис ЦРУ, а также подробно описал ему письменный стол посла. «Дядя Саша» попросил Лоунтри установить «закладки» в резиденции посла, его заместителя и ответственного за безопасность. Вопросов по поводу ПКП «дядя Саша», по словам Лоунтри, ему не задавал.

10 марта 1986 г. срок службы Лоунтри в Москве истек. Его должны были перевести в Вену. К тому времени Виолетта, чтобы не привлекать лишнего внимания, уже уволилась из американского посольства и через УпДК устроилась работать переводчицей в другое дипломатическое представительство. А в 1-м отделе В ГУ полным ходом шла подготовка к отъезду сержанта. После долгих переговоров с ПГУ наконец удалось убедить его начальство в том, чтобы на первых порах на связь с Лоунтри продолжал выходить «дядя Саша», а не сотрудники венской резидентуры советской

внешней разведки. Для этих целей «дяде Саше» изготовили подложные документы на имя Алексея Ефимова, указали места в Вене, где удобнее всего было встречаться с агентами, провели с ним необходимый инструктаж.

«Дядюшка» приезжал в Вену три раза — в июне, сентябре и декабре 1986 г. За переданные ему несколько фотографий сотрудников венской резидентуры ЦРУ, поэтажный план дипломатической миссии США да старую посольскую телефонную книгу, которую он захватил из мусорного ведра, Лоунтри получил около 3 тыс. долларов. Почти весь этот гонорар он потратил на подарки своим московским друзьям. На последнюю встречу с сержантом «дядя Саша» явился не один. С ним пришел Юрий Лысов — сотрудник венской резидентуры ПГУ. Его холодный, немигающий взгляд, тяжелая челюсть и солдафонские манеры полностью соответствовали расхожему стереотипу агента КГБ из американских шпионских кинофильмов. Лоунтри понял, что теперь он никогда не увидит ни Виолетту, ни «дядю Сашу».

26 декабря 1986 г. Юрий Лысов напрасно ждал своего агента в назначенном месте. В это самое время сержант морской пехоты США давал показания следователю в одном из номеров венского отеля «Интерконтиненталь».

Но после признаний Лоунтри картина предательства доблестных морских пехотинцев США только начала проясняться.

Брейси

Нельзя сказать, что в американском посольстве в Москве не предпринимались меры, чтобы помешать проникновению КГБ внутрь здания. В начале 1986 года посол принял решение вдвое уменьшить число советских граждан, обслуживавших посольство. Под сокращение попали две русские поварихи — Нина и Галя. Первая из них, крупная блондинка средних лет с пышной грудью, носившая платья с низким вырезом, не пользовалась симпатией морских пехотинцев. Галя, 28-летняя одинокая женщина с малолетним сыном, была более привлекательна и популярна.

Капрал морской пехоты Арнольд Брейси, будучи ответственным за организацию поставок продовольствия, частенько сталкивался с Галей. Он не пил и не заигрывал с женщинами, как другие в посольстве. Молодой негр, воспитанный в соответствии со строгими религиозными правилами, придерживался пуританских взглядов на отношения с женщинами. Несмотря на все соблазны, он оставался девственником.

Галя тоже отличалась от остальных женщин в посольстве, вела себя скромно, не флиртowała с мужчинами. Она не очень хорошо владела английским языком, и это вызвало у Брейси чувства, подобные тем, которые испытывает старший брат к сестре. Их теплые отношения заметили окружающие. Брейси строго предупредили, что он нарушает правило, запрещающее устанавливать дружеские отношения с русскими. Однако предупреждение должного эффекта не возымело.

29 июня 1986 г. ответственный за безопасность в посольстве Фредерик Мек был на своем рабочем месте, когда Брейси попросил его о безотлагательной встрече. Она состоялась на «безопасном» девятом этаже здания. Брейси признался, что на днях столкнулся с Галей перед гостиницей «Космос», и

они разговорились. После ни к чему не обязывающего обмена любезностями Галя неожиданно выпалила, что некто из КГБ попросил ее привести Брейси в условленное место. А если она не выполнит это поручение, ее уволят (Галя работала няней в семье заместителя пресс-секретаря посольства). Затем Брейси вернулся в посольство.

Мек доложил о беседе с Брейси по инстанциям. Галю он решил пока не увольнять, ведь она сообщила о попытке завербовать Брейси. Однако последнему было приказано разорвать всяческие отношения с Галей. 20 августа этого же года Меку довелось услышать странную историю из уст заместителя пресс-секретаря посольства. Он якобы пригласил своего друга с женой остановиться у него дома, и когда те приехали, то застали Арнольда и Галю, занимавшихся любовью. Брейси объяснил свое присутствие приехавшим тем, что обследовал помещение на предмет нахождения там посторонних лиц. Затем быстро собрался и ушел.

Вызванный к Меку, Брейси отрицал наличие близких отношений с Галей. Он сказал, что зашел на квартиру заместителя пресс-секретаря только для того, чтобы предупредить Галю о разрыве отношений с ней. Но Мек не поверил. В самом деле, бессмысленно встречаться с человеком, чтобы сказать, что больше с ним не увидишься. Решение посла и Мека было однозначным: Брейси – слабое звено в системе безопасности посольства, он должен быть немедленно отправлен на родину.

Расследование

22 декабря 1986 г. после признания, сделанного Лоунтри в Вене, следственный отдел ВМС начал собственное расследование обстоятельств нарушения режима секретности в американском посольстве в Москве. Обычно все дела о шпионаже вело ФБР. Но когда шпионом являлся военный и в деле не фигурировали гражданские лица, оно подпадало под юрисдикцию военных спецслужб. Было допрошено более 1,5 тыс. человек, из них 260 проверены на полиграфе. Естественно, прошел проверку на «детекторе лжи» и Лоунтри. Результаты проверки настораживали: оказалось, что Лоунтри не всегда говорил правду на допросах, точнее, что-то не договаривал. По предположению следователей, это касалось похищения секретных документов из американского посольства в Вене. Уступая настойчивости следователей, Лоунтри заявил, что украл 3 секретных документа из шифровальной комнаты ПКП на четвертом этаже венского посольства и 200 документов, которые ему было поручено уничтожить. В течение 48 часов, последовавших за этим признанием Лоунтри, следователи установили, что якобы украденные им документы никогда не существовали да и не дежурил Лоунтри в день их предполагаемого похищения.

К марту 1987 года допросу подверглись 200 морских пехотинцев, но до Брейси очередь еще не дошла: он считался образцом в выполнении своих служебных обязанностей и в списке подозреваемых был на одном из последних мест. Все переменялось 16 марта 1987 г., когда следователь Давид Мойер, будучи в командировке в Вене, узнал от тамошнего резидента ЦРУ про

похождения Брейси в Москве. Мойер срочно телеграфировал в следственный отдел ВМС США о своей находке.

18 марта 1987 года началась серия допросов Брейси. Сначала Брейси утверждал, что не состоял в интимных отношениях с Галей, но после проверки на полиграфе, давшей отрицательный результат, он изменил показания. Брейси рассказал, что вступил в половую связь с Галей на квартире заместителя пресс-секретаря по ее инициативе. Позже Галя предложила Арнольду увидеться с каким-то «дядей Сашей», которого очень интересовало поведение некоторых посольских работников.

На следующий день Брейси сделал еще более сногшибательное заявление. По его словам, однажды он столкнулся с Лоунтри в баре. Последний был очень пьян и зол на всех и вся. Лоунтри при этой встрече сказал Брейси, что нашел способ отомстить: благодаря его помощи, мол, русские не раз проникали в посольство.

Еще через две недели Брейси признался, что видел, как Лоунтри кого-то проводил на территорию посольства. Брейси не доложил про этот факт, куда следует, из жалости к бедняге Лоунтри. А начиная с февраля Брейси согласился выключать сигнализацию, пока Лоунтри водит сотрудников КГБ на «экскурсию» по секретным объектам в здании посольства, и заблаговременно предупреждать их о появлении начальника караула. А еще три раза он помогал Лоунтри организовать сотрудникам КГБ часовое посещение помещений ПКП, за что получил ровно тысячу долларов. Подписывая свое новое заявление, Брейси ус-дышал, как один из следователей сказал другому: «Еще шпион попался!» Тогда Брейси заявил, что его свидетельские показания ложны, и он лучше пойдет под суд за лжесвидетельство, чем по обвинению в шпионаже. Так следственный отдел ВМС США лишился единственной своей улики против Брейси — его собственного признания.

Трудно сказать, почему Брейси сознался в несовершенном преступлении. Либо он действительно был виновен, либо его пытали, либо речь шла лишь о помощи в расследовании дела Лоунтри. В последнем случае ясно, что одно дело — давать показания против кого-то, к кому не испытываешь теплых чувств, а совсем другое — свидетельствовать против себя самого.

Да, действительно, в 23.30 по московскому времени морской пехотинец покидал пост № 1, и охранник на посту № 3 мог беспрепятственно впустить сотрудника КГБ через основной вход в посольство. Следующее препятствие представляла собой дверь в помещение ПКП, которая запиралась на кодовый замок. Комбинация, с помощью которой можно было открыть замок, хранилась в опечатанной пластиковой коробке. Но подделать и коробку, и печать на ней ничего не стоило. Наконец, на пульте у охранника размещались красная и желтая сигнальные лампочки и зуммер, которые давали знать, что кто-то открывал дверь в помещение ПКП. Морской пехотинец на посту № 3 мог отключить с помощью тумблера и зуммер, и красную лампочку. Правда, погасить желтую было не в его власти, но все же время включения сигнала тревоги нище не регистрировалось. Ничто не могло помешать охраннику солгать относительно времени срабатывания сигнализации.

Однако версия заговора Лоунтри и Брейси не выдерживает критики. Лоунтри и Брейси одновременно заступали на дежурство всего два раза — в октябре и ноябре 1985 года. Они плохо ладили друг с другом. Да и вряд ли скрытный Лоунтри даже в состоянии алкогольного опьянения рассказал бы Брейси о том, что он помогает сотрудникам КГБ проникать в здание посольства. В таком свете признание Брейси выглядит как бред шизофреника. С одной стороны, картина вполне реальна (в том, что касается самого Брейси), а с

другой (в отношении Лоунтри) – нет. А что если Брейси обошелся без Лоунтри?

На первый взгляд эта версия является более правдоподобной и многое объясняет. Для подстраховки Брейси признался в своей связи с Галиной. Когда его начали допрашивать сотрудники следственного отдела ВМС США, Брейси сознался, стараясь свалить всю вину на Лоунтри. Но забыл, что его собственная судьба как соучастника мало чем будет отличаться от судьбы Лоунтри.

В шифровальной комнате ЦРУ была своя система сигнализации с регистрацией времени возникновения сигнала тревоги. Никакой корреляции между временем дежурств пары Лоунтри – Брейси и ложными срабатываниями сигнальных устройств найдено не было. Но это свидетельствует лишь о том, что сотрудники КГБ не побывали в шифровальной комнате ЦРУ. И все.

12 июня 1987 г. обвинения с Брейси были сняты. Он поселился на военно-морской базе, уволился из морской пехоты и женился на женщине, находившейся на действительной военной службе.

В августе того же года Лоунтри был приговорен по обвинению в шпионаже к 30 годам тюрьмы. Позднее ему скостили 5 лет. После обязательного отбывания в тюремном заключении трети всего срока наказание ему могло быть заменено на условное. В письме отцу из тюрьмы Лоунтри просил дать знать Виолетте, что у него все в порядке. Он считал, что Виолетта все еще продолжала любить его.

Меры приняты

Летом 1987 года руководство АНБ получило санкцию президента Рейгана на замену всей скомпрометированной аппаратуры из посольства США в Москве, а заодно и консульства в Ленинграде. Операция имела кодовое наименование «Стрелок». Оборудование из одного только посольства заняло при перевозке 120 ящиков. Получив груз, 20 специалистов в Форт-Миде приступили к тщательнейшему ощупыванию, оглядыванию, просвечиванию посредством рентгеновского облучения и исследованию в инфракрасном диапазоне прибывшей техники.

Существуют две версии, по-разному интерпретирующие результаты обследования аппаратуры, срочно эвакуированной из СССР. Обе они сходятся в том, что в компьютерных принтерах, которые были установлены в помещении ПКП, удалось найти «закладки» – микросхемы, работавшие от батареек. Дальше эти версии расходятся:

В соответствии с первой версией, больше ничего при проверке оборудования из шифровальных комнат найти не удалось. Сначала-де в одном из проверяемых шифраторов была найдена плата, которая в свое время заменила в нем такую же. Эта новая плата вызвала подозрение тем, что не была покрыта специальным пластиковым составом, свидетельствовавшим, что замена произведена специалистами АНБ. Тревога оказалась ложной: дальнейшее расследование показало, что ремонтом шифратора занимались инженеры из государственного департамента, слыхом не слыхивавшие о каком-то там специальном пластиковом составе для покрытия плат.

Затем сотрудники АНБ нашли в другом шифраторе подозрительный провод, который выходил из экранирующего корпуса аппарата наружу. Но выяснилось, что это изобретение шифровальщика, который при помощи такого провода подключал к шифратору сигнальное устройство, оповещавшее, что через шифратор начинали поступать сообщения. На этом неожиданные находки иссякли.

Если встать на точку зрения первой версии, открытым остается не один вопрос. Микросхемы в принтерах работали от батареек, а следовательно, противник должен был иметь способы для проникновения в посольство для их замены. Специальная комиссия провела проверку режима безопасности в посольстве. Один из участников работы комиссии написал рапорт, в котором предупреждал, что проникновение в посольство осуществлялось через крохотное слуховое оконце сотрудниками КГБ, ночью влезавшими по стене здания посольства. Сотрудники ЦРУ и государственного департамента, добравшиеся до упомянутого в рапорте оконца, нашли его наглухо заколоченным. Скопившийся на рамах и подоконнике птичий помет пролежал там непотревоженным по крайней мере лет 20. Но если сотрудники КГБ не «просачивались» в посольство через окна (как показала проверка) или двери (морские пехотинцы стояли насмерть), то как? Ведь Лоунтри, по его словам, ставил «закладки» у посла, его зама и ответственного за безопасность в посольстве, но отнюдь не в помещениях ПКП. Значит, этим занимался признанный невиновным Брейси?

По другой версии, поиски специалистов из АНБ увенчались еще одним успехом. Было обнаружено, что линия для подачи электроэнергии в помещение ПКП была заменена внешне на такую же, но способную служить ретранслятором для распечатываемых на скопрометированных печатающих устройствах открытых текстов шифрсообщений, поступавших в посольство. А попадали они в энерголинию-ретранслятор из маломощных «закладок», размещенных в принтерах. Но и в этой версии без ответа остается тот же вопрос: как «закладки» и линия подачи электроэнергии двойного назначения попали в здание посольства? В АНБ искать ответ на него бесполезно, поскольку относительно своих дел оно всегда хранит гробовое молчание, а уж там, где речь идет о промахах и провалах, — тем более.

За пределами АНБ ряд официальных лиц в правительстве и государственных учреждениях США, включая бывшего президента Рейгана, были правдиво информированы о драме, разыгравшейся в 80-е годы в здании на улице Чайковского в Москве. Они могли бы подтвердить или опровергнуть указанные выше версии, предложить свои, отличные от них. Но и официальные лица по понятным причинам тоже молчали.

По-иному взглянуть на дело Лоунтри заставило разоблачение в 1994 году высокопоставленного офицера ЦРУ Олдрича Эймса, который в течение многих лет выдавал советской разведке имена шпионов ЦРУ. Уже находясь за тюремной решеткой, в ряде газетных интервью Эймс заявил, что вербовка Лоунтри и установка «закладок» в здании посольства стали звеньями общего плана, главной задачей, которого было отвести подозрения от него, Эймса. Адвокаты Лоунтри ухватились за эти показания. По их словам, следовало пересмотреть слишком суровый приговор, вынесенный Лоунтри, поскольку он поставлял КГБ «бесполезную» информацию, уже переданную в Москву советским агентом более крупного масштаба. А это доказывает, что еще рано ставить точку в описании событий вокруг посольства США в Москве в 80-е годы и что новые разоблачения, возможно, прольют дополнительный свет и на дело Лоунтри, и на странное поведение Брейси, и на действительную роль советской радиоразведки в добывании сведений об агентах ЦРУ в СССР.

ГЛАВРАЗВЕДУПР

Петух пробуждается рано, но злодей – еще раньше.
К.Прутков. « Сочинения»

«Аквариум», из которого виден весь мир

В 1990 году для советских и иностранных журналистов впервые официально открылись двери внушительного здания штаб-квартиры КГБ на Лубянке. Об этом тогда много писали, многократно включали в популярные телепередачи отснятые там сюжеты как сенсационные. Через два года пришла очередь другой подобной, не менее серьезной и секретной организации – Главного разведывательного управления, получившего в печати кодовое наименование «Аквариум». Основанием для такого названия, возможно, послужила публикация одноименной книги бывшего офицера ГРУ под псевдонимом Виктор Суворов (его настоящие фамилия, имя и отчество – Резун Владимир Богданович), подробно поведавшего о секретах военной разведки СССР. А возможно, этому названию ГРУ обязано тому обилию стекол, которое имеет здание его штаб-квартиры, расположенное на одной из тихих московских улиц.

Основная цель военной разведки СССР, как и других стран, состояла в сборе, анализе и обобщении самых различных сведений, на основе которых делался вывод о степени потенциальной военной опасности государству. Военно-политическая обстановка в мире быстро менялась, претерпевали изменения и задачи военной разведки. Они варьировались в широком диапазоне – от наблюдения за повседневной деятельностью вооруженных сил иностранных государств до сосредоточения усилий на оперативных направлениях, представлявших наибольшую угрозу СССР. Объектами внимания ГРУ являлись вооруженные силы, техника, вооружение и оборудование предполагаемого театра боевых действий. Сюда входила также система транспортных магистралей – дороги, аэродромы, реки, каналы. Ну и, конечно, экономика, работавшая на вооружение страны – вероятного противника СССР в грядущей войне.

Для достижения поставленных целей в ГРУ всегда существовали свои особые методы. В первую очередь информацию для ГРУ поставляли люди, работавшие за рубежом. Причем не только граждане СССР, но и иностранные подданные. Много давало посещение выставок и авиасалонов, знакомство с публикациями в зарубежной печати. Эти методы использовались главным образом стратегической или, по-другому, агентурной разведкой. Но не только люди передавали информацию, представлявшую ценность для аналитиков ГРУ. Второе направление добывания разведанных являлось прерогативой радио-разведки. Сюда включалось постоянное прослушивание всего эфира на военных частотах. Дополнительно к перечисленным имелись еще оперативная и войсковая разведка – наземная, воздушная, морская. Она включала разведывательные части в военных округах и на флотах, подчиненные соответствующим командующим.

Хотя ГРУ во многих отношениях уступало КГБ, радиоразведкой оно занималось не менее интенсивно. 6-е управление ГРУ отвечало за сбор разведывательной информации в виде электронных сигналов. При этом основными ее источниками служили коммуникационные сети стратегических воздушных и сухопутных вооруженных сил США, стран – участниц НАТО и Китая. Перехвату подлежали и шифрованные, и открытые сообщения, проходившие по каналам связи этих сетей. Станции перехвата 6-го управления ГРУ располагались в подмосковном городе Климовске, в военных округах Министерства обороны на территории СССР, а также в группах войск, расквартированных в странах Восточной Европы.

Подробные и точные сведения о местонахождении станций перехвата ГРУ в каждом советском военном округе, граничившем с несоциалистической страной, американцы получили еще в 1960 году от своего шпиона Олега Пеньковского, полковника ГРУ. Эти сведения, несомненно, дополнил другой американский агент – Дмитрий Поляков, будущий генерал ГРУ, когда в конце 60-х годов он стал начальником поста перехвата ГРУ в Рангуне. Поляков также передавал в ЦРУ все материалы, собранные там советской военной радиоразведкой о китайских и вьетнамских вооруженных силах.

6-е управление ГРУ включало в себя четыре отдела.

1-й – отдел радиоразведки – занимался перехватом и дешифрованием сообщений из каналов связи иностранных государств. Он руководил так называемыми подразделениями особого назначения (сокращенно – ОСНАЗом), входившими в военные округа и группы советских войск в Венгрии, ГДР, Польше и Чехословакии. Под руководством отдела радиоразведки ОСНАЗ выполнял функции перехвата сообщений из коммуникационных сетей зарубежных стран – объектов радиоразведывательного наблюдения со стороны ГРУ. Для этих целей в распоряжении 1-го отдела 6-го управления были 300 человек плюс 1,5 тыс. других военных и гражданских служащих.

2-й – отдел радиотехнической разведки 6-го управления ГРУ – пользовался услугами тех же станций перехвата и осуществлял наблюдение электронными средствами за теми же странами, что и 1-й. Однако предметом интереса 2-го отдела были радио, телеметрические и другие электронные сигналы, излучаемые аппаратурой управления, обнаружения и слежения военного назначения. Для перехвата этих сигналов им задействовался ОСНАЗ в военных округах и группах войск Министерства обороны СССР.

3-й – отдел технического обеспечения – занимался обслуживанием станций перехвата, оборудование которых размещалось в зданиях советских посольств, консульств и торговых миссий по всему миру, а также отдельно расположенных станций перехвата на Кубе и в Монголии.

4-й – отдел слежения 6-го управления ГРУ – круглосуточно отслеживал всю информацию, которую оно добывало средствами радиоразведки. Основная задача отдела состояла в слежении за военной ситуацией в мире и особенно за существенными изменениями в вооруженных силах США. Каждый офицер этого отдела отвечал за свой объект наблюдения, среди которых были американское командование стратегической авиацией, командование тактической авиацией США и другие. На основе данных, полученных из отдела слежения, оперативный дежурный по 6-му управлению ежедневно составлял информационную сводку, которая, в свою очередь, входила в итоговую информационную сводку всего ГРУ.

В дополнение к 6-му управлению деятельность еще нескольких подразделений и служб ГРУ была связана с радиоразведкой. Командный пост ГРУ, осуществлявший круглосуточное наблюдение за появлением признаков готовившегося нападения на СССР, пользовался при этом и информацией, которую направляло туда 6-е управление. Управления информационного обеспечения выполняли работы по оценке сводок разведданных, которые поступали из 6-го управления. Дешифровальная служба занималась криптоанализом перехваченных шифрованных сообщений. Она находилась в прямом подчинении начальника ГРУ и располагалась на Комсомольском проспекте в Москве. При этом главной целью дешифровальной службы было чтение шифрсообщений из тактических военных сетей связи. Специальный вычислительный центр ГРУ обрабатывал поступающую в него информацию, которая добывалась средствами радиоразведки, с помощью вычислительной техники. Центральный научно-исследовательский институт в Москве разрабатывал специализированное оборудование для ведения радиоразведки, за производство и техническое обслуживание которого в ГРУ отвечало оперативно-техническое управление. Управление космической разведки ГРУ собирало разведывательные данные с помощью спутников.

Особо следует сказать о радиоразведывательном флоте СССР. В районе Восточного Средиземноморья в 70-е годы вне пределов видимости с берега Израиля постоянно курсировали три с виду ничем не примечательных советских корабля — «Кавказ», «Крым» и «Юрий Гагарин». Днем и ночью они патрулировали побережье Израиля. Не имея на своем борту никакого вооружения, корабли были буквально наштапованы электронным оборудованием, а в состав экипажа входили специалисты-электронщики и эксперты по внешней политике Израиля. Единственной их целью было ведение радиоразведки против этой страны. Радиоразведывательные корабли СССР фиксировали радиопереговоры и телефонные разговоры на всей территории Израиля. Несмотря на то что советские эксперты, находившиеся на кораблях-разведчиках, могли самостоятельно анализировать перехватываемую информацию, большая ее часть отправлялась в Москву, контакт с которой поддерживался круглосуточно, в том числе и с помощью спутниковой связи. По мнению израильских экспертов, радиоразведывательные корабли СССР были оснащены специальным оборудованием, которое могло вывести из строя всю систему связи Израиля. Уроки «Пуэбло» и «Либерти» не пропали даром для «Крыша», «Кавказа» и «Юрия Гагарина». Накануне арабо-израильской войны 1973 года эти корабли исчезли, чтобы вскоре появиться вновь, но уже в сопровождении мощных сил ВМФ СССР. С этого момента они могли выполнять свои функции даже во время военных конфликтов, без риска понести потери в случае вооруженного нападения со стороны противника.

От штаба армии до резидентуры

В книге Суворова-Резуна «Аквариум» кроме всего прочего можно найти и упоминание о месте радиоразведки в организационном строении штаба 13-й армии Прикарпатского военного округа в 70-е годы. 1-й отдел штаба этой армии был оперативным, он занимался боевым планированием. 2-й отдел являлся разведывательным, он поставлял 1-му всю добываемую информацию о противнике. Во главе 2-го отдела штаба 13-й армии стоял подполковник Кравцов, под началом которого служил Суворов-Ре-зун. Состоял отдел из 5 групп, из которых одна — 5-я по счету — занималась радиоразведкой. В ее подчинении находились два батальона пеленгации и перехвата, а кроме того,

эта группа контролировала радиоразведку во всех дивизиях, входивших в состав 13-й армии.

Но вот Кравцова повысили — направили руководить разведкой всего Прикарпатского военного округа. Автор «Аквариума» последовал за своим начальником и получил возможность изучить и ее организационное строение тоже. Организация штаба округа оказалась точно такой же, как и организация штаба армии, с той лишь разницей, что тут все было на ступень выше. Вместо отделов были управления, управления делились на отделы, а те — на группы. Зная организацию разведки штаба армии, можно было легко сориентироваться в структуре разведывательных органов штаба округа.

Откуда 5-й отдел разведки штаба округа брал информацию? По Суворову-Резуну, то, чем радиоразведка штаба округа «питала» боевое планирование, имело вполне прозаическое происхождение. Назывался этот источник информации графиками активности, и сводился данный способ добывания разведанных к внимательному слежению за активностью радиостанций противника. На каждую радиостанцию заводилось особое дело, куда помещались сведения о ее типе, назначении, принадлежности и рабочих частотах.

Очень много шифрсообщений дешифровалось самим 5-м отделом. Но находились радиостанции, шифровки которых прочитать не удавалось годами. Именно они и представляли главный интерес, ибо являлись самыми важными. Понятны были ее сообщения или нет, на станцию заводился график активности и любой ее выход в эфир фиксировался. Каждая станция имела свой характер, свой почерк: одни станции работали днем, другие ночью, третьи имели выходные дни, четвертые не имели. А если каждый выход радиостанции в эфир фиксировать и анализировать (чем 5-й отдел, собственно, и занимался), то скоро становилось возможным предсказывать ее поведение.

Для разведывательных органов бесценными оказывались сведения от водителей советских грузовиков за рубежом, от проводников поездов, от экипажей самолетов, от спортсменов и, конечно, от агентуры. Эту отрывочную информацию ЭВМ сопоставляла с активностью в эфире. Замечались закономерности, учитывались особые случаи и исключения из правил. И вот в результате многолетнего анализа можно было, например, предсказать, что если вдруг заработала станция, имевшая в 5-м отделе разведки штаба Прикарпатского военного округа кодовое обозначение «С-1000», то боеготовность американских войск в Европе через некоторое время будет повышена.

После службы в разведке Прикарпатского военного округа Кравцов был назначен начальником 5-го управления ГРУ. Он не забыл «своих» людей, и Суворов-Резун тоже стал «аквариумистом» — в середине 70-х годов он попал в состав резидентуры ГРУ в Западной Европе. Ему принадлежит подробное описание помещения резидентуры ГРУ в здании посольства СССР в Вене, а также работы на его территории Группы технической службы (ТС) и Группы радиоконтроля, подчинявшихся 3-му отделу 6-го управления.

В помещении резидентуры было всего три окна. Оно отделялось от рабочих помещений ГРУ десятками дверей, бетонными перекрытиями и стенами. Тут не разрешалось обсуждать секретные вопросы. Тем не менее все три окна были защищены так, как должны быть защищены окна любого помещения ГРУ. Снаружи они ничем не отличались от других окон, на них красовались такие же

решетки, как и везде. Но стекла в этих окнах были очень толстые и чуть мутные. Снаружи было трудно разглядеть, что происходило внутри. К тому же толстое стекло меньше вибрирует от внутренних звуков. Оконные стекла были сделаны как бы не очень аккуратно: в одном месте чуть толще, в другом – чуть тоньше. Это тоже хитрость. Кто-то за изобретение этого неровного стекла получил премию. Если на такое стекло направить луч лазера (один из оригинальных способов дистанционного подслушивания через закрытое окно), то оно будет рассеивать направленный на него луч хаотично, не позволяя получить удовлетворительное качество приема.

Форточек в окнах, естественно, не было, системы вентиляции – особые и тщательно охранявшиеся. Каждое окно имело тройное остекление, рамы – металлические, а между металлическими деталями располагались прокладки, чтобы снизить вибрацию. Внутреннее и внешнее стекла выглядели вполне обычно, но если присмотреться к средней раме, то можно было увидеть, что стекла находятся не в одной плоскости. Каждое наклонялось под своим углом, рассчитанным с помощью ЭВМ, и было чуть развернуто по фронту. Это делалось опять-таки, чтобы предотвратить возможность использования окон для прослушивания. Ну а стены защищались, конечно, еще лучше. Двери в помещении резидентуры ГРУ в посольстве больше всего напоминали герметичные люки подводных лодок и задраивались так же плотно. На дверях устанавливались кодовые замки с капканами: капкан срабатывал, если неправильно была набрана кодовая комбинация.

И вот таким образом спрятанная и защищенная от посторонних взглядов и ушей Группа ТС круглосуточно вела работу по перехвату и дешифрованию военных и правительственных радиোগрам. Она работала в интересах управлений информационного обеспечения ГРУ, добывая крупницы сведений, из которых командный пункт и его большой компьютер постоянно лепили общую картину мира для высшего военного командования Вооруженных Сил СССР.

Группа радиоконтроля тоже занималась перехватом, но это был совсем другой вид работы. Она работала только в интересах местной резидентуры ГРУ и следила за активностью полиции. Эта группа всегда знала, что делает полиция, как расставлены ее силы, за кем следят ее переодетые агенты. Радиоконтроль всегда мог сказать, что, например, сегодня полицейские следили за подозрительным арабом, а вчера все силы были брошены на поимку торговцев наркотиками. Очень часто активность полиции не поддавалась объяснению, но тогда Группа радиоконтроля просто была готова предупредить заинтересованные лица, в каком районе города наблюдался этот непонятный всплеск активности.

Вербовка

Одним из источников ценных данных для военной радиоразведки служила агентурная разведка ГРУ. К примеру, была у канадского премьер-министра Кинга своя шифровальная служба. Однако, несмотря на это, полученные им от Черчилля телеграммы сначала читали сотрудники резидентуры ГРУ в советском посольстве в Оттаве и только затем они докладывались Кингу. А с посланиями Кинга Черчиллю в Москве знакомились раньше, чем они доходили до английского премьер-министра. И все благодаря тому, что ГРУ удалось склонить к сотрудничеству шифровальщицу Кинга. Правда, как всегда это бывает с женщинами, вышла маленькая неувязка. Ее связником был лейтенант ГРУ Павел Ангелов, в которого она влюбилась. «Она все время целоваться

лезет», — жаловался начальству Ангелов. На что начальство ему резонно отвечало: «Если для дела надо, то и ведьму поцелуешь. Приказано — целуй!»

Но не всегда рвение, проявленное агентурной разведкой в деле добывания шифров других стран, приводило к положительным результатам, о чем свидетельствует история Дмитрия Волохова.

Французский гражданин Дмитрий Волохов родился в 1942 году в семье русских эмигрантов, переселившихся из России во Францию после революции 1917 года. К 27 годам Волохов успел закончить парижскую Школу восточных языков, стать лицензиатом естественных наук и получить диплом о высшем образовании французского Института ядерных исследований, в стенах которого он позднее защитил докторскую диссертацию. В 1959 году Волохова призвали на военную службу в инженерный полк, где его русское происхождение заинтересовало одного из офицеров. Однажды тот спросил, не хочет ли Волохов сделать для своих товарищей по службе обзор советских пятилетних планов. Если нужно, то этот офицер мог бы дать ему специальное разрешение для поездки за необходимыми материалами в Париж. Волохов с радостью согласился.

Приехав в Париж, Волохов сразу отправился на улицу Прони, где в доме № 8 размещалось советское информационное бюро. Молодой француз пришел туда за материалами для своего обзора. Его принял заведующий бюро Алексей Стриганов, офицер ГРУ. Завязалась приятная беседа, и вскоре Стриганов знал о Волохове все. И русское происхождение, и образование, и служба в армии — все это чертовски заинтересовало русского разведчика. Перед самым прощанием Стриганов сказал, что ему нужен переводчик. О, сущие пустяки, но это так упростило бы ему жизнь, если бы молодой человек смог помочь! Конечно, за вознаграждение.

Волохов не колебался ни секунды: он недавно женился и уже успел стать отцом, ему непросто было содержать жену и ребенка на свое скудное солдатское жалованье. Волохов ушел, держа под мышкой несколько статей для перевода. Потом он еще много раз приходил за переводами на улицу Прони. Стриганов на словах был очень доволен качеством его переводов и хорошо платил. Правда, при каждой выплате от Волохова требовалось писать расписку в получении денег. Но Стриганов рассеивал все подозрения Волохова, постоянно повторяя: «Можно на любое имя. Это не имеет значения. Это для отчетности». Так продолжалось несколько недель.

Тем временем из инженерного полка Волохова перевели в лабораторию радиационных измерений. Перевод совпал с первой попыткой Стриганова начать задавать Волохову вопросы о его службе. Волохов испугался и прекратил свои посещения дома на улице Прони. В результате Стриганова как несправившегося от дальнейшей работы с Волоховым отстранили, а его место занял другой советский военный разведчик — Порожняков. Тот возобновил контакты с Волоховым, но, наученный горьким опытом Стриганова, события не торопил.

После нескольких задушевных бесед Порожняков обнаружил, что Волохов религиозен до страсти, и как бы между прочим признался ему в своем атеизме, вместе с тем дав понять, что иногда и в его атеистическую душу

закрадывались сомнения. Между Волоховым и Порожняковым возникли дружеские отношения. Волохов старался помочь советскому другу обрести путь к Богу и одновременно значительно увеличивал свой заработок. Однако теперь он зарабатывал не переводами, а продажей секретной информации советской разведке.

Освободившись от военной службы в 1960 году, Волохов стал работать инженером-атомщиком в фирме, которая занималась строительством завода по разделению изотопов в Париже. Последующие четыре года, пока Волохов не оставил свое предприятие для новой, менее интересной с точки зрения советской разведки, работы, стали самыми продуктивными для ГРУ во Франции.

В октябре 1970 года, поочередно побывав под «покровительством» четырех офицеров ГРУ, Волохов попал в руки пятого – полковника Юрия Рылеева, помощника военного атташе посольства СССР в Париже, и рассказал ему о том, о чем не говорил ни одному из предыдущих. Его тесть Жак П. работал шифровальщиком в посольстве Франции в Белграде. Весьма заинтересовавшись, советский офицер попросил Волохова проткнуть Жака, чтобы выяснить, не согласится ли тот сотрудничать с ГРУ. Волохов в тоне шуток завел разговор с тестем на эту скользкую тему, приманивая перспективой больших денег. Но Жак разговора не поддержал. Когда Рылеев на следующий день захотел узнать, какой оказалась реакция шифровальщика, Волохов поведал о его молчании. Неверно истолковав эту сдержанность, советский разведчик взял у Волохова рекомендательное письмо к Жаку, заплатив за него 1,5 тыс. франков, и отправился в Белград вербовать нового агента.

Вечером 30 августа 1971 г. в доме Жака П. появился незнакомый человек, назвавшийся другом Волохова и передавший в подтверждение своих слов рекомендательное письмо от него. После нескольких банальных фраз о кончающемся лете Жак услышал, что нежданный гость приехал в Белград не как турист и что его гораздо больше интересовали шифры, использовавшиеся посольствами Франции. Конечно, за всю эту информацию Жак получил бы хорошие деньги. Жак был огорошен. Через несколько минут, осознав услышанное, он пришел в ярость и выпроводил непрошеного вербовщика вон.

На следующий день, придя к выводу, что происшедшее накануне отнюдь не шутка, Жак проинформировал свое начальство в МИД. Но случившееся было столь непохоже на действия профессионала из иностранной разведки, что Жак посчитал это очередной проверкой службы безопасности французского МИД. Поэтому он рассказал буквально обо всем, включая и рекомендательное письмо своего зятя.

3 мая 1971 г. суд государственной безопасности Франции приговорил Дмитрия Волохова к 10 годам тюремного заключения.

Дезинформация века

10 июня 1984 г. экспериментальная ракета-перехватчик, запущенная американцами в рамках проекта СОИ с атолла Кваджалейн в Тихом океане, буквально в клочья разнесла боеголовку межконтинентальной ракеты, мчащуюся на 150-километровой высоте в космическом пространстве. Это был фантастический успех, так как уничтожение ядерных боеголовок противника,

летающих к цели, было заветной мечтой ученых обеих сверхдержав и означало победу в «холодной войне».

И лишь 9 лет спустя четверо сотрудников администрации Рейгана признались, что испытание ракеты-перехватчика было сфальсифицировано. «Мы потеряли бы миллионы долларов в конгрессе, если бы не провели испытание успешно, — сказал один из них. — Это было бы катастрофой. Чтобы обеспечить видимость успеха, мы установили на ракете-цели радиомаяк, работающий на определенной частоте. На ракете-перехватчике установили приемник. Попадание в цель выглядело блестяще. Так что у конгресса вопросов не возникло».

С другой стороны, подчеркивают представители администрации Рейгана, фальсификация испытания в июне 1984 года была лишь частью глобальной программы дезинформации, которую проводили в Пентагоне для экономического подрыва СССР. Иными словами, фальшивый запуск должен был заставить СССР потратить несколько миллиардов рублей на создание и испытание аналогичной ракеты. Но этого не произошло.

«Мы догадывались, что они нас обманывали...» — такое сенсационное заявление сделал в беседе с Дмитрием Лихановым, обозревателем международного ежемесячника «Совершенно секретно», бывший заместитель начальника ГРУ отставной генерал Георгий Михайлов. По его словам, в день запуска суперперехватчика в акватории Тихого океана находились несколько советских судов, которые отслеживали информацию об испытаниях для Генштаба ВС СССР. По возвращении кораблей в порт приписки — Владивосток и после обработки информации в техническом управлении ГРУ военной разведке стало ясно: испытания ракеты были искусно подстроены.

Сообщение Михайлова подтвердил и бывший начальник Главного оперативного управления Генштаба ВС СССР генерал армии Валентин Варенников. «Когда американцы запустили антиракету из акватории Тихого океана, — заявил он, — наша разведка за это схватилась и сообщила вскоре, что на ракете был поставлен радиомаяк. Эту информацию нам передало ГРУ».

Таким образом, то, что стало Предметом служебного разбирательства в американском конгрессе в 1993 году, СССР стало известно девятью годами раньше. Дезинформация не удалась. СССР не пошел на прямое копирование работ американцев, которое пустило бы страну по миру.

ПРОЧИЕ

Спокойствие многих было бы надежнее, если бы дозволено было все неприятности относить за казенный счет.

К.Прутков. «Сочинения»

АВСТРИЙЦЫ

«Мужская мать военного корабля»

До первой мировой войны ни в одной стране, кроме Франции и Австро-Венгрии, не существовало военных дешифровальных органов. Возможно, опыт империи Габсбургов в области криптоанализа, начало которому было положено еще в XIX веке, обусловил такое положение. Поэтому неудивительно, что к перехвату итальянских военных радиотелеграмм Австро-Венгрия приступила еще в 1908 году. А в 1911-м, когда они «попились рекой» во время вспышки итало-турецкого конфликта, полковник Макс Ронге, начальник шпионской спецслужбы Генерального штаба Австро-Венгрии, усмотрел в этом определенные возможности для получения полезной информации. В ноябре 1911 года он создал при Генеральном штабе австро-венгерской армии криптоаналитическое бюро во главе с капитаном Андрашем Фиглем. Кроме чтения итальянской военной шифрпереписки, австрийские криптоаналитики занялись также анализом русских криптограмм, но в условиях мирного времени и русские, и итальянские шифрсистемы оказались слишком трудными для вскрытия. Тогда Ронге, чтобы поддержать своих подопечных из криптобюро морально и материально, через посредников купил им несколько итальянских шифров. Работа пошла значительно успешнее.

В 1912 году некий таинственный господин предложил австрийцам экземпляр сербского дипломатического кода, якобы переписанный от руки урывками и с риском для жизни его племянником, работавшим в шифровальной комнате посольства Сербии в Вене. Он сказал, что для доказательства подлинности оставит код австрийцам, которые могут испытать его при расшифровке следующих сербских шифртелеграмм. На другой день были перехвачены сразу две шифртелеграммы. Их успешно дешифровали с помощью украденного кода. Речь в шифр-телеграммах шла о некоторых вопросах, касавшихся таможенных пошлин — скучных повседневных дел сербского посольства. Таинственный господин получил причитавшиеся ему 10 тыс. крон. Австрийцы были довольны и предвкушали предстоявшее длительное и успешное чтение дипломатической шифрпереписки Сербии.

Вскоре были перехвачены и другие сербские шифрсообщения. Австрийцы вынули купленный код из сейфа, разложили на столе и принялись за работу. Долго потели, вздыхали, ругались, но не получили ни единого, имевшего хоть какой-нибудь смысл предложения, ни буквы, ни слога, ни знака препинания. С помощью богатого воображения самому удачливому криптоаналитику удалось собирать слова для следующего предложения: «Была построена мужская мать военного корабля».

Тогда сотрудники австрийского криптобюро сочинили собственное послание сербскому послу и зашифровали его с помощью кода, который стоил им 10 тыс. На шифровке они поставили гриф «срочно» и отослали вместе с двумя успешно дешифрованными телеграммами о таможенных пошлинах в посольство Сербии в Вене. Вскоре в помещение венского центрального телеграфа влетел секретарь сербского посольства. Он был раздражен до крайности и потребовал восстановить текст трех безнадежно искаженных телеграмм. Это, конечно, были три телеграммы, посланные австрийцами под видом сербских.

Последовавшее за этим расследование показало, что проданный код был чистой подделкой, сфабрикованной таинственным господином, сообщник которого отправил зашифрованные на основе этого кода две телеграммы сербскому посольству. Сербские оставили их лежать нерасшифрованными, пока шифртелеграмм с грифом «срочно» не заставила их принять меры. При попытке расшифровать три присланные шифртелеграммы с помощью действовавшего посольского кода получилась абракадабра. Сербские,

естественно, предположили, что ошибки были допущены на венском телеграфе при приеме этих шифртелеграмм.

Не всегда в проигрыше

Но австрийцы не всегда оказывались в проигрыше, пытались тем или иным способом проникнуть в тайны шифров иностранных государств. С помощью криптоанализа они установили значение около 150 кодовых слов итальянского кода, применявшегося в шифрпереписке между Римом и Константинополем. Но дальше дело застопорилось. Чтобы расширить свой словарный запас, они поместили в газете, издававшейся на итальянском языке, любопытное сообщение со сведениями военного характера. Итальянский военный атташе дословно переписал это сообщение и послал в закодированном виде в Рим. После повторения той же уловки в течение следующих трех месяцев в австрийском криптобюро появился вполне пригодный для использования в дешифровальной работе итальянский код на пару тысяч слов.

В начале первой мировой войны дешифровальная служба австро-венгерской армии искусно вскрывала русские шифрсистемы, главным образом из-за бесчисленных недоразумений, связанных с военной мобилизацией в России. Все же за год к тому моменту, когда в 1915 году начались военные действия Австро-Венгрии против Италии, эта служба приобрела бесценный опыт работы в условиях военного времени. Благодаря предвоенной подготовке (еще до войны Ронге добыл штабной и несколько полевых итальянских шифров) и накопленному за первый год войны опыту, дешифрование стало одним из основных источников получения шпионской информации. К апрелю 1917 года криптоаналитическое подразделение при австрийском Генштабе, откуда исходила эта информация, превратилось в сложный разветвленный аппарат.

В отличие от русских, итальянцы доверяли радиосвязи значительно меньше своих военных секретов и использовали радио большей частью для административных целей. Тем не менее, благодаря чтению зашифрованных итальянских радиogramм, австрийцам удавалось узнавать о силе и направлении воинских соединений Италии и их расположении, а также строить догадки об оперативных замыслах командования этих соединений. Так, например, передвижения итальянских кавалерийских дивизий достоверно указывали на сроки ведения крупных боевых действий и давали возможность угадывать направление предстоявшего наступления.

В ряде случаев австрийцы намеренно снабжали свои отдельные прифронтовые радиостанции ненадежными шифрами, предназначенными для вскрытия противником. Засекречиваемые с помощью этих шифров радиogramмы вводили врага в заблуждение относительно концентрации австрийских войск на выбранных участках фронта.

Однако во второй половине войны успехи австрийских криптоаналитиков заметно поубавились. В июне 1917 года итальянцы заменили свой полевой шифр на код с перешифровкой. Приблизительно в это же время начальник французского криптобюро при военном министерстве предпринял поездку в Италию, посетив посты перехвата и начальника итальянской дешифровальной службы. Союзническая военная делегация Англии и Франции, прибывшая в Рим для оказания помощи Италии в конце 1917 года, имела в своем составе криптографов. Все эти факторы заметно укрепили итальянскую шифровальную службу и лишили австрийцев ценного источника информации.

После второй мировой войны Австрия стала нейтральной страной. Однако такое неестественное состояние государства с богатыми шпионскими традициями не могло продолжаться вечно. Свой нейтралитет в послевоенное время она нарушала по крайней мере дважды. Лихорадочную шпионскую деятельность развили австрийцы в период венгерских событий 1956 года и чехословацких 1968 года. Армейские подразделения радиوشпионажа Австрии были переведены на круглосуточную работу. Они вели активную пеленгацию и перехват радиопередач, пытаясь установить направление движения войск и их дислокацию в Венгрии и Чехословакии. В пограничных районах Австрии действовали подвижные отряды радиослежения, а под Зальцбургом — мощная станция перехвата.

ЕВРЕИ

Прежде чем решиться на какое-либо коммерческое дело, справься: занимаются ли подобным делом еврей или немец? Если да, то действуй смело, значит, барыши будут. К. Прутков. «Сочинения»

Подразделение 8200

1 сентября 1951 г. премьер-министр Израиля подписал директиву о создании шпионской организации Моссад. Ее деятельность считалась в Израиле настолько секретной, что ссылки на Моссад было невозможно отыскать в государственном бюджете, а фамилия ее руководителя никогда не объявлялась публично.

В Моссад использовались все три основных метода добывания секретной информации: агентурная сеть, сбор данных из открытых источников и радиوشпионаж. Сотрудники Моссад всегда уделяли самое пристальное внимание линиям связи. Зная, на что были способны сами, они справедливо полагали, что и другие тоже в состоянии это сделать. Поэтому для передачи своих сообщений Моссад использовала код с перешифровкой, при этом исходное сообщение разбивалось на части, каждая из которых не являлась осмысленным текстом и посылалась отдельно от других.

За перехват сообщений из линий связи в Моссад отвечало так называемое подразделение 8200. Кроме него, перехватом в Израиле занимались военные, в 80-е годы имевшие в своем распоряжении около 3 тыс. станций подслушивания.

Одним из наиболее важных пунктов перехвата для подразделения 8200 являлась станция подслушивания на острове Сицилия, которой оно пользовалось совместно с итальянцами. Там подразделение 8200 сумело подключиться к кабелю, проложенному по дну Средиземного моря и имевшему выход близ Палермо. Этот кабель являлся частью международной системы связи, по которой проходило большинство сообщений арабских стран.

В середине 80-х годов Моссад удалось завербовать помощника военного атташе в посольстве Сирии в Лондоне Халеда, который согласился продавать посольские шифры, менявшиеся каждый месяц. В результате Моссад могла читать любые входящие и исходящие шифртелеграммы сирийских посольств во всех странах мира.

В качестве помощника военного атташе Халед имел свободный доступ к сейфу военного представительства при сирийском посольстве. Оттуда он позаимствовал 15 тыс. долларов на покупку новой машины. Халед планировал погасить сделанный им «заем» из ежемесячных выплат Моссад. Однако вдруг как снег на голову свалилась ревизорская проверка посольства, в ходе которой недостача была бы неизбежно обнаружена. Халед срочно попросил своего израильского куратора о встрече.

Узнав о проблемах Халеда, куратор связался с руководителем лондонской резидентуры Моссад. Согласно инструкции, для получения любой суммы свыше 10 тыс. необходимо было заручиться разрешением Тель-Авива. Но в данном случае руководитель резидентуры принял решение самостоятельно, поскольку запрашивать штаб-квартиру Моссад времени не было. Он рассчитывал на своего осведомителя, который содержал казино и всегда имел на руках большие суммы наличными. Расчет оправдался. Осведомитель дал даже на несколько тысяч больше, сказав: «Может, они вам пригодятся».

Теперь проблема заключалась в том, как вернуть деньги на место до наступления утра. Халед, который знал комбинацию сейфового замка военного представительства и мог найти предлог, чтобы оправдать свое присутствие в здании посольства в ночное время, должен был все сделать сам, без помощи со стороны Моссад.

На очередной встрече куратор предупредил Халеда, что из положенной ему ежемесячной суммы Моссад будет вычитать по тысяче долларов в течение ближайших 15 месяцев, а также пригрозил, что убьет Халеда, если тот совершит в посольстве еще хотя бы один противозаконный поступок. У Халеда не было оснований не верить своему куратору.

«Дружественный» шпион

В ноябре 1985 года по обвинению в шпионаже в пользу Израиля был арестован Джонатан Поллард, еврей по национальности, ответственный вольнонаемный сотрудник шпионской службы американских ВМС. Произошло это при весьма драматических обстоятельствах.

Первые подозрения о двойной жизни Полларда появились в ФБР после того, как поступил сигнал, что в отделе шпионажа ВМС стали пропадать секретные документы. Проведенная проверка позволила установить, что из всех сотрудников этого отдела только Поллард запрашивал материалы, совершенно не имевшие отношения к профилю его работы. В результате наблюдения за ним выяснилось, что Поллард не раз встречался с сотрудниками израильского посольства. Для начала в ФБР ограничились вызовом его для беседы. Зловещее предчувствие, что состоявшийся разговор на невинные темы с сотрудниками ФБР — начало конца, заставило «дружественного» шпиона, как позднее окрестила Полларда американская печать, срочно позвонить своей жене Энн. В их доме хранился чемодан с ворованной секретной документацией, от которого необходимо было избавиться любой ценой. Выставив багаж со «смертельной начинкой» в окно, выходившее на соседний участок, Энн позвонила соседу и слезно попросила его припрятать сей

предмет в надежном месте. Не вдаваясь в подробности, она уверила, что от этого зависела ее жизнь и что взамен сосед мог потребовать от нее все что угодно. Не прельстившись туманными обещаниями Энн, он связался по телефону с местом работы Джонатана. Там, недолго думая, перезвонили в ФБР. Круг замкнулся.

Оказавшись в ФБР во второй раз, но уже не в качестве подозреваемого, а пойманного с поличным, Поллард признался, что с начала 1984 года он получал по 2,5 тыс. долларов в месяц от организации «Лахам», бюро по связям отдела научных проблем МО Израиля, похищая секретные документы и доставляя их на дом секретарю израильского посольства в США. Из ФБР Полларда выпустили на сутки с тем, чтобы он вывел на свои израильские контакты. Но, выйдя на свободу, Поллард запаниковал и решился на крайность, чтобы укрыться от карающего меча американского правосудия.

21 ноября 1985 г. редкие прохожие в северо-западной части американской столицы могли наблюдать сцену, словно взятую из боевика: визг тормозов, неожиданные резкие повороты и проезд перекрестков на красный свет — за автомобилем марки «форд» мчался «шевроле». Финал у этой гонки был неожиданный: «форд» на полном ходу влетел в ворота израильского посольства. «Шевроле» был вынужден остановиться перед воротами, за которыми начиналась территория иностранного государства. Однако и «форд» не имел права въезжать туда. За его рулем сидел американский гражданин Джонатан Поллард, рассчитывавший спрятаться в посольстве от справедливого возмездия за свои шпионские деяния. Удар, нанесенный ему там, был сокрушительным. Полларда попросту выставили за дверь, пригрозив сдать в полицию, если он еще раз осмелится явиться в «чистый храм американо-израильской дружбы» с подобными грязными инсинуациями. Едва Джонатан, удрученный и подавленный, вышел из ворот посольства Израиля, как на его запястьях защелкнулись наручники.

В отличие от своего мужа Энн Поллард сумела спокойно покинуть Северо-Американский континент. Не стал долго задерживаться в Вашингтоне и подручный Полларда, который предпочел вынужденному покою за тюремной решеткой добровольные скитания по миру.

В ходе следствия удалось выяснить, что Поллард, его жена и еще один сотрудник ВМС США составляли маленькую шпионскую компанию для сбора и передачи Израилю совершенно секретной информации. Поллард крал все, что попадалось под руку: и коды американского военного флота, базировавшегося в Средиземном море, и сведения о радиوشпионских средствах США, и данные о частотах, на которых американские военные и шпионские ведомства передавали информацию на Ближнем Востоке и в других регионах.

Американская фемида приговорила Полларда к пожизненному тюремному заключению. Более всего администрацию США взбесило то, что шпион Израиля покусился на самое святое — тайны радиошпионажа. Определенную роль в столь жестоком наказании для «дружественного» шпиона сыграла шпиономания, умело разжигаемая и подогреваемая в США в 80-е годы. Да и как не наказать человека, торговавшего тем, что по долгу службы он был призван охранять?

Естественно, что американцы потребовали от израильского правительства объяснений. В декабре 1985 года Израиль официально попросил прощения у Соединенных Штатов: «Шпионаж в США полностью противоречит политике Израиля. Такая деятельность, если она имела место, является ошибочной, и

правительство Израиля приносит свои извинения». Далее последовало обещание полностью и навсегда расформировать причастные к шпионажу против США подразделения и предпринять шаги, чтобы подобное никогда не повторилось. И хотя израильское правительство и не подумало выполнить это свое обещание (на практике был только изменен почтовый адрес «Лахам»), его извинения удовлетворили администрацию США. Конфликт был предан забвению.

А что же Джонатан Поллард? После того как адвокатам Полларда не удалось добиться для него более мягкого приговора по суду, по всему миру евреями была начата хорошо скоординированная борьба за его помилование властью, данной президенту США. В ходе этой борьбы особую настойчивость проявили английские евреи. Сначала Совет еврейской общины Англии обратился к президенту Бушу с просьбой о помиловании Полларда. Обращение осталось без ответа. В ноябре 1993 года пришла очередь Билла Клинтона, сменившего Буша на посту президента США. Совет еврейской общины Англии попросил его проявить гуманность по отношению к томившемуся в американских застенках израильскому шпиону, длительное пребывание которого в условиях одиночного заключения не замедлило пагубно сказаться на состоянии здоровья. К участию в незавидной судьбе «дружественного» шпиона английские евреи привлекли даже Европарламент. В сентябре 1993 года его Комитет по иностранным делам и безопасности одобрил резолюцию, в которой потребовал от американской администрации освободить Полларда из гуманных соображений. С просьбой помиловать Полларда или по крайней мере сократить срок его тюремного заключения к Клинтону обратился премьер-министр Израиля. Президент США оказался в сложном положении. С одной стороны, ему пришлось иметь дело с личной просьбой израильского главы правительства и давлением со стороны влиятельных еврейских групп. С другой — нельзя было не считаться с мнением американских прокуроров и шпионских спецслужб, которые считали, что Поллард передал Израилю самое большое количество секретной информации США в XX веке и никакого досрочного помилования он не заслуживал (согласно условию приговора, Поллард мог официально подать прошение о помиловании только в 1995 г.).

В конце марта 1994 года Клинтон официально отклонил прошение о помиловании Полларда. «Тяжесть совершенного Поллардом преступления, — было сказано в решении президента США, — вред, нанесенный его действиями нашей стране, и необходимость предупредить каждого, кто помышляет о подобном, требуют его дальнейшего содержания под стражей». Пояснив свое решение, Клинтон далее добавил, что он «рассмотрел аргумент Полларда, который утверждает, что заслуживает сокращения срока наказания, поскольку шпионил в пользу дружественной державы».

Однако, несмотря на принятое президентом США решение, израильтяне по-прежнему продолжали считать несправедливым чересчур суровый приговор Полларду и использовали любую возможность, чтобы добиться смягчения его участи. Очередная возможность представилась в апреле 1994 года, когда был разоблачен Олдрич Эймс, высокопоставленный сотрудник ЦРУ, являвшийся агентом КГБ. По мнению израильской стороны, Поллард своим долгим сроком тюремного заключения был обязан именно ему: с тем, чтобы отвести от себя подозрения, Эймс якобы разработал на основе фальсифицированных данных версию, согласно которой информация, переправлявшаяся Поллардом в Израиль, сразу попадала в КГБ, имевший своего агента в израильском руководстве. Версия Эймса, мол, была сразу принята на веру в министерстве

юстиции США, отсюда и такое беспрецедентно жестокое наказание, вынесенное американской фемидой Полларду.

ИТАЛЬЯНЦЫ

Мудрец проходит жизнь, как огород, наперед зная, что кое-где выдернется ему репа, а кое-где и редька.

К. Прутков. « Сочинения»

Графиня дружила с лейтенантом Генштаба...

До первой мировой войны Италия проявляла к криптоанализу практически нулевой интерес, но шанса получить в свое распоряжение шифры другой державы не упускала. Самым большим спросом в довоенное время пользовались шифрсистемы Австро-Венгрии, которая, находясь на перекрестке Европы, была в полном смысле осиным гнездом шпионажа.

Согласно одной истории, молодая и симпатичная итальянская графиня, подружившись с лейтенантом из австро-венгерского Генерального штаба, выкрала из незапертого сейфа экземпляр кода и положила вместо него книгу с чистыми страницами, очень походившую на кодовую. Спустя некоторое время шифровальщик обнаружил подлог. Начались активные поиски преступника. Австрийцы не могли напасть на верный след до тех пор, пока русский военный атташе не поведал одному из офицеров Генштаба Австро-Венгрии о том, что ему предложили купить австрийский код за 400 тыс., но запрошенная цена была слишком велика и он отказался. След привел к графине и ее юному приятелю-лейтенанту.

Сакко

Перед первой мировой войной в Италии появилось несколько весьма одаренных криптоаналитиков. Лучшим среди них был Луиджи Сакко, 32-летний лейтенант инженерных войск, служивший на радиостанции верховного командования. Он впервые заинтересовался шифровальным делом в 1911 году, во время конфликта Италии с

Турцией. Когда в первую мировую войну союзница Италии Франция отказалась предоставить сведения о шифрах стран германского блока, которыми она располагала, а затем перестала высылать открытые тексты немецких шифртелеграмм, которые Италия перехватывала и передавала французам для криптоанализа, Сакко, возглавлявший итальянскую службу перехвата, начал сам работать над этими шифровками. Восстановленные им участки открытого текста оказались настолько ценными, что Сакко был поставлен во главе дешифровального отдела при верховном командовании. Он получил название шифровального подразделения и первоначально состоял всего из трех человек. К концу войны в нем служили уже несколько десятков сотрудников.

Итальянские криптоаналитики добились полного чтения австро-венгерских шифртелеграмм во время битвы при Гориции в августе 1917 года. Австрийские

военные не проявляли какого-либо особого мастерства в криптографии. В числе шифрсистем, которым они доверяли свои жизни, был обыкновенный шифр Вижинера. Растущий опыт итальянских криптоаналитиков помогал им решать все более трудные задачи, такие, как, например, вскрытие австрийского дипломатического кода. При работе над ним в качестве подспорья группа Сакко пользовалась сообщениями, переданными австрийцами открытым текстом.

Цена ложных телеграмм

Во второй мировой войне Италия полагалась в деле радиوشпионажа прежде всего на армию и ВМС. Криптоаналитики итальянских ВМС составляли отдел «В» военно-морской шпионской спецслужбы. В начале 1942 года они вскрыли шифры ВМС Англии на Средиземном море. Правда, эти шифры были настолько слабы, что командующий английским флотом на Средиземноморье адмирал Каннингхэм однажды даже пригрозил руководству в Лондоне, что будет передавать свои сообщения открытым текстом, если ему не предоставят более стойкие шифрсистемы.

Шпионская и контршпионская служба итальянской армии — Служба военной информации (СВИ) — имела в своем составе большой и хорошо организованный 5-й отдел, который занимался чтением как дипломатической, так и военной шифрованной переписки других стран. Его возглавлял генерал Гамба, старый альпийский стрелок, известный лингвист и исследователь в области криптографии.

Криптоаналитики 5-го отдела вскрыли военные шифры Югославии, отношения с которой у Италии были напряженными с момента образования этой страны после первой мировой войны. Немцы использовали полученные в результате сведения для блицкрига против Югославии, а итальянцы — для ловкого обмана, который помог им избежать возможного разгрома. Почти вплоть до самого момента вторжения итало-германских войск в Югославию итальянские армии, оккупировавшие Албанию, как образно выразился Черчилль, были обращены к Югославии своим голым задом. В борьбе против вермахта у Югославии не было никаких шансов на успех. Однако как Италия с Германией, так и англо-американские союзники понимали, что если Югославия нанесет мощный удар по дезорганизованным итальянцам, то сможет добиться крупной победы и успеть получить снабжение для дальнейших крупномасштабных действий. 12 апреля 1940 г., казалось, начинали сбываться самые худшие опасения итальянцев: две югославские дивизии начали свое продвижение в южном направлении.

В СВИ возникла идея. Были составлены две телеграммы за подписью главы югославского правительства генерала Симовича, в которых приказывалось немедленно прекратить наступление и начать отступать. Обе телеграммы зашифровали с использованием югославской армейской системы и, соблюдая все правила радиообмена — длину волны и время передачи, — отправили наступающим дивизиям югославской армии. Одна из них, получив телеграмму, запросила подтверждение приказа, но такового не последовало. Не получив никаких указаний из штаба об отмене приказа об отступлении, дивизии начали отход. Через день югославский штаб все-таки ответил, что никакого приказа об отступлении он не передавал, но было уже слишком поздно. Узнав, что их шифры были скомпрометированы, и не имея возможности заменить их другими в быстро менявшейся обстановке, югославы попытались путем обременительных контрольных мер проверять подлинность собственной шифрпереписки.

В результате эффективность их командной структуры снизилась именно в тот момент, когда каждый час был дорог. Через несколько дней все было кончено. Так ложные телеграммы уберегли Италию от ощутимого поражения.

Как украли «черный код»

Дешифрованная дипломатическая переписка шла на стол итальянскому министру иностранных дел графу Чиано. В его дневнике можно встретить упоминание о том, что 5-й отдел читал английскую, румынскую и турецкую шифрпереписку. Более двух лет прочитанные турецкие шифртелеграммы сообщали итальянскому правительству о военных планах союзников по антигитлеровской коалиции, о комментариях нейтральных наблюдателей в отношении действий Италии и Германии.

Хотя 5-й отдел прочитывал большое количество криптограмм, многие его успехи были достигнуты не в результате искусного криптоанализа, а благодаря банальной краже шифрдокументов агентами СВИ. Только в 1941 году таким способом их было получено около 50. Некоторые представляли собой открытые тексты шифрованных телеграмм. Другие являлись собственно шифрами, а один, принесший самый большой успех, был секретным кодом США.

Агентом, похитившим его, стал посыльный в канцелярии военного атташе США в Риме Лорис Жерарди. Итальянский подданный, которому только что перевалило за 40, Жерарди работал на американцев с 1920 года. В его обязанности входило доставлять телеграммы из канцелярии американского атташе на римский телеграф. В августе 1940 года он достал слепок с ключа к посольскому сейфу и узнал комбинацию замка. Итальянцы тайно открыли сейф, сфотографировали американский «черный код» и относившиеся к нему таблицы для перешифровки, а затем положили все на место. «Черный код», названный так по цвету обложки кодовой книги, был сравнительно новым и принадлежал американскому военному атташе. Этим кодом пользовался также и посол. После удачно проведенной операции Жерарди проработал в посольстве до его закрытия сразу после объявления Италией войны США. А по окончании войны он попросился на старую работу. Просьбу бывшего служащего удовлетворили, и он исполнял свои обязанности до августа 1949 года, пока о роли Жерарди в краже «черного кода» не стало известно американцам.

Вскоре после получения «черного кода» СВИ передала его главе абвера Канарису. С этого момента Германия и ее союзники могли читать шифртелеграммы державы, которую отчаянно пытались перетянуть на свою сторону их враги. А шифртелеграммы эти стекались в Рим со всех концов света, ведь американские атташе повсеместно имели доступ к весьма тщательно оберегаемым секретам многих противников Италии во второй мировой войне. Об одном из них граф Чиано так написал в своем дневнике в феврале 1942 года: «В телеграмме американского военного атташе в Москве, адресованной в Вашингтон, содержится жалоба по поводу отсутствия поставок оружия, обещанного Соединенными Штатами, и говорится, что если СССР не получит достаточную помощь немедленно, то ему придется подумать о капитуляции».

КАНАДЦЫ

Скрывая истину от друзей, кому ты откроешься?
К.Прутков. «Сочинения»

На побегушках

В 1947 году Австралия, Англия, Канада, Новая Зеландия и США заключили соглашение о сотрудничестве и разделении труда в области шпионажа. В соответствии с соглашением на Канаду была возложена ответственность за сбор шпионских данных в Арктике. Для этой цели на рубеже 40 — 50-х годов в Канаде была создана собственная радиошпионская спецслужба — Отделение связи Национального исследовательского совета (ОСНИС). Название для нее специально было выбрано так, чтобы замаскировать истинную направленность проводимых ее сотрудниками «исследований». Первоначально ОСНИС разместилось в бывшем частном доме в Оттаве, из которого оно вскоре переехало в более просторное здание на Херон-роуд, прежде принадлежавшее министерству сельского хозяйства. К середине 50-х годов в дополнение к слежению за радиообменом военных кораблей и самолетов СССР в Арктике ОСНИС стало заниматься также перехватом из сетей связи советской разведки.

С момента своего возникновения канадская спецслужба радиошпионажа всегда действовала в тесном контакте с американской. Настолько тесном, что руководство АНБ привыкло обращаться с ОСНИС как с частью своего агентства. Зачастую операторы на станциях перехвата ОСНИС получали из АНБ информацию о своем участии в предстоящей радиошпионской акции раньше, чем к ним приходил соответствующий приказ из штаб-квартиры ОСНИС в Оттаве. А когда в 1971 году американцы и англичане решили, что перехват, осуществляемый их посольствами в Москве, недостаточно качествен и разнообразен, АНБ предъявило канадцам ультиматум: либо ОСНИС устанавливает перехватывающую аппаратуру в здании канадского посольства в Москве, с тем чтобы заполнить пробелы в перехвате, получаемом АНБ и ЦПС, либо Канада будет лишена шпионских данных, которыми с ней по-союзнически делились Англия и США. Так было положено начало операции «Стефания».

Надо отдать должное американцам: они сделали все от них зависящее, чтобы канадские коллеги смогли приступить к осуществлению операции как можно быстрее. Когда последние пожаловались, что им не хватает денег на ее проведение, АНБ позаботилось о выделении необходимых средств и безвозмездно обеспечило СБС оборудованием для перехвата. Затраты на разработку и изготовление этого оборудования исчислялись астрономической суммой, поскольку оно было сделано по особому заказу. Единственным условием его передачи СБС стало требование стереть с него серийные номера, чтобы по ним нельзя было узнать о причастности АНБ к операции «Стефания».

Первая проблема возникла, когда обнаружилось, что подаренное американцами оборудование было предназначено для установки в специальных экранированных комнатах, не позволявших излучению от расположенной в них электронной техники проникать наружу. Оснастить непроницаемыми для излучения экранами каждое устройство в отдельности не представлялось

возможным, а экранирование помещений в здании канадского посольства в Москве заставило бы КГБ заподозрить неладное. Поэтому было решено разместить всю перехватывающую аппаратуру на кронштейнах в обыкновенном сейфе, используя его в качестве экранированной комнаты в миниатюре.

Сначала из Монреаля в СССР на грузовом судне отправился большой сейф, в котором все сделанные заранее отверстия для кронштейнов и проводов были предусмотрительно замаскированы свинцовыми панелями. Затем диппочтой в Москву была частями переправлена его ра-диошпионская начинка, а также чаша антенны, которую перед пересылкой пришлось разрезать на двенадцать кусков подобно тому, как режут круглый пирог, подавая его к столу. Когда антенну попытались смонтировать на чердаке посольства, выяснилось, что там для нее слишком мало места. К счастью, для лучшей теплоизоляции на пол чердака была насыпана обычная земля. В выкопанную в ней яму кое-как удалось затолкать антенну, которая должна была приводиться в движение вручную, поскольку звук работающего мотора мог быть зафиксирован подслушивающими устройствами.

Наконец настал долгожданный момент: из Оттавы в Москву поступила команда включить оборудование. Однако в наушниках оператора слышалось лишь равномерное шипение. Причиной неудачи стала узкая направленность распространения волн в СВЧ-диапазоне, на перехват которых была настроена радиошпионская аппаратура. Чтобы их поймать, необходимо было повернуть антенну под нужным углом и настроить приемник на требуемую частоту. Вооружившись пилой и лопатой, сотрудник ОСНИС полез на чердак. Там в кромешной тьме и в пыли он поворачивал антенну до тех пор, пока для нее не было найдено наиболее удачное положение. Так операция «Стефания» вступила в свою главную фазу.

Радиошпионская информация, полученная в ходе операции, анализировалась на месте только на предмет наличия в ней признаков подготовки СССР к внезапному военному нападению на Канаду и ее союзниц. Затем эта информация отсылалась диппочтой в штаб-квартиру ОСНИС для более детальной обработки, а оттуда при первой возможности переправлялась в АНБ. Велико было удивление сотрудников ОСНИС, когда в дипломатических вализах, прибывавших из Москвы, вместе с магнитными пленками они стали находить золотые вещи. Все выяснилось, когда один из сотрудников ОСНИС вернулся из советской столицы, куда был командирован для участия в операции «Стефания». Оказалось, что это он использовал дипломатический канал связи для контрабанды золота, строя свой расчет на том, что в ОСНИС не станут поднимать шума, опасаясь скандала. Так и вышло. Возвратившись в Оттаву, он спокойно вывез все контрабандное золото из здания штаб-квартиры ОСНИС, где оно хранилось до выяснения его происхождения.

Операция «Стефания» продолжалась в общей сложности три года, если не брать в расчет вынужденные перерывы в работе аппаратуры перехвата во время визитов канадских политических деятелей в Москву. Видимо, гости из Канады хотели иметь полное право отвергнуть обвинения в ведении радиошпионажа против СССР с территории посольства, если таковые были бы им высказаны советской стороной. Распоряжение о свертывании операции «Стефания» поступило в ОСНИС из АНБ. Очевидно, ОСНИС не оправдало надежд, которые возлагались на него. Операторы станции перехвата в канадском

посольстве вернулись обратно на родину, а радиошпионское оборудование было вывезено из Москвы тем же путем, что и ввезено тремя годами ранее.

Охота за спутниками

После того как в 1975 году о существовании и действительном назначении ОСНИС было рассказано в передаче канадского телевидения, оно по решению правительства было переведено в состав министерства обороны и переименовано в Службу безопасности связи (СБС). В результате этого шага, сменив вывеску и «крышу», ра-диошпионская спецслужба Канады оказалась еще более надежно спрятана от любопытных глаз. Теперь правительство всегда могло ответить отказом на любые требования общественности отчитаться за свою деятельность в области радиошпионажа, прикрываясь соображениями национальной безопасности.

Помимо ведения радиошпионажа сфера интересов СБС распространялась на обеспечение защиты информации при ее передаче по каналам технической связи во всех канадских государственных учреждениях. Например, в задачу сотрудников СБС входила установка и эксплуатация аппаратуры глушения электронных сигналов, которые излучались оборудованием, установленным в местах заседаний кабинета министров. Им же было поручено предостерегать государственных деятелей от ведения конфиденциальных разговоров по сотовой связи. Хотя если учесть, что время от времени сотрудникам СБС приходилось «наблюдать» за конкретным министром, то, скорее всего, они не всегда выполняли свои обязанности, связанные с защитой информации, с необходимой тщательностью. Кто давал СБС подобного рода задания? Не известно, поскольку она была подотчетна только премьер-министру Канады и всегда отличалась весьма вольной трактовкой возложенных на нее функций.

Под свою штаб-квартиру СБС отвела здание на Хе-рон-роуд, доставшееся ей в наследство от ОСНИС в очень плачевном состоянии. Старое кирпичное здание, явно не пригодное для размещения радиошпионской аппаратуры, вскоре стало буквально трещать по швам. Дошло до того, что в середине 70-х годов из стен здания на головы прохожих вываливались кирпичи. Однако СБС не желала покидать это место, поскольку лишь отсюда можно было без помех прослушивать эфирное пространство над канадской столицей на всех частотах.

Пришлось на время выселить из здания часть сотрудников и срочно заняться ремонтно-восстановительными работами. В ходе этих работ на последнем этаже был сделан бетонный пол. Руководство СБС хотело быть уверенным, что размещенный там 7-тонный компьютер марки «Крей», предназначенный для решения дешифровальных задач, не свалится на голову подчиненным в разгар рабочего дня. С тыла к зданию штаб-квартиры СБС был пристроен бетонный бункер без окон и с непроницаемыми для электронного излучения стенами. В нем разместились дешифровальное оборудование, центр управления радиошпионскими спутниками, отдел проектирования техники для ведения перехвата и служба безопасности.

В дополнение к перехватывающей аппаратуре, которая была установлена в здании штаб-квартиры на Херон-роуд, в распоряжении СБС имелись два автофургона с электронной начинкой. И хотя официально эти автофургоны были предназначены для защиты правительственных каналов связи от подслушивания со стороны зарубежных радиошпионских спецслужб, на деле они легко могли быть переоборудованы в передвижные станции перехвата. Автофургоны были оснащены всевозможными приемными и записывающими устройствами, кондиционерами и автономными электрогенераторами. На них было предусмотрено место для размещения от двух до четырех операторов, в зависимости от сложности проводимой операции.

С середины 70-х годов СБС сосредоточила внимание на добывании информации о советской разведке, которая рассматривала канадскую столицу как удобный плацдарм для проведения разведывательных рейдов против западных стран. Именно в это время, по договоренности с АНБ, в СБС стал поступать обильный перехват с американских радиошпионских спутников для дальнейшей обработки и анализа. Помощь СБС понадобилась американцам и англичанам, поскольку в 1975 году они пришли к выводу о том, что для связи со своей агентурой на Западе Советский Союз использовал две спутниковые системы СВЧ-связи, которые американцы окрестили «Амхерст» и «Янина – Уран». Однако об этих системах практически ничего не было известно, и понадобилось больше года совместных усилий АНБ, ЦПС и СБС, чтобы выяснить, как они функционировали.

Система «Амхерст» принадлежала КГБ. Она состояла из восьми спутников, орбиты которых были подобраны так, чтобы в течение дня любой агент КГБ за рубежом попадал в радиус действия одного из них хотя бы раз. Пролетая над СССР, спутник «загружался» информацией, которую должен был «разгрузить» над заданным регионом планеты. Если агент, которому она предназначалась, успешно ловил ее на свой приемник, то он посылал в Москву короткий сигнал, подтверждавший прием сообщения. Иначе магнитная пленка с записью этого сообщения перематывалась на начало и оно снова передавалось в эфир. В том случае, когда агенту надо было о чем-то сообщить в Москву, он с помощью СВЧ-передатчика связывался со спутником, тот фиксировал сообщение на магнитной пленке и затем «проигрывал» ее над Советским Союзом.

Запеленговать советского агента было практически невозможно. В первом случае – из-за кратковременности сеанса связи, во втором – из-за узкой направленности сигнала его передатчика. Слабым звеном в системе «Амхерст» оказались спутники. Дело в том, что на период «разгрузки» они прекращали передачу на Землю специального сигнала, свидетельствовавшего об их исправности. Таким образом, зная время начала и время завершения «разгрузки», а также частоту, на которой информация «сбрасывалась» со спутника, можно было определить его «след» – зону досягаемости спутникового передатчика. Обычно этот «след» был слишком велик, чтобы по нему одному судить о точном местонахождении агента КГБ. Однако после обнаружения множества таких «следов» (иногда требовалось произвести сотни и даже тысячи замеров) и их пересечений район поисков агента значительно сужался – сначала до размеров города, а затем и до границ конкретного здания.

Труднее пришлось с системой «Янина – Уран», являвшейся собственностью ГРУ. Ее четыре спутника с огромной скоростью вращались вокруг Земли по

эллиптическим орбитам. Ненадолго подойдя на близкое расстояние, чтобы «загрузиться» или «разгрузиться», они стремительно уносились в открытый космос. Кроме того, система «Янина – Уран» была «пассивной». Это означало, что «разгрузка» спутника активировалась сигналом, посылаемым агентом ГРУ. Он определял подходящее время для связи с помощью расписания, показывавшего время пролета спутника на расстоянии, достаточно близком для установления контакта с ним с помощью радиопередатчика. В СБС дело сдвинулось с мертвой точки только после того, как были вычислены параметры орбиты спутников системы «Янина – Уран».

Успех не заставил себя долго ждать. С 1976 по 1978 год совместными усилиями СБС и Службы безопасности (СБ) канадской полиции были разоблачены 20 агентов разведки СССР. В 1978 и 1979 годах из Канады были высланы 16 советских дипломатов, обвиненных в деятельности, не совместимой с их дипломатическим статусом. Большая часть доказательств, послуживших основанием для экстрадиции, была собрана СБС. Кроме выполнения своих прямых обязанностей каждому сотруднику СБС было поручено докладывать о замеченных им передвижениях иностранцев из Восточной Европы. В связи с этим все служащие СБС получили на руки специальные карточки. На них перечислялись регистрационные номера машин, увидев которые сотрудник СБС должен был сообщить по указанному телефону их марку и цвет, количество пассажиров и чем они занимались. Карточку следовало носить с собой всегда и везде.

В середине 70-х годов в СБС было положено начало еще двум радиошпионским операциям против СССР. В ходе одной из них, получившей название «Козерог», перехватывалась вся дипломатическая переписка между Москвой и советским посольством в Оттаве. Другая была названа «Килдеркин» и имела целью улавливание электронного излучения от оборудования, установленного в стенах посольского комплекса СССР. Был момент, когда показалось, что операция «Килдеркин» сулит крупную удачу. Сотрудники СБС перехватили видеосигнал, исходящий из здания советского посольства. Через несколько месяцев упорной и кропотливой работы этот сигнал был преобразован в изображение на экране монитора. Оказалось, что он принадлежал видеокамере, поставленной при входе в посольство и использовавшейся охранниками для наблюдения за прилегающей улицей.

По просьбе союзников

В 1977 году пришла очередь СБС подвергнуться жесткому нажиму со стороны АНБ, какой испытало на себе ОСНИС шестью годами ранее. Американцы в очередной раз решили, что их канадские коллеги слишком прохладно относятся к сбору радиошпионских данных за рубежом, в то время как АНБ и ЦПС с большим риском добывают ценную информацию и для себя, и для своих союзников. Уступив сильному давлению, оказанному на нее директором АНБ, в конце 70-х годов СБС обследовала несколько канадских посольств для выяснения целесообразности установки в них аппаратуры перехвата. Список посольств был заранее согласован с АНБ. В 1981 году СБС свило себе радиошпионское гнездо в Каракасе. Вслед за столицей Венесуэлы наступил черед Абиджана, Бухареста, Кингстона, Нью-Дели, Мехико, Пекина и Рабата.

В результате к концу 80-х годов роль и авторитет СБС в радиошпионском сообществе Запада возросли настолько, что ее отношения с АНБ и ЦПС изменились в корне. Из безропотной помощницы американцев и англичан СБС постепенно превратилась в их полноправную союзницу и стала действовать вполне самостоятельно, без постоянной оглядки на США и Англию.

В 70-е и 80-е годы США и Англия неоднократно обращались к руководству СБС с просьбой помочь им в проведении радиошпионских операций, которые АНБ и ЦПС были не в состоянии осуществить своими силами ввиду ограничений, накладываемых законодательством этих двух стран на подобного рода деятельность. Так, в 1975 году СБС оказала помощь АНБ в определении местонахождения коротковолнового передатчика, выходившего в эфир в окрестностях Вашингтона. А восемь лет спустя по просьбе английского премьер-министра Тэтчер СБС организовала радиошпионское наблюдение за некоторыми членами правительственного кабинета Англии с целью проверки их лояльности по отношению к Тэтчер.

В начале 1987 года американцы и англичане вновь постучались в дверь СБС с просьбой о помощи. На этот раз речь шла о том, чтобы выручить АНБ и ЦПС из трудного положения, в котором они оказались в Москве. Годом раньше сотрудники американского и английского посольств отметили появление подозрительного фургона на прилегающих московских улицах. А некоторое время спустя стало наблюдаться постоянное «зашумление» частот, на которых работала аппаратура перехвата, установленная в обоих посольствах. Очевидно, специально оборудованный фургон зафиксировал излучение, источником которого она служила, и в КГБ были приняты эффективные меры. Неожиданное включение и выключение радиошпионской аппаратуры несколько не помогало избавиться от помех, поскольку почти одновременно с ней включались и выключались советские «шумовики». Не видя других путей решения неожиданно возникшей проблемы, США и Англия попросили Канаду взять на себя осуществление перехвата в Москве.

Операция получила название «Сфинкс». На ее осуществление СБС понадобилось около четырех месяцев. За это время в Москву под видом обслуживающего персонала посольского узла связи были присланы пять сотрудников СБС. Переезд посольства в другое, более подходящее и просторное здание позволил установить аппаратуру перехвата, прибывшую в советскую столицу под предлогом замены устаревшего коммуникационного оборудования на новое. Уже летом 1987 года канадцы смогли приступить к круглосуточному перехвату, не осложненному никакими помехами с советской стороны.

НЕМЦЫ

Что нельзя командовать шепотом, это доказано опытом.
К.Прутков. «Сочинения»

Самоубийство русской армии и ее командующего

В начале XX века германское государство демонстрировало весьма пренебрежительное отношение к радиошпионажу. Немцы считали, что их армия

сможет, как и в славном 1870 году, победить одной лишь силой оружия. Они даже не предполагали, насколько широко в предстоящей войне будет использоваться радио и как много важной информации будет идти по его каналам. Вот почему немецкий Генеральный штаб слишком мало знал о шифровальном деле в армиях других стран и не тратил людские и материальные ресурсы на такие, по их мнению, ненужные занятия, как перехват и криптоанализ.

Итак, Германия шла к первой мировой войне, не имея никакого дешифровального органа. С началом военных действий отсутствие стабилизирующего влияния криптоаналитиков привело к чрезмерному шараханью от одной шифрсистемы к другой. Если это и сошло немцам с рук на Восточном фронте, то только потому, что противостоящая Германии Россия находилась в таком же положении. Однако здесь уже в первые месяцы войны немецкое командование извлекло полезные для себя уроки относительно преимуществ, которые дает радиوشпионаж.

Перед первой мировой войной Россия провела одну из крупнейших для того времени разведывательных операций, вынудив полковника Альфреда Редля выдать ей стратегические планы Генштаба Австро-Венгрии. Боясь появления в России доморощенного Редля, начальник армейского шифровального бюро полковник Андреев вплоть до последней минуты перед началом боевых действий воздерживался от рассылки копий нового шифра, предназначенного для использования в период войны. Эта мера предосторожности привела к печальным последствиям.

Русскими планами ведения военной кампании против Германии предусматривалось вторжение двух армий на территорию Восточной Пруссии. Армия под командованием генерала Раненкампа должна была вести наступление строго в западном направлении и боевыми действиями сковать немцев. Перед армией генерала Самсонова, располагавшейся южнее, была поставлена задача обойти Мазурские болота, выйти в тыл немцам и, блокировав пути отхода, уничтожить их. Естественно, что успешное решение этой задачи предполагало согласованное и тщательное взаимодействие двух русских армий.

К сожалению, российская служба связи совершенно не отвечала предъявлявшимся к ней требованиям. Когда армии Раненкампа и Самсонова оказались разделенными Мазурскими болотами и стали осуществлять связь друг с другом в основном по радио, выяснилось, что в армии Раненкампа новый шифр получили и старый уничтожили, а у Самсонова все еще действовал старый шифр. В результате переговоры между ними некоторое время велись по радио в открытую.

К этому надо добавить, что и материальное обеспечение русских армий было налажено из рук вон плохо. В распоряжении армии Самсонова находилось немногим более 600 километров провода, который был вскоре израсходован. Такое скудное обеспечение резко отличалось от снабжения вооруженных сил Англии и Франции, которые на Западном фронте ежедневно расходовали почти в 10 раз больше провода. В то же время средства радиосвязи использовались только в штабах обеих русских армий и в штабах подчиненных им корпусов. Штабы дивизий и штабы более низкого звена радиосвязи не имели. Поэтому штабы корпусов для связи с дивизиями были вынуждены использовать проводные средства. А штабы армий, в свою очередь, потратили мизерные

запасы провода для связи с тыловым командованием. Поэтому радио осталось единственным средством связи между штабами корпусов и армий.

Содержание их радиопереписки не представляло тайны для противника. Общая неэффективность проведенной Россией мобилизации пагубно сказалась и на доведении до войск новых военных шифров и ключей к ним. Например, 13-й корпус армии Самсонова не имел ключей для чтения криптограмм, поступавших от его соседа, 6-го корпуса. По прошествии двух недель после начала войны русские связисты даже не пытались шифровать свои сообщения, а передавали их по радио открытым текстом.

Восточная Пруссия уже в то далекое время в буквальном смысле слова была опутана телефонными проводами. С любой захудалой фермы немцы могли докладывать о продвижении русских армий прямо в свои штабы. Русская военная разведка обнаруживала потайные телефоны в погребах и даже в пчелиных ульях. В отсутствие достаточных запасов телефонного провода командование российских войск пыталось вести переговоры по телефону из квартир местных жителей, что отнюдь не способствовало сохранению содержания этих переговоров в тайне.

В соответствии со стратегическими планами армия под командованием Раненкампа 17 августа начала продвижение в глубь Восточной Пруссии. Для ее обороны немцы оставили только одну армию, так как в их стратегические планы входил в первую очередь быстрый разгром Франции. Эта немецкая армия не уступала ни одной из двух русских армий, но была слабее их объединенных сил, и поэтому германским Генеральным штабом предусматривалось поочередное нанесение ударов по русским армиям.

После боя с Раненкампом при Гумбиннене немцы оставили свои позиции и начали поспешный отход. Им удалось остановиться только тогда, когда они уже отошли на 30 километров. Все же немецкие войска до некоторой степени потрепали армию Раненкампа, и тот вместо развития успеха на время остановил свое наступление.

Перепуганный немецкий командующий уже был готов оставить пределы Восточной Пруссии. О своих намерениях он доложил верховному командованию, которое начало подыскивать ему замену. Но его талантливый начальник штаба Гофман сообщил, что армия Самсонова очень далеко вклинилась на территорию Пруссии, и убедил своего шефа в необходимости нанесения удара по этому флангу русских войск. Он предложил снять с фронта два немецких корпуса, действовавших против Раненкампа, перебросить их по отличным железным дорогам Германии на южное направление и нанести внезапный удар по южной группировке под командованием Самсонова.

Перевозки уже начались, когда прибыли новый командующий немецкими войсками Гинденбург и его начальник штаба Людендорф. Они оставили план операции без изменений. В северной части линии фронта Людендорф поставил кавалерийский заслон для прикрытия отхода войск с занимаемых позиций и наблюдения за войсками Раненкампа. Распыление сил являлось нарушением стратегической военной доктрины Германии, в основу которой был положен принцип их концентрации. Когда 24 августа в немецком штабе шло обсуждение всех плюсов и минусов варианта Гофмана, мотоциклист привез две перехваченные русские радиogramмы. Они были присланы начальником радиостанции крепости Кенигсберг. Подчиненные ему операторы, у которых

было мало документов для передачи, чтобы как-то развлечься, стали прослушивать работу русских радиостанций.

Обе радиogramмы поступили от штаба 13-го корпуса армии генерала Самсонова и были переданы открытым текстом, так как штаб этого корпуса все еще не получил соответствующие ключи к шифрам. В них точно указывались пункты назначения частей корпуса, ожидаемое время их прибытия и планы действий. Эти данные полностью совпали с содержанием директивы, обнаруженной накануне в сумке убитого русского офицера. Перехваченные сообщения не дали главного – информации о намерениях Раненкампа. Но, несмотря на это, Людендорф решил, что при наличии таких сведений ради достижения полной победы над Самсоновым стоило пойти на риск. Был отдан приказ о передислокации остальных немецких войск.

На следующее утро после совещания в немецком штабе появился документ, который положил конец сомнениям Гинденбурга и Людендорфа. Это была перехваченная радиogramма. Раненкампа передал ее открытым текстом своему 4-му корпусу. В ней, в частности, было сказано, что его армия будет продолжать наступление, и обозначался рубеж, на который она собиралась выйти. Немцам стало ясно, что Раненкампа намеревался и далее продвигаться вперед черепашьим шагом.

Поспешный уход немцев, следы которого обнаружил генерал Раненкампа, когда неторопливо проезжал по оставленным ими позициям, лишний раз утвердил его в ошибочности мнения о всеобщем отступлении немецких войск после Гумбиннена. Он не намерен был оказывать на немцев сильное давление, так как боялся отбросить их из Восточной Пруссии раньше, чем Самсонов сможет их разбить.

Немцы, в свою очередь, сразу же сделали вывод, что Раненкампа своевременно не выйдет ни на один из рубежей, чтобы нанести удар по тылам немецких войск раньше предполагаемого разгрома Самсонова. Получив передышку, они решили бросить все свои силы против армии Самсонова.

В то же утро связист вручил Гофману еще одну перехваченную радиogramму, также переданную открытым текстом. Самсонов отправил ее в 6 утра злополучному 13-му корпусу, у которого не было шифра. В ней содержалась полная характеристика обстановки с подробным описанием последующих действий войск армии Самсонова. •Равного этому прецедента не было во всей военной истории.

При разработке своих планов немцы учли слабости в расположении русских войск. Генеральное сражение началось 26 августа, а к 30 августа немецкие войска взяли русских в железное кольцо, из которого смогли уйти только 2 тыс. человек. Армия Самсонова перестала существовать. Мертв был и ее командующий, в отчаянии покончивший жизнь самоубийством. После одержанной победы Гинденбург стал настолько популярен, что был назначен верховным главнокомандующим, а после войны – президентом.

Гофман, подавший идею этой блестящей операции, указал причину ее невиданного успеха в своей книге «Война упущенных возможностей»: «Русская радиостанция передала приказ в нешифрованном виде, и мы перехватили его. Это был первый из ряда бесчисленных других приказов, передававшихся у русских в первое время с невероятным легкомыслием... Такое легкомыслие очень облегчало нам ведение войны на востоке, иногда лишь благодаря ему и вообще возможно было вести операции». Сказано ясно. Перехват

незашифрованных сообщений русских войск позволил немцам одержать победу в первой битве в мировой истории, на исход которой решающим образом повлияла несостоятельность в вопросах криптографии.

Мы писали, нас читали

Хотя в начале войны Россия испытывала большие трудности в обеспечении своих войск всем необходимым, в том числе и средствами связи, уже в первой половине сентября 1914 года ей удалось полностью снабдить их шифровальными средствами. 14 сентября российская Ставка Верховного главнокомандования отдала распоряжение о том, что все военные приказы подлежат зашифрованию.

Принятая шифрсистема основывалась на многоалфавитном шифре цифровой замены, в котором допускалось зашифрование нескольких букв подряд по одному алфавиту. Этот шифр представлял собой таблицу, в верхней части которой в строку были выписаны буквы русского алфавита. Сама таблица состояла из восьми строк двузначных цифровых групп, выписанных в произвольном порядке. Строки отличались друг от друга порядком расположения в них этих групп. Слева они были бессистемно пронумерованы. При зашифровании эти строки использовались поочередно: сначала под номером один, потом два и так далее. Каждая из строк применялась для зашифрования нескольких знаков открытого текста. Количество знаков, подлежащих зашифрованию данной строкой, определялось самим шифровальщиком. Для того чтобы адресат мог расшифровать полученное сообщение, в его заголовке пять раз проставлялась цифра, соответствующая количеству знаков, которые были зашифрованы каждой из строк. Когда в процессе шифрования оператор хотел изменить это число, он вставлял в текст шифровки пятизначную группу, элементами которой была одна и та же цифра, соответствующая новому числу знаков, шифруемых одной и той же строкой. Таким образом, шифр-телеграммы русской армии состояли из групп букв, зашифрованных одним и тем же алфавитом. Длина каждой группы букв определялась однозначно по пятизначной цифровой группе, состоявшей из одной и той же цифры.

Уже к 19 сентября молодой одаренный начальник русского отделения дешифровальной службы Австро-Венгрии капитан Герман Покорный вскрыл эту систему и полностью восстановил все строки. Дело в том, что такие шифрсистемы не представляли непреодолимых преград для криптоаналитиков, поскольку в шифртексте зачастую сохранялась структура наиболее часто встречающихся в открытом тексте слов, таких как «атака», «дивизия», которые полностью шифровались одной строкой таблицы. К тому же поначалу русские связисты нередко вставляли открытый текст в зашифрованный. Вскоре одновременное использование открытых и зашифрованных текстов в сообщениях было запрещено, но было уже слишком поздно, и оно сыграло свою негативную роль.

Первую важную шифртелеграмму Покорный прочитал 25 сентября. Это было длинное донесение генерала Новикова о результатах разведки с примечанием в конце: «Я принял решение не форсировать Вислу». Шифртелеграм-ма была отправлена в 8.40 утра, а в 16.00 офицер связи австрийских войск довел до сведения немецкого штаба ее содержание. Знание решения, принятого генералом Новиковым, обеспечило успех действий австро-немецких войск в начальной стадии битвы на реке Висла.

Чтение другой шифрпереписки тоже оказало большое влияние на ход боевых действий. Из телеграммы полковника русской кавалерийской дивизии князя Ингалищева немцы узнали о готовившемся наступлении на крепость Перемышль. Предупрежденный об этом комендант крепости успешно отражал атаки, пока наступление австрийских войск не вынудило нападавших в середине октября снять осаду крепости. Во время этого наступления группа Покорного читала ежедневно до 30 шифртелеграмм противника.

Примерно в это же время русские впервые сменили шифр. Сами строки остались без изменений, переменялся порядок выбора строк для шифрования. Новый шифр был вскрыт Покорным в течение нескольких минут: все трудности отпали, когда одна из русских радиостанций передала зашифрованную новым шифром телеграмму, переданную еще до смены шифра.

Продолжали развивать свою дешифровальную службу и немцы. Профессор филологии Кенигсбергского университета Людвиг Дойбнер был зачислен в народное ополчение Германии в качестве переводчика с русского языка. Он начал свою службу на поприще радиошпионажа с перевода перехваченных сообщений, переданных в открытую. По мере появления в этих текстах зашифрованных слов он пытался прочитать и их. Постепенно у профессора накопился такой опыт работы в этой области, что он смог читать и полностью зашифрованные тексты противника.

В середине сентября 1914 года Дойбнер был вызван в штаб и назначен руководить переводчиками, отобранными для обучения криптоанализу. После подготовки из них была образована дешифровальная группа при штабе. Каждый вечер к 11 часам она направляла Людендорфу прочитанные криптограммы. Тот ожидал их с большим нетерпением и часто спрашивал у своих подчиненных, есть ли дешифрованные криптограммы противника. Приказы, которые Людендорф отдавал на следующий день, в значительной мере основывались на информации, полученной от дешифровальщиков. Если же прочитанные криптограммы не доставлялись вовремя, он сам отправлялся в дешифровальную группу, чтобы выяснить причины задержки. А когда в перехваченных и обработанных радиограммах противника не содержалось ценных данных, Людендорф выражал недовольство по поводу того, что дешифровальная группа работает недостаточно внимательно. Однако такое случалось редко.

Вскоре была установлена прямая телефонная связь между группами Покорного и Дойбнера. Они совместно читали почти все русские шифрсообщения, полученные на постах перехвата. Из радиообмена стало известно о планировавшемся русском наступлении на Силезию, являвшуюся промышленным центром Центральной Европы. К концу сентября перед Гинденбургом и Людендорфом лежала информация о составе, дислокации, численности и планах русских войск, которая почти ничем не отличалась от плана, разработанного в русской Ставке. Неизвестна была только дата начала наступления, но немцы решили взять инициативу в свои руки и нанести упреждающий удар.

И вот 11 октября армия под командованием Маккензена вклинилась в русскую оборону. В 14.10 следующего дня начальник штаба одной из русских армий, по которым был нанесен удар, передал по радио длинную шифровку. Кроме даты запланированного наступления в шифровке указывалась наиболее уязвимая зона в боевом порядке этой армии — стык между ее войсками и армией соседа. На следующий день дешифрованная и переведенная радиограмма уже лежала в штабе немецких войск.

Восточного фронта, а ее содержание было незамедлительно передано Маккензену. В 19.30, имея перед собой карту со схемой расположения русских, он отдал приказ о переходе подчиненных ему войск в наступление по всему фронту с нанесением главного удара в стык двух армий.

К этому времени русские уже ежедневно меняли порядок использования шифралфавитов, но по-прежнему оставляли без изменений шифралфавиты. В результате дешифровальщики противника без перебоев читали их шифрпереписку. Поток информации, добываемой с помощью радиоспионажа, не сокращался. Немцы уже настолько привыкли к этому, что 19 октября Маккензен не отдавал приказов до тех пор, пока не были получены сведения от дешифровальщиков.

Следующий день стал черным для немецкой дешифровальной группы. В перехваченной шифртелеграмме 4-й русской армии содержалось предупреждение о том, что немцы имеют ключи к русскому шифру: русские сумели захватить ключи к немецкому и предположили, что аналогично мог поступить и противник. В действие был введен новый шифр, причем на этот раз – с заменой всех элементов шифрсистемы. На Восточный фронт опустился занавес молчания. Лишенные глаз и ушей, войска Маккензена к 21 октября оказались в «мешке». Русские предвкушали победу и уже заказали поезда для вывоза военнопленных. Но на следующий же день группа Покорного вскрыла новый шифр, и в немецкий штаб вновь пошел поток ценной информации. Из него немцам стало известно слабое место в кольце русских войск. К 25 октября кольцо окружения было успешно прорвано.

К весне 1915 года в русских войсках полностью отказались от старой системы шифров и стали применять простой шифр Цезаря. Большое количество таблиц, использовавшихся в условиях ведения активных боевых действий, и ежедневная смена ключей ставили непосильную задачу перед связистами. В этих условиях вскрытие очередного русского шифра для дешифровальных служб Австро-Венгрии и Германии не составило почти никакого труда.

Чтение русских криптограмм позволило странам германского блока принимать время от времени такие меры, которые были единственно правильным тактическим решением в данной ситуации. Российский Генеральный штаб был озадачен прозорливостью противника. Однажды немцы оставили занимаемые ими позиции за два дня до начала большого наступления русских войск. Одним из объяснений точного соответствия решений германского командования создавшейся обстановке русские считали использование им аэрофотосъемки.

Но постепенно крепло убеждение, что противник читает русскую шифрпереписку. Когда немецкое весеннее наступление второго года войны достигло апогея, русские опять сменили шифр. Но эта смена доставила больше хлопот им самим, так как почти все шифровки, переданные по радио в первые два дня после смены шифров, из-за допущенных ошибок так и не были прочитаны адресатами.

В июне 1916 года вновь произошло изменение способа шифрования – русские ввели свой первый код. Возможно, это было сделано под влиянием Франции, которой из дешифрованных немецких криптограмм стало известно, что немцы читают русские шифрсообщения, или под воздействием собственной службы перехвата, которая начала функционировать в 1916 году.

Нараставшая дезорганизация русской армии оказывала отрицательное воздействие и на ее службу связи. Пропорционально снижению дисциплины в

войсках росла болтливость радистов. В начале 1917 года только в течение одного дня австрийская дешифровальная служба прочла более 300 русских шифртелеграмм, из чего следовало, что служба обеспечения безопасности связи России быстро разваливалась.

Надо сказать, что к началу второй мировой войны русская шифровальная служба учла плачевный опыт своих предшественников и извлекла из него уроки. Сразу после нападения Германии на СССР один из передовых постов Красной Армии передал по радио открытым текстом: «Нас обстреливают. Что нам делать?» На это последовал ответ: «Вы с ума сошли! Почему ваше сообщение не зашифровано?!»

Эфир будет за нами, враг будет разбит!

Немецкий радиошпионаж против СССР во время второй мировой войны в стратегическом отношении был малоэффективен и не имел какого-либо существенного успеха. По всей вероятности, советские криптографы внесли изменения в способы шифрования своей военной переписки, и немцы не смогли добиться на Восточном фронте таких же достижений, как в первую мировую. В середине 1940 года, когда Гитлер принял решение напасть на Советский Союз, у немцев на Востоке не было никаких технических средств для ведения радиошпионажа. Спустя год, когда Гитлер начал войну с СССР, созданная с нуля немецкая служба перехвата уже приступила к добыванию информации о советских войсках. В результате материалы радиошпионажа вместе с опросами военнопленных составляли для Германии основную массу (90%) всех шпионских данных о ходе военных действий на Восточном фронте.

С присущей им методичностью немцы разбили фронтовую линию на отрезки протяженностью от 100 до 150 километров, каждый из которых обслуживался 1-2 радио-шпионскими ротами, подчиненными штабу соответствующей армии. Кроме того, в состав радиорот батальонов связи каждой пехотной дивизии были включены радио-шпионские взводы, а на особо важных участках боевых действий дополнительно размещались стационарные радиошпионские пункты. Все эти подразделения вели усиленное наблюдение за радиопередатчиками противника, чтобы, используя данные перехвата, выявлять дислокацию его частей, местоположение штабов, характер действий войск. Они также стремились навязать радиостанциям противника дезориентирующие радиogramмы, которые обычно фабриковались следующим образом. В перехваченных радиogramмах сначала переставлялись отдельные цифровые группы, затем эти фальсифицированные радиogramмы объединялись в одну, которая передавалась в эфир на нужных частотах. В результате радиостанции противника занимались приемом бесполезных сообщений, которые отвлекали их от нормальной работы в боевых сетях связи. У некоторых командиров Красной Армии даже отмечались случаи так называемой радиобоязни: из опасения быть услышанными врагом ими принимались необоснованно крайние меры, вплоть до полного запрещения радиосвязи или перенесения радиостанции на такое расстояние от командного пункта, что пользоваться ею было весьма затруднительно.

Криптоанализом перехваченных шифровок занимались радиошпионские роты. Хотя немцы не брезговали перехватом таких шифрованных радиogramм, которые легко поддавались дешифрованию, из-за отсутствия квалифицированного персонала они в основном отслеживали незашифрованные радиопередачи. Пересылка криптограмм, перехваченных радиошпионскими взводами, в расположение радиошпионских рот считалась излишней, так как на их

доставку и дешифрование понадобилось бы слишком много времени и делало ничтожной ценность полученной информации. При оценке подслушанных переговоров противника, шедших открытым текстом, немцы очень осторожничали, боясь дезинформации. При представлении итогового донесения, составленного на основе таких переговоров, от исполнителя обязательно требовалось указывать на возможность дезинформации.

Однако немцы спохватились слишком поздно, чтобы создать отлаженную и эффективную систему перехвата и дешифрования важных шифрсообщений противника на Восточном фронте. Как утверждал начальник оперативного штаба при Ставке верховного главнокомандования генерал Йодль, «нам никогда не удавалось перехватить и прочесть шифрованные радиogramмы Ставки, штабов фронтов и армий». Например, немецкая группа армий «Север» совсем не читала советские шифртелеграммы, содержавшие сообщения стратегического характера, а из общего числа перехваченных шифртелеграмм с информацией для среднего (на уровне бригады) и низшего звена было прочитано менее трети. Добытые шпионские данные за редким исключением обрабатывались своевременно, и приобретенная таким образом информация на практике почти не использовалась. Сведения тактического характера, полученные немцами с помощью радиошпионажа, могли в лучшем случае способствовать успехам местного значения. По свидетельству того же Йодля, немецкий «радиошпионаж, как и все прочие виды шпионажа, ограничивался только тактической зоной». Явная неспособность немецких криптоаналитиков вскрыть советские военные шифрсистемы стратегического значения заставила их впоследствии признать, что, хотя Россия и проиграла первую мировую войну в эфире, вторую она сумела выиграть. Впрочем, и не только в эфире.

В целом достижения Германии в области радиошпионажа во второй мировой войне сильно уступали успеху, которого удалось добиться, скажем, Англии. Одной из основных причин этого стало распыление сил: немецкие криптоаналитики состояли на службе и в МИД, и во всех родах войск, и в политической полиции, и даже в министерстве пропаганды. Другая важная причина относительной отсталости Германии в радиошпионаже заключалась в слабой профессиональной подготовке специалистов. Немцы отстали от англичан и в дешифровальной технике: имевшиеся в их распоряжении электромеханические устройства работали медленнее, чем аналогичные английские, поскольку не содержали быстродействующих электронных компонентов. Наконец, в отличие от Германии, ее противники во второй мировой войне задействовали не одну и не две, а значительно больше стойких шифрсистем. И использовались они более квалифицированно, с меньшим числом ошибок и оплошностей, которые могли бы их скомпрометировать.

В то же время справедливости ради следует отметить несомненный успех немецкого радиокошпионажа в его дуэли с советской разведывательной сетью, вошедшей в историю под названием «Красный оркестр» [3] .

«Красный оркестр»

Пост перехвата в немецком городе Кранце в Восточной Пруссии (с 1946 г. — город Зеленограде^ Калининградской области) специализировался на передачах подпольных радиостанций. В ночь с 25 на 26 июля 1941 г. дежурный оператор записал неизвестные позывные: «KLK от РТХ, KLK от РТХ,

KLK от РТХ...» Затем было передано сообщение из нескольких цифровых групп. Дежурный составил рапорт об обнаружении нового подпольного радиопередатчика, указав длину волны, на которой тот работал.

На жаргоне немецких контршпионских служб глава вражеской разведывательной сети назывался «дирижером», поскольку, подобно руководителю музыкального коллектива, обеспечивал слаженность действий своих подчиненных, составлявших своеобразный «оркестр». Главным солистом в Таком «оркестре» являлся радист, который, как пианист, стучал по клавишам своего передатчика, также имевшего особое название — «музыкальная шкатулка».

Когда пост перехвата в Кранце обнаружил «пианиста» с позывными «РТХ», в руководстве абвера и даже функабвера (немецкой спецслужбы, занимавшейся обезвреживанием вражеских передатчиков) не придали этому факту особого значения. С тех пор, как немецкие войска вступили на территорию Советского Союза, вся оккупированная Германией Европа исполняла «музыку». Наступление на востоке явилось своего рода сигналом для «пианистов», и было вполне логично предположить, что их слушатель находится в Москве.

С точки зрения немцев, все шло как нельзя лучше, и появление в эфире новой подпольной рации ни на что не влияло. Вслед за Польшей, Данией, Норвегией, Голландией, Бельгией, Францией, Югославией и Грецией пришла очередь СССР пасть к ногам немецкого диктатора. Какое значение имели какие-то разведывательные группы на фоне триумфов германского оружия! «Оркестры» умолкнули один за другим, когда в Москве их некому будет слушать.

Но через несколько дней после регистрации позывных «РТХ» пост перехвата в Кранце уловил сигналы еще одного передатчика. Местные специалисты, работавшие во взаимодействии со своими коллегами из другого немецкого города, Бреслау, попытались определить его местонахождение. Отчет о проведенной работе попал в Берлин. Там, ознакомившись с ним, содрогнулись, словно от электрошока. Сомнений быть не могло: подпольный радиопередатчик, приемы работы которого совпадали с почерком «РТХ», действовал в столице Германии.

Коммунистическая партия Германии к тому времени была уже разгромлена. От этой в свое время самой многочисленной политической организации в Западной Европе остались лишь отдельные малочисленные ячейки, наспигованные осведомителями. Прежде советская разведка чувствовала себя в коммунистической среде как рыба в воде. Лишившись ее, разведсеть СССР, казалось, была обречена. Накануне войны против Советского Союза Гитлер получил от руководителей своих контршпионских служб доклад, в котором говорилось, что Германия полностью очищена от советских агентов.

Но как быть с рапортом из Кранца? Принять его значило поставить под сомнение доклад Гитлеру. В конце концов все сошлись на компромиссном решении: необходимо сначала усовершенствовать радиопеленгаторную технику, используемую для обнаружения «музыкальных шкатулок», а потом точно установить, находится «пианист» в Берлине или нет.

Радиопеленгаторы как средство радиошпионажа впервые появились в действующих армиях в 1915–1916 годах. Радиопеленгаторная аппаратура внесла новое содержание в радиошпионаж и принципиально расширила его возможности. С ее помощью стали определять местонахождение радиостанций противника и тем самым устанавливать расположение штабов, частей и

соединений, время начала и направление их перемещений. С применением радиопеленгаторов засекались выходы в эфир и координаты передатчиков вражеских агентов.

Прежде всего функабверу понадобились приборы пеленгации на расстоянии, чтобы приблизительно установить местонахождение передатчика. Пост перехвата в Кранце, например, утверждал, что «РТХ» мог располагаться в зоне, включавшей Северную Германию, Нидерланды, Бельгию и Северную Францию. Однако, чтобы начать охоту за ним, необходимо было по крайней мере определить город. Тогда появлялась возможность подключить аппаратуру ближней пеленгации, чтобы выяснить, из какого дома велась передача.

Берлинский передатчик проработал еще три недели, а затем умолк к вящему удовольствию тех, кто всеми силами старался замять связанный с ним скандал, доказывая, что в Кранце была допущена ошибка. Но в начале августа его передачи возобновились и продолжались около двух недель. Потом опять полная тишина. У шефов функабвера остался всего один надежный ориентир: позывные «РТХ» первого передатчика, запеленгованного в Кранце. К 7 сентября 1941 г. накопленный перехват составил 250 донесений, над которыми трудились немецкие криптоаналитики. Не имея возможности выйти на берлинского «пианиста», в функабвере решили сосредоточиться на его более усердном собрате: ритм позывных, выбор частот и время связи обоих были чрезвычайно похожи, видимо, они воспитывались в одной и той же разведшколе. Арестовав одного, можно было надеяться напасть на след другого.

Тем временем специалисты из Кранца сжимали тиски. Прежде всего они исключили Германию и Францию, а затем Голландию. Оставалась Бельгия. По их мнению, «РТХ» посылал сигналы откуда-то с бельгийского побережья, скорее всего из Брюгге. Туда и отправились несколько немецких осведомителей, которые должны были обнаружить ниточки, ведущие к радисту. Большая охота началась.

С появлением техники человечество лишилось возможности испытывать некоторые острые ощущения. Например, охота стала совсем не той, что прежде. Однако техника создала взамен чрезвычайно увлекательную разновидность самой жестокой и древней из охот — охоту на человека. В ней роль зверя играл «пианист», который, затерявшись в большом городе, становился также неуловим, как зверь в густом лесу. Чтобы напасть на след зверя, нужны были собаки, которые могли почувствовать его запах. Радист тоже оставлял свой «след» — волны, посылаемые в эфир. Уловить их было несложно. Более того, по ним можно было определить направление излучения, а по серии радиопередач — местонахождение рации.

Как преследуемый зверь, «пианист» старался запутать свой «след». Он работал на определенной длине волны, принимающая станция ждала его в назначенное время на той же волне. Как только радист обнаруживал себя, на его волну настраивались и «охотники». Но радист мог отказаться от своего обычного «маршрута» в эфире, то есть сменить длину волны, хотя это было трудным делом, поскольку предполагало полную согласованность действий с принимающей радиостанцией, которая не должна была из-за этих трюков потерять эфирный «след» передатчика. Вот, например, план передачи одного советского радиста. Он передавал свои позывные на волне 43 метра. Москва подтверждала прием на волне 39 метров. Тогда «пианист» передавал радиограмму на волне 49 метров. Еще одна хитрость: переходя с 43 на 49 метров, «пианист» изменял позывные, чтобы сбить с толку «охотников», заставить их поверить, что заработал еще один передатчик.

С помощью этих уловок выигрывалось время, но в конце концов противник их разгадывал. Приходилось изобретать все новые приемы. Технически это было осуществимо, но человеку — явно не под силу,, поскольку запутаться в лабиринте сложного плана передачи очень легко.

Можно было поменять место ведения передачи. «Охотники» за «пианистами» отвечали на это участвовавшими облавами. Тогда радисты оставляли свои передатчики на месте, перемещаясь сами. Приходилось либо иметь несколько «музыкальных шкатулок» для каждого «пианиста», либо устанавливать для «пианистов» очередность в использовании одной и той же «музыкальной шкатулки».

«Пианисты» скрывали свой «след» в эфире, постоянно сокращая продолжительность передач. А «охотники», глуша передачи, заставляли их по несколько раз повторять радиogramмы, вынуждая растрачивать ценный запас минут. В ответ «пианисты» расставляли вокруг своего «логова» наблюдателей, следивших за появлением машин с брезентовым верхом, под которым прятались пеленга-торные станции. Но «охотники» очень скоро стали маскировать свои автомобили под машины «скорой помощи» и грузовики булочников.

Без передатчика разведывательная сеть была бесполезной. Имевшая своей целью сбор секретных данных, она давала нужный эффект только тогда, когда добытые ею сведения своевременно попадали по назначению. Но передатчик, придававший смысл существованию разведсети, одновременно ставил ее под удар. К примеру, руководители абвера и не подозревали о советской разведсети, функционировавшей в Бельгии, а тем более в Германии, пока «пианисты» не навели их на ее след. Задачу немецким «охотникам» облегчила Москва, которая обязала «пианиста» «РТХ» вести передачу по пять часов в сутки. Это был безрассудный приказ, равнозначный смертному приговору. И его последствия не заставили себя долго ждать.

Почему берлинский передатчик работал с перерывами? По мнению функабвера, это делалось нарочно, чтобы затруднить обнаружение. В действительности же перерывы были вызваны неопытностью «пианиста». Рацию, переданную ему служащими советского посольства перед их вынужденным отъездом из Берлина, он по ошибке включил не в ту розетку и сжег. Когда же сломанный передатчик починили, «пианист» запутался в инструкциях, которые должен был выполнять. Эти указания оказались не по плечу дилетанту. Наконец нашелся один ветеран-коммунист, который еще до войны окончил курсы радистов в Москве и преподавал новичку уроки мастерства. Но тут новая беда: команды функабвера начали бешеную охоту за берлинским передатчиком. В октябре он был вынужден замолчать. В соответствии с приказом из Москвы все сведения, добытые берлинской сетью, пошли через Брюссель.

Потерпев неудачу в Берлине, функабвер заметил, что «РТХ» сильно активизировался. Судя по числу и длине переданных радиogramм, радист «РТХ» возложил на себя обязанности своего берлинского собрата, вынужденного умолкнуть. Благодаря скрупулезной работе специалистов в Кранце и Бреслау, было окончательно установлено, что передатчик находился где-то в Брюсселе. Функабвер незамедлительно выслал туда свою спецгруппу, оснащенную автомашинами с пеленгаторами, а также переносным пеленгаторным устройством. С помощью мобильных пеленгаторов дело быстро пошло на лад. Один аппарат немцы даже погрузили на самолет и пролетели над городом.

Очень помог и тот факт, что подпольный передатчик работал чрезвычайно долго — по пять часов кряду.

Ночь с 12 на 13 декабря 1941 г. ознаменовалась первым успехом. В доме № 101 на улице Атребатов в пригороде Брюсселя немцами были захвачены радист и шифровальщица. В оставленную в доме засаду попали еще двое.

Разведывательную сеть, членами которой являлись арестованные на улице Атребатов, в докладе о достигнутой победе окрестили «Красным оркестром».

Однако, несмотря на ошибки берлинского «пианиста» и провал в Бельгии, «Красный оркестр» не прекратил исполнение своей «симфонии». Функабвер был просто в ярости. Захват передатчика на улице Атребатов — удар мимо цели. Что толку от ликвидации одного «пианиста», если разведывательная сеть продолжала существовать? Арестованные упорно молчали, шифровальщица покончила с собой. Жалкие трофеи...

Раз не удалось заставить заговорить людей, оставалось одно — попытаться прочесть шифрованные радиogramмы «РТХ», записанные за последние несколько месяцев службой перехвата. Криптограммы, полученные из функабвера, привели в отчаяние дешифровальщиков вермахта. Шифрсистема, которую использовал «Красный оркестр», была чрезвычайно сложна для вскрытия. С ее помощью можно было зашифровать до 5 тыс. радиogramм, прежде чем появились бы первые повторы, которые обратили бы на себя внимание.

Но функабвер не сдавался. В работу включились его собственные дешифровальщики. Был специально приглашен известный эксперт профессор Клулов и 15 студентов, математиков и филологов, которых он взялся обучить своему искусству.

Перехваченные радиogramмы находились в Брюсселе. Функабвер потребовал немедленно их возвратить. На это требование Брюссель беззаботно ответил, что их бросили в огонь, так как не было никакого смысла держать криптограммы, не поддававшиеся дешифровке. Все пропало? Нет, поскольку немецкие посты прослушивания обязаны были хранить копии перехваченных радиogramм в течение трех месяцев. Один из офицеров функабвера был послан обследовать все четыре поста, слушавших «РТХ». Поначалу урожай оказался весьма скудным, однако в Кранце офицера привели в подвал, где хранились огромные мешки, до отказа набитые радиogramмами, предназначенными для уничтожения. После нескольких дней, потраченных на разбор этих бумаг, офицер вернулся в Берлин с добычей: ему удалось спасти около 300 радиogramм. Но этого по-прежнему было недостаточно.

Кроме радиogramм у Клудова в распоряжении оказались документы, найденные во время обыска в доме на улице Атребатов. Радист бросил их в печку, но бдительный полицейский успел выхватить бумаги из огня. После нескольких дней упорной работы Клудову удалось разобрать одно слово. К счастью для Клудова, это было имя собственное — «Проктор», которое принадлежало герою книги. Советская разведка нередко применяла способ шифрования с помощью книги, один экземпляр которой находился в Москве.

У функабвера родилась надежда: следовало только забрать оставшиеся на улице Атребатов книги и тщательно их исследовать, чтобы обнаружить ту, которая послужила для зашифрования донесений в Москву. Надежда моментально испарилась, когда выяснилось, что засада на улице Атребатов продлилась всего несколько дней, а после ее снятия двое мужчин увезли всю библиотеку в неизвестном направлении.

Ну а консьержка? Уж она-то наверняка обмахивала книги постояльцев дома 101 на улице Атребатов своей метелкой. Может быть, она запомнила их названия? Консьержка назвала пять наименований. Четыре книги были найдены в бельгийских и германских книжных магазинах. Чтобы купить пятую, пришлось послать гонца в Париж.

В начале июня 1942 года Клудов и его команда приступили к дешифровке криптограмм «РТХ». Уже в июне им удавалось читать по две-три шифровки в день. Их содержание? Клудова и его подручных оно мало волновало. Как правило, дешифровальщики, сосредоточившись на разгадывании криптограмм, не обращают внимания на их смысл. Главная их задача – пробить «броню» шифра. Поэтому то, что прочитанный шифртекст свидетельствовал о грандиозных провалах немцев, дешифровальщиков функабвера впрямую не касалось.

Это было делом контршпионских служб Германии. Их шефы пришли в ужас. Дешифровки свидетельствовали о том, что в политической, экономической и военной областях фактически не осталось ни одного секрета, который не был бы известен Москве во всех подробностях. В 1942 году, впервые после начала войны против СССР, немецкий Генштаб столкнулся с тем, что все его хитроумные планы разгадывались противником один за другим. Бронетанковые дивизии, пытавшиеся зажать врага в «клещи», окружали лишь пустоту. Отрываясь от немецких войск, Красная Армия вынуждала их давать бой там, где хотела, и в тот момент, который выбирала сама.

30 июня 1942 г. была раскрыта еще одна разведывательная группа из состава «Красного оркестра», работавшая на территории Бельгии. Ее руководитель Иоганн Венцель, который за отличные знания в области радиотехники заслужил прозвище «профессор», был схвачен рядом со своим передатчиком. Широкая осведомленность «профессора» о системе шифрсвязи советских агентов, которую он обнаружил под пытками, позволила немцам заняться дешифрованием ранее перехваченных шифровок.

Сначала немецкие дешифровальщики работали над шифрованными донесениями, которые передавались «пианистами» «Красного оркестра» в Москву. Но йотом один из руководителей абвера посоветовал Клудову прочесть криптограммы, посланные из Москвы. 14 июля 1942 г. Клудов нанес сокрушительный удар берлинской сети советской разведки. Полученный им открытый текст шифровки от 10 октября 1941 г. гласил: «Встреча срочно Берлине трем указанным адресам...» Почему Москва не направила в Брюссель связного с этими адресами и пилюлей цианистого калия на случай попадания в лапы противника? Если время так поджимало, можно было распределить берлинские адреса по трем радиограммам и использовать разные шифры, чтобы снизить риск. Видимо, в Москве возобладало другое мнение: к черту все правила безопасности, если из Кремля можно было разглядеть немецкие танки! Имела ли значение гибель разведчика, если эта жертва помогала спасти советскую столицу от нашествия?

Шульце-Бойзен

14 июля службы безопасности Германии ринулись по следу, указанному Клудовым. Было установлено, кто возглавляет берлинскую сеть. Одним из ее руководителей являлся старший офицер люфтваффе Харро Шульце-Бойзен,

выходец из аристократической семьи, придерживавшейся традиционно монархических убеждений. В 17 лет Харро вступил в консервативную молодежную организацию националистического толка, направленность которой наилучшим образом соответствовала взглядам его семьи. Но уже во время учебы в университете он порвал с этой организацией и занялся поисками пути полной трансформации структур современного ему общества, которые считал устаревшими. Эти поиски постепенно привели Шульце-Бойзена к осознанию необходимости борьбы с существующим диктаторским режимом всеми доступными средствами.

Очень скоро благодаря способностям в лингвистике и при поддержке командующего люфтваффе (когда в 1936 г. Шульце-Бойзен решил жениться, свидетелем на его свадьбе согласился быть сам маршал Геринг) Шульце-Бойзен поступил в исследовательский отдел ВВС, занимавшийся радиошпионажем. К этому же времени относится начало сотрудничества Шульце-Бойзена с советской разведкой. В 1940 году, не теряя доступа в исследовательский отдел, он перешел в другое подразделение люфтваффе. Шульце-Бойзен и его жена были вхожи в высшее берлинское общество, светская жизнь сталкивала их с видными деятелями гитлеровской Германии.

Шульце-Бойзен оказался способным внедрить своего агента даже в святая святых абвера — его дешифровальную службу. Им стал молодой Хорст Хельман, за плечами которого был серьезный опыт политической борьбы, членство в немецкой организации молодых коммунистов и в Коммунистической партии Германии. Затем Хельман демонстративно перешел на сторону гитлеровского режима и проявил фанатичную преданность по отношению к своим новым идейным соратникам. Отсюда назначение Хельмана сначала на центральную радиостанцию абвера, а затем в его сверхсекретную дешифровальную службу. Знакомство с Шульце-Бойзен ом ознаменовало новый поворот в судьбе Хельмана. Этот поворот стал последним: Хельман остался верен Шульце-Бойзену до конца. Хельман завербовал для Шульце-Бойзена еще одного сотрудника дешифровальной службы абвера — Альфреда Траксла, который в течение года поставлял чрезвычайно ценные сведения. Агентом Шульце-Бойзена был также Генрих Куммеров, один из лучших инженеров немецкой фирмы «Левэ-опта-радио», откуда в функабвер поступали приборы для радиопеленгации, искусно попорченные Куммеровым по заданию Шульце-Бойзена.

Но разве Хорст Хельман ничего не сообщил Шульце-Бойзену о работе команды Клудова? Вопрос спорный. Известно, что вечером в субботу 29 августа 1942 г. в служебных помещениях функабвера царила ужасная суета. Клудов и его подчиненные перебирались в более просторные комнаты. Переезжали по-настоящему весело, с огоньком, но после того, как все разместились, Клудов вновь стал строгим начальником. Он объявил, что на следующий день, в воскресенье, придется поработать, чтобы наверстать потерянное в субботу время. Все были огорчены. За исключением Хорста Хельмана, самого усердного и дисциплинированного работника. Но он договорился с друзьями совершить в воскресенье прогулку на яхте, и ему нужно было предупредить их о неожиданно возникшем препятствии. По телефону, установленному только что в кабинете Клудова, Хельман позвонил в Берлин. А поскольку его друзей не оказалось дома, Хорст попросил ответившую на звонок служанку передать, чтобы ему перезвонили как можно скорее. И назвал номер Клудова, так как его собственный аппарат в новом кабинете еще не был подключен.

На следующий день около 9 часов утра телефонный звонок оторвал Клудова от работы. Он поднял трубку и услышал следующие слова: «У телефона Шульце-Бойзен. Вы хотели поговорить со мной?» Клудов, которому руководство абвера под большим секретом сообщило подлинные имена тех, кого он помог разоблачить, просто оцепенел: «Алло? Извините, меня... я не расслышал...» – «Это Шульце-Бойзен. Вы просили, чтобы я срочно перезвонил вам. В чем дело?» – «Извините... в общем... видите ли... не могли бы вы сказать мне, как пишется ваша фамилия, через «у» или через «ю»?» – «Через «у», разумеется. Я, кажется, ошибся номером. Вы мне не звонили?» – «Н-нет... не припоминаю...» – «Прислуга, видимо, ошиблась. Неточно записала номер. Извините». – «Пожалуйста».

Когда Клудов доложил своим начальникам о состоявшемся разговоре по телефону с Шульце-Бойзеном, они решили, что напряженная работа доконала профессора: ему стали мерещиться голоса. С Клудовым завели разговор об отдыхе, но он упрямо отрицал слуховые галлюцинации. И в конце концов поборол скептицизм своих руководителей, упомянув о вопросе, касавшемся написания имени. С тех пор, как Клудов узнал о Шульце-Бойзене, проблема «у» или «ю» стала для него сущим наваждением. В состоянии замешательства, в которое его поверг неожиданный звонок, вопрос невольно сорвался у него с языка.

Это звучало убедительно и означало крах. Шульце-Бойзен, видимо, встревоженный слежкой, хотел прозондировать почву звонком в функабвер. И вопрос Клудова послужил для Шульце-Бойзена дополнительным подтверждением его разоблачения.

Харро Шульце-Бойзен был арестован в тот же день после полудня. Хельман не смог предупредить его о грозившей опасности. Содержание дешифрованного сообщения от 10 октября 1941 г. все еще было глубокой тайной за пределами узкого круга руководителей абвера.

«Большая игра»

24 ноября 1942 г. был арестован один из руководителей «Красного оркестра» – Леопольд Треппер. Немцы решили привлечь Треппера к развертыванию радиоигры небывалого масштаба. Но для этого им необходимо было его добровольное сотрудничество: только Треппер мог придать радиограммам немцев тот почерк, который не вызвал бы подозрений у Москвы. На предложение об участии в радиоигре Треппер ответил согласием, и «Большая игра», как окрестили операцию немцы, началась.

Немцы знали, что свои самые важные сообщения Треппер пересылал с помощью передатчиков Французской коммунистической партии (ФКП), и любой ценой хотели отыскать нить, ведущую к ним. Первым звеном в цепи, которая могла привести к ФКП, была некая Жюльетта, старая активистка коммунистического движения Франции. Треппер получил от немцев текст, который Жюльетта должна была передать руководству ФКП, чтобы его радировали в Москву. Трудной проблемой оказалось зашифрование этой радиограммы. По логике вещей, ее следовало засекретить с помощью шифра, который использовался

для передач по «партийному» каналу связи с Москвой. Когда от Треппера потребовали выдать этот шифр, он расхохотался и воскликнул: «Неужели разведчик такого масштаба, как я, тратит время на такие мелочи, как шифрование?» За неимением лучшего радиogramму зашифровали, применив брюссельский шифр «Красного оркестра».

Пользуясь невнимательностью охраны, Треппер составил свое собственное донесение в Москву. Там он тщательно изложил подробности ареста, привел список раскрытых немцами агентов, объяснил, что такое «Большая игра». В конце Треппер сообщил, что собирается бежать, и изложил несколько планов своего побега. Донесение было написано на смеси идиша, иврита и польского языка. Если бы донесение обнаружили, для его перевода пришлось бы искать трех переводчиков, а это в любом случае давало отсрочку в несколько часов. Вместе с фальсифицированной немцами радиogramмой донесение Треппера попало в руки Жюльетты.

«Большая игра» закончилась 13 сентября 1943 г., когда Треппер привел в исполнение один из планов своего побега. За день до этого немцы сообщили Трепперу, что повезут его под охраной на юг Франции, где функабвер обнаружил передатчик и попутно захватил большое количество дубликатов шифрованных радиogramм. Клулов находился уже на пути во Францию, где должен был приступить к их чтению. Обнаруженная рация, по мнению функабвера, была именно той самой, с помощью которой в Москву ушла фальшивая радиogramма Треппера, доверенная Жюльетте.

Катастрофа. Если по этой рации была передана радиogramма, составленная абвером от имени Треппера в ходе «Большой игры», то среди захваченных на юге Франции дубликатов могло отыскаться и донесение Треппера, которое он составил, чтобы сорвать немцам радиоигру, и которое Клулов быстро прочтет. Рассуждение логичное, но неверное. Французские коммунисты не доверили донесение Треппера эфиру, а отправили с курьером через Лондон в Москву. Но Треппер не мог этого знать и поэтому принял решение бежать.

А в 1945 году по иронии судьбы и Треппер, и ответственный сотрудник Главного управления имперской безопасности Паннвиц, которому было доверено руководство «Большой игрой», оказались в одной и той же тюрьме НКГБ, буквально в нескольких метрах друг от друга. Советский разведчик по возвращении в СССР был арестован по обвинению в предательстве. Что же касается Паннвица, то он, стремясь заслужить прощение за свои преступления во время войны, не только стал добровольно сотрудничать с НКГБ, но и передал в его распоряжение списки немецких агентов, работавших на территории СССР, и даже вскрытый немцами код, с помощью которого засекречивалась переписка между Черчиллем и Рузвельтом.

«Девятка» охотится за «тузами»

История шпионских служб ГДР берет свое начало в 1952 году, а корни ее — в созданном тогда малоприметном Институте научно-экономических исследований, основным направлением деятельности которого стал сбор всякого рода информации. С течением времени скромный институт вырос в так

называемую Службу внешней разведки ГДР, одно из подразделений ее органов государственной безопасности.

Существование спецслужб ГДР, разумеется, являло собой не более чем деталь в масштабах того противостояния, в которое были втянуты супердержавы. Но принципиальный момент состоял в том, что «холодная война» разворачивалась на территории обеих Германий. Советский Союз и Соединенные Штаты ставили задачу потеснить друг друга на важном плацдарме – в Центральной Европе, и воплощение в жизнь этой задачи не могло не стать практическим делом спецслужб их союзников.

14-й отдел Службы внешней разведки ГДР отвечал за радиоспионаж. О его успехах не известно ничего. Более разрекламированной в средствах массовой информации оказалась деятельность 9-го отдела, который был нацелен на нейтрализацию зарубежных шпионских операций и действовал, внедряя своих людей и вербуя агентов в спецслужбах противника. С момента создания «девятки» и до краха ГДР в 1989 году ее возглавлял Харри Шютт, который, по оценкам американских и западногерманских шпионских служб, добился поразительных результатов и сумел нанести серьезный ущерб Америке и ее союзникам. В том числе и в области радиоспионажа.

С первых же шагов Шютт и его коллеги выработали собственный акцент в сфере шпионского искусства. «"Немного, но хорошо" – вот как звучал наш девиз, – поясняет Шютт. – Те службы, которые ставят целью создание максимального числа источников информации, совсем необязательно получают то, что нужно. Немного, но качественно и квалифицированно – по-настоящему работать можно только с такими критериями». Немногочисленные информаторы, работавшие на «контору» Шютта, не были воротилами в политике. Просто в нужное время они оказались близки к политическим тузам.

Теория Шютта родилась в конкретно-исторической ситуации. До начала 70-х годов большинство стран мира не признавало Восточную Германию в качестве суверенного государства. В отличие от США и СССР, она располагала небольшим числом посольств-плацдармов для ведения шпионских операций. Поэтому Шютт и его коллеги избрали иной путь. В ход пошли беженцы и перебежчики. Люди Шютта под маской бизнесменов или ученых выполняли обязанности информаторов, курьеров и радистов. Вот лишь два примера удачных операций «девятки».

Среди достижений Шютта числится весьма болезненный удар, нанесенный им Америке, хотя в США предпочитают об этом помалкивать. С 1982 по 1984 год сержант американских ВВС Джеффри Карни работал на 9-й отдел, занимая должность специалиста по коммуникационным проблемам и переводчика при западноберлинском аэропорте Темпельхоф. Этот аэропорт входил в разряд наиболее важных точек американского радиоспионажа. В апреле 1984 года Карни был переведен на базу ВВС в Техасе. В течение 2,5 лет Карни переправлял сначала из Темпельхофа, а потом из Техаса в «девятку» копии секретных документов. Сбежав в 1985 году в Восточную Германию, Карни и здесь продолжал шпионить за своими соотечественниками и их союзниками в Европе. Он занимался перехватом и дешифрованием засекреченных переговоров между высокопоставленными представителями военных и шпионских ведомств в Западном Берлине. В конце концов до Карни американцы смогли добраться только в 1991 году, после объединения двух Германий. Карни был приговорен к 38-летнему сроку тюремного заключения. Один из ветеранов американского

контршпионажа сказал по поводу Карни: «Классический сюжет «девятки», великолепно они им попользовались».

Еще один «рекрут» Шютта из рядов сотрудников американского ведомства радиوشпионажа — Джеймс Холл. Да-да, тот самый, который признался, что семь лет проработал на КГБ, а на восьмой был «заморожен». Согласно высказываниям ряда официальных лиц в США и в Западной Европе, все это время Холл выкрадывал не только важную секретную информацию, касавшуюся программы «звездных войн», но и обеспечивал Шютту содействие в нарушении, создании помех и выводе из строя американской системы радиослежения за Восточной Европой.

ПОЛЯКИ

И самый последний нищий, при других условиях, способен быть первым богачом.

К. Прутков. «Сочинения»

«Бруно» против «Энигмы»

Впервые немецкая «Энигма» была вскрыта в Польше еще в январе 1933 года. Этому событию предшествовал визит в декабре 1932 года главы французского криптобюро при военном министерстве в Варшаву, в ходе которого он передал польским криптоаналитикам часть документов, полученных от своего немецкого агента, в том числе — инструкции по использованию «Энигмы», информацию о ее ключевой системе, а также сам список применявшихся на практике ключей. Естественно, сделано это было без указания источника переданной документации. Уже в январе 1933 года поляки воссоздали на бумаге сложную схему «Энигмы», задействованной в вооруженных силах Германии. Работа над вскрытием «Энигмы» продолжалась в Польше с переменным успехом до сентября 1939 года.

Известно, что существовало более 17,5 тыс. возможных установок трех роторов «Энигмы». Если порядок их расположения был криптоаналитику заранее неизвестен, это число подскакивало до 100 тыс. возможных комбинаций. Каков был вклад поляков в дело вскрытия «Энигмы»? Во-первых, они сразу осознали, что не 26 возможных замен имелось для каждой буквы открытого текста, а 25. Во-вторых, установили, что перед передачей Основного информационного сообщения немецкие связисты посылали преамбулу, за которой шла чрезвычайно важная информация — трехбуквенная группа, указывавшая на тип «Энигмы». Она задавала род вооруженных сил Германии, который использовал данную модификацию «Энигмы». А это, в свою очередь, идентифицировало соединения на ШП и расположение роторов. Следующая трехбуквенная группа указывала на установку роторов.

Коль скоро поляки это поняли, их задача в значительной степени стала легче, так как немецкие операторы связи часто ошибались или теряли терпение и посылали преамбулу открытым текстом. Однако в 1934 году вермахт стал менять конфигурацию ШП каждый месяц вместо каждого квартала,

что усложнило работу польских специалистов, потевших над вскрытием «Энигмы».

На это поляки ответили созданием специального устройства, получившего название «циклометр», которое автоматически могло вращать роторы, прогоняя их через всевозможные позиции. Другое изобретение ПОЛЯКОВ – разлинованная перфорированная бумага – помогало вскрывать конфигурации ШП. При этом польские специалисты исходили из предположения, что вермахт пользовался всего шестью соединительными шнурами, а остальные буквы ШП оставляла неизменными. И если до второй мировой войны и французы, и англичане не очень упорно работали над вскрытием немецкой «Энигмы», так как считали это дело бесполезным (хотя испанским вариантом «Энигмы» без ШП, которым пользовались франкисты, они все же занимались), то полякам в этот период удалось-таки вскрыть несколько ключей «Энигмы».

Незадолго до начала второй мировой войны Польша поделилась своими достижениями в области криптоаналитического исследования «Энигм» с союзниками – Англией и Францией. С 22 по 25 июля 1939 г. польский Генштаб передал представителям английского и французского генеральных штабов по одному экземпляру реконструированной при помощи польских криптоаналитиков и инженеров «Энигмы», а также описание методов ее вскрытия, умолчав, однако, о создании в Польше «Бомбы».

Это было электромеханическое устройство, представ.-лявшее собой усовершенствованный циклометр. «Бомба» объединяла в себе не менее шести копий «Энигмы», которые изготовили к тому времени поляки. «Бомбой» это устройство называли потому, что его изобретатели ели мороженое под экзотическим названием «Бомба», когда им в голову пришла идея устройства. «Бомба» использовалась для движения роторов через все возможные позиции. Неблагоприятное влияние, которое на возможность вскрытия ключей к «Энигме» оказало добавление в нее двух дополнительных роторов к имевшимся трем (из пяти роторов немецким связистом выбирались и использовались три), компенсировалось требованием, чтобы оператор «Энигмы» сам определял установку ее роторов вращением. Немецкие операторы шифровальных машин из лености частенько брали сочетания ААА, или АВС, или просто первые три буквы из преамбулы.

После нападения Германии на Польшу и разгрома последней польские криптоаналитики были эвакуированы через Румынию во Францию и осенью 1939 года обосновались под Парижем, где был создан совместный польско-французский центр под названием «Бруно» для продолжения работы по вскрытию «Энигмы». Во время вынужденного переезда через всю Европу поляки потеряли часть своего оборудования и документов. Но даже с помощью того, что у них осталось, эвакуированные польские криптоаналитики помогли французам вскрыть один из ключей к «Энигме» от 28 октября 1939 г.

К центру «Бруно» был прикомандирован сотрудник ЦПС, который поддерживал постоянную связь с Блетчли-Парк. Только за период с октября 1939 года до поражения Франции в апреле 1940 года в «Бруно» было дешифровано около 15 тыс. немецких шифрсообщений, содержавших оперативные приказы, секретные донесения и директивы. В результате французское командование было заранее предупреждено о многих намерениях противника, о группировке его войск, их дислокации и передвижениях.

На месте преступления

В 70-е годы в КГБ начали просачиваться сведения о том, что польская служба госбезопасности стала вести себя недружественно по отношению к советским партнерам. Теоретически обе спецслужбы – польская и советская – должны были стремиться к плодотворному сотрудничеству. Однако на практике сотрудничество со стороны КГБ ограничивалось лишь помощью в решении мелких технических вопросов. Гордые поляки не захотели мириться с таким положением дел и постепенно начали проявлять заметную независимость от КГБ при проведении своих шпионских операций, все больше полагаясь на собственные силы.

Вскоре в КГБ заметили, что польская служба госбезопасности утаивает часть собранной ею информации. Следующим шагом, вызвавшим раздражение КГБ, явилась смена поляками ключей в шифраторах советского производства, которые они использовали на своих линиях связи. А затем случилось происшествие, которое заставило по-иному взглянуть на «шалости» союзника СССР по Варшавскому Договору.

Поляки оснастили автомобиль из своего посольского гаража в Москве специальным оборудованием для ведения перехвата и припарковали его прямо под линией энергоснабжения одного московского оборонного предприятия. Сотрудники польской службы госбезопасности были пойманы на месте преступления, когда сидели в своей передвижной станции перехвата и записывали сигналы, излучавшиеся этим предприятием и его коммуникациями. Поскольку цель, которую преследовала Польша при проведении своей радиوشпионской акции против СССР, была неясна, в КГБ предположили худшее, а именно что поляки действовали в интересах враждебных государств. Дальнейшее расследование показало, что возмущившая КГБ операция была проведена службой госбезопасности Польши исключительно по ее собственному почину. Одной из принятых КГБ ответных мер предосторожности стала смена шифровального оборудования в советском посольстве в Варшаве, влетевшая Советскому Союзу в копеечку.

ФРАНЦУЗЫ

И в самых пустых головах любовь нередко преострые выдумки рождает.
К.Прутков. «Сочинения»

Самые-самые

В первое десятилетие XX в. по мере того, как росла напряженность и мир готовился к кровавой войне, заметно усилился интерес к криптоанализу. Не везде он был одинаковым, поскольку зависел от традиций в этой области. У Франции традиции оказались наиболее глубокими. Опубликованная к тому времени специальная литература демонстрировала серьезное внимание к предмету. Практическое применение криптоанализа накануне войны увенчалось вскрытием дипломатических шифров Германии и Италии.

Криптоанализ военной шифрпереписки был во Франции также на высоком уровне. Комиссия по военным шифрам в составе 10 офицеров, отобранных из всех родов войск, занималась тем, что подбирала шифрсистемы для применения в армии и изучала шифры других стран. В 1900 году адъютантом председателя комиссии был назначен Франсуа Картье. В первую мировую войну он стал начальником французской военной криптографической службы. Непосредственно перед войной Картье приобрел значительный практический опыт работы, читая, криптограммы германской армии, которые во время ее маневров перехватывались французскими радиостанциями. Комиссия также регулярно получала полезные сведения от шпионов, дезертиров и лиц, завербованных в Иностранный легион. Все это обеспечило Франции явное превосходство в радиоспионаже над Германией к началу войны.

Следует отметить, что на Западном фронте только Франция была в полной мере готова к войне в эфире. Заслуга в этом принадлежала созданным еще в довоенное время дешифровальным органам, более мощным и лучше организованным, чем у других стран. Посты, которые перехватывали немецкие радиогаммы в мирное время, просто продолжали делать то же самое во время войны. Криптобюро, созданное Картье в военном министерстве, быстро обросло дополнительным мобилизованным персоналом. В первые дни войны работы было мало, но когда немецкие войска в начале августа 1914 года пересекли границу Франции, выйдя за пределы своих телеграфных линий, их радиосообщения заполнили эфир.

Как отличить пехоту от кавалерии

Сперва французские радиоприемные станции находились лишь в больших крепостях и в трех специальных пунктах перехвата. Затем, уже в ходе войны, Франция создала сложную и развитую систему перехвата. Шесть радиопеленгаторных станций находились вдоль линии фронта. Позднее к ним добавились еще два пункта перехвата во французской столице — один занял Эйфелеву башню, другой — здание станции парижского метро «Тро-кадеро». Все станции перехвата соединялись по прямому проводу с военным министерством. Таким образом, французы принимали немецкие радиогаммы так же быстро, как и их законные адресаты. В течение войны, по оценке Картье, его подчиненные перехватили свыше 100 млн. слов, что могло бы составить библиотеку из тысячи томов средней величины.

Первоначальная организация перехвата была недостаточно совершенной. У французов не хватало радиопеленгаторов, и приходилось определять расстояние до передатчика по громкости перехваченного сигнала. Операторы отмечали, слышались ли немецкие сигналы «очень громко», «громко» или «слабо». Нанеся на карту большое количество таких приблизительных данных и проведя круги с радиусом, равным предполагаемым расстояниям, уже через две недели после начала боевых действий французы довольно точно определили местонахождение немецких радиостанций.

Фиксирование позывных, объемов переписки и адресатов всех станций помогло выделить четыре основные сети связи, каждая из которых, по предположению французских военных криптоаналитиков, принадлежала отдельной боевой группе немецких войска. Характерные особенности перехватываемых сигналов позволяли распознавать радиостанции штабов противника, а по объему

переписки — отличать быстро передвигавшиеся радиостанции кавалерийских частей от пехотных.

Это был первичный анализ перехвата. Он помогал французам оценивать боевые порядки противника, предупреждал о важных военных действиях, предвестником которых было увеличение объема переписки. Первичный анализ включал и сортировку перехваченных шифрсообщений для криптоанализа. Армии противника использовали разные коды с идентичными кодообозначениями или различные ключи для одной и той же шифрсистемы. Только особо точное определение координат передатчика радиопеленгатором и установление его позывных могло помочь отличить шифрованные сообщения на разных «криптографических» языках друг от друга.

Но пяти криптоаналитиков высокой квалификации, бывших в военном министерстве в распоряжении Картье, вскоре стало явно не хватать. Тем более что им приходилось оказывать помощь МИД в чтении дипломатической шифрпереписки на линии Берлин — Мадрид. Подопечным Картье приходилось читать и военно-морскую шифрпереписку немцев, поскольку министерство торгового флота Франции не имело в своем штате криптоаналитиков.

В криптобюро военного министерства был вскрыт код немецких подводных лодок. Это оказалось весьма кстати, когда несколько позже французы обнаружили, что каждую полночь подпольная радиостанция в городе Науне посылала немецким подводным лодкам в Средиземном море время выхода и маршруты французских судов, отплывавших из Марселя. Информация передавалась немцам их шпионами, действовавшими в прибрежной полосе. Французские радиопосты перехватывали шифрованные шпионские сообщения и передавали их по телеграфу в криптобюро. Криптоаналитикам требовалось не более часа для того, чтобы их дешифровать. К 4 часам утра содержание прочитанных шифрсообщений уже было известно начальнику порта в Марселе — срок как раз достаточный, чтобы изменить расписание рейсов и ввести немецкие подводные лодки в заблуждение. Судам, которые уже были в море, радировалось распоряжение об изменении курса.

Многие из вскрытых военно-морских кодов Германии французы отправляли англичанам, ведь от боеспособности кораблей Англии зависело само ее существование. Однако с каждым новым человеком, которому становились известны сведения о дешифровании немецких шифр-телеграмм, увеличивалась вероятность утечки ценных данных, а следовательно, и возрастала опасность утраты Англией господства на морских просторах. В результате стремление англичан сохранять в тайне криптоаналитические секреты нередко переходило все мыслимые границы.

Однажды во время визита к Холлу, в ведении которого находилась «Комната 40», Картье пожаловался на трудности в криптоанализе немецких военно-морских шифров. Холл предложил передавать перехваченную французами немецкую шифрпереписку его подчиненным, имевшим действующий экземпляр немецкого кода. А из прочитанной шифрпереписки в распоряжение французов предоставлялось бы все, что могло иметь для них значение. В ответ Картье рассказал, как одно из частично дешифрованных им шифрсообщений помогло спасти французский крейсер от торпедирования. Он выразил недоумение, почему английские криптоаналитики, которые должны были знать о грозившей крейсеру опасности из того же шифр-сообщения, «забыли» предупредить о ней французов. На это Холл холодно заметил: «Лучше потерять корабль, чем рисковать тем, что о существовании нашей криптоаналитической службы стало бы известно немцам». От ответа на щекотливый вопрос Картье: «Было бы ваше

суждение аналогичным, если бы корабль являлся английским?» — Холл уклонился.

Одна из дешифрованных немецких криптограмм дала французам возможность организовать бомбежку города Тилт в оккупированной немцами Бельгии в тот самый момент, когда в него для осмотра въезжал кайзер Вильгельм. Это событие оказалось слишком интересным, чтобы не поделиться сведениями о нем с другими. И действительно, французская газета «Матэн» опубликовала сообщение о бомбардировке Тилта с указанием источника информации, позволившей французам так удачно выбрать момент для нанесения бомбового удара. Немцы сразу же ввели в действие новую шифрсистему, которую удалось вскрыть лишь через месяц и то благодаря ошибкам шифровальщиков.

К 1915 году криптобюро при военном министерстве Франции превратилось в первое в мире полноценное государственное ведомство радиوشпионажа. Оно имело в штате несколько десятков человек, из которых девять были криптоаналитиками. В его ведении находились наиболее важные вопросы криптографии — защита информации в межсоюзнических линиях связи, чтение неприятельских дипломатических и военно-морских криптограмм, надежность собственных военных шифрсистем. Его начальник Картье руководил и службой перехвата. Криптобюро подчинялась также шифровальная служба Генерального штаба. 15 офицеров этой службы занимались организацией шифрованной переписки французских штабов и дешифровали стратегически важные криптограммы немецкой армии, используя методы и ключи, которыми их снабжало криптобюро.

На следующей, более низкой ступени криптографической иерархии французской военной машины стояли шифротделы, приданные различным штабам армий и армейских групп на той же основе, что и подчиненные этим штабам службы связи. Присутствие криптоаналитиков вблизи линии фронта давало возможность находить детали, полезные в дешифровальной работе. Например, если немецкая артиллерийская часть получала шифрсообщение и через два часа наносила удар по определенному сектору, то в распоряжении французских «фронтовых» криптоаналитиков оказывались слова, которые с большой вероятностью присутствовали в открытом тексте переданного пару часов назад немецкого шифрсообщения и могли помочь в его дешифровании.

«Ранней пташке достается червяк»

К маю 1915 года закончился период маневренной войны. Объем немецких военных радиосообщений значительно сократился, и в течение оставшейся части года он был невелик. Эта передышка дала возможность французским военным криптоаналитикам заняться решением других задач. Например, ретроспективным чтением германских криптограмм, перехваченных в первые дни войны. Знакомство с их содержанием помогло уяснить ход мыслей немецких стратегов.

Затишье второй половины 1915 года сменилось взрывом радиопередач в начале следующего. Это был год, когда немцы безостановочно перебирали известные методы зашифрования в поисках идеального шифра. Но французы не отставали

от них, и их Генеральный штаб иногда получал два-три вскрытия немецких шифров в течение нескольких часов. В этих криптоаналитических разработках французы зорко подмечали любую слабость в системах шифрованной связи противника. Особенно полезными были стереотипные сообщения типа «Ночь прошла спокойно» или «Докладывать нечего». Французы извлекли для себя выгоду даже из известной черты немецкого национального характера – методичности. Каждую новую шифрсистему немцы тестировали, зашифровывая пословицы в качестве проверочных сообщений. Особенно часто для этого использовалась поговорка «Ранней птичке достается червяк».

Большую помощь оказывало знание стандартной фразеологии немцев и их приемов ведения радиопередач. Подробное представление обо всем этом французы получили еще в первые месяцы войны. Тогда немецкие связисты, опьяненные молниеносными победами, ошарашенные объемом переписки и раздраженные скучной работой по зашифрованию, стали посылать свои сообщения открытым текстом. Иногда французы обстреливали немецкие окопы и имитировали подготовку к наступлению только для того, чтобы немцы включили в открытые тексты своих криптограмм некоторые позарез необходимые французским криптоаналитикам слова.

Первая из новых немецких шифрсистем появилась в 1916 году одновременно со всплывшей активности радиопередач. Французское верховное командование посчитало, что это было признаком подготовки немецкого наступления. Дешифрованные в криптобюро военного министерства тексты перехваченных немецких шифр-сообщений оказались всего лишь простыми шифровальными упражнениями, отрывками из газетных статей и даже тригонометрическими формулами. Тем самым военные криптоаналитики избавили командование французских войск от необходимости срочно принимать меры для подготовки к отражению германского наступления.

Легенда о ней была такова. Земное воплощение дьявола, красавица-танцовщица выдавала немцам важные военные секреты французов, относившиеся к боевым операциям 1915–1916 годов. Эти секреты она узнавала от высокопоставленного француза, с которым была в близких отношениях, и сообщала их еще гораздо более высокопоставленному немцу, с которым тоже была близка. После себя она оставила инструкцию для последующих поколений шпионов, правилами которой и по сей день пользуются западные шпионские службы.

Существовала и контрлегенда. Ни в чем не повинная мученица стала жертвой дьявольского умысла. Другая знаменитая артистка, приревновав ее к своему мужу, обвинила соперницу в шпионаже. В результате коварных махинаций произошла страшная судебная ошибка, закончившаяся расстрелом. Угрызения совести, терзавшие клеветницу, заставили ее съездить в Рим, покаяться папе и попросить у него прощения.

И легенда, и контрлегенда о супершпионке XX века Мате Хари не раз оглашались в печати. В легенде правды было немного. В самом деле, можно ли всерьез относиться к «матерой» шпионке, которая в инструкции для начинающих шпионов посоветовала: «Если вы увидели десять пушек, используйте шифр – запишите, что вы истратили десять шиллингов»? В контрлегенде же все совершенная неправда. И Мата Хари не была невинной жертвой, и та, другая артистка никому ее не выдавала. А разоблачила Мату Хари... Эйфелева башня!

Маргарита-Гертруда Маклеод, урожденная Зелле, дочь почтенной голландской семейной пары, своей сценической карьерой и псевдонимом была обязана Востоку, куда она отправилась вскоре после того, как в 1895 году вышла замуж за капитана голландских колониальных войск. Между 1901 и 1905 годами Маргарита Маклеод из голландки превратилась в танцовщицу Мату Хари, уроженку Явы. Ее характер определился, воля окрепла, и она отбыла в Париж, где почти молниеносно добилась успеха и известности. В 1914 году Мата Хари переехала в Берлин, который встретил ее не менее гостеприимно. В Париж она вернулась только в 1915 году.

Летом 1916 года Мата Хари заметила за собой слежку.

В августе того же года она сама явилась к Ладу, руководителю французской службы контршпионажа. Об их встречах рассказал Ладу в книге своих воспоминаний. Мата Хари начала беседу с ним с жалобы в кокетливом тоне: за ней, мол, следят, в ее отсутствие какие-то люди роются в ее чемоданах, что за безобразие! Ладу отшучивался, слабо отрицая свое участие в установленном за ней надзоре. Затем они перешли к делу. Танцовщица желала отправиться на лечение в прифронтовой город Виттель. Для этого ей был нужен пропуск-разрешение, и Ладу его охотно выдал.

Вблизи Виттеля в ту пору создавался французский авиалагерь. Немцы чрезвычайно им интересовались, и французская служба контршпионажа это знала. Ладу был совершенно уверен, что Мата Хари едет в Виттель исключительно из-за авиационного лагеря. Один агент под видом лакея был внедрен в гостиницу, где она остановилась, а другой, переодетый летчиком-офицером, активно за ней ухаживал. Однако эти хитрости не дали никакого результата: Мата Хари вела себя безукоризненно. По окончании лечения она вернулась в Париж и снова явилась к Ладу — как будто без особого дела, так, просто поболтать.

Вторая беседа оказалась гораздо интереснее первой. Она велась в том же веселом, шутливом тоне, вот только договорились на ней до вещей нешуточных. Было заключено соглашение: Мата Хари поступает в распоряжение французской службы контршпионажа, едет сначала в Испанию, а потом в Бельгию, где и будет работать. Ладу позже признался, что при расставании он не знал истинных намерений Маты Хари. Но его идея была очень проста. Дело в том, что в 1916 году французы получили в свое владение код, при помощи которого руководитель германской шпионской сети в Испании фон Крон сносился с верховным командованием в Берлине. Француженка Марта Рише, которая еще до первой мировой войны отличилась тем, что выступила пионером женского летного спорта, вызвалась отправиться в Испанию в качестве секретного агента, чтобы отомстить за убитого на войне мужа. Она поставила цель обворовать фон Крона и сумела завладеть не только его сердцем, но и ключами от личного сейфа, в котором хранилась кодовая книга. Разместившаяся на Эйфелевой башне станция перехвата улавливала все зашифрованные радиотелеграммы, шедшие из Мадрида в ставку Гинденбурга, а французские криптоаналитики успешно их дешифровали с помощью полученной от Рише копии кодовой книги.

Вскоре после прибытия Маты Хари в Испанию в Париже были перехвачены и дешифрованы две телеграммы. В первой сообщалось: «В Мадрид прибыл агент N21. Ему удалось поступить на французскую службу... Он просит инструкций и денег. Сообщает следующие данные о местонахождении французских полков... Указывает также, что французский государственный деятель... находится в близких отношениях с иностранной принцессой...» В ответной шифртелеграмме предписывалось: «Скажите агенту N21 вернуться во Францию и продолжить работу».

Не все сведения, сообщенные агентом N21 о французских войсках, были точны. Не очень большой интерес представляло для немцев и донесение этого агента о романтических похождениях государственного деятеля Франции. Само содержание шифртелеграмм было незначительным. Но оно помогло Ладу однозначно решить вопрос об установлении личности агента N21. 13 февраля 1917 г. в номер парижской гостиницы, где остановилась вернувшаяся из Испании Мата Хари, вошли несколько вооруженных полицейских и велели ей следовать за ними. Там, куда ее привели, Мату Хари, как водится, сразу оглушили вопросом: «N21, когда вы поступили на германскую службу?» — «Я не понимаю, о чем вы говорите», — побледнев, ответила она.

Следствие продолжалось несколько месяцев. Система защиты Маты Хари на суде была очень неубедительна. Она не могла отрицать, что получала деньги от немцев. Но, по ее словам, руководитель германской службы шпионажа был ее любовником и заплатил 30 тыс. марок только за это. «Очень щедрый человек», — съязвил судья. «Это моя обычная цена, все любовники платили мне не меньше», — парировала Мата Хари. Она получала деньги и от нескольких германских офицеров — объяснение было таким же. А телеграфный обмен между Мадридом и ставкой врага? «Это ничего не доказывает: руководители германского шпионажа хотели отнести свой частный расход за счет своей государственной казны».

Тем не менее суд единогласно приговорил Мату Хари к смертной казни. Перед приведением приговора в исполнение ее 75-летний адвокат потребовал отсрочки, заявив властям, что Мата Хари от него беременна. «Беременна? Нет, я не беременна», — ответила шпионка. 15 октября 1917 г. на рассвете Мата Хари была расстреляна.

Много лет спустя после описываемых событий один французский журналист, работавший в архиве министерства обороны Франции над очередной статьей, рассказал о том, как ему по ошибке вместо заказанного материала выдали дело Маты Хари. Он воспользовался этим подарком судьбы и не покинул архив, пока не выписал из дела все, на его взгляд, самое важное. И вот вскоре с его легкой руки по миру пошла гулять еще одна легенда о знаменитой авантюристке XX века.

Да, действительно, Мата Хари была шпионкой. Но выполняла она задания не немцев, а французов. Ведь только благодаря ей последние смогли, например, узнать, что противник легко читает их шифровки. А случилось это так. Фон Крон, с которым Мата Хари вступила в Мадриде в интимную связь, оказался настолько очарован своей новой любовницей, что проболтался ей о планировавшейся высадке немецко-турецкого десанта в марокканском порту. Мата Хари поспешила сообщить об этом французскому резиденту в Мадриде, который сразу же отправил в Париж шифртелеграмму с переданной ею информацией. Немцы шифровку перехватили, прочитали и уведомили о ее

содержании фон Крона. Тот отругал Мату Хари за болтливость, а она немедленно известила французов, что их шифр вскрыт немцами. Потом Мата Хари отбыла в Париж, где в ту пору многочисленные ошибки французского командования, приведшие к большим потерям на фронте, вызвали волну недовольства у населения и шпиономания достигла своего апогея. В этих условиях капитан Ладу решил использовать имевшиеся у него сведения об агенте N21 против Маты Хари, чтобы убедить широкую общественность в том, что данным агентом была именно она и что это из-за ее шпионской деятельности в пользу немцев французская армия понесла столь значительные потери. Так возникло дело Маты Хари.

Сейчас или никогда

В начале 1918 года Германия стала осознавать, что, если ей и суждено одержать победу в первой мировой войне, необходимо добиться этого ближайшей весной, другого шанса у нее не будет. И странам Антанты тоже стало ясно, что Германия планирует решающее наступление на весну 1918 года. Это подтверждалось и введением нового немецкого шифра в марте. Замена старого шифра была составной частью плана обеспечения полной секретности вокруг готовящегося события наряду с ложными атаками по всему фронту и скрытной концентрацией войск на направлении главного удара. Англичане и французы приложили все усилия, чтобы выяснить время и место немецкого наступления. Но с появлением у немцев новой шифрсистемы иссяк один из наиболее достоверных источников шпионских данных — криптоаналитический. А остальные мало что дали.

21 мая в 4.30 утра более 6 тыс. орудий открыли огонь по англо-французским позициям на реке Сомме. Через 5 часов 60 немецких дивизий нанесли удар на участке фронта протяженностью в 80 километров. Французские и английские войска начали откатываться назад в полном замешательстве. Не прошло и недели, как немцы пробили огромную брешь в линии обороны противника. И только когда англичане и французы отступили до Амьена, им с трудом удалось собрать силы и остановить продвижение немцев.

К тому времени, когда французы вновь вскрыли немецкую шифрсистему, наступление Германии на Западном фронте было приостановлено и объем перепiski уменьшился. Все изменилось 26 мая: немцы вновь нанесли неожиданный удар и их радиосообщения заполнили эфир, дав обильную пищу радиошпионажу Франции. Уже 1 июня в 5 часов дня французские военные криптоаналитики прочитали немецкую шифрпереписку за 30 мая, полученную ими сутки назад. К этому моменту союзники балансировали на грани поражения. Немцы обстреливали Париж из дальнотойной артиллерии. Вновь возник мучительный вопрос о том, где Людендорф нанесет свой следующий удар. Если бы ему удалось добиться такой же неожиданности, как во время двух предыдущих наступлений, участь Парижа да и войны в целом была бы решена. Новое наступление немцев могло быть остановлено только заслоном резервов. Но для того, чтобы сделать это, надо было знать, куда их послать.

Тем временем у Людендорфа хватало своих забот. Немецкая военная доктрина требовала неожиданного массированного артиллерийского обстрела с тем, чтобы парализовать оборону противника перед наступлением пехоты. Подавление противника огнем обеспечивалось путем концентрации тысяч орудий и тонн боеприпасов к ним на линии фронта. Переброска орудий и боеприпасов велась только ночью, чтобы сохранить фактор неожиданности. В

результате Людендорфу удалось сделать косвенные сведения о намерениях немцев, просочившиеся во французский Генеральный штаб, маловажными и противоречивыми. На основании этих сведений нельзя было прийти к конкретным выводам.

Утром 3 июня один из криптоаналитиков французского Генерального штаба с помощью ключей, присланных из криптобюро военного министерства, прочел перехваченную за три часа до этого немецкую шифровку: «Срочно перебрасывайте боеприпасы. Даже днем, если скрытно». Местонахождение адресата радиogramмы подсказало, где искать признаки готовящегося наступления немцев. Проверка с воздуха подтвердила факт подвоза боеприпасов в дневное время, а перебежчики сообщили дату нанесения удара – 7 июня. Резервы были переброшены в нужное место, и французы с уверенностью ожидали немецкого наступления. Оно было успешно отражено. Вскоре инициатива перешла к странам Антанты, которые уже не выпускали ее из своих рук до самого конца войны.

Почти ничего не известно

О достижениях французских криптоаналитиков после первой мировой войны известно очень мало. Они были хорошо информированы об «Энигме» благодаря своему агенту Шмидту, сотруднику германской криптографической службы. Шмидт вел разгульную жизнь, на которую ему явно не хватало денег. Французы с готовностью открыли Шмидту неограниченный кредит. В результате с 1931 по 1939 год он за 9 встреч предоставил в их распоряжение в общей сложности более 300 документов – инструкций по работе с «Энигмой» и по ее ключевой системе. Полученные документы не приблизили французов к вскрытию «Энигмы», а лишь подтвердили их уверенность, что это невозможно. Осенью 1939 года во Францию прибыло подкрепление в лице польских криптоаналитиков. Они вскоре помогли французским коллегам вскрыть один из ключей «Энигмы», чем доказали ошибочность представлений о невскрываемости «Энигм».

Совместно с англичанами и поляками французы трудились над вскрытием «Энигмы», пока Франция не была оккупирована немцами. После этого в вишистской Франции функционировала группа из 50 криптоаналитиков и обслуживающего персонала на вилле недалеко от Лиона. Ее успехи были ограниченными. Неудачей окончилась попытка вскрыть шифрсистемы бывшего французского министра иностранных дел Жоржа Мандела, оказавшегося затем в тюремном заключении за то, что пытался создать французское правительство сопротивления в Северной Африке. Работа криптоаналитической группы вишистов частично была направлена против французского подполья, но добытые ею сведения никогда не передавались немцам. Один из членов этой группы, Шарль Эйро, позже ставший автором известного пособия по криптоанализу, сжег ее документы, когда возникла опасность их захвата немецкими оккупантами.

В 90-е годы основной шпионской спецслужбой Франции являлась Генеральная дирекция внешней безопасности (ГДВБ). Административно она входила в состав министерства обороны, но фактически замыкалась на президента страны и получала указания лично от него. Среди структурных подразделений ГДВБ числилась группа радиоэлектронного контроля (ГРК), которая

занималась радиошпионажем. ГРК имела в своем распоряжении более 100 станций перехвата.

Эрик

Ханса Иоахима Баммлера Служба внешней разведки ГДР завербовала в 1960 году. Сначала его попросили «понаблюдать» за артистами, среди которых у него было много знакомых, так как он работал театральным рекламным агентом. Баммлер был, можно сказать, отпрыском известной шпионской династии: его отец руководил контршпионским отделом абвера. Взятый в 1945 году в плен советскими войсками, Баммлер-старший стал верой и правдой служить правительству ГДР. Ханс, мать которого умерла в концентрационном лагере, пошел по стопам отца. Он очень хорошо выполнил свое первое задание, после чего ему была доверена более важная роль.

Почти два года понадобилось Службе внешней разведки ГДР чтобы осуществить операцию внедрения Баммле-ра, получившего псевдоним Эрик. Только пройдя продолжительную и интенсивную подготовку, в 1964 году он приступил к выполнению обязанностей курьера восточногерманского резидента в Париже.

Центр поддерживал связь с Эриком по радио. Сначала передавались музыкальные позывные или морзянка, которые можно было поймать обычным радиоприемником. Подобные передачи предназначались всем нелегальным агентам, работавшим во Франции. После позывных некий голос называл три цифры. В соответствии со своим шифром Баммлер определял, предназначалась данная передача ему или же другому агенту. Вся передача занимала несколько секунд. Морзянка, предварительно записанная на перфоленду, на очень большой скорости проходила через передатчик. Недостаточно тренированному уху эти короткие передачи могли показаться простыми шумами. Агенту надо было находиться постоянно наготове, чтобы уловить и записать их.

В свою очередь, наготове были и все западные контршпионские службы (французское Управление по охране территорий (УОТ) не было исключением из правил), имевшие станции перехвата, чьей задачей являлась фиксация этих «шумов». Количество перехваченных радиোগрам позволяло приблизительно оценить число «нелегалов». Например, только в одном 1984 году во Франции было перехвачено более 100 тыс. шифровок, исходя из чего можно предположить, что на тот момент на французской территории обосновалось по меньшей мере 100 активно работавших «нелегалов». Записи перехваченных радиопередач обрабатывались, чтобы сделать понятным текст сообщения. Разумеется, все такие послания были шифрованными и практически недоступными для прочтения. Однако их тексты тщательно сохранялись в надежде на то, что после ареста какого-либо агента у него можно будет обнаружить дополнительные материалы для дешифрования накопленного шифрперехвата.

Именно так и случилось с Баммлером. В мае 1966 года во время обыска в его доме французам удалось найти кодовые таблицы, использовавшиеся для связи с Центром.

ШВЕДЫ

Усердие все превозмогает! Бывает, что усердие превозмогает и рассудок.
К.Прутков. «Сочинения»

Газетные конкурсы криптоаналитиков

Криптографическое бюро Швеции было создано в 1936 году. Его возглавил полковник Варбург, который незадолго до этого сломал себе обе руки и обе ноги в результате крайне неудачного падения с лошади и нуждался в тепленьком местечке. В криптографии он оказался таким же бездарным, как и в верховой езде, и был вскоре заменен морским офицером, завоевавшим уважение подчиненных ему криптографов.

В конце 30-х годов сотрудники криптобюро с целью повышения квалификации слушали лекции Гюльдена, своего соотечественника, автора опубликованной в 1931 году книги «Вклад криптографии в мировой войне на континенте» – глубокого и тонкого исследования роли криптографии в первой мировой войне. Более сотни страниц ее текста были позднее переведены со шведского на английский язык по заказу командования войск связи США.

Персонал в криптобюро набирали из победителей конкурсов по раскрытию шифров, которые проводились шведскими газетами по инициативе дешифровальной службы. Кроме того, сотрудники шведского криптобюро читали лекции в университетах, где знакомили студентов с интересными сторонами криптографической науки для привлечения наиболее способных из них на службу.

Нейтральная Швеция «воюет» в эфире

Непосредственно перед второй мировой войной и во время нее шифровальная служба Красной Армии использовала довольно простые коды с перешифровкой. При достаточной интенсивности переписки такие шифрсистемы, безусловно, могли вскрываться противником. Одним из первых, кто это сделал, был шведский криптоаналитик Арне Берлинг. В период ожесточенных боев с финнами зимой 1939/40 года Швеция передавала Финляндии шпионские сведения, получаемые ею благодаря чтению шифр-переписки Красной Армии.

Переданные Швецией данные сыграли решающую роль в разгроме и уничтожении финнами по частям 44-й дивизии Красной Армии под Суомусалми. Во время этих боев шведы дешифровали несколько перехваченных криптограмм от окруженных советских частей. Например, один из советских батальонов передал шифрованное сообщение, в котором указывалось, что у него совсем не осталось боеприпасов и продуктов и что будут разведены три сигнальных костра там, куда можно сбросить на парашютах необходимые предметы. Шведы дешифровали это сообщение и передали полученный открытый текст финнам, которые зажгли у себя костры и с удовольствием получили все сброшенные с советских самолетов тюки с продовольствием и боеприпасами.

Шведскими криптоаналитиками было прочитано большое количество шифртелеграмм советских ВВС. Многие из них содержали приказы по нанесению бомбовых ударов по столице Финляндии. Очень часто эти шифртелеграммы дешифровались еще до момента вылета бомбардировщиков с аэродромов Латвии и Эстонии, расположенных в 20 минутах полета от Хельсинки. Благодаря этому финские власти имели достаточно времени для предупреждения жителей города о планировавшихся налетах.

После нападения фашистской Германии на Советский Союз Финляндия начала сотрудничать с ней в ведении перехвата, в котором уже успела поднатореть годом раньше.

Криптоаналитики по совместительству

Когда разразилась вторая мировая война, число шведских криптоаналитиков едва превышало 20 человек. Платили им мало, в результате чего большинство занимались криптоанализом по совместительству, работая на правительство только полдня.

В ходе второй мировой войны Швеция использовала радиошпионаж в основном для того, чтобы узнать, не собирается ли на нее напасть Германия. Подготовка Германии к оккупации Дании и Норвегии была одним из наиболее тщательно скрывавшихся секретов войны, и Швеция не хотела, чтобы ее тоже застали врасплох. Позже, в послевоенное время, она стала применять радиошпионаж, чтобы быть в курсе политических событий.

Перехваченные телеграммы шли в шведское криптобюро сплошным потоком. Телетайпы, включенные в линию шведского министерства почт и телеграфов, дублировали для криптоаналитиков его величества шведского короля все телеграммы, пересылавшиеся по этим каналам. Дания, Норвегия и Финляндия направляли перехваченный ими материал в Швецию, единственную среди них, имевшую эффективный криптоаналитический центр. Эти телеграммы давали шведам возможность делать полезные для криптоанализа сравнения между вариантами одного и того же текста, полученными путем его зашифрования с помощью разных ключей.

В начале 1940 года, непосредственно перед оккупацией Норвегии, германские агенты в этой стране, сосредоточившиеся в совместных немецко-норвежских пароходных компаниях и рыболовных фирмах, получили приказ поставлять информацию о передвижениях иностранных судов и о погоде у берегов Норвегии. Свои сведения они маскировали под невинные сообщения о ценах и добыче рыбы, а затем передавали по телефону. Норвежские власти перехватили эти телефонные переговоры, содержание которых даже на слух имело к ценам приблизительное отношение. Шведские криптоаналитики обнаружили, что пятизначные «цены» в действительности представляли собой засекреченные шифром Цезаря номера кораблей по регистру Ллойда. Этот успех криптобюро Швеции дал возможность Норвегии раскрыть в феврале 1940 года немецкую агентурную группу на своей территории.

Однажды в шведское криптобюро поступил перехваченный телефонный разговор между итальянским военным атташе в Стокгольме и его коллегой в Осло. Запись звучала совершенно нечленораздельно, и шведы сначала подумали, что итальянцы применили телефонный шифратор. На филологическом факультете университета в городе Упсала, куда была послана запись, пришли к выводу, что разговор велся на сицилийском диалекте, искаженном слишком невольным употреблением ругательств. Затем был выявлен смысл разговора. Стокгольмский атташе объяснял, как пользоваться новым кодом, чего атташе в Осло, ругавший идиотов в Риме, которые догадались прислать ему такой код, никак не мог уразуметь. Между бранными выражениями шведы нашли чрезвычайно важные для вскрытия итальянского кода ссылки на процедуру его использования и значения отдельных кодовых обозначений.

Шведы также получали большую помощь от своего МИД в виде дипломатических нот, как посланных, так и полученных, а также записей бесед шведских дипломатов с послами зарубежных стран. Благодаря своему внешнеполитическому ведомству, они располагали такими, только на первый взгляд второстепенными, данными, как время, которое понадобилось бы послу того или иного зарубежного государства, чтобы доехать до здания своего посольства, зашифровать телеграмму данной длины и послать ее на почту. В результате, зная приблизительное содержание шифртелеграммы и время ее отправки, шведские криптоаналитики с большой легкостью находили ее в ежедневной переписке этого посольства.

Шведским сотрудникам криптобюро очень помогали ленивые или недалекие иностранцы, нарушавшие элементарные правила при зашифровании и передаче телеграмм. Фотография одного из них, германского консула в шведском городе Ставангере, чьи многочисленные ошибки стали ахиллесовой пятой многих немецких криптограмм, украсила помещение криптобюро. Настолько шведы были ему признательны за помощь. Фамилия консула — Ахиллес — говорила сама за себя.

Секс и радиошпионаж

Шведы читали немецкие телеграммы, зашифрованные с помощью различных систем. Одна неожиданно дала им сведения о сексуальных интересах немецких солдат. Вермахт отправлял женщин из прибалтийских государств — Эстонии, Латвии, Литвы — для использования в качестве проституток. Они поступали в распоряжение немецких оккупационных властей в Норвегии. Приход кораблей, естественно, ожидался там с большим нетерпением и служил предметом оживленной переписки между немецкими частями. Нередко радист в порту, из которого только что вышел корабль, рекомендовал понравившихся ему девиц своему другу-связисту в порту, куда этот корабль направлялся. Шведским криптоаналитикам иногда казалось, что благодаря радиошпионажу они знали достоинства прибалтийских почти так же хорошо, как обслуживаемые ими немецкие солдаты.

Однако ошибки шифровальщиков вместе с другими вспомогательными средствами только облегчали шведским криптоаналитикам их работу. Основную же роль

играли их незаурядные способности и умение. Например, шведы так приспособились к французским порядкам смены кодов, что могли сказать, когда и какой из них французы посчитают скомпрометированным и начнут шифровать с его помощью материалы, с которыми они желали бы ознакомить других. Многие фразы из открытых текстов шифрсообщений, предназначенных для посторонних, потом попадали в официальные заявления французского правительства.

Шведский нейтралитет во время второй мировой войны был фикцией. Немецкие телеграммы проходили по шведским линиям связи точно так же, как немецкие солдаты проезжали по шведским железным дорогам. Телетайпы в шведском дешифровальном бюро дублировали немецкую переписку. А затем интересовавшие шведов шифртелеграммы читались с помощью специально изготовленной машины.

Однажды после успешного и своевременного прочтения шифрованной германской ноты, составленной в необычно требовательных тонах и предназначенной для вручения Швеции, шведские криптоаналитики уведомили о ее содержании своего министра иностранных дел Гюнтера по телефону. Гюнтер немедленно уехал на охоту, и немецкий дипломат смог ее вручить только через несколько дней, когда в МИД Швеции уже подготовили на эту ноту достойный ответ. Вот так криптоаналитики Швеции помогали ей плавать в опасных водах фиктивного нейтралитета, когда кругом полыхала мировая война.

В послевоенный период радиошпионская спецслужба Швеции превратилась в один из крупнейших шпионских органов этого государства. Она находилась в распоряжении правительства и официально именовалась Шведской радиослужбой обороны (ШЮ). К началу 80-х годов ШЮ обладала разветвленной сетью станций перехвата вдоль морского побережья Швеции, работавших круглосуточно. Главными целями шведского радиошпионажа после второй мировой войны стали восточноевропейские линии связи, из которых осуществлялся сбор информации о передвижении воинских частей и о новых системах вооружения.

ЯПОНЦЫ

Рассуждай токмо о том, что понятия твои тебе сие дозволяют. Так: не зная законов языка ирокезского, можешь ли ты делать такое суждение по сему предмету, которое не было бы неосновательно и глупо.

К.Прутков. «Сочинения»

Коды США — в качестве учебных

Японские императорские ВМС начали заниматься криптоанализом в 1925 году, создав так называемую Специальную группу (СГ) в отделе связи Генерального штаба ВМС. Тогда она насчитывала всего пять сотрудников и размещалась в кирпичном здании министерства "ВМС в Токио. Польский криптограф Ян Ковалевский прочитал там курс лекций по криптоанализу. Новички-дешифровальщики приобретали под его руководством навыки вскрытия шифров, используя в качестве учебных коды госдепартамента США.

В 30-е годы сотрудники СГ в основном занимались чтением китайских шифртелеграмм. Им удалось, например, прочитать шифрованную депешу, в которой сообщалось о планах Китая использовать ВВС для нанесения удара по японским войскам. Вместо этого первыми нанесли удар японцы, уничтожив большую часть авиации Чан Кайши. «Увлечение» преимущественно китайской перепиской объяснялось тем, что квалификация сотрудников СГ не позволяла им вскрывать военно-морские и дипломатические коды главного противника – США. Исключения касались только чрезвычайно благоприятных обстоятельств, не воспользоваться которыми было просто невозможно.

Такой удобный случай представился 26 февраля 1936 г., когда в Токио подняли бунт два полка и несколько государственных деятелей были казнены за попытку совершить государственный переворот. Японские криптоаналитики получили в свое распоряжение массу шифртелеграмм и множество слов, которые можно было найти в их открытых текстах. Спустя некоторое время они уже читали большую часть американской шифрпереписки, включая шифртелеграммы военно-морского атташе США в Токио. Затем американцы сменили свои шифрсистемы, и вновь оказалось, что одних математических способностей персонала СГ недостаточно для их вскрытия. Пробелы в своих познаниях в теоретическом криптоанализе японцы пытались компенсировать находчивостью: примерно в конце 1937 года сотрудник СГ Моригава в сопровождении слесаря проник в американское консульство и сфотографировал так называемый «коричневый код» государственного департамента США, а также американский шифратор М-138, который японцы раньше никогда не видели.

Вскоре после этого в порядке подготовки Японии к войне командование ВМС построило первую крупную станцию перехвата в деревне Овада, в 50 минутах езды от Токио. Анализы радиопеленгаций и шифрпереписки во время учений американских ВМС помогли японскому Генеральному штабу составить представление о военном флоте США и его тактике.

Быстрое развитие американских средств шифрованной связи после Перл-Харбора заставило СГ принять меры по совершенствованию своей деятельности. Первая партия взятых ею на работу новичков в количестве 60 человек состояла из гражданских лиц и была набрана в школах иностранных языков и торговых колледжах. Вторая насчитывала 70 офицеров запаса, отобранных на основании знания ими иностранных языков из 500 человек, которые проходили переподготовку. В течение 5 месяцев принятые в СГ новички практиковались в работе с кодом Морзе, изучали элементарные шифры (Цезаря и Вижине-ра), обучались методам вскрытия более сложных шифрсистем. За годы второй мировой войны состоялось 6 выпусков. Некоторые выпускники направлялись для ведения радиошпионажа на флот и в штабы соединений. Однако большинство окончивших курсы проходили службу непосредственно в СГ.

Огромный поток перехваченных телеграмм вливался в это криптоаналитическое подразделение японских ВМС. Большая их часть поступала с сотен приемников и радиопеленгаторов овадской станции перехвата. За некоторыми сидели пленные американцы и австралийцы, которых силой принудили служить во славу японского радиошпионажа. Нехватка квалифицированного персонала заставила взять на криптоаналитическую службу 30 молодых японок американского происхождения, что было неслыханным делом в Японии того времени.

Недолговечные, ограниченные и крайне несущественные

В отличие от американских криптоаналитиков, которые читали даже сообщения, зашифрованные системами самой высокой стойкости, дешифровальщики СГ постоянно терпели неудачи при попытке получить полезную информацию из американских линий связи. Они даже не пытались вскрывать шифрсистемы среднего и высшего звеньев вооруженных сил США, а сосредоточили усилия на более простых шифрах низших уровней американского командования. Один из них применялся экипажами патрульных самолетов военно-морской авиации США и состоял из нескольких десятков выражений типа «замечен противник». Шифр менялся каждые 10 дней, но одни и те же выражения оставались в его последующих изданиях, что облегчало вскрытие. И все равно японцы вскрывали этот шифр слишком поздно, чтобы успеть предпринять какие-либо осмысленные действия на основе полученной информации.

Несколько больших успехов Япония добилась во вскрытии неалфавитного кода с перешифровкой, использовавшегося торговым флотом противника. Как она смогла справиться с такой относительно трудной задачей? Очень просто: союзники-немцы передали ей кодовую книгу, захваченную немецким военным кораблем. Японцам оставалось только снимать перешифровку. Однако код давал случайные отрывки информации и чаще всего к тому времени, когда упоминавшегося в нем судна уже не было в указанном районе. Таким образом, японские криптоаналитические разработки, которые в какой-то степени можно было считать успешными, в конечном счете оказывались недолговечными, ограниченными и крайне несущественными для крупных боевых и контршпионских операций.

18 октября 1941 г. японцы арестовали Зорге. В течение нескольких месяцев до этого японская служба перехвата регулярно ловила шифровки его радиста, однако не смогла ни дешифровать их, ни установить местонахождение радиопередатчика. Только за один 1940 год Зорге передал в Москву не менее 30 тыс. шифрованных групп слов.

В 1943 году японский эсминец протаранил и разрубил пополам торпедный катер PT-109, которым командовал Джон Кеннеди. Японцы, конечно же, обязаны были придать значение необычно большому числу шифровок, вызванных потоплением PT-109. Эти шифрсообщения содержали подробные инструкции по спасению людей, предоставляя японцам возможность уничтожить не только экипаж затонувшего катера, но и спасателей. Все шифрованные сообщения могли быть прочитаны криптоаналитиками средней квалификации в течение часа. Тем не менее американцы благополучно завершили спасательную операцию без малейших признаков вмешательства со стороны противника и сберегли своего будущего президента для пули наемного убийцы.

Видит око, да зуб неймет

Последние дни второй мировой войны принесли японскому народу трагедию, которая навсегда останется в его памяти. Города Хиросима и Нагасаки были подвергнуты атомной бомбардировке.

Так сложилось, что сотрудники СГ засекли второй американский бомбардировщик, который должен был сбросить бомбу с атомным зарядом на Нагасаки. КRYPTOаналитики из СГ, научившиеся из анализа переписки предсказывать налеты бомбардировщиков Б-52, зафиксировали особые кодированные сигналы с одиночного бомбардировщика, держащего курс на Нагасаки. Случилось это через три дня после уничтожения Хиросимы. Тогда эти же сигналы посылались с борта самолета, сбросившего на японский город первую атомную бомбу. Но к концу войны Япония уже не имела авиации, чтобы поднять ее в воздух для перехвата смертоносного груза, и сотрудникам СГ оставалось только отмечать на своих картах курс полета бомбардировщика, который неуклонно приближался к Нагасаки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Где начало того конца, которым заканчивается начало?
К.Прутков. «Сочинения»

Издержки гласности

Развитие криптографии как общедоступного направления научных исследований привело к тому, что к концу 70-х годов XX в. любая страна, обладавшая достаточными знаниями в этой области, передовой технологией и квалифицированной рабочей силой, могла изготовить шифраппаратуру высокой стойкости. Это не замедлило неблагоприятно сказаться на объеме читаемой в радио-шпионских ведомствах шифрпереписки.

В результате в начале 80-х годов в сфере радиوشпионажа четко обозначилась тенденция: усилия по вскрытию шифрсистем давали все меньше и меньше результатов. К этому времени доля читаемых в АНБ шифрсообщений составляла не более четырех процентов от общего числа перехваченных криптограмм. Как следствие, уменьшилось количество важной секретной информации, добываемой с помощью радиوشпионажа, по сравнению с тем, что было раньше. Для получения условной единицы информации криптоаналитикам приходилось теперь затрачивать гораздо больше отнюдь не условных усилий и дорогостоящего машинного времени вычислительных средств. Спецслужбы радиوشпионажа все чаще были вынуждены заниматься не теми линиями связи, которые считались важными, а только такими, шифрперехват из которых поддавался дешифрованию. Результатом стало снижение качества получаемой из каналов связи информации. Начался активный поиск путей выхода из создавшегося положения. Один из них виделся в более активном привлечении ведомств агентурного шпионажа к совместной работе с целью снабжения ключами, схемами шифр-аппаратуры и открытыми текстами.

Итак, радиوشпионская деятельность на практике дает возможность ознакомиться с содержанием в лучшем случае 1 из 20 перехваченных криптограмм. При этом подавляющее большинство прочитанных с его помощью шифрсообщений черпается из основных линий связи государств третьего мира или из второстепенных линий супердержав. Спрашивается, стоит ли затрачивать столько усилий ради получения полной информации о странах, которые не играют заметной роли на мировой арене? Или мелкомасштабных шпионских данных о странах, задающих тон в политике? КRYPTOаналитики

уверены в том, что стоит. С этим мнением солидарны и политики, которым крайне важно быть посвященными во все детали постоянно меняющейся политической картины мира.

Радиошпионаж представляет собой предмет роскоши, обзавестись которым не в состоянии стесненное в средствах государство. Ответ на вопрос о его целесообразности зависит от того, на что были бы потрачены средства, которые необходимы для ведения радиошпионажа. Если правительство собирается завести несколько лишних атомных подводных лодок, или стратегических бомбардировщиков, или баллистических ракет, то вложение средств в развитие радиошпионажа выглядит более предпочтительным. Радиошпионаж обойдется дешевле, а инвестиции в него дадут большую отдачу.

Что дальше?

Какое будущее ждет радиошпионаж — покажет время. Знакомство же с историей радиошпионских ведомств неопровержимо свидетельствует, что расходы на их содержание и развитие оказались отнюдь не напрасными и с лихвой окупились, несмотря на все провалы и промахи. В выигрыше оказались в первую очередь те державы, которые совместными усилиями сумели создать наиболее развитую систему радиошпионажа. К началу 90-х годов в связи с развалом СССР, долгие годы занимавшего одно из лидирующих мест в сфере радиоразведки, мир безраздельно оказался под «радиошпионским колпаком» у англичан и американцев, хотя человечество не сразу во всей полноте осознало зловещие последствия нового расклада сил.

Дело в том, что люди никогда не умели пользоваться опытом своих прошлых несчастий. Человечество неизменно ожидало, что насилие появится в том же виде, в каком оно приходило на историческую сцену в последний раз. Символические пьесы 50-х годов всегда включали в число действующих лиц силы зла — молодчиков в черной коже и высоких сапогах. Но пока искусство занималось перевариванием опыта прошлых катастроф, новое насилие преспокойно проникло в нашу жизнь и, неузнанное, удобно в ней разместилось. Подслушивая всю планету с более чем 4 тыс. баз, разбросанных по всему земному шару, американский радиошпионаж тем не менее не вызывал у землян беспокойства. Очевидно, в значительной степени потому, что 200 тыс. сотрудников АНБ были математиками и инженерами, а не лихими молодчиками в униформе. Такова инерция мышления: мировая общественность возмущалась насильственными действиями расистов в Южной Африке, а к АНБ относилась безразлично.

О дальнейшем развитии мирового радиошпионажа на рубеже веков можно сделать следующий краткий прогноз. Во-первых, масштабы деятельности государственных ведомств радиошпионажа и их финансирование по меньшей мере не уменьшатся. Во-вторых, значительно большее внимание будет уделяться добыванию конкретной экономической информации (о новых товарах, технологиях, торговых сделках и банковских операциях). И в-третьих, более интенсивно и широко будет развиваться радиошпионская деятельность по извлечению информации из коммерческих линий связи, компьютеров и банков данных.

Радиошпионаж, являясь неотъемлемой чертой всякого развитого государственного устройства в XX веке, пережил и нацистский рейх, и британскую империю, и мировой социалистический лагерь. Надо полагать, сохранит радиошпионаж свою роль и в следующем столетии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агабеков Г. ЧК за работой. — М. 1992.
Алданов М. Мата Хари // Совершенно секретно. — 1992. — № 12.
Альбац Е., Геворкян Н. Неизвестный нам КГБ // Московские новости. — 1991. — 3 марта.
- Андрианов В. Четыре портрета. — М., 1993.
Баррон Д. КГБ сегодня. — СПб., 1992.
Берк Ш. Побег агента — двойника Джорджа Блейка. — М., 1992.
Блейк Дж. Исповедь. — М., 1991.
Болтунов М. Альфа — сверхсекретный отряд КГБ. — М., 1992.
Бурбыга Н. Рыбный день в ЦРУ // Известия. — 1994. — 1 марта.
Быстролетов Д. Пир бессмертных. — М., 1993.
Вайда П. Опасный враг. — М., 1980.
Вартанесян В.А. Радиоэлектронная разведка. — М., 1975.
Волков О., Умнов В. Кто научил телефон президента держать язык за зубами // Комсомольская правда. — 1992. — 1 мая.
- Вольтон Т. КГБ во Франции. — М., 1993.
Вудворд Б. Признание шефа разведки. — М., 1990.
Гамильтон В. Я выбрал свободу // Известия. — 1963. — 23 июля.
Гасанов Р. Шпионаж и бизнес. — М., 1993.
Даллес А. Искусство разведки. — М., 1992.
Джонсон Р. Поражение цели // За рубежом. — 1987. — № 24.
Доклад КГБ СССР об итогах оперативно-служебной деятельности // Источник. — 1993. — № 1.
Донской М. Защита от кого? // Мир ПК. — 1993. — № 2.
Дорошенко В., Кочеров В. РУМО // Обозреватель. — 1995. — № 2.
- Елин Л., Исаков К., Флюм О., Якобсен А. КГБ в твоей постели // Новое время. — 1993. — № 14.
Калугин О. Прощай, Лубянка! — М., 1995.
Калуго Л. Лесной спрут Мэриленда // За рубежом. — 1968. — № 12.
Карпович Б. Пат Электронное Ухо // Советская Россия. — 1968. — 22 сентября.
КГБ открывает тайны. — М., 1992.
Кононенко В. Кто у кого в России под колпаком? // Известия. — 1995. — 26 апр.
Копелев Л. Утоли мои печали. — М., 1991.
Краткая запись опроса генерал-полковника Йодля от 17 июня 1945 года // Служба безопасности. — 1995. — № 1-2.
- Леонов Н. Лихолетье. — М., 1994.
Лимонов Э. Исчезновение варваров // Глагол. — 1992. — № 9.

Лиханов Д. Рядовые любви // Совершенно секретно. — 1993. — № 4.
Лобахин В. Агентство национальной безопасности США // Защита информации. — 1992. — № 1.
Мазер И. Дипломаты и дипломатия // За рубежом. — 1993. — № 17.
Манн П. Переоценка сахалинского инцидента // За рубежом. — 1984. — № 27.
Маркстти В!, Маркс Д. ЦРУ и культ разведки. — М., 1975.
Маркс Д. Супершпион жил в ГДР // За рубежом. — 1993. — № 17.

Мартин Д. Дворец головоломок // За рубежом. — 1983. — № 24.
Мартин Д. Дырка Харви // Совершенно секретно. — 1993. — № 7.
Милыптейн М. Новые документы о предательстве века // Совершенно секретно. — 1995. — № 3.
Михайлов Б. Сладкий рай, ведущий в ад // НЛО. — 1992. — № 12.
Надеин В. Он любил деньги, выпивку и себя // Известия. — 1994. — 30 июля.
Надеин В. Даже разгадав советские шифры, США не уберегли свой атом от шпионов // Известия. — 1995. — 13 июля.
Найтли Ф. Шпионы XX века. — М., 1994.

Овчаренко Г. Совершенно секретно // Правда. — 1990. — 16 сент.
Олегов Б. Черчилль верил астрологам // Всякая всячина. — 1993. — № 19.
Опасная деятельность Агентства безопасности США // Красная звезда. — 1960. — 7 сент.
Островский В., Холл К. Я был агентом Моссад. — М., 1992.
Павлов В. Операция Центр // Новости разведки и контрразведки. — 1994. — № 23 — 24.
Паршин Л. Чертовщина в американском посольстве в Москве. — М., 1991.
Перевозкина М. У Запада не было агрессивных планов в отношении СССР // Экспресс-хроника. — 1992. — 13 февр.

Перро Ж. Красная капелла. — М., 1990.
Пестов С. Канадская бомба // Совершенно секретно. — 1994. — № 11.
Пестов С. Бомба. Тайны и страсти атомной преисподней. — СПб., 1995.
Польской Г. Моссад против ФБР // Новости разведки и контрразведки. — 1994. — № 7-8.
Польской Г. Трагедия Маты Хари // Новости разведки и контрразведки. — 1994. — № 21-22.
По следам подводных катастроф. — М., 1992.
Радышевский Д. Дружественный шпион может и посидеть // Московские новости. — 1994. — № 13.

Ронге М. Разведка и контрразведка. — М., 1937.
Роуан Р. Очерки секретной службы. — М., 1946. Секретные документы Пентагона об агрессии США в Индокитае // Бюллетень почтовой информации ТАСС. — 1971.
Сидорчук А. Новый персонаж в деле Эймса // Новости разведки и контрразведки. — 1994. — № 21-22.
Славицкий М. Спецслужбы Франции // Служба безопасности. — 1995. — № 1-2.
Снегирев В. Другая жизнь Дмитрия Быстролетова. — М., 1992.
Соболева Т. Тайнопись в истории России. — М., 1994. Суворов В. Аквариум. — М., 1991.

Тарле Е. Европа в эпоху империализма. — М., 1957.
Тимохин Е. ГРУ: из этого здания виден весь мир // Красная звезда. — 1992. — 29 апр.
Тихонов А. Операция Анадырь // Новости разведки и контрразведки. — 1993. — № 1.
Треппер Л. Большая игра. — М., 1990.
Тульский З. Фашистская разведка средствами связи // Связь Красной Армии. — 1942. — № 4.
Уайз Д. Охота на кротов. — М., 1994.
Удилов В. Записки контрразведчика. — М., 1994.
Уинтерботэм Ф. Операция «Ультра». — М., 1978.

Феклисов А. За океаном и на острове. — М., 1994.
Фишер Дж. Берджесс и Маклин. — М., 1979.
Фролов Г. Тайны тайнописи. — М., 1992.
Черняк Е. Пять столетий тайной войны. — М., 1991.
Швец Ю. Тюбик для резидента // Совершенно секретно. — 1993. — № 7.
Шебаршин Л. Рука Москвы. — М., 1992.
Шебаршин Л. Из жизни начальника разведки. — М., 1994.
Шектер Д., Дерябин П. Шпион, который спас мир. — М., 1993.
Шелленберг В. Мемуары. — М., 1991.
Эйджи Ф. За кулисами ЦРУ. — М., 1979.

Эндрю К., Горд неевский О. КГБ: история внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. — М., 1992.
Adams J. The new spies. — L., 1994.
Adams J. Sell out. Aldrich Ames and the corruption of the CIA. — N.-Y., 1995.
Andrew C. Churchill and intelligence // Intelligence and national security. — 1988. — № 3.
Ball D. Soviet signals intelligence. — Canberra, 1989.
Bamford J. The puzzle palace. — Boston, 1982.
Barker W.G., Coffman R.E. The anatomy of two traitors. — N.-Y., 1981.

Bower T. The perfect English spy. — L., 1995.
Bristow D., Bristow B. Game of moles. — L., 1995.
Cameron D.W. Francis Gerbert King: a Soviet source in the Foreign Office // Intelligence and national security. — 1988. — № 4.
Copeland M. Without cloak or dagger. — N.-Y., 1974.
Frost M., Gratton M. Spy world. — Toronto, 1994.
Gordievsky O. Next stop execution. — L., 1995.
Jukes G. The Soviets and the Ultra // Intelligence and national security. — 1988. — № 2.

Kahn D. The codebreakers. — N.-Y., 1967.
Kahn D. Hitler's spies. — N.-Y., 1978.
Kahn D. Kahn on codes. — N.-Y., 1983.
Kalugin O. Spymaster. — L., 1995.
Kessler R. Spy vs. spy. — L., 1988.
Malone W.S., Cran W. Code name catastrophe // Washington Post. — 1989. — January 22.
Payne R. Mossad. — L., 1993.

Powers F., Gentry C. Operation Overflight. The U-2 Spy Pilot Tells His Story For the First Time. — N.-Y., 1970.

Schlesinger R. Principles of electronic warfare. — N.-Y., 1961.

Sheimov V. Tower of secrets. —Annapolis, 1993.

Sudoplatov P., Sudoplatov A., Schechter J., Schechter L. Special tasks. — L., 1994.

West N. GCHQ. The secret wireless war (1900-86). — L., 1986.